АКАДЕМИЯ НАУК СССР

4
Д-44

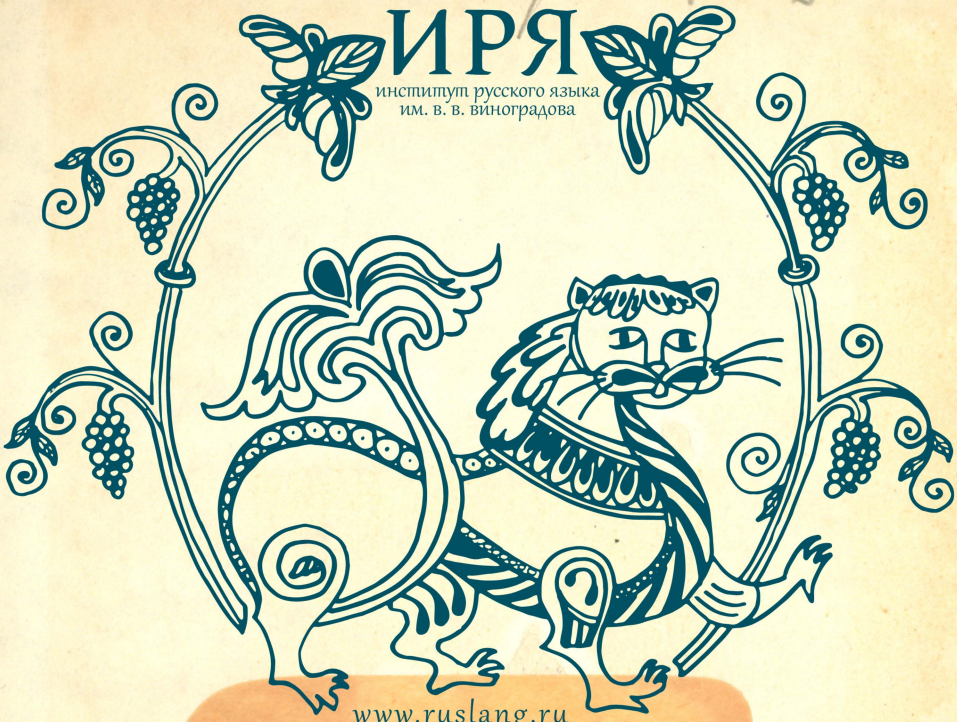
ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

РЯ-диалект-Вып 7

ИРЯ

институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

72488

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва · 1977

Сборник содержит исследования по фонетике, грамматике, словообразованию и лексике. В нем разрабатываются актуальные вопросы, существенные для решения ряда проблем описательной и исторической диалектологии, взаимодействия нормированного языка и диалекта. Большая часть статей по проблематике и материалу связана с работой над Диалектологическим атласом русского языка, осуществляемой в Институте русского языка АН СССР. Значительное место в сборнике занимают исследования, основанные на собственных записях авторов. В ряде работ используются методы экспериментально-фонетического изучения говоров.

Редакционная коллегия:

Р. И. АВАНЕСОВ (ответственный редактор),
Ю. С. АЗАРХ, Л. Н. БУЛАТОВА, В. В. ИВАНОВ

4
Д-44

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУС[illegible] ЯЗЫКА
АН-ТА ЯЗЫК[illegible] АН СССР

72488

20

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Утверждено к печати Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства *Н. Н. Барская*. Художественный редактор *Т. П. Поленова*
Художник *Г. А. Астафьева*. Технический редактор *С. Г. Тихомирова*
Корректор *Н. И. Казарина*

Сдано в набор 21/III 1977 г. Подпис. к печ. 8/IX 1977 г. Формат $60\times90^1/_{16}$. Бумага № 1.
Усл. печ. л. 20. Уч.-изд. л. 21.3. Тираж 3700. Тип. зак. № 228. Цена *1 р. 80 к.*

Издательство «Наука». 117485, Москва, Профсоюзная ул., д. 94а

1-я типография издательства «Наука», 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

Д $\frac{70102-312}{042(02)-77}$ 356—77

© Издательство «Наука», 1977 г.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

Н. Н. ПШЕНИЧНОВА

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА ТАКСОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА К КЛАССИФИКАЦИИ ГОВОРОВ[1]

Проблема классификации говоров, являющаяся частным случаем классификации языков, может быть рассмотрена как классификация объектов и явлений вообще и как классификация объектов и явлений с качественными признаками в частности. В этом случае объекты, т. е. говоры, могут рассматриваться как вне территориального, так и вне исторического аспектов. Результаты классификации могут быть сопоставлены с соответствующими данными, полученными другими методами, в частности с лингвогеографическими, а также этнографическими и социолого-историческими.

Как известно, цель классификации в принципе заключается в установлении классов (т. е. подчиненных множеств) объектов с жесткими границами между этими классами. При этом, если обнаруживаются так называемые переходные классы, следует перестраивать всю классификацию, т. е. необходимо прежде всего менять основание, по которому производилось деление [2]. Однако возможны и такие случаи, когда рассматриваемые объекты по сходствам и различиям между ними не могут быть сгруппированы в классы ни по одному из выбираемых оснований, а образуют континуум, который может быть разделен на группы (и их подгруппы) только условно.

Применительно к говорам данная ситуация может быть описана следующим образом. Если в результате анализа материала выделяются некоторые группы говоров (и устанавливаются иерархические отношения между ними), следует считать, что полученные единицы деления соответствуют единицам, существующим в природе, и в этом случае классификация считается естественной. Если же анализ материала показал, что различия между говорами нарастают постепенно, тогда либо следует изменить основание классификации, либо, если основание было выбрано

[1] Говор понимается как частная диалектная система.
[2] Ср. БСЭ, изд. 2, т. 2, стр. 363.

правильно [3], может быть проведено условное деление всего континуума [4] говоров на произвольное число групп. В этом случае единицы диалектного членения будут представлять собой условные классификационные понятия. Кроме того, диалектный язык во всей совокупности составляющих его говоров с рассматриваемой точки зрения может иметь как бы «комбинированный» характер, т. е., с одной стороны, выделяются две или более разных групп говоров, а с другой стороны, обнаруживаются говоры, которые по наличию или отсутствию в них различительных признаков [5], лежащих в основании классификации, образуют как бы постепенный переход от одной (одних) группы (групп) к другой (другим). В таком случае выделившиеся группы могут соответствовать группам, действительно существующим в природе, и потому могут считаться естественными. Однако наличие говоров, переходных между двумя группами, свидетельствует о том, что в целом полученное деление только условно может быть названо классификацией. В таких случаях целесообразно попытаться изменить основание деления, так как отсутствие классов может быть следствием того, что в качестве основания были взяты классификационно незначимые признаки, затемнившие общую картину. Возможно также, что такой «комбинированный» характер в действительности присущ данному диалектному языку и никакие изменения в выборе основания не могут привести к выделению непересекающихся классов с жесткими границами между ними.

Известно, что в тех случаях, когда объекты обладают большим количеством признаков, часто оказывается целесообразным создание «скользящей» классификации. Как отмечает Р. И. Аванесов, диалекты также выделяются по «скользящей» классификации, причем предпочтительность одного деления (по одному комплексу признаков) перед другим (по другому комплексу признаков) определяется внеязыковыми факторами [6]. Вопрос о том, какому делению отдать предпочтение, связан с проблемой выбора признаков в качестве основания классификации. Критерии отбора признаков определяются задачами и принципами классификации. В частности, группировка русских говоров построена на основе лингвогеографического метода анализа диалектного материала [7], теоретические основы которого изложены в целом ряде работ Р. И. Аванесова и его сотрудников [8].

---

[3] Критерии правильности отбора признаков в качестве основания классификации здесь не рассматриваются.

[4] О содержании понятия «континуум» см. далее, стр. 10.

[5] Далее будем говорить о признаках, имея в виду различительные признаки.

[6] *Р. И. Аванесов.* Описательная диалектология и история языка. «Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963)». М., 1963, стр. 304—305.

[7] *К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова.* Диалектное членение русского языка. М., 1970.

[8] О принципах выделения диалектов см., напр.: «Вопросы теории лингвистической географии». Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1962, стр. 25—27, 233—

Для получения наиболее обоснованных результатов целесообразно проводить классификацию объектов, в данном случае говоров, разными методами и затем сравнить полученные выводы. Успешное применение разных методов классификации позволило бы подтвердить или уточнить те или иные единицы диалектного членения, разъяснить некоторые спорные или неясные случаи.

Изучение русских говоров методом лингвистической географии показало, что русский диалектный язык с точки зрения диалектного членения имеет такой «комбинированный» характер, о котором было сказано выше [9]. Это отражено и в группировке русских говоров, осуществленной К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой [10]. Данная группировка, как отмечают и сами авторы ее, является не классификацией в полном смысле этого слова, а именно группировкой [11], с границами между членами диалектного деления, до некоторой степени условными [12]. В связи с этим важно было бы сопоставить полученную группировку с классификацией говоров, проведенной вне территориального или исторического аспектов [13].

Для того чтобы выводы такой классификации были наиболее обоснованными, желательно отобранные (в соответствии с определенными принципами и задачами) в качестве основания классификации признаки оценивать в процедуре самой классификации по степени их классификационной существенности и строить классификацию на основе учета этой существенности. Целесообразно было бы также степень существенности отобранных признаков определять без учета разного рода соображений об их историко-генетической или структурной значимости, которые часто бывают спорными, а лишь на основании данных о наличии или отсутствии этих признаков в классифицируемых говорах.

Одним из путей объективного решения проблемы могло бы стать использование математических методов классификации [14].

240; *Р. И. Аванесов.* Указ. соч., стр. 302—308; *О. Н. Мораховская.* Проблематика исследований, связанных с методом лингвистического картографирования (на материале Диалектологического атласа русского языка). «Вопросы диалектологии восточнославянских языков». М., 1964, стр. 60—75; «Русская диалектология». Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964; «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров (по материалам лингвистической географии)». Под ред. В. Г. Орловой. М., 1970, стр. 8—11; *К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова.* Указ. соч.

[9] См. работы, указанные в сн. 8.

[10] *К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова.* Указ. соч.

[11] Там же, стр. 18.

[12] Там же, стр. 40—41, 45.

[13] Ср.: «Следует также иметь в виду, что возможность создания иной группировки или классификации говоров русского языка не исключается, она возможна как в результате обработки данных лингвистической географии на основе иной методики, так и при опоре на сведения о говорах, полученные в результате их изучения иными (не лингвогеографическими) методами» (*К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова.* Указ. соч., стр. 6).

[14] Такая классификация на основании б о л ь ш о г о ч и с л а п р и з н а к о в (100) в советском языкознании впервые была осуществлена акаде-

В данной работе для решения поставленной задачи используется метод таксономического анализа известного советского ученого проф. Е. С. Смирнова, применяемый в биологии [15].

Для успешного решения поставленной задачи необходимо, чтобы избранный метод оказался эффективным применительно к нашим целям. Задачей данной статьи и является проверка эффективности этого метода и приспособление его для специфических условий, возникающих при классификации говоров. Для этого проводится предварительный эксперимент, результаты которого сопоставляются с выводами, полученными другим методом.

В качестве предварительного эксперимента классифицируются говоры 100 нас. п., занимающих территорию между 55° и 59° с. ш. и 32° и 33° в. д. По современной группировке эти говоры относятся к шести разным единицам диалектного членения, что и определило их выбор для данного эксперимента.

Избранный метод позволяет учитывать любое количество признаков. Однако в предварительном эксперименте за основание классификации были приняты не все отмеченные в говорах различительные признаки, а специальным образом отобранные. Всего в качестве основания классификации в предварительном эксперименте было принято 159 признаков (практически признаков учитывается значительно больше [16]).

Группировка русских говоров, построенная К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой [17] строго в соответствии с принципами лингвистической географии, т. е. в результате изучения «. . . лингвистического ландшафта языка и присущих ему закономерностей» [18], очень логична и последовательна. Группировка проведена на основе анализа б о л ь ш о г о количества признаков, изученных в их территориальной проекции, с у ч е т о м с т е п е н и с у щ е с т в е н н о с т и этих признаков в зависимости от ха-

---

миком АН АрмССР Г. Б. Джаукяном. См.: *Г. Б. Джаукян.* К обоснованию новой диалектологической дисциплины — диалектной статистики. — В кн.: «Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. Тбилиси, 17—19 ноября 1969 (Тезисы докладов)». М., 1969; *Он же.* Статистический метод изучения диалектов и их истории (на материале армянского языка) (текст доклада на VII Международном конгрессе социологов в г. Варне 14—19 сентября 1970 г.). Ереван, 1970 (ротапринт); *Он же.* Многопризнаковая статистическая классификация армянских диалектов.— ВЯ, 1972, № 4. — Выводы классификации очень убедительны. В то же время они могли бы стать еще более обоснованными, если бы признаки не считались равноправными, а число уровней и единиц диалектного членения — заранее заданным.

[15] *Е. С. Смирнов.* Таксономический анализ. М., 1969.

[16] Если признак является одним из членов двучленного межсистемного соответствия, то отсутствие в говоре признака означает тем самым наличие в том же говоре противопоставленного ему члена данного межсистемного соответствия. (Например, отсутствие в говоре оканья вместе с тем означает наличие в нем аканья). В таких случаях достаточно сведений об одном из противопоставленных членов.

[17] Далее — «группировка».

[18] *К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова.* Указ. соч., стр. 10.

рактера ареала их распространения [19]. В группировке найден правильный критерий существенности разных пучков изоглосс для диалектного членения, и потому данные в ней обоснования выделившихся единиц диалектного членения убедительны. В связи со сказанным можно считать критерием эффективности метода степень совпадения наших выводов с выводами К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой.

Необходимо отметить, что некоторые расхождения в сравниваемых результатах неизбежны, но эти расхождения не говорят о неэффективности избранного метода. Они могут касаться как перечня населенных пунктов, говоры которых входят в ту или иную единицу диалектного членения, так и комплекса признаков, характеризующих выделенные единицы диалектного членения. Такие расхождения прежде всего связаны с тем, что применяемый нами метод позволяет провести для всех рассматриваемых говоров одну классификацию по многопризнаковому основанию, в то время как авторы группировки получают на основании одних различительных признаков одну группировку, основную, по другим признакам — другую (зоны), которая носит как бы подчиненный характер [20]. Кроме того, различия в выводах могут быть обусловлены следующим. В нашей классификации оказываются не учтенными признаки, различительные в масштабе русского диалектного языка в целом, но не являющиеся различительными для данных 100 говоров. С другой стороны, некоторые из учтенных нами признаков не участвуют в группировке, так как на всей территории, для говоров которой создавалась группировка, они не образуют компактных ареалов распространения [21].

Основная идея метода таксономического анализа сводится к следующему. Все качественные признаки должны быть представлены в количественной форме в виде таблицы, число строк которой s соответствует числу говоров, а число столбцов n — числу

---

[19] «Основой для построения языкового комплекса каждого отдельно взятого диалектного объединения являлись черты, территориальное распространение которых отличалось наибольшей определенностью и потому дало основание для в ы д е л е н и я данного объединения» (*К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова.* Указ. соч., стр. 16—17).

[20] Группировка практически близка к «скользящей» классификации: по наличию или отсутствию признаков одного комплекса выделяются севернорусское и южнорусское наречие и переходные говоры, что соответствует ходу сложения наречий (*К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова.* Указ. соч., стр. 19), по другим комплексам признаков выделяются диалектные зоны, возникновение которых обусловлено действием в определенные исторические моменты местных тенденций языкового развития (там же, стр. 44). В отличие от собственно «скользящей» классификации группировка характеризуется тем, что признаки, выделяющие диалектные зоны, не участвуют в выделении наречий и составляющих их групп говоров, но в характеристику последних эти признаки входят.

[21] Такого типа признаки в группировке не учитывались при установлении единиц диалектного членения, но в характеристику выделившихся единиц они включались (*К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова.* Указ. соч., стр. 13—18).

признаков. В каждой клетке таблицы ставится индекс 1, если соответствующий признак в данном говоре есть, 0 — если признака нет [22].

Далее проводится попарное сравнение всех классифицируемых говоров. С этой целью вводится понятие таксономического отношения, которое характеризует степень близости двух сравниваемых говоров. Таксономическое отношение говоров с номерами i и j равно

$$t_{ij}=\frac{1}{n}\sum_{r=1}^{n} w_r. \qquad (1)$$

В этой формуле величина w_r принимает значения $w_r=(s-k_r)/k_r$, если в r-ом столбце i-той и j-той строк стоят единицы (т. е. r-й признак есть в обоих сравниваемых говорах); $w_r=k_r/(s-k_r)$, если в r-м столбце i-той и j-той строк стоят нули (т. е. r-й признак отсутствует в обоих сравниваемых говорах); $w_r=-1$, если в r-м столбце i-той строки стоит единица (нуль), а j-той строки — стоит нуль (единица).

Значение k_r равно числу единиц, содержащихся в r-м столбце исходной таблицы, относящемуся ко всем s объектам.

Чем больше величина t_{ij}, тем теснее связь между говорами с номерами i и j (т. е. тем больше общих признаков у говоров с номерами i и j и/или тем существеннее признаки, общие у этих говоров).

При $t_{ij} \geqslant 0$ связь между говорами i и j называется положительной, а при $t_{ij} < 0$ — отрицательной.

Можно отметить, что в работах Р. Сокэла и П. Снита и их последователей в разных областях науки признаки считаются равноправными. В этом случае степень близости между объектами определяется величиной отношения числа совпадающих

---

[22] По Е. С. Смирнову, таблица вместо единиц и нулей заполняется соответственно знаками плюс или минус. Принятое здесь заполнение таблиц связано с тем, что далее будет рассматриваться более общий случай, когда материал неполон, т. е. когда относительно некоторых говоров неизвестно наличие или отсутствие в них некоторого признака.

Утверждение «нет признака» является до некоторой степени условным, как при всяком дихотомическом делении объема понятия на два противоречащих друг другу видовых понятия: «противоречащее понятие после деления остается неопределенным» (БСЭ, изд. 2, т. 14, стр. 549). В то же время классификация, основанная на дихотомическом делении объема понятия признака, имеет свои преимущества. Объективность же классификации должна обусловливаться, в частности, таким ее свойством, как способность обладать предсказуемостью. Это свойство классификации (говоров) можно понимать следующим образом: если говор принадлежит единице диалектного членения, в характеристику которой входит признак, не отмеченный в данном говоре, то можно предполагать с тем большей вероятностью, чем выше классификационная существенность этого признака для этой единицы диалектного членения, что и в данном говоре этот признак есть или был в прошлом (что можно проверить при повторном обследовании говора).

№№ по атласам	№ п/п	1 5 10 15 20 25 30 35 40 45 50 55 60 65 70 75 80 85 90 95 100
С-179	1	
С-180		
С-333		
С-334		
С-335	5	
С-336		
С-337		
С-338		
С-339		
С-340	10	
С-341		
С-342		
С-343		
С-344		
С-345	15	
С-346		
С-347		
С-348		
С-349		
С-350	20	
С-351		
С-352		
С-353		
С-516		
С-517	25	
С-518		
С-519		
С-520		
С-521		
С-522	30	
С-523		
С-524		
С-525		
С-526		
С-527	35	
С-528		
С-529		
С-530		
С-531		
С-532	40	
С-533		
С-534		
С-535		
С-536		
С-537	45	
С-538		
С-539		
С-540		
З-107		
З-108	50	
З-109		
З-110		
З-111		
З-112		
З-113	55	
З-114		
З-115		
З-116		
З-117		
З-118	60	
З-119		
З-120		
З-121		
З-122		
З-123	65	
З-124		
З-125		
З-126		
З-127		
З-128	70	
З-129		
З-130		
З-131		
З-132		
З-323	75	
З-324		
З-325		
З-326		
З-327		
З-328	80	
З-329		
З-330		
З-331		
З-332		
З-333	85	
З-334		
З-335		
З-336		
З-337		
З-338	90	
З-339		
З-340		
З-341		
З-342		
З-343	95	
З-344		
З-345		
З-346		
З-347		
З-348	100	

Таблица 1. Таксономические отношения рассматриваемых говоров

Заказ № 228

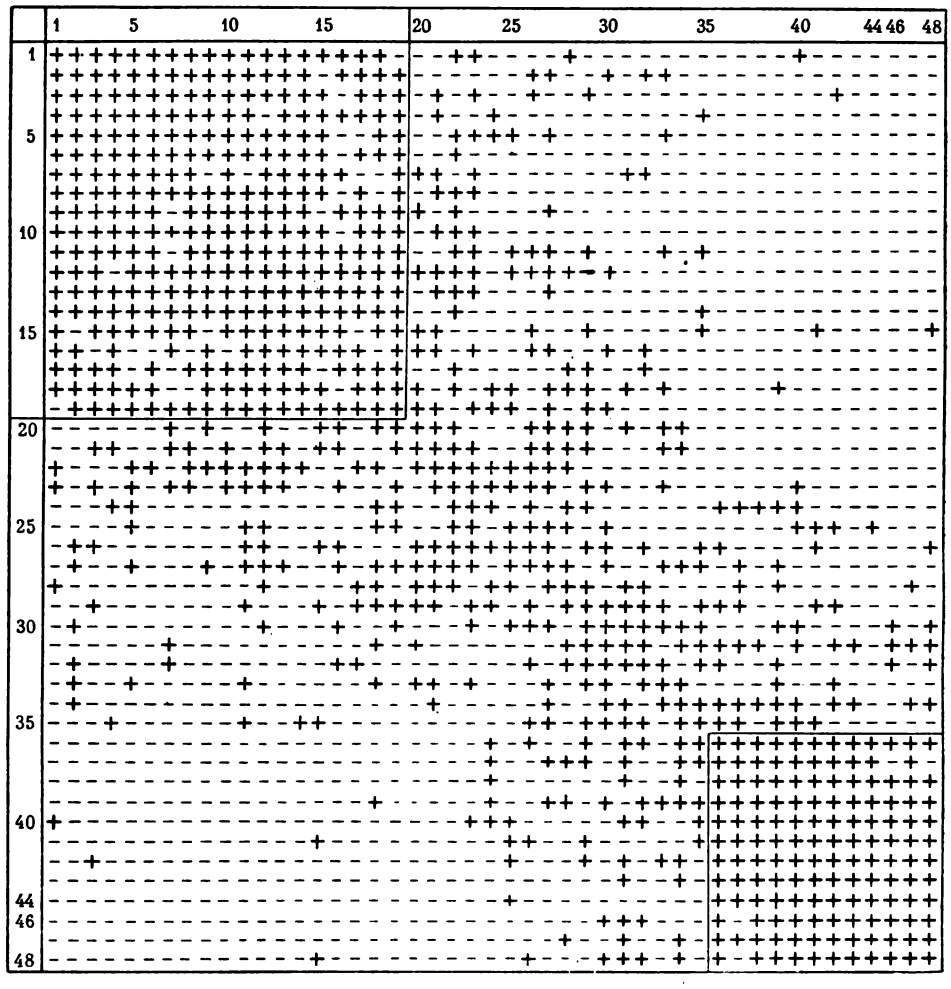

Таблица 2. Таксономические отношения говоров группы I

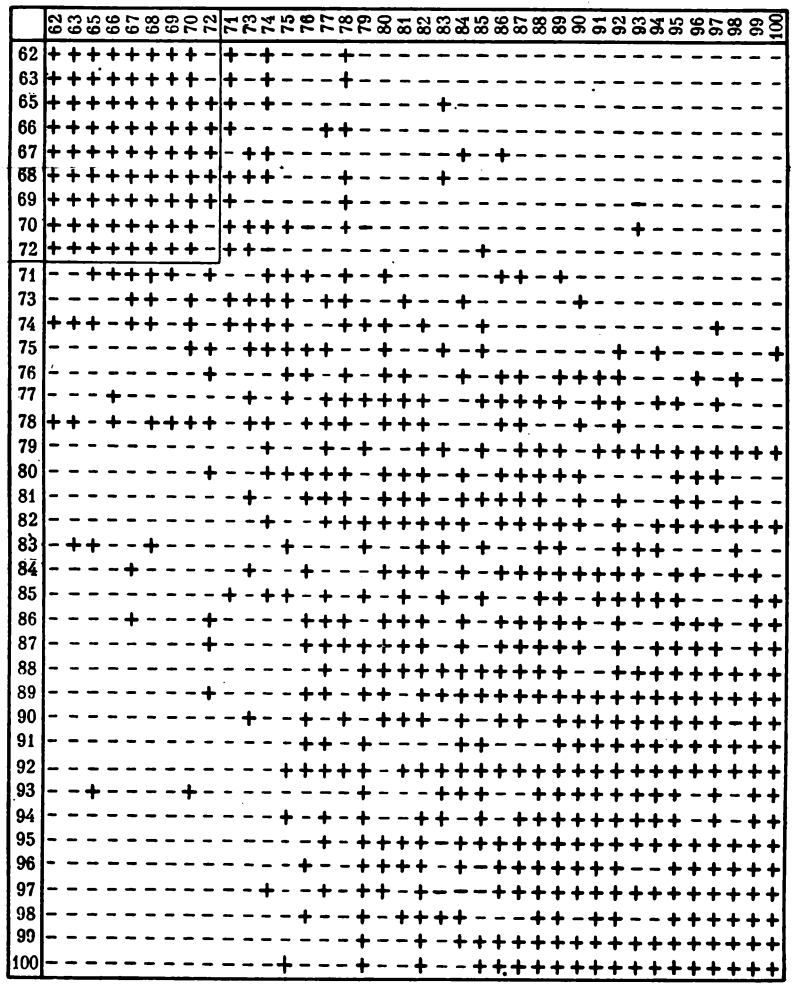

Таблица 3. Таксономические отношения говоров группы II

признаков к общему числу признаков [23]. Метод Е. С. Смирнова (формула (1)) позволяет при определении степени близости двух говоров совпадению говоров в редком признаке придавать больший вес, чем совпадению в признаке широко распространенном. Такой принцип оценки степени сходства представляется более логичным: естественно предполагать, что два говора с одним и тем же редким признаком скорее всего близки друг другу, а с еще большей вероятностью мы сможем говорить о большой степени близости двух говоров в том случае, если общими у них являются не один, а целая группа редких признаков. С другой стороны, совпадение двух говоров в признаке широко распространенном еще не говорит о большой близости данных двух говоров.

К сожалению, сведения о классифицируемых говорах не всегда бывают достаточно полными: в некоторых случаях клетки исходной таблицы нельзя заполнить ни единицами, ни нулями (отсутствуют сведения о наличии в говоре признака). Условимся в таких клетках ставить знак «—» (знак прочерка). Рассматриваемый метод может быть приспособлен для классификации говоров по неполным данным следующим образом. При сравнении степени близости двух говоров будем учитывать лишь те из признаков, для которых прочерки в исходной таблице отсутствуют одновременно у обоих говоров (т. е. степень близости таких говоров определяется на основании меньшего числа признаков).

Предлагаем обобщить формулу (1) для этого более общего случая:

$$t_{ij} = \frac{1}{n_{ij}} \sum_{r=1}^{n} w_r,$$

где n_{ij} — число признаков, участвующих в сравнении; $w_r = 0$, если в r-м столбце хотя бы в одной из строк (i-той или j-той) стоит прочерк (этот признак в сравнении не участвует). Если ни в i-той, ни в j-той строках столбца с номером r прочерков нет, величина w_r принимает те же значения, что и в формуле (1).

Изложенным методом были получены значения таксономического отношения (t_{ij}) для каждой пары из всех 100 говоров по всем 159 признакам [24].

Далее была составлена табл. 1, отражающая таксономические отношения рассматриваемых говоров. В этой таблице знаком плюс отмечены положительные значения таксономических отношений, знаком минус — отрицательные.

Данные этой таблицы интерпретируются следующим образом. Таблица отражает концентрацию как положительных (в правом

---

[23] См., напр.: *P. H. Sneath and R. R. Sokal.* Numerical taxonomy. «Nature» (London), 1962, v. 193; *R. R. Sokal and P. H. Sneath.* The principles of numerical taxonomy. San Francisko, 1963.

[24] Все необходимые вычисления были выполнены на ЭВМ.

нижнем и левом верхнем углах таблицы), так и отрицательных связей, т. е. можно говорить о том, что в общей совокупности говоров намечаются группы. В то же время достаточно четкого деления на группы нет, таблица отражает наличие «континуума положительных связей», т. е. все говоры могут быть объединены в форме цепочки через положительные значения t_{ij} [25].

В соответствии с методом Е. С. Смирнова входящими в одну группу следует считать говоры, имеющие только положительные связи друг с другом и только отрицательные — с объектами, входящими в другую группу. Говоры, не вошедшие в образовавшиеся указанным способом группы, относятся к переходным зонам. Следовательно, в переходные зоны войдут говоры, имеющие положительные связи с говорами по крайней мере двух различных групп.

Мы предлагаем считать возможным иногда относить в группу говор, имеющий отрицательные связи с незначительной частью говоров данной группы (при небольшом абсолютном значении таксономического отношения, т. е. при небольшом значении отрицательной связи), а также говор, имеющий положительную связь с незначительной частью объектов другой группы (при небольшом значении таксономического отношения).

Таблица 1, отражающая таксономические отношения рассматриваемых говоров, показала, что четкого деления на классы в данных говорах нет, так как при наличии значительной концентрации как положительных, так и отрицательных связей существует некоторая переходная зона, т. е. имеются говоры, которые в разной степени связывают одну группу с другой (положительные связи этих говоров образуют континуум). Учитывая это обстоятельство, входящими в одну группу считаем не только говоры, указанные выше, но также и такие, которые имеют положительные связи с говорами переходной зоны (но почти не имеют, как отмечалось выше, положительных связей с говорами другой группы). К говорам переходной зоны относим такие, которые имеют положительные связи как с первой, так и со второй группами.

Изложенное здесь понимание группы говоров (разных уровней деления), с одной стороны, и переходных говоров, представляющих собой гетерогенную совокупность (также разных уровней деления), с другой, хорошо согласуется с содержанием понятий наречия и составляющих его групп (а также подгрупп), с одной стороны, и переходных говоров, с другой, определяемых в соответствии с принципами лингвистической географии [26]. Это по-

---

[25] *Е. С. Смирнов.* Указ. соч., стр. 101. — Далее «континуум» употребляется в этом смысле.

[26] Ср. определение наречия и составляющих его групп (а также подгрупп) и переходных говоров в кн.: *К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова.* Указ. соч., стр. 19—26.

зволяет считать, что в классификации всех говоров данного языка, проводимой изложенным методом, члены деления (разных рангов) в принятом здесь понимании могут рассматриваться соответственно как наречия и составляющие их группы (и подгруппы) говоров, с одной стороны, и зоны переходных говоров (или, иначе, переходные говоры) разных уровней деления, с другой.

Для рассмотренного здесь случая введем следующие обозначения членов деления: I (группа говоров нас. п. № 1—44, 46, 47, 48), II (группа говоров нас. п. № 62, 63, 65—100), П (переходные говоры нас. п. № 45, 49—61, 64) [27].

Обнаружение переходной зоны (П) говорит о том, что составленная нами классификация является до некоторой степени условной: выделившиеся группы (I и II) можно считать группами, соответствующими тем, которые есть в действительности, в то время как всякое деление переходной зоны (П) может быть лишь чисто условным.

Каждую из выделившихся групп снова подвергаем операции деления тем же методом. Данные о таксономических отношениях говоров групп I и II представлены в табл. 2 и 3, которые интерпретируются таким же образом, что и данные табл. 1.

Таблица 2 отражает следующее деление группы I : I_1 (подгруппа говоров нас. п. № 1—19), I_2 (подгруппа говоров нас. п. № 36—44, 46, 47, 48), $I_п$ (зона переходных говоров нас. п. № 20—35).

Данные табл. 3 указывают на то, что в группе II выделяется одна подгруппа говоров II_1 (нас. п. № 62, 63, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 72); все остальные говоры образуют переходную зону $II_п$ (нас. п. № 71, 73, 74, 75—100). Говоры $II_п$ представляют собой гетерогенную совокупность, в которой положительные связи образуют континуум. Эта совокупность связана с группой II_1 говорами нас. п. № 71, 73, 74, 78, 83, которые имеют большое число положительных связей с группой II_1.

Таким образом, рассматриваемые говоры по сходствам и различиям между ними (по признакам, взятым в качестве основания деления) представляют собой континуум. Изложенным выше методом был установлен характер континуума.

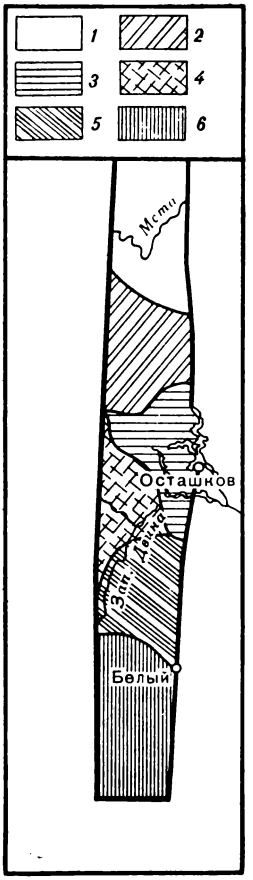
Результаты таксономического анализа говоров отражены на карте-схеме 2.

Границы членов деления рассмотренной совокупности говоров, полученные изложенным методом и по группировке К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой, в целом совпадают [28]. При этом показа-

---

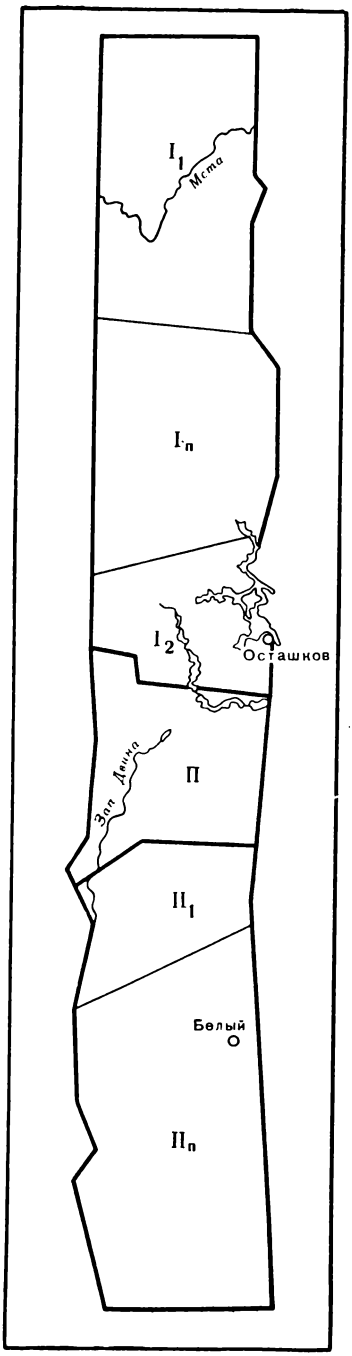
[27] Здесь и далее приводятся порядковые номера нас. п., говоры которых классифицируются. В табл. 1 даются, кроме того, соответствующие им номера и индексы следующих атласов: С — «Атлас русских говоров центральных областей к северу от Москвы»; З — «Атлас русских народных говоров центральных областей к западу от Москвы».

[28] Здесь и далее имеются в виду те части единиц диалектного членения русского языка, которые находятся в пределах данных 100 говоров.

Карта-схема 1. Членение говоров по группировке К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой

Северное наречие: *1* — Ладого-Тихвинская группа; среднерусские говоры: *2* — Новгородские говоры, *3* — Селигеро-Торжковские говоры, *4* — Псковская группа; южное наречие: *5* — Верхне-Днепровская группа, *6* — Западная группа

Карта-схема 2. Деление говоров методом таксономического анализа

тельно, что совокупности говоров, в нашем делении представляющие собой группы или их подгруппы, лингвогеографическим методом выделяются как участки взаимоналожения наибольшего числа ареалов; говоры, в нашем делении представляющие собой гетерогенные совокупности, которые только условно могут быть приняты за группы, лингвогеографическим методом выделяются как зоны вибраций.

Некоторые расхождения границ следует объяснить причинами, о которых говорилось выше. Эти расхождения касаются прежде всего тех говоров, которые по группировке относятся к севернорусскому наречию и среднерусским говорам, а по нашему делению — к группе I и говорам II. Кроме того, в делении методом таксономического анализа группа I оказалась более продвинутой к югу, чем севернорусское наречие группировки: южная граница группы I почти совпадает с юго-западной границей Селигеро-Торжковских говоров (среднерусские). Границы членов деления группы I соответствуют следующим границам группировки: группа I_1 совпадает с севернорусским наречием группировки (Ладого-Тихвинская группа), говоры $I_п$ совпадают с Новгородскими говорами (западные среднерусские окающие говоры), группа I_2 почти полностью совпадает с Селигеро-Торжковскими говорами (западные среднерусские акающие говоры). Что касается границы группы II, то она совпадает с границей южнорусского наречия, а члены деления этой группы II_1 и $II_п$ совпадают соответственно с Западной и Верхне-Днепровской группами южнорусского наречия.

Таким образом, основные расхождения сравниваемых результатов состоят в отнесении полученных единиц деления к разным уровням деления (одни и те же единицы оказались в группировке и нашем делении единицами разного ранга). По классификации изложенным методом говоры групп I_2 и $I_п$ оказались такими, которые имеют значительно большую степень близости друг с другом и с говорами группы I_1, чем с говорами II, в отличие от того, как они определены в группировке.

Как уже отмечалось выше, данные расхождения могут быть связаны с тем, что в нашем делении участвовали признаки, которые не учитывались в группировке. Распределение этих признаков по их наличию или отсутствию в рассматриваемых 100 говорах таково, что их учет не мог вызвать отклонения границ говоров II_1 и $II_п$ от границ южнорусского наречия и составляющих его подгрупп: данные признаки, как правило, либо отсутствуют, либо присутствуют во всех этих говорах (II_1 и $II_п$), либо отсутствуют в одной, но присутствуют в другой из этих двух совокупностей. В говорах I_1, I_2, $I_п$ и II наличие или отсутствие признаков, не учтенных в группировке, оказалось существенным для деления.

Кроме того, естественно предполагать, что 100 говоров в отрыве от всех остальных говоров неизбежно будут распределены

по группам несколько иначе, чем в группировке всех говоров в целом, также в связи со следующим. Признаки, взятые в качестве основания классификации, имеют разную степень существенности, определяемую по изложенному методу, в зависимости от того, классифицируются ли говоры всей территории или только ее части, причем важно также, какой части. Соответственно и степень близости говоров между собой зависит от того, в каком признаке, редком или широко распространенном, совпадают говоры, а степень распространенности признака зависит как от числа классифицируемых говоров, так и от территории, на которой они расположены.

После выделения групп можно определить, какие из признаков являются наиболее существенными для классификации. Это те признаки, которые характерны для большинства говоров данной группы и которых нет (являются редкими) в говорах других групп. Полученное нами деление говоров 100 нас. п. свидетельствует о том, что учет степени существенности по методу Е. С. Смирнова дает результаты, которые хорошо согласуются с выводами, полученными лингвогеографическим методом, т. е. с учетом классификационной значимости признака, определяемой характером ареала его распространения.

Таким образом, общее совпадение результатов нашего деления с группировкой, осуществленной лингвогеографическим методом, свидетельствует о том, что метод таксономического анализа Е. С. Смирнова является вполне эффективным в применении к классификации говоров и может быть успешно использован для классификации всех говоров, составляющих данный диалектный язык. С помощью этого метода может быть подвергнуто делению практически любое число говоров на основании любого количества различительных признаков, что является затруднительным при построении классификации традиционными методами.

Значение проверенного указанным путем метода в том, что он максимально универсален: 1) может быть применен к говорам до их картографирования, т. е. до получения данных о территориальном распределении признаков, и без всякого обращения к их истории; 2) может быть применен к говорам, не обладающим территориальным континуумом, разбросанным в разных точках земного шара, т. е. когда лингвогеографический критерий оценки признаков вообще отсутствует. Для вновь изучаемых диалектов целесообразно строить классификацию данным методом, применение которого тем более целесообразно, чем менее сведений мы имеем об истории языка и его территориальном членении.

С. В. БРОМЛЕЙ

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОВОРОВ НА ФОНЕТИЧЕСКОМ УРОВНЕ

При всем внимании, уделяемом русскими диалектологами диалектным контактам на фонетическом уровне [1], за пределами этих исследований обычно остаются факты, хотя и возникающие на базе таких контактов, однако имеющие своим непосредственным следствием изменения на других уровнях языка.

Русские говоры в целом очень едины по своему фонетическому строю. Они различаются не столько инвентарем фонем, сколько различным их звуковым воплощением (ср. [w] : [в], [г] : [γ] и др.), а также реализацией одних и тех же фонем в различных позициях. Подобный характер различий объясняет тот факт, что результаты взаимодействия говоров на фонетическом уровне, если они приводят к изменениям в фонемном составе отдельных аффиксов, слов или групп словоформ, не всегда могут быть легко опознаны как таковые. Подобные изменения часто принимаются за внутрисистемные, потому что они проявляются не в появлении звуков, вообще чуждых данному говору или не известных ранее в данной позиции, а в том, что звук, в принципе не противопоказанный в данных фонетических условиях говору, начинает в нем выступать в составе таких слов, словоформ или аффиксов, где в соответствии с более ранним состоянием говора он выступать не мог. Чаще всего воздействие структурно близких соседних говоров в фонетическом плане отражается на звуках, находящихся в слабой позиции. Таким образом, именно в силу своего соответствия фонетическим нормам говора подобные звуковые замены часто не опознаются как результаты междиалектного контактирования. В настоящей статье мы и хотим обратить внимание на факты такого рода, относящиеся главным образом к формаль-

---

[1] Из работ последнего времени, посвященных этой проблематике на материале русских диалектов, выделяются тонкостью фонетического и фонологического анализа статьи А. Б. Пеньковского. См.: *А. Б. Пеньковский.* О некоторых последствиях усвоения мягкого ч в переходных говорах Западной Брянщины. «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», 1963, т. 248; *Он же.* О некоторых закономерностях звуковых замен при взаимодействии диалектов (в связи с вытеснением севернорусского взрывного [г] фрикативным [γ] в южнорусском окружении). — В кн.: «Очерки по фонетике севернорусских говоров». М., 1967; *Он же.* О фонологических последствиях звуковых замен при взаимодействии диалектов. — В кн.: «Исследования по русской диалектологии». М., 1963. — Фонологический подход к анализу фактов взаимодействия диалектов плодотворно применяется также в работах Л. Л. Касаткина, см. его монографию «Прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных в русских говорах» (М., 1968) и статью «Утрата затвора аффрикатами [ч'], [ц] в западных южнорусских говорах» («Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1965, т. 24, вып. 6).

ным элементам слов, и сделать некоторые общие выводы о закономерностях протекания подобных процессов [2].

Наблюденные нами факты фонетического взаимодействия говоров, затрагивающего фонемный состав грамматических аффиксов, в одних случаях могут касаться лишь вариантов алломорфов, в других — самих алломорфов отдельных морфем или распределения словоформ на классы, оформленные тем или иным алломорфом.

Первый может быть продемонстрирован на примере одной из именных флексий. В настоящее время на периферии говоров так называемой Рязанской Мещеры широко фиксируются такие, в которых при отсутствии фонем ‹ф› и ‹ф'›, субституирующихся соответственно [х] и [х'], этимологический *в* в конце слова реализуется неодинаково, в зависимости от того, замыкает ли он основу (в словоформах *боров*, *посев*, *хлев* и т. п.), или же выступает в исходе окончания *-ов* в форме род. п. мн. ч. существительных. В конце основы здесь выступает тот звук, который закономерно реализует в этих говорах *в*: чаще это губно-губной [w] или [ў], или же, наряду с ними, губно-зубной [в], редко [ɸ] (ср. *боро*[w], *боро*[ў] или *боро*[в], *боро*[ɸ], *посе*[w], *посе*[ў] или *посе*[в], *посе*[ɸ] и т. д.). В окончании же *-ов* в этих говорах фиксируется только [х] (ср. *столо*[х], *грибо*[х] и т. д.). Таким образом, в соответствии с этимологическим *в* в зависимости от того, находится ли он в основе или окончании, выступают разные звуки. Звук [х] в соответствии с *в*, с теми же закономерностями его употребления, фиксируется также на западной периферии северного ареала распространения [w], в Белозерских говорах [3].

Такое распределение звуков на месте этимологического *в* было объяснено Р. И. Аванесовым как факт внутрисистемного развития консонантного строя говоров с [w]. Звук [х] в конце слова рассматривается им как закономерный результат оглушения [w], т. е. как [φ] > [х] в результате усиления заднеязычного фокуса этого звука [φ], повышающего его акустическую выразительность. В дальнейшем, с усвоением губно-зубного [в], звук [ɸ] как его закономерный альтернант вытеснил [х] в слабой позиции, но в случаях, когда в данной морфеме для *в* отсутствует чередование слабого положения с сильным, как во флексии *-ов*, [х] остался без замены [4].

---

[2] Ранее нами был описан достаточно явный случай взаимодействия говоров на фонетическом уровне, приведший к формированию в части говоров нового типа спряжения. См.: *С. В. Бромлей.* Стяжение в русских говорах и его морфологические следствия. «Общеславянский лингвистический атлас. 1970». М., 1972. — Разбираемые здесь факты такого взаимодействия менее очевидны и менее значительны по своим морфологическим следствиям.

[3] Рязанский ареал см. на картах № 45, 47, 49, 50 «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» (М., 1968). Северный ареал отражен на картах № 86, 87 «Атласа русских говоров центральных областей к северу от Москвы» (рукопись).

[4] *Р. И. Аванесов.* Очерки русской диалектологии. М., 1949, стр. 144. — Положение о возможности [х] на месте [w] в конце слова и перед глухими

Однако такой ход процесса представляется все же маловероятным ввиду неспособности [w] как сонорного звука к оглушению вообще вне особых фонетических условий, ограниченных положением в абсолютном конце слова после согласного, которое практически не встречается в исконно русских словах [5]. Те же факты легко можно объяснить как результат взаимодействия говоров с губно-губным [w] (или [ў]) и говоров, которым уже издавна была известна на месте [w] ([ў]) пара губно-зубных спирантов ([в] — [ф]) [6]. Такая ситуация характерна для архаических, с некоторыми субстратными чертами, говоров Рязанской Мещеры. Эти говоры, знавшие в прошлом только губно-губной [w], оказались в кольце и под активным воздействием говоров, развивших в прошлом спирантную пару [в] — [ф]. Усвоение звуков [в] и [ф] говорами с губно-губным [w] — процесс длительный, и, основываясь на материалах диалектологического атласа русского языка, можно думать, что усваиваются они не одновременно. Сначала на месте [w] (или [ў]) в любой позиции, в том числе перед глухими и на конце слова, усваивается [в], и уже позже губно-зубной звук приобретает способность перед глухими согласными и на конце слова выступать в своей глухой разновидности ([ф]) [7]. В условиях же интенсивного воздействия говоров, знающих [в] — [ф], поддерживаемого литературным языком с той же системой губно-зубных спирантов, создалась ситуация, при которой системе с губно-губным сонорным [w] активно навязывается спирантная пара. Однако если можно думать, что усвоение [в] — звонкой губно-зубной артикуляции — и оказалось на каком-то этапе возможным, то звук [ф], представленный в воздействующей системе в словоформах типа *де*[ф]*ки*, *дро*[ф], *столо*[ф], на том же этапе развития консонантной системы говоров Рязанской Мещеры усвоен быть не мог. Он стал заменяться тем звуком, которым в этих говорах издавна заменялось всякое [ф] в словах иноязычного происхождения, т. е. звуком [х] (в мягкой разновидности — [х']), ср. *де*[х']*ки*, *гото*[х], *столо*[х] и *сара*[х]*ан*, [х]*унт*, [х]*орма*, [х']*ерма*. Внешне же это взаимодействие выглядело как изменение [w] > [х] в позиции оглушения.

согласными как следствие двухфокусности артикуляции [w] было высказано А. М. Селищевым в связи с отмеченными им однородными фактами в некоторых русских говорах Сибири. См.: *А. М. Селищев.* Диалектологический очерк Сибири, вып. 1. Иркутск, 1921, стр. 168.

[5] Подробнее наша точка зрения на эти вопросы излагается в отдельной статье, см.: *С. В. Бромлей.* К истории формирования признака «твердость — мягкость» у заднеязычных фрикативных фонем в русском языке. — В кн.: «Русские говоры. К изучению фонетики, грамматики, лексики». М., 1975.

[6] В. Г. Орлова, впервые связавшая [х] на месте *в* с междиалектными взаимодействиями, ограничивает, однако, возможность мены [ф] на [х] формами род. п. мн. ч. См. в кн.: «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров». М., 1970, стр. 40—41.

[7] Это явление специально исследовано на материале, собранном для диалектологического атласа русского языка, А. К. Васильевой (см. ее статью в настоящем сборнике).

БИБЛИОТЕКА ИН-ТА РУС[illegible]ОГО ЯЗЫКА АН СССР

Положение [х] в тех словах, где он в результате слово- и формообразования вступал в чередование с исконным [w] говора (или проникающим уже в систему [в]) в позиции перед гласными и звонкими согласными (ср. *тра*[х]*ка* — *тра*[w]*а* или *тра*[в]*а*, *морко*[х'] — *морко*[w]*ный* или *морко*[в]*ный*) с самого начала было непрочным, ср. его положение в современных говорах, где [х] выступает в этой позиции непоследовательно, в перебоях с [w], [ў] или [в], а иногда и совсем отсутствует, при последовательном [х] в окончании род. п. мн. ч. (*столо*[х]). Со временем же, когда в самой системе выработалась возможность употребления наряду с [в] (заменившим собой [w]) и глухого спиранта [ф], звук [х] окончательно вытесняется посредством [ф] как альтернанта [в] в положении перед глухими и на конце основы (*тра*[ф]*ка*, *гото*[ф]), но остается в окончании род. п. мн. ч. (*столо*[х], *грибо*[х]), где представляет соответствующую фонему ‹х› [8].

Если наши предположения правильны, и мы действительно имеем дело с описанным выше процессом взаимодействия говоров на фонетическом уровне, то его результатом на морфологическом уровне является возникновение диалектного различия на уровне вариантов алломорфов. При наличии в описываемых говорах окончания род. п. мн. ч. *-ох* в масштабе диалектного языка в целом создается междиалектное соответствие *-ох* : *-ов*, т. е. *-ох* и *-ов* выступают в качестве диалектных вариантов одного из алломорфов морфемы род. п. мн. ч. существительных. В пределах одной диалектной системы мы имеем дело с изменением фонемного состава одного из алломорфов данной морфемы (*-ов* > *-ох*). В случае наличия в говоре живого процесса взаимодействия, выражающегося в сосуществовании в речи окончаний с фонемой ‹в› (в ее различных фонетических манифестациях) и с фонемой ‹х›, речь идет о наличии в системе факультативных вариантов (*-ов*/*-ох*), реализующих данный алломорф.

Другой по своим грамматическим последствиям тип взаимодействия говоров на фонетическом уровне относится к области спряжения. В части говоров западной Брянщины мы обнаружили, что при различении в заударной позиции фонем ‹е› и ‹и› (или '‹о› и ‹и›) у глаголов «этимологически» I спряжения в окончаниях средних форм парадигмы (т. е. форм 2 и 3 лиц ед. ч. и 1 и 2 лиц мн. ч.) выступает звук [и], который в соответствии с фонетической системой этих говоров может воплощать только фонему ‹и›. Дальнейшее изучение этого явления показало, что оно распространено не только в говорах западной Брянщины, относящихся по своей основе к среднебелорусским [9], но что оно харак

[8] *Р. И. Аванесов.* Указ. соч., стр. 144: «С точки зрения современных отношений, — пишет Р. И. Аванесов, — можно считать, что . . .формы род. п. мн. ч. на *-ох* имеют в конце фонему *х*, так как закономерным вариантом фонемы *в* в данном положении является звук *ф*».

[9] *А. Б. Пеньковский.* Фонетика говоров Западной Брянщины. Автореф. канд. дисс. М., 1967, стр. 5.

теризует также узкую полосу среднебелорусских говоров по линии, где они граничат с северо-восточными белорусскими говорами. Именно здесь происходит стык говоров с различением гласных фонем в заударном слоге (ареал этого явления включает юго-западные и среднебелорусские говоры) и говоров с совпадением в этой позиции интересующих нас пар фонем в звуке [и] (северо-восточные говоры). Такое территориальное положение говоров позволяет предполагать, что утверждение [и] в безударных окончаниях глаголов I спряжения в рассматриваемых говорах не является внутрисистемным изменением, а обязано влиянию соседних диалектных систем северо-восточного типа с неразличением фонем ‹е› и ‹и› (или ’‹о› и ‹и›) в заударном слоге и с совпадением в силу этого безударных окончаний у глаголов I и II спряжений в средних формах парадигмы.

Звук [и] диалектной системы северо-восточного типа, где он представляет собой общий вариант ‹и› и ‹’о› в заударном слоге (ср. *ста́н*[и]*ць*, *су́д*[и]*ць* при *зов*[’о́[*ць*, но *сид*[и́]*ць*), усвоенный в окончаниях средних форм парадигмы глаголов I спряжения говоров с различением ‹и› и ‹’о› в заударном слоге, представляет в этих последних другую фонологическую единицу, — а именно, фонему ‹и›. Таким образом, заимствование, протекающее в виде фонетического процесса усвоения звука, свойственного в данных аффиксах соседним (воздействующим) говорам, ведет в системе, его воспринявшей, к изменению фонологического статуса звука, выступающего в этих аффиксах: вместо фонемы ‹’о› в безударных окончаниях средних форм парадигмы стала выступать фонема ‹и›, представленная звуком [и].

В грамматическом же аспекте произошло следующее: если до осуществления этого взаимодействия на фонетическом уровне глаголы с безударными окончаниями типа *стать* (т. е. «этимологически» I спряжения) и типа *суди́ть* (т. е. «этимологически» II спряжения) характеризовались в средних формах парадигмы разными окончаниями (или соответствующие морфемы — 2 л. ед. ч., 3 л. ед. ч., 1 л. мн. ч. и 2 л. мн. ч. — характеризовались разными алломорфами, ср., например, в форме 1 л. мн. ч. аллоформы [-’*ом*] и [-*им*]: *ста́н’ем* и *су́д’*^{з}*’им* и т. п.), то в результате воздействия соседних говоров соответствующие морфемы стали характеризоваться одним алломорфом [-им]: *ста́н’им*, *су́д’*^{з}*’им* и т. п.

Наше заключение о фонетической природе этого взаимодействия, ограниченного определенными окончаниями, поддерживается и тем, что грамматическое истолкование этого взаимодействия оказалось бы в данном случае неприемлемым, ибо возникающие в результате междиалектного взаимодействия парадигмы проявляют себя в дальнейшем их развитии как бы отталкивающимися от парадигм тех же глаголов северо-восточных говоров. Об этом свидетельствует тот факт, что заимствование в составе указанных окончаний [и], способного реализовать в наших говорах только ‹и›, имело своим следствием у глаголов на непарные по твердости—

мягкости согласные (*р*, *л'*, *j* и шипящие) обобщение в 3 л. мн. ч. окончания *-ац'*. Тем самым они оказались полностью втянутыми во II спряжение (ср. *кал'ý*, *кóл'иш . . . кóл'ац'*, *дышý*, *ды́шиш. . . ды́шац'*, *знáju*, *знáиш. . . знájац'* и т. д.). Спорадически и глаголы с основой на другие согласные, парные твердые, также могут выступать в говорах этого типа с окончанием *-ац'* при твердом или мягком конечном согласном основы (ср. формы 3 л. мн. ч. на *-ац'* типа *кúнац'* или типа *стáн'ац'*) [10]. Появление таких форм свидетельствует, в свою очередь, о начавшемся разрушении различения двух спряжений у глаголов с безударными окончаниями вне зависимости от исхода их основы. Это же явление, как известно, осуществилось во многих восточнославянских говорах, в том числе и северо-восточных белорусских, но в другой форме, с обобщением окончания *-ут'*(*-уц'*) в 3 л. мн. ч. (ср. *сýд'ут'*, *нóс'ут'* и т. п.), что следует интерпретировать как формирование особого «общего» спряжения, в котором нейтрализованы признаки I и II спряжений [11]. Существенна иная грамматическая форма, в которую выливается разрушение этих спряжений у глаголов с безударными окончаниями в указанных среднебелорусских говорах, а именно вовлечение всех соответствующих глаголов во II спряжение говорит о том, что процесс междиалектного взаимодействия осуществлялся не как грамматическое подравнивание, а что толчком к его осуществлению послужило усвоение звука [и] в окончаниях средних форм парадигмы I спряжения, т. е. взаимодействие фонетического характера.

Ограничение взаимодействия в данном звене языкового строя (заударном положении после мягких согласных) только группой формальных элементов глагольной парадигмы не может, как нам кажется, служить опровержением фонетического характера самого процесса взаимодействия. Можно думать, что вообще взаимодействие говоров на фонетическом уровне — это не такой процесс, который равномерно захватывает соответствующие звуки в подходящих позициях, вне зависимости от того, на какой элемент слова (точнее, словоформ) приходятся данные позиции. По-видимому, процесс охватывает в первую очередь единицы языка, наиболее частотные в речи.

Такими единицами являются элементы, выражающие формальные значения по сравнению с элементами, выражающими значения реальные, а среди формальных элементов — носители синтаксических значений по сравнению с носителями значений несинтак-

---

[10] Конкретные разновидности возникших в результате описанного междиалектного взаимодействия парадигм и их положение в системе глагольного спряжения описаны в статье: *С. В. Бромлей.* Спряжение глаголов с безударными окончаниями в русских и белорусских языковых системах. «Общеславянский лингвистический атлас. 1973». М., 1975.

[11] См.: *С. В. Бромлей.* Противопоставленность I и II спряжений в русских говорах и литературном языке. «Исследования по русской диалектологии». М., 1973.

сических, т. е. грамматические аффиксы по сравнению с аффиксами словообразовательными. Среди грамматических аффиксов в свою очередь могут быть выделены более или менее частотные уже по частотности соответствующих форм в речи. В нашем случае речь идет о целой группе грамматических элементов — об окончаниях четырех форм парадигмы глаголов I спряжения, — объединенных по признаку гласного, которым эти формы различаются в контактирующих диалектных системах. Естественно, что их суммарная частотность очень велика. Можно думать поэтому, что эти формы могут быть действительно одним из первых плацдармов, на котором осуществляется взаимодействие систем с различением гласных фонем в заударной позиции и систем с их неразличением.

Наоборот, корневые морфемы — носители реальных значений — ввиду своей малой частотности (в нашем случае это словоформы типа *ве́тер*, *вынес*, *зе́лен'*) подвергаются процессу в последнюю очередь. Поэтому появление инодиалектных фонетических признаков в корневых морфах знаменует полную победу воздействующего говора в данном звене системы языка. Именно в силу этого, если в диалектной системе имеются отдельные слова, у которых фонетическое оформление корневых морфем с исторической точки зрения не соответствует фонетическим закономерностям данной диалектной системы при отсутствии того же явления в других словах, и в особенности в формальных элементах слов (например, [е] на месте ['а'] имеет место только в словах *о*[п'ет'], [м'еч']*ик* при отсутствии того же признака в окончаниях: *д*[н'ам']*и*, *кри*[ч'ат'] и т. д.), то такую ситуацию следует расценивать только как свидетельство наличия в говоре этой закономерности в прошлом, вытесненной под воздействием говоров, в которых ['а'] сохраняется. И наоборот, их нельзя расценивать как начальный этап в воздействии говоров, знающих данную закономерность как черту фонетического строя (в приведенном примере — говоров с наличием [е] на месте ['а']).

Оказавшиеся не охваченными в ходе процесса взаимодействия говоров, и тем самым изолированные, «лексикализованные» факты (типа *о*[п'ет'], [м'еч']*ик* или [ш[*кирд*, [ш]*кирдовать* в говорах с утраченным шепелявеньем) можно тоже считать в определенном смысле результатом взаимодействия говоров на фонетическом уровне. Такие факты в системе диалектного языка в целом создают междиалектные соответствия уже лексического характера (*о*[п'ат']: *о*[п'ет'], [с]*кирô* : [ш]*кирд* и под.). А это означает, что взаимодействие говоров на фонетическом уровне может отражаться и в лексике, правда, в такой ее периферийной области, как фонемный состав слова [12].

---

[12] См.: «Вопросы теории лингвистической географии», гл. II, раздел V, 7: «Лексические различия, выделяемые на базе материальной общности слова (БII) при различии в звуковой оболочке (2)», стр. 163 и далее.

Подобного рода лексические особенности слов как след былого контактирования говоров на фонетическом уровне следует отличать от фактов заимствования слов в том или ином характерном для соседних говоров фонетическом облике. Интересующие нас случаи легко опознаются именно как следы былого фонетического взаимодействия, когда речь идет о словах, общераспространенных в данной диалектной зоне, что снимает возможность трактовки их как лексических заимствований. Кроме того, подобные слова — реликты явления, утраченного на почве междиалектных контактов — имеют и характерные для них структурные особенности: «реликтовый» звук в них, находясь в слабом положении (наиболее распространенный случай осуществления фонетического взаимодействия), не может при слово- и формообразовании оказаться в сильном положении, т. е. выступает в так называемой непроверяемой позиции [13].

Изложенное здесь понимание взаимодействия на фонетическом уровне говоров, близких по своей системе, ввиду ограниченности достоверно изученных в этом плане фактов носит предварительный характер и нуждается в проверке на большом и, желательно, статистистически обработанном материале говоров, расположенных на стыке разнодиалектных массивов в тех зонах, где междиалектные процессы или их последствия в силу местных особенностей еще дают себя знать.

Принято считать и, видимо, не без оснований, что взаимодействие между говорами в настоящее время является процессом заторможенным, что основной и наиболее существенный экстралингвистический фактор развития говоров надо видеть в воздействии на них норм литературного языка. Считается, что если междиалектное взаимодействие и имеет место, то побеждают в нем те диалектные системы, взаимодействующие элементы строя которых совпадают с соответствующими элементами литературного языка [14].

Однако известно также, что подобные процессы протекают далеко не всегда как прямолинейное вытеснение диалектных особенностей соответствующими элементами литературного языка. Наши примеры (правда, характеризующие процессы, которые относятся к периоду, когда взаимоотношения между литературным языком и говорами не были столь интенсивными и однонаправленными) также говорят об «издержках» этого процесса: в обоих случаях воздействие говоров, совпадающих по строению рассматриваемых

---

[13] См. об этом: *С. В. Бромлей.* Наблюдения над ударяемыми гласными при собирании материалов по «Программе». «Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русского языка», вып. 5. М., 1945, стр. 46. — Там, однако, допускалась и трактовка соответствующих фактов как заимствований из других говоров. В настоящее время по изложенным выше соображениям я эту трактовку исключаю.

[14] *Л. И. Баранникова.* Русские народные говоры в советский период. Саратов, 1967, стр. 66.

участков системы с литературным языком, создает новое диалектное различие, при этом специфической особенностью обоих процессов является то, что взаимодействие в пределах одного уровня (фонетического) дает результат на этаж выше — на уровне морфологии. В принципе подобные явления как временный, переходный этап к полному освоению соответствующего звена литературного языка возможны и в современной нам диалектной ситуации, и нам хотелось на эту возможность обратить внимание диалектологов.

Само по себе явление, при котором результаты междиалектного взаимодействия проявляются на уровне языка, высшем по сравнению с тем, на котором это взаимодействие непосредственно имеет место, вряд ли является исключительно свойством только фонетического уровня. Можно думать, что подобного рода отношения, конечно, в специфической форме, возможны и при диалектных контактах на морфологическом уровне, когда морфологическое взаимодействие определяет собой сдвиги на уровне синтаксиса. Так, возможно, что некоторые формы взаимодействия говоров в области падежной системы могут приводить к определенным сдвигам в области управления. Однако этот вопрос должен стать предметом специального изучения.

Специфика же взаимодействий между говорами на фонетическом уровне заключается в этом плане в возможности давать результаты не только на высшем соседнем (морфологическом) уровне, но и описанным выше путем оставлять свои следы в лексике. Само наличие подобного феномена связано с тем, что фонетика как низший уровень языка пронизывает в качестве строительного материала все его ярусы.

ФОНЕТИКА

С. С. ВЫСОТСКИЙ

ЗВУК РЕЧИ В КОНТЕКСТЕ

Звук речи как репрезентация фонемы определенной языковой системы (языка или его подразделения — диалекта и т. п.) может в ряде своих реализаций обнаружить более или менее явные черты физического сходства, позволяющие на первой ступени абстракции представить фонетическую единицу, соответствующую этим звукам речи, — «звук языка» [1].

Однако в процессе говорения конкретные реализации звуков речи порой представляют экстремные формы — значительные отклонения от оттенка, репрезентированного «звуком языка», а иногда оказываются в поле звуковых признаков, объединяемых понятием другого «звука языка». Например, в говоре (Судогодск. р. Влад. обл.). при еканье сопоставляемые здесь пары словоформ 1) *пряду* (от *прясть*) и 2) *приду* (от прийти) могут произноситься как 1) [пр'еду], а также [пр'е^{и}ду́] и [пр'и^{е}ду́] при обязательном сохранении [и] в 2) [пр'иду́]. Но в говоре при смешении с иканьем может обнаружиться также произношение 1) [пр'иду́] при стабильном [и] в 2) [пр'иду́], т. е. наличие в обоих примерах одного и того же звука речи (а также и «звука языка»), создающего в данном случае омофон.

Подобная вариативность элементов языковой системы вызывается определенными причинами, что обычно и рассматривается более или менее детально в фонетических исследованиях различного масштаба. Далеко не все из этих причин общеизвестны.

Непредвзятый подход к изучению любого языкового материала заставляет с большим вниманием интерпретировать даже такие его разделы, где, казалось бы, уже все знакомо по предварительным сведениям об этой языковой системе.

Особой осторожности требует рассмотрение диалектных фактов, поскольку многие черты их сходства с материалом разговор-

---

[1] О термине «звук речи» см.: *П. С. Кузнецов.* Об основных положениях фонологии. — ВЯ, 1959, № 2, стр. 30 и сл.; *Л. Р. Зиндер.* Общая фонетика. Л., 1960, стр. 11 и сл.

ной формы русского национального языка могут отвлечь внимание исследователя от существующих в диалекте специфических явлений.

Если наблюдение и фиксация речевого материала проводятся в натуральных условиях произнесения (т. е. когда «диктора» не заставляют прочитать по заготовленному тексту набор нескольких фраз, а тем более — отдельных слов), например, в непринужденной беседе, всегда обнаруживается условность обычного методического требования, чтобы «диктор» выдерживал «полный стиль» произношения (если только у исследователя нет установки на специальное изучение небрежных форм речи). На самом деле «полный стиль» нередко осуществляется, к тому же, — с неодинаковой категоричностью, лишь в части фразы, в отдельных словах, а порою — и в части слов, когда менее весомые при данной речевой ситуации некоторые отрезки фразы или слова по разумению говорящего можно произнести с меньшей тщательностью.

Технические способы записи сравнительно больших отрезков живой непринужденной речи теперь дают возможность создать более надежный материал для исследований, чем рукописные тексты, фактически — записи отдельных фраз и даже слов, что удавалось сделать на первых этапах развития диалектологии.

Изучение сплошного текста, фиксирующего живую речь — «звуковую панораму» для выявления фонетических, а также и других типичных черт данного языка или говора, обычно обнаруживает большую или меньшую нестабильность проявления некоторых, предположительно равноправных, языковых элементов. Определение частотности употребления таких колеблющихся элементов не всегда приводит к реалистическому заключению об их отношении к изучаемой языковой системе. Механически применяемая статистика, особенно без предварительной разбивки материала по некоторым однородным группам, может дать искаженное представление о характере изучаемой языковой системы.

Прежде всего обращает на себя внимание обычное присутствие в текстах разновидностей звуков речи в одних и тех же позиционных условиях, вызванное смешением элементов различных языковых систем или, если это удается установить, принадлежащих к предшествующим диахроническим этапам развития изучаемой языковой системы. В последнем случае эти элементы выступают в качестве местных архаизмов.

Более или менее систематическое освоение говорящими норм литературного произношения при отходе от диалектной речи, как известно, также сопровождается явлениями смешанности языковых систем, что является предметом многочисленных исследований. Сюда же относится и «буквенное произношение» лиц, осваивающих литературный язык больше при помощи чтения, чем на слух. Все «вклады» из других языковых систем известным образом приобретают значение стилистических разновидностей речи и поэтому обычно используются говорящими по мере возникнове-

ния необходимой для этого речевой ситуации. Известны и формы такого «двуязычия», когда носитель говора в беседе с диалектологом представляет речь, более близкую к литературному образцу, чем при общении с членами своей семьи, что тоже сопровождается взаимопроникновением элементов двух языковых систем.

Стилистическое изменение характера речи может возникать и непроизвольно, например, на эмоциональной почве. Отмечены случаи, когда в рассказах о своем детстве, проведенном в деревне, говорящие незаметно для себя и в различной степени приближаются к диалектной речи, от которой они отвыкли много лет назад.

Таким образом, в живой речи, в частности — в диалектной, случайное присутствие элементов языкового смешения или более или менее нарочитое использование их для создания определенного речевого стиля — явление обычное.

Наблюдение элементов смешения языковых систем в речи отдельных лиц необходимо в первую очередь как накопление материала для изучения идиолектов, чтобы индивидуальные или случайные черты речи говорящих не были экстраполированы на говор в целом. Следует считать правомерным наблюдение элементов языкового смешения в двух аспектах, которые условно можно назвать «онтогенетическим» и «филогенетическим», подобно известным направлениям биологических исследований. Здесь полезно различать, когда языковое явление изучается в аспекте индивидуальной «лингвистической биографии» говорящего, изменившего в известной мере свою речь на протяжении жизни, или наоборот, когда языковое явление прослеживается с позиций его истории в говоре как подразделении русского языка.

Названные выше примеры отклонений от единого вида реализации звуков речи обычно объясняются фактом смешения элементов различных языковых систем.

Однако следует сосредоточить внимание на другой, менее известной и столь же мало изученной категории факторов, также вызывающих вариативность звуков речи в контексте, но на принципиально ином основании. Эта вариативность создается не на почве языкового смешения, а в ней следует видеть проявление особых закономерностей фонетического строя одной и той же языковой системы. Следует указать, что в некоторых звеньях последней могут присутствовать параллельные элементы, которым, очевидно, также присущи свойства основных признаков языковой системы, т. е. их нельзя считать второстепенными. Появление в контексте тех или иных параллельных элементов, в данном случае — разновидностей звуков речи — здесь не случайно, а мотивировано особым качеством реализации контекста.

Следует оговорить, что в ряде случаев границу между вариативностью этого рода и вариативностью, вызванной смешением элементов разных языковых систем, установить не представляется возможным. Это не означает, что ставить данный вопрос и делать

попытки выявить контур соответствующих фактов преждевременно.

Ниже приводятся некоторые сведения о такой вариативности элементов языковой системы:

1) об изменениях звуков речи в составе фонетического слова, вызванных ритмико-интонационными закономерностями фразы;

2) о примыкающем сюда явлении — влиянии темпа речи на характер звуков речи;

3) о нивелировании звуков речи под влиянием контекста.

1

Исследователям речевого потока достаточно известна вариативность звука речи, зависящая от изменения ритмико-интонационной структуры фразы, от изменений темпа и степени напряженности отдельных участков звукового континуума (увеличение силы, длительности звука, «прояснение» его тембра или, наоборот, ослабление и сокращение звука, редукция характерных признаков тембра). В конечном итоге такая вариативность определяется содержанием и жизненной ситуацией высказывания.

Подобные разновидности произношения, безусловно, связаны как с индивидуально-психологическими чертами говорящего, так и с закономерностями его языка (или говора). Кроме основных, репрезентативных элементов звуковой строй заключает в себе и допустимые данной языковой системой градации количественной и тембральной вариативности звуков речи, выступающей в качестве функции закономерных здесь ритмико-интонационных разновидностей структуры фразы.

Эту вариативность звуков речи лишь условно можно называть факультативной, а тем более — случайной или произвольной, поскольку она опосредствованно вызывается смыслом и речевой ситуацией, хотя ближайшие «правила» этой обусловленности пока еще не изучены.

Для объяснения высказанных положений можно привести ряд примеров. Так, рассматривая закономерности русского литературного произношения гласных в фонетическом слове, можно указать, что при нормальном аканье фонеме /о/ соответствует не только известный реестр звуков речи, отражающий двухступенчатую редукцию гласных типа [ъ], [а] (или ʌ), [о́], но еще и другой реестр, где ступень типа [а] отсутствует. Это можно наблюдать, например, когда слово *он* выступает в качестве энклитики *во́т он* — в фонетическом слове [во́тън]. В зависимости от вариативности звукового построения фразы без отступления от орфоэпии здесь допустимы словоформы не с абсолютной, а с относительной энклизой [2]: в различных видах произнесения данного слова могут встре-

[2] Предлагаемое разделение энклиз и проклиз на абсолютные и относительные вносит ясность в характеристику фонетического слова, которое

титься не только полярно противоположные формы — без энклизы и с абсолютной энклизой — [вóт òн] и [вóтън], но и промежуточные ступени относительных энклиз, сохраняющих существенный признак гласного [о] — его лабиализованность, хотя бы и в предельно слабом виде — от [оъ] до [ъ°]. Поскольку при акающем вокализме в одном фонетическом слове, обладающем всегда лишь одним ударенным слогом, не может встретиться более одного звука [о], словоформы со следами произношения [о] не представляют полного примыкания энклитики, т. е. подлинной энклизы — одного фонетического слова — здесь не образуется.

В противоположность этому в некоторых разновидностях диалектной речи в этих же случаях встречаются обе ступени позиционного изменения гласных, т. е. в соответствующих энклитиках может быть и звук типа [а]. При этом данный гласный может в особых фразовых условиях достигать полного образования, например в конце фразы — [вóтан], что в литературном произношении невозможно.

Следующий пример принадлежит такому говору с диссимилятивным аканьем (Дорогобужск. р. Смол. обл.), где под воздействием фразовых условий гласные ударенного слога могут подвергаться относительно большому растяжению, причем гласные среднего подъема [о] и [е] артикулируются с довольно высоким сегментом экскурсии. При эмфатическом виде произношения здесь это явление достигает крайности — возникают подлинные дифтонги. Известно, что аналогичные тенденции, но слабо выраженные, встречаются и в некоторых разновидностях литературного произношения.

Для данного же говора основное звучание гласных, соответствующих фонемам ‹о› и ‹е›, может быть представлено в двояком виде — как монофтонги [о] и [е] и как дифтонгоиды [ʸo͡] и [ᵉe͡]. Названная черта — заметная флуктуация качества этих ударенных гласных — оказалась здесь небезразличной для реализации местного типа предударного вокализма. В говоре можно наблюдать тенденцию к постоянному воспроизведению принципа диссимиляции в известных звуковых структурах фонетического слова, где предударный гласный типа [а] может изменяться по степени открытости в *обратной* зависимости от степени открытости гласного под ударением: [трав'о͡и], [трав'и͡е] и здесь же [травóи], [трав'é].

в ряде языковых систем выявляется недостаточно четко из-за слабо центрированного словесного ударения, а также в силу и других причин.

Абсолютные энклитики и проклитики, примыкая к основному слову, сливаются с ним в цельную звуковую структуру единого фонетического слова, не обнаруживая внешних следов своего отдельного происхождения. Относительные энклитики и проклитики представлены в примерах с ослабленными, но не полностью утраченными некоторыми признаками прежней самостоятельности слова. См.: *С. Высотский.* О звуковой структуре слова в русских говорах. «Исследования по русской диалектологии». М., 1973, стр. 24—25.

Такие градации в оформлении типа предударного вокализма также показывают, что отдельные элементы языковой системы могут репрезентироваться в параллельных, функционально одинаковых формах, т. е. не в едином виде, но не являясь при этом результатом смешения различных языковых систем.

2

В научное представление о существенных диалектных различиях русского языка входит понятие и о темпе речи как возможном признаке, характеризующем определенный говор или группу говоров. Трактовка темпа речи в качестве определенной языковой черты встречается уже на первых этапах изучения русских говоров [3] и в своих источниках опирается на народную оценку диалектных различий.

Естественно, что каждый говор как нормальная языковая система имеет свои стилистические разновидности темпа речи, выполняющие известные языковые функции. Если ограничиться обычным представлением о наличии в каждом языке, диалекте и т. д. трех основных градаций темпа речи — темпа «замедленного», «нормального» (или «среднего») и «быстрого», то типичным для любой языковой системы считается свойственный ей средний уровень темпа речи как «нормальный».

Диалектную специфику образуют сдвиги этой шкалы целиком или смещение разновидностей темпов речи относительно друг друга внутри шкалы. Например, вся шкала может оказаться сдвинутой в сторону убыстрения темпа речи, так что местный «нормальный» (или «средний») темп речи внешне совпадает с категорией «быстрого» темпа речи другого говора. На этом, например, основывается оценка ряда говоров Ярославской и других областей, где с точки зрения носителей говоров Московской обл. и прилегающей местности «вообще говорят очень быстро». С этой же точки зрения обычный темп речи говоров части Владимирской, Липецкой и других областей кажется слишком замедленным [4].

Безусловно, степень скорости произнесения последовательности фонетических слов по говорам отражается на качестве звуков речи неодинаково. Бесспорна связь между медленным темпом речи в ряде владимирско-поволжских говоров и характерной чертой их вокализма — максимальным приближением физических свойств предударного гласного к свойствам гласного под ударением, поскольку протеканию фаз гласного здесь отводится сравнительно много времени. Ср. отношения длительности гласных типа [а] I пред-

[3] *В. И. Даль.* О наречиях русского языка. «Толковый словарь», т. I. М., 1955, стр. XLIII.

[4] Примерные соотношения средних темпов диалектной речи лежат в пределах, сопоставимых со стилистическими разновидностями темпа речи в разговорной форме литературного языка. См.: *Р. Ф. Пауфошима.* О темпе речи в некоторых русских говорах. — В кн.: «Русские говоры. К изучению фонетики, грамматики, лексики». М., 1975.

ударного и ударного слогов в примере «сама́» (в миллисекундах): во владимирско-поволжском говоре — 173 и 210, в кировском — 50 и 88.

Знаменательно, что небольшая длительность предударного гласного в кировском говоре сопровождается некоторой закрытостью его образования.

Характер изменения звуков в фонетическом слове не может не зависеть от механических возможностей их артикулирования, поскольку скорость движения различных участков органов речи имеет свои оптимальные величины и пределы. Артикуляция фазы ядра гласного в слоге [та́] в полости рта отстоит дальше от точки начала экскурсии гласного — отрыва кончика языка от предшествующей смычки, чем артикуляция фазы ядра закрытых гласных, например, в слоге [т'и́], что известным образом сказывается на темпоральной структуре фонетического слова.

Естественно, что быстрая, небрежная речь представляет звукотип [а], особенно в безударном слоге, в менее открытых разновидностях, чем речь медленная, размеренная. Это можно наблюдать и в произношении одного и того же человека.

Однако сводить причину изменения звуков речи в различных условиях темпа произношения только к зависимости от артикуляционного фактора было бы неосновательным. Известны типы быстрого, но одновременно энергичного, четкого произношения слогов в потоке речи, включая сюда и слоги без ударения, что является свойством артикуляционной базы некоторых диалектных подразделений, где звуки речи значительных изменений, зависимых от темпа произношения, не обнаруживают.

Очевидно, на вариативность звуков речи степень быстроты артикуляции влияет во взаимодействии с рядом иных факторов, комплекс которых различен по говорам, что и создает неодинаковые результаты таких взаимодействий.

К числу этих факторов, безусловно, относятся разносторонние воздействия самого языкового строя, общие и частные особенности структуры фонетического слова, различающиеся по говорам степенью своей устойчивости, специфические черты образования звуков речи в разных говорах и т. д. Вопрос остается малоразработанным, в первую очередь, из-за недостатка данных, поскольку сведения о наличии рассматриваемого явления в диалектологических материалах встречаются крайне редко.

Следует выделить особую задачу исследования: необходимо изучить типологию возможных диалектных различий от варьирования звуков речи в зависимости от определенных категорий темпа речи в н у т р и одной и той же языковой системы, сопоставляя в первую очередь такие градации темпа, как «нормальный» и «быстрый».

Существенной стороной данного вопроса является положение о пределах звуковой вариативности, когда последняя может вызвать перестройку фонологических отношений.

В качестве примеров можно привести несколько случаев. Известны указания, что в отдельных севернорусских говорах при сосуществовании двух принципов предударного вокализма — еканья и ёканья — первый из них реализуется преимущественно при «быстром» темпе речи, а второй — при «нормальном» и «замедленном». Эта приуроченность дает основание не считать такой вокализм «смешанным», а соответствующая вариативность звуков речи здесь принимается в качестве обусловленной темпом речи, т. е. она выступает в виде параллельного элемента внутри единой языковой системы.

Здесь может возникнуть осложнение вопроса: не связано ли это положение с современной тенденцией развития говоров — воспринимать черты разговорной формы литературного языка, в данном случае — более быстрый темп речи, в комплексе с другими чертами, и в частности, с еканьем. Последнее как элемент вокализма, более близкого в известном отношении к литературному языку по сравнению с ёканьем, потенциально присутствует во многих севернорусских говорах, где еще распространено ёканье — черта, быстро изживаемая, в известном смысле одиозная, «серая» по оценке широких кругов носителей диалектов. Тогда ёканье, привычно сочетаемое с другой местной исконной чертой — замедленным темпом речи, может оказаться архаической ступенью развития этого же говора, а присутствие в говоре одновременно еканья с ёканьем тогда можно квалифицировать как обычное смешение языковых систем.

Предполагается, что в ряде говоров такое положение действительно существует. Это заключение можно сделать, например, относительно некоторых говоров Суздальского р-на Владимирской обл.

Однако в отдельных говорах, о чем недостаточно широко известно, на самом деле наблюдается указанная выше черта — зависимость видоизменения некоторых предударных гласных от темпа речи, осложняющая систему вокализма.

Наличие данной диалектной черты в определенных говорах подтверждают и диалектологи — уроженцы соответствующих местностей, обладающие глубоким знанием специфики этих говоров [5].

Существенно, что наблюдения касаются говоров Владимирско-поволжской группы, в которых «нормальный» темп речи в сравнительно-диалектологическом аспекте причисляется к «замедленным». Артикуляция с огублением предударного гласного сопровождается осложнением работы известной группы органов речи, что действительно требует несколько больше времени и энергии по сравнению с образованием гласных без огубления. Безусловно, продленность гласного, произносимого в ритмической

[5] Сведения о соответствующих явлениях в говорах Владимирской и Горьковской областей сообщены К. Ф. Захаровой и Д. А. Марковым.

структуре фонетического слова в условиях замедленной речи, способствует более четкому образованию его сегментов, несущих явление лабиализации.

В некоторых говорах рассматриваемой группы сегментный анализ предударного гласного, репрезентирующего ёканье, показывает, что при «нормальном», сравнительно медленном здесь темпе произношения слога фаза лабиализации развивается нередко не с самого начала гласного, где сперва присутствуют сегменты звукотипа [е], а примерно лишь после одной трети, а иногда и половины времени звучания гласного. Оттенок, в котором уже можно признать элементы звука типа [о], сперва соответствует довольно продвинутому и слаболабиализованному гласному той же степени подъема, что и [е]. Сегмент со сравнительно «полноценным» звучанием [о] образуется после половины, а иногда и двух третей времени, занятого протеканием данного звука речи. В этом режиме произношения эффект ёканья достаточно ощутим. Но при быстром темпе речи процесс развития лабиализации на протяжении звучания предударного гласного становится менее выразительным. Пропорции сегментов типа [е] и типа [о] здесь изменяются в сторону уменьшения «удельного веса» сегментов с лабиализацией, что может трактоваться как отход от сложной к более простой артикуляции. Поэтому сохранение сегментов типа [о] в рекурсии звука речи при сокращении его длительности в быстром темпе произношения не всегда воспринимается даже носителями местного говора, которые могут ошибочно отождествить данный гласный со звуком речи [е]. Это способствует утверждению в предударном слоге гласного без лабиализации. Аудиторы, незнакомые с данным говором, при проведении слухового анализа соответствующего материала, выделенного для прослушивания при помощи сегментатора, воспринимали примеры с [е] и [о] после мягких согласных в предударном слоге в быстром произношении в основном только как образцы еканья. Таким образом, можно установить, что в говорах с подобным типом вокализма при «быстром» темпе речи встречаются с большей или меньшей последовательностью словоформы с подлинным еканьем. Одновременно здесь могут оказаться также и словоформы с ёканьем, потенциально возникающие в речи носителей говора по образцу вокализма, связанного с «нормальным» темпом произношения. Но, как было уже сказано, звук речи, реализующий ёканье, в условиях быстрого произношения здесь настолько деформируется, что практически он уже воспринимается в качестве звукотипа [е].

Тем не менее, подтверждение физиологической причины реализации данного явления не делает его универсальным. Известны говоры с достаточно быстрым произношением, в которых различие лабиализованных и нелабиализованных предударных гласных в позиции после мягких согласных все же в полной мере контрастно, чтобы не смешивать гласные фонетических слов типа [т'ета́] и [т'ота́]. Однако в этих говорах существует подлинное смешение

еканья с ёканьем, независимое от разновидностей темпа речи. Использование первого или второго вида вокализма иногда обнаруживает стилистические градации характера речи.

Аналогичные явления можно указать и в области других разделов звукового строя говоров. Например, в Егорьевском р-не Московской обл. встречаются говоры, представляющие смешение умеренного яканья с еканьем. Но в части говоров было отмечено, что при «быстром» темпе речи преобладают словоформы с еканьем, а в «нормальном» и «замедленном» — словоформы с яканьем. Это дало повод для предположения, что названные разновидности вокализма органически связаны с характером артикуляции, поскольку реализация еканья основывается на употреблении звука речи, в известном смысле лучше приспособленного для быстрого процесса артикуляции.

Инструментальный анализ такого материала засвидетельствовал, что по говорам действительно существует такая тенденция: распределять принципы вокализма — яканье и еканье в координации с характером темпа речи — «нормальным» и «быстрым». Следовательно, эта двойственность становится чертой единой языковой системы, а не является фактом смешения элементов различных языковых систем.

Одновременно обнаружилось, что в ряде говоров существует внешне похожее явление, которое при инструментальной фиксации звуков речи получило четкое определение как слабо выраженная реализация яканья. Если при «нормальном» темпе речи в предударном слоге находится гласный категории [а], при «быстром» темпе произношения предударный гласный приобретает более закрытое образование, иногда очень близкое к звукотипу категории [е], но тем не менее остающееся еще в артикуляционно-акустической зоне яканья: [с'е^{а}ло́], [п'е^{а}то́к].

Понятно, что в названных типах вокализма такие видоизменения звуков речи имеют фонологически ограниченное значение.

3

Представление о том, что наиболее реалистические сведения о закономерностях звуковой стороны языка можно получить при наблюдении непринужденной связной речи, заставляет отдавать предпочтение сбору экспериментального материала, отражающего не только отдельно произнесенные слова и короткие фразы, но и более или менее обширный контекст — «панораму речи».

При этом традиционный метод использования для фонетического анализа интонационно обособленных слов (например, при проговаривании с интонацией перечисления ряда слов, чаще всего не объединенных по смыслу) вообще не отвергается. Однако во многих случаях он не может быть принят в качестве основного исследовательского приема.

Еще большей осторожности требует использование в качестве источника для изучения фонетики живой речи звукового процесса чтения письменного текста. Последнее, к сожалению, весьма распространено в современной экспериментализтике, хотя общеизвестно, что такое произношение в различной мере носит специфически искусственный характер.

Фонетика чтения написанных отдельных слов и предложений, а тем более — букв и их сочетаний, образующих слоги или искусственные фонетические слова, должна являться особым предметом лингвистического исследования.

Подготовка текста связной речи к фонетическому анализу предполагает выделение в нем наиболее типичных, характерных по своей частотности элементов. Поиски таких элементов иногда оказываются малопродуктивными, поскольку они встречаются крайне редко, что может объясняться исторически сложившимися чертами изучаемого языка, а также лексико-грамматической стороной текста, связанной с содержанием высказывания.

При активном ведении беседы, в процессе которой образуется фиксированный текст речи, исследователь может направлять разговор с экспонентом изучаемой языковой системы таким образом, чтобы стимулировать появление в его ответах искомых элементов звукового строя.

При составлении плана сбора материалов обычно намечается тематика предстоящих бесед, чтобы в речи экспонента (диктора и т. п.) можно было бы услышать «без подсказки» словоформы с максимальной информацией о наиболее существенных чертах изучаемого языка, и в возможно короткий срок, независимо от степени встречаемости этих элементов.

При исследовании разговорной диалектной речи в подготовительной работе могут быть использованы известные данные о частотности звуков русской речи, хотя и с поправками, ориентированными на отражение специфики диалектов.

Однако из-за отсутствия достаточных разработок вопросов статистики позиций этимологических гласных и согласных в составе слова, являющихся фундаментом для решения ряда диалектологических проблем, приходится проводить предварительные подсчеты такого рода. Здесь используется результат статистического анализа некоторых образцов звукового текста, отражающих непосредственную живую речь нейтрального, бытового содержания при сопоставлении с результатом анализа адекватного по характеру литературного текста.

Становится ясным, что для фиксации некоторых редко встречаемых в потоке речи элементов исследователь должен стимулировать речь экспонента наводящими вопросами. Так, в тексте, содержащем континуум из 5000 словоформ, аканье или оканье в 1-м предударном слоге может обнаружиться в первую минуту речевого потока, тогда как условия сбора данных о качестве звука речи в позиции предударного слога после отвердевших шипящих

весьма неблагоприятны: примеры типа *жара*, *шаги*, *шары* очень редки (в 0,04% словоформ данного текста).

Текст обнаруживает особенности еще иного характера, осложняющие представление о «средних цифрах», свидетельствующих о частотности различных элементов звукового строя.

В зависимости от индивидуального склада речи, отражающего влияние факторов разного рода (лингвистических, социальных, психологических, физиологических и т. д.), речь отдельных лиц может отличаться большим или меньшим разнообразием признаков. Свободное развитие речевого процесса у одних лиц противопоставлено более скованному использованию языковых средств у других, что может еще осложняться смысловыми и бытовыми речевыми ситуациями.

Известен психологический тип говорящих, когда они в потоке речи представляют слова со звуковыми элементами, повторяющимися в близлежащих других отрезках речевого континуума, вне зависимости от их смысла, т. е. подбор слов говорящим проводится здесь не только по смысловому признаку, но и по «созвучиям». Кроме того, при диалоге иногда встречается «сгущение» в выборе слов, т. е. слова повторяются в речи одного или обоих собеседников в репликах иногда по нескольку раз, порою даже с известной навязчивостью. Все это сильно искажает сведения о нормальной частотности редких слов, словоформ, а в их составе — и тех звуков речи, которые подвергаются статистическим подсчетам.

Статистическая обработка потока речи не может проводиться без учета и других, не всегда объяснимых флуктуаций ее элементов, если не говорить о возможных сменах режима процесса говорения из-за особенностей содержания, стилистических установок и т. д. Сюда могут органически входить и моменты смешения разных языковых систем, включая случаи подражания речи собеседников, которое иногда обнаруживают говорящие.

Рассмотрение достаточно больших фиксированных текстов длительностью 20—35 мин., отражающих речь одного говорящего, перемежающуюся с краткими репликами собеседника, помогло обнаружить еще одно явление, очевидно, недостаточно известное в практике статистической оценки явлений речи. Дело касается возможности выделения в потоке речи фрагментов внутренне организованных по некоторым фонетическим признакам стабилизации звуков речи в одной разновидности.

Внешне это напоминает названную выше индивидуальную черту говорящих, в речи которых иногда встречается подбор слов с элементами сходного звучания. Здесь же подбор лексико-грамматических элементов высказывания остается независимым от звуковой формы. При этом оказывается, что при возможной вариабельности звуков речи они унифицируются в отрезке большем, чем фонетическое слово, — во фразе и ее ближайшем соседстве. Если даже в своем источнике данное явление и может быть отне-

сено к особенностям склада индивидуальной речи, не следует отстранять предположение, что названная черта в процессе своего развития перестает быть только явлением речи, приобретая значение языкового признака. Абсолютным признаком конкретной группы говоров это явление может и не быть, но факт, что оно потенциально присутствует лишь в определенных говорах, подчеркивается негативным признаком: можно указать, что ряду других определенных говоров описываемая черта незнакома.

Ниже приводятся примеры двух категорий. Одни касаются черты литературного языка, допускающей колебания, другие относятся к диалектному языку.

Так, при изучении колебаний предударного вокализма в отношении иканья и еканья в литературном языке были рассмотрены достаточно большие магнитофонные записи речи и транскрипции отдельных фраз на слух многочисленных экспонентов литературного произношения, в числе которых отмечались и лица, связанные своим происхождением с диалектными территориями.

В той группе лиц, которая представила колебания в отношении иканья и еканья, выделялись еще лица, обнаружившие особую упорядоченность употребления звуков речи в предударном слоге. Элементы иканья и еканья оказались не в бессистемном смешении: налицо тенденция создавать группы близлежащих слов с икающим произношением, если в этой же фразе или ближайшем ее окружении присутствуют слова с этимологическим [и] в предударном слоге.

Такая межсловесная ассимиляция звуков речи проявляется, по-видимому, в небольшом участке речевого континуума. Она проявляется оптимально, очевидно, внутри синтагмы, но замечается и за ее пределами, что связано с характером слитности произношения фонетических слов в данной фразе. Воздействие, подобное этимологическому [и], оказывает, по-видимому, также и звук речи [ы] в возможных для него позициях, но его активность мало прослежена. Возможно, что ассимилирующим фактором здесь является степень подъема гласного именно в сочетании с артикуляторно-акустическим качеством мягкости предшествующего согласного.

Повышение частотности икающих словоформ, вызванное соседством с этимологическим [и] в предударном слоге, обнаружено в диалектной речи на территории, примыкающей к Подмосковью с востока и юго-востока, где встречаются ареалы еканья, смешанного с иканьем при соседстве с активно изживаемыми разновидностями яканья.

Аналогичная черта в литературном произношении, мало замечаемая в силу обычных в настоящее время процессов смешения принципов предударного вокализма, прослеживается в речи лиц, в своей лингвистической биографии имеющих связи с диалектным языком вышеназванных территорий.

В материалах, отражающих характер речи других местностей, например, расположенных к юго-западу и западу от Подмосковья, подобной звуковой черты не встречалось, что подкрепляет предположение о ее территориальной прикрепленности и позволяет не считать ее индивидуальной особенностью произношения.

Можно вкратце сообщить и о другом аналогичном по принципу явлении, замеченном как в литературном произношении, так и в ряде говоров Калининской обл.

В отличие от предшествующего явления, здесь описывается колебание в произношении примеров, которое имеет не одностороннюю направленность, а может склоняться в обе стороны, чему способствует иная фонологическая основа данного явления. Если в контексте встречается реализация согласных на месте орфографического *щ* в виде [ш'ш'] и [ш'ч'], то ближайшее соседство морфологически нечленимых примеров (как *щука*, *ящик*, *прыщ*) и морфологически членимых примеров (как *с чем*, *на счет*, *с часу*) может стимулировать выравнивание произношения в сторону стабилизации [ш'ш'] или [ш'ч'] в обеих категориях фонетических слов.

Направление ассимиляции и ее пределы в контексте требуют дополнительных наблюдений. Возможно, здесь играет определенную роль частотность, смысловая весомость слов, употребляемых в конкретных фразах, некие непредвиденные ситуации речевого общения и т. д.

Важно, что в речи некоторых местностей, например, к югу от Подмосковья, данная вариативность в потоке речи не отмечена. Учитывается, что возможное присутствие в соседних говорах корреспондирующего согласного в виде [шш] (*шшука*) как изживаемого диалектизма может иметь определенное отношение к описанному явлению ассимиляции звуков речи в отрезках контекста.

В области предударного вокализма типологически существенное место занимает диалектная черта — тенденция к появлению фактов «абсолютного оканья» (этимологически не мотивированного произношения предударного [о] на месте исконного [а]). На эту особенность издавна указывали отечественные языковеды как на спорадическое явление в ряде севернорусских говоров. Данная черта, более или менее заметно присутствующая и сейчас в части кировских, владимирско-поволжских и других говоров, иногда обнаруживает лексическую приуроченность, иногда может носить характер фонетически обусловленного видоизменения звуков речи как результат воздействия соседних лабиализованных гласных или согласных определенных категорий (например, губных, заднеязычных, в соседстве со звуками повышенной веляризованности).

Однако изучение потока речи показывает возможность ассимилятивности звуков речи внутри участков контекста и такого рода: если в непосредственном фразовом окружении слов типа *сама*, *трава* присутствуют слова со структурой исконного оканья (например, *вода*, *корова*), то в говоре может проявиться тенденция

к произнесению лабиализованного гласного на месте предударного [а], т. е. здесь повышается частотность случаев с произношением типа *сома*, *трова*. При этом образуется звук речи, полностью совпадающий со звукотипом [о], но иногда еще сохраняется оттенок исходной формы, когда звук речи с [о] не совпадает, а сохраняет элемент «не-а», выступая в виде [а°] или [о^{а}]. В этих случаях различение этимологических гласных еще существует, хотя и в недостаточно контрастном виде. Последнее способствует неправильному восприятию данного явления как реализации «абсолютного оканья», поскольку принцип исконного оканья здесь еще присутствует, хотя и в латентной форме.

Описанные случаи вариативности звуков речи, встречаемой в потоке речи, далеко не исчерпаны в своих разновидностях. Некоторые примеры таких колебаний общеизвестны. Другие примеры лишь обнаруживают свое присутствие и указывают на возможность дальнейшего осложнения вопроса.

Все это имеет прямое отношение к основам статистической обработки звуковых явлений потока речи. Здесь недопустимы непосредственные подсчеты встречаемых элементов без предварительной разбивки текста на однородные в каком-либо отношении фрагменты, статистический анализ которых должен проводиться раздельно. К тому же общая методология экспериментально-фонетических исследований требует возможного углубления подхода к анализу этих фрагментов, чтобы раскрыть причины и условия их обособления.

К главным моментам описанного здесь малоизвестного явления — адаптации звуков речи внутри определенных отрезков речевого контекста — относится предположение, что данная фонетическая особенность может оказаться не чертой индивидуального произношения, а языковым признаком звукового строя определенных говоров.

М. Н. ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ

О ПРИНЦИПАХ ПАРАЛЛЕЛИЗМА В СТРУКТУРЕ ВОКАЛИЗМА НЕКОТОРЫХ ОКАЮЩИХ ГОВОРОВ

В настоящее время в русской диалектологии накопились данные о многообразии диалектных фонетических систем, в частности о разнообразии систем вокализма. Эти системы могут различаться не только количеством и составом гласных или особенностями их произношения, но также формой связи вокализма

с другими сторонами языка, например, принципами зависимости гласных от качества согласных, от положения по отношению к ударению и под. Таким образом, диалектные системы вокализма могут различаться в зависимости от того, какую роль в их организации играют фонетические позиции. Структуру некоторых систем вокализма может характеризовать тенденция к симметричной организации относительно определенных качеств (признаков) фонетических позиций. Такое явление симметричной реализации гласных фонем относительно признака «твердость — мягкость предшествующих согласных» Р. И. Аванесов назвал параллелизмом и посвятил ему специальную статью [1]. Остановимся на основном содержании этой статьи [2].

В системе вокализма под ударением в литературном русском языке параллелизм в употреблении гласных фонем после твердых и после мягких согласных проведен более последовательно, чем в большинстве диалектных систем, для которых — в той или иной мере — также характерно рассматриваемое явление. Вид параллелизма, свойственный ударному вокализму русского литературного языка, Р. И. Аванесов демонстрирует следующей таблицей [3]:

После твердых	ы	/э/	а	о	у
После мягких	и	е	а	о	у

Анализируя данные этой таблицы, Р. И. Аванесов делает заключение, что в обеих рассматриваемых позициях «употребляются одни и те же фонемы, лишь видоизменяясь в своем качестве в зависимости от качества [4] предшествующей согласной» (стр. 454). Подобный же параллелизм гласных фонем после твердых и после

---

[1] *Р. И. Аванесов.* О соотношении предударного вокализма после твердых и после мягких согласных в русском языке. «Изв. АН СССР, СЛЯ», 1970, т. XXIX, вып. 6 (при цитировании данной статьи страницы указываются в тексте в скобках). Об этом соотношении предударного вокализма см. также в кн.: *Р. И. Аванесов.* Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974, стр. 160—165.

[2] При изложении статьи Р. И. Аванесова сохранены принятые в ней фонологические термины. В предлагаемой статье приняты следующие обозначения: фонемы диалектного языка — прописные буквы в квадратных скобках (например: [А], [О] . . .), фонемы частных диалектных систем — прописные буквы (А, О. . .), отдельные звуки (звукотипы) — строчные буквы, курсив (*а*, *о*. . .).

[3] Знак «э» поставлен в графе «после твердых» в косые скобки ввиду ограниченности употребления этого звука положением не на стыке с флексией. В дальнейшем не будет учитываться возможность его употребления после твердых согласных в паре с *е* после мягких, так как в вокализме диалектов дистрибуция фонемы [Е] после твердых согласных еще более ограничена, чем в литературном языке.

[4] В этой цитате, как и в нашей статье, качество согласных учитывается только в плане противопоставления их по твердости—мягкости.

мягких согласных характеризует одну из разновидностей литературного произношения гласных в 1-м предударном слоге. Эта система проиллюстрирована следующей таблицей:

После твердых	ы	ʌ	у
После мягких	и	и^{е}	у

Касаясь вопроса о существовании параллельных систем вокализма 1-го предударного слога в русских диалектах, Р. И. Аванесов рассматривает параллелизм предударного вокализма диссимилятивного типа и устанавливает, что полный параллелизм в реализации гласных фонем в 1-м предударном слоге имеет место в системах вокализма с жиздринским и архаическим типами диссимилятивного аканья. «При этих типах аканья и яканья, — пишет Р. И. Аванесов, — позиции, в которых выступает [а] и «не-а», тождественны: при ударном гласном нижнего подъема ‹а› в предударном гласном «не-а». . . при ударном гласном верхнего подъема. . . в предударном выступает [а]» (стр. 475). Иными словами, принцип диссимиляции действует равно как в системе вокализма после твердых согласных, так и в системе вокализма после мягких согласных; в результате независимо от качества предшествующих согласных в 1-м предударном слоге выступают соответственно одни и те же гласные, т. е. различается равное количество гласных звуков.

В описанных Р. И. Аванесовым примерах параллелизма систем вокализма мы подчеркиваем следующие общие стороны:

1. Параллелизм систем вокализма возможен в двух звеньях фонетической системы — под ударением и в 1-м предударном слоге.

2. Параллелизм характеризует системы вокализма в парах позиций, различающихся лишь по одному существенному признаку («твердость — мягкость предшествующих согласных»), а в остальном эти позиции аналогичны.

3. При наличии в подобных парах позиций параллелизма систем вокализма — в каждой позиции выступают соответственно одни и те же гласные звуки.

4. В таких подобных парах позиций может параллельно осуществляться одна и та же фонетическая закономерность, вследствие реализации которой и устанавливается параллельное употребление гласных (например, в 1-м предударном слоге — реализация одного и того же принципа диссимиляции гласных после твердых и после мягких согласных).

Цель настоящей статьи — проанализировать материал о произношении гласных в трех окающих русских говорах, сосредоточив внимание на тех же двух звеньях фонетической системы, которые рассматривал Р. И. Аванесов: на системе гласных под ударением

и на системе гласных 1-го предударного слога. При этом мы ставили следующие задачи:

1. Рассмотреть вопрос о наличии описанного Р. И. Аванесовым вида параллелизма систем гласных звуков относительно признака позиции «твердость—мягкость предшествующих согласных», т. е. такого вида параллелизма, который реализуется отдельно в пределах каждого изучаемого звена фонетической системы.

2. Обратить внимание на другой вид параллелизма систем гласных звуков, который обнаруживается при сравнении систем вокализма между двумя названными звеньями фонетической системы. Этот вид параллелизма проявляется в распределении гласных относительно иного конструктивного признака позиции, а именно — относительно признака «положение гласного по отношению к ударению».

Работа строится на основе материалов, уже обобщенных в широко известных в диалектологии трудах [5]. Для анализа выбраны три типа вокализма, в структуре которых наиболее отчетливо и последовательно проявляются именно такие свойства, какие мы предполагаем рассматривать. Эти три типа вокализма принадлежат говорам, которые названы в этой статье Владимирско-Поволжскими, Вологодскими современными и Вологодскими архаическими.

Владимирско-Поволжские говоры. Анализируется распространенный почти без исключения на территории Владимирско-Поволжской группы восточных среднерусских окающих говоров [6] тип вокализма, в котором реализуется пять гласных фонем диалектного языка [И], [Е], [О], [А], [У]. Под ударением после твердых согласных различаются гласные звуки *ы*, *о*, *а*, *у*; после мягких различаются звуки *и*, *е*, *о*, *а*, *у*. В 1-м предударном слоге после твердых согласных — оканье (различаются звуки *ы*, *о*, *а*, *у*); после мягких — ёканье (различаются звуки *и*, *е*, *о*, *а*, *у*).

Вологодские современные говоры. Анализируется распространенный в пределах ареала Вологодской группы говоров северного наречия[7] тип вокализма, в котором так же, как и в предыдущем типе, реализуется пять гласных фонем диалектного языка [И], [Е], [О], [А], [У].

Под ударением после твердых согласных различаются гласные звуки *ы*, *о*, *а*, *у*; после мягких различаются звуки *и*, *е*, *о*, *а*, *у*. В 1-м предударном слоге после твердых согласных — оканье

---

[5] См.: «Русская диалектология». М., 1964; «Образование северновеликорусского наречия и среднерусских говоров». М., 1970; *С. К. Пожарицкая.* К типологии предударного вокализма северновеликорусских говоров. «Материалы и исследования по русской диалектологии». Новая серия, вып. II. М., 1961.

[6] См.: *К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова.* Диалектное членение русского языка. М., 1970, стр. 155.

[7] Там же, стр. 111.

(различаются звуки *ы*, *о*, *а*, *у*); после мягких согласных — еканье (в соответствии фонемам А, О, Е — выступает общий вариант *е*) [8].

Вологодские архаические говоры. Этот тип вокализма в современных говорах встречается весьма редко, он зафиксирован, например, в незначительном числе населенных пунктов в пределах ареала Вологодской группы говоров (Харовский р-н) [9]. В настоящей статье мы представляем этот тип вокализма как последовательно выдержанный, отвлекаясь от многочисленных фактов отступлений от типа и колебаний в произношении отдельных носителей архаического говора. В типах вокализма подобного рода обычно определяют семь гласных фонем, т. е. в такой фонетической системе реализуется максимальная модель ударного вокализма, возможная для диалектов русского языка: [И], [Ê], [Е], [А], [О], [Ô], [У] (см. Р. И. Аванесов, стр. 473). Под ударением после твердых согласных различаются гласные звуки *ы*, *о*, *ô*, *а*, *у*; после мягких — различаются звуки *и*, *е*, *ê*, *а*, *у*.

В 1-м предударном слоге после твердых согласных различаются звуки *ы*, *о*, *а*, *у* (оканье), после мягких согласных различаются гласные звуки *и*, *е*, *а*, *у* [10].

Представим в табл. 1 данные о системах вокализма под ударением и в 1-м предударном слоге по названным выше трем типам окающих говоров в сравнении с данными о системах вокализма соответствующих звеньев фонетической системы литературного

Таблица 1

Литературный язык				Говоры											
				Влад.-Поволжск.				Вологод. совр.				Вологод. арх.			
Под удар.		1-й предудар.		Под удар.		1-й предудар.		Под удар.		1-й предудар.		Под удар.		1-й предудар.	
после тв.	после мягк.	после тв.	после мягк.	после тв.	после мягк.	после тв.	после мягк.	после тв.	после мягк.	после тв.	после мягк.	после тв.	после мягк.	после тв.	после мягк.
ы	и	ы	и	ы	и	ы	и	ы	и	ы	и	ы	и	ы	и
												—	ê	—	е
(э)	е		и[е]		е		е		е		е	—	е	—	е
												ô	—	о	—
о	о	ʌ	и[е]	о	о	о	о	о	о	о	е	о	—	о	—
а	а	ʌ	и[е]	а	а	а	а	а	а	а	е	а	а	а	а
у	у	у	у	у	у	у	у	у	у	у	у	у	у	у	у

[8] См.: *С. К. Пожарицкая.* Указ. соч., стр. 71.

[9] Подробнее о вокализме этого типа см.: *М. Н. Преображенская.* Чередование *а//е* в одном вологодском говоре. «Изв. АН СССР, СЛЯ», 1973, т. XXXII, вып. 1.

[10] См.: *С. К. Пожарицкая.* Указ. соч., стр. 72.

русского языка (по материалам приведенных выше таблиц из статьи Р. И. Аванесова).

Анализируя системы вокализма, сопоставленные в табл. 1, мы будем решать обе названные выше задачи статьи.

ПАРАЛЛЕЛИЗМ СИСТЕМ ВОКАЛИЗМА ПОСЛЕ ТВЕРДЫХ И ПОСЛЕ МЯГКИХ СОГЛАСНЫХ

Положение под ударением

Двум типам вокализма — Владимирско-Поволжскому и Вологодскому современному — под ударением присуще такое же распределение гласных после твердых и после мягких согласных, какое мы наблюдаем в современном литературном языке (если не считать еще более ограниченного употребления «э»). Таким образом, эти два типа диалектного вокализма почти в той же мере, что и литературный язык, характеризует параллельное употребление гласных после твердых и после мягких согласных в положении под ударением. (В этом звене фонетической системы говоров каждой гласной фонеме после твердых и мягких согласных соответствуют одни и те же звуки — основной вид фонем, — которые под влиянием мены качества предшествующих согласных образуют лишь вариации, но не варианты этих фонем [11].)

Вологодский архаический тип вокализма. Особенностью этой системы является то, что в нее входят гласные, употребляющиеся только после мягких согласных (*ê*, *e*) [12], и гласные, употребляющиеся только после твердых согласных (*ô*, *o*). Вследствие этого параллелизм системы вокализма после твердых и мягких согласных в данном звене фонетической системы в этих говорах отсутствует.

Положение в 1-м предударном слоге

Владимирско-Поволжские говоры. В данном звене фонетической системы этих говоров независимо от качества предшествующих согласных различается равное число гласных звуков, и эти звуки суть одни и те же. Таким образом, данную систему вокализма характеризует параллелизм рассматриваемого вида.

---

[11] Изменение типа вокализма в говоре мы фиксируем только при появлении позиционных вариантов фонем.

[12] В говорах этого типа могут различаться не две, а три (и более) степени смягчения согласных, однако нетвердые согласные всегда относятся к фонологически мягким. См. об этом подробнее: *Ю. С. Азарх.* О корреляции согласных по твердости—мягкости в одном вологодском говоре. — В кн.: «Исследования по русской диалектологии». М., 1973.

Вологодские современные говоры. В вокализме 1-го предударного слога отсутствует параллелизм систем гласных после твердых и мягких согласных; количественное соотношение различающихся единиц (4 : 3) отражает это положение.

Вологодские архаические говоры в системе вокализма 1-го предударного слога обнаруживают отсутствие параллелизма в употреблении гласных после твердых и мягких согласных: в сравниваемых двух позициях — различный состав гласных (после твердых отсутствует звук *е*, а после мягких — *о*).

Вывод. В фонетических системах рассматриваемых говоров параллелизм в употреблении гласных после твердых и после мягких согласных может иметь место в обоих анализируемых звеньях — и под ударением, и в 1-м предударном слоге. Одновременно в двух звеньях этот вид параллелизма характеризует систему гласных в говорах Владимирско-Поволжского типа. Параллелизм в одном звене (только под ударением) характеризует системы гласных после твердых и после мягких согласных в Вологодских современных говорах. Отсутствие параллелизма систем гласных после твердых и мягких согласных в обоих рассматриваемых звеньях фонетической системы характеризует вокализм Вологодских архаических говоров.

ПАРАЛЛЕЛИЗМ СИСТЕМ ВОКАЛИЗМА УДАРНОГО И 1-го ПРЕДУДАРНОГО СЛОГОВ

Анализ данных, представленных в табл. 1, обнаруживает, что наряду с параллелизмом систем вокализма после твердых и после мягких согласных изучаемые системы вокализма окающих говоров может характеризовать также другой вид параллелизма, а именно параллелизм систем вокализма под ударением и в 1-м предударном слоге. В этом случае в двух сравниваемых звеньях фонетической системы каждого говора обнаруживается в подобных фонетических позициях аналогичное распределение гласных звуков.

Параллелизм систем вокализма строится относительно следующей пары меняющихся признаков позиции: «положение под ударением» — «положение в 1-м предударном слоге». Таким образом, признак «положение по отношению к ударению» используется и как критерий при выделении изучаемых двух звеньев фонетической системы, и как меняющийся позиционный признак.

Наличие параллелизма систем ударного и предударного вокализма мы фиксируем в том случае, когда в обоих звеньях повторяется аналогичное распределение гласных после твердых и после мягких согласных и соответственно различаются одинаковые гласные звуки.

Кроме того, этот вид параллелизма систем вокализма проявляется и в том, что как под ударением, так и в 1-м предударном

слоге реализуются одни и те же позиционные фонетические чередования, обусловленные характером зависимости гласных от контекста согласных.

Рассмотрим для каждой группы говоров, как отражен в материале, представленном в табл. 1, этот второй вид параллелизма систем вокализма.

Владимирско-Поволжские говоры. Здесь распределение гласных после твердых и после мягких согласных под ударением полностью повторяется в 1-м предударном слоге. Количество различающихся гласных в обоих звеньях соответственно совпадает (4 : 5 — 4 : 5). Таким образом, этот тип говоров характеризуется параллелизмом систем вокализма ударного и 1-го предударного слогов.

Вологодские современные говоры. Параллелизм систем вокализма под ударением и в 1-м предударном слоге, если исходить из сформулированного выше определения, в говорах данного типа отсутствует (об этом свидетельствует количественное соотношение различающихся гласных звуков 4 : 5 — 4 : 3). Однако следует обратить внимание на позицию после твердых согласных: в этой позиции в каждом звене — под ударением и в предударном слоге — противопоставлены одни и те же звуки.

Вологодские архаические говоры. Распределение гласных после твердых и после мягких согласных под ударением почти полностью тождественно распределению гласных в аналогичных позициях в 1-м предударном слоге. Различие числа противопоставлений на единицу для каждой пары (5 : 5 — 4 : 4) происходит за счет наличия только под ударением закрытых звуков *ê* и *ô*. Однако в 1-м предударном слоге соответствия ударным *ê* и *ô* сохраняют такую же связь с твердыми и мягкими предшествующими согласными, как и под ударением (в соответствии Ê — *е* только после мягких, в соответствии О — *о* только после твердых согласных). Таким образом, с учетом сделанной оговорки, можно считать, что вокализм Вологодских архаических говоров характеризует параллелизм в употреблении гласных фонем под ударением и в 1-м предударном слоге.

Вывод. Параллелизм систем вокализма под ударением и в 1-м предударном слоге характеризует рассматриваемые нами фонетические системы Вологодских архаических и Владимирско-Поволжских говоров и отсутствует в фонетической системе Вологодских современных говоров.

Рассмотренные виды параллелизма систем вокализма двух звеньев фонетической системы говоров представлены в табл. 1 с учетом роли качества только предшествующих согласных. Если же учесть роль второй стороны контекста согласных — качество согласных, следующих за гласным, то параллельность систем вокализма ударного и первого предударного слогов предстанет

еще более наглядно, так как по существу в зависимости от того, как и в каких конкретно условиях действует на реализацию гласных именно этот признак позиции (т. е. качество последующих согласных), сформированы общие и различающиеся черты изучаемых здесь трех систем вокализма.

Учет роли обеих сторон контекста согласных не только позволит обратить внимание на параллельное употребление равного числа различающихся гласных, но также конкретизирует распределение этих гласных по всем актуальным позициям изучаемых звеньев фонетической системы говоров.

Известно, что в позиции после мягких согласных гласные фонемы диалектного русского языка [А], [О] и [Ê] в некоторых частных диалектных системах реализуются в виде двух чередующихся между собой звуков: *а//е*, *о//е*, *е//и*. Чередование происходит в зависимости от мены в словоформах твердости — мягкости следующего за гласным согласного, и при этом возможны совпадения реализаций разных фонем в общих вариантах.

При наличии таких чередований в каждом изучаемом звене фонетической системы наблюдается одна и та же конфигурация распределения по позициям вариантов и вариаций гласных фонем: после твердых согласных — один гласный звук (независимо от мены качества последующих согласных); после мягких согласных (в зависимости от мены твердости—мягкости последующих согласных) — два чередующихся гласных звука (при этом перед мягким согласным всегда более передний вариант). Эту конфигурацию, или соотношение звуков, зависящее от роли позиций, мы будем называть шаблоном.

Представим в табл. 2 схему чередований соответствий фонемам [А], [О], [Ê] по описанному шаблону.

Таблица 2

Фонемы	После твердых согласных		После мягких согласных		Примеры
	перед тв.	перед мягк.	перед тв.	перед мягк.	
[А]	*а*	*а*	*а*	*е*	*р́ана*, *р́ан'ит*, *пр'а́лка*; *пр'ел'и*
[О]	*о*	*о*	*о*	*е*	*корбва*, *корбве*, *с'бла*, *с'ел'ский*
[Ê]	—	—	*е*	*и*	—, —, *р'ек*, *р'и́ч'ка*

Чередования по шаблону известны как под ударением, так и в 1-м предударном слоге, т. е. они могут характеризовать либо оба изучаемых нами звена фонетической системы говора, либо только одно звено (в этом случае только под ударением). Соответствия гласных фонем [А], [О], [Ê] также по-разному в разных

говорах охвачены чередованиями по шаблону. Анализ этих различий позволяет выявить некоторые существенные особенности диалектных фонетических систем, например, такие: Вологодские архаические и Владимирско-Поволжские говоры сближает возможность чередований по шаблону в обоих звеньях фонетической системы, но они последовательно противопоставлены друг другу тем, что в них чередования по шаблону охватывают соответствия разных фонем.

Однако наша задача — проследить, как распределение чередований по шаблону в соответствии фонемам [А], [О], [Ê] в рассматриваемых звеньях фонетической системы говоров соотносится с рассматриваемым здесь вторым видом параллелизма. Сопоставим в табл. 3 данные о чередованиях по шаблону в фонетических системах изучаемых трех говоров.

Таблица 3

Фонемы диал. языка	Влад.-Поволжск.		Вологод. совр.		Вологод. арх.	
	удар.	б/удар.	удар.	б/удар.	удар.	б/удар.
[А]	—	—	+	—	+	+
[О]	+	+	+	—	—	—
[Ê]	—	—	+	—	+	+

Примечание. + обозначает, что в данном звене фонетической системы говора соответствия данной фонемы чередуются по шаблону.

Как видно из табл. 3, Владимирско-Поволжские и Вологодские архаические говоры, которые характеризуются параллелизмом систем вокализма в двух звеньях фонетической системы, обнаруживают параллельность этих же звеньев и в распределении чередований гласных по шаблону. Вологодскому современному типу вокализма, которому не свойствен параллелизм систем вокализма двух звеньев, не свойственны и чередования гласных по шаблону в одном из этих звеньев (в 1-м предударном слоге).

Таким образом, наличие и отсутствие чередований по шаблону в двух звеньях фонетических систем изучаемых говоров аналогично наличию и отсутствию именно второго рассмотренного нами вида параллелизма систем вокализма (параллелизм систем гласных под ударением и в 1-м предударном слоге).

В Вологодских архаических говорах параллелизм систем вокализма ударного и 1-го предударного слогов базируется на сложной основе — на повторении в обоих положениях различий в сочетаемости отдельных гласных с предшествующими твердыми или мягкими согласными и на повторении чередований по аналогич-

ным принципам после мягких согласных для соответствий фонемам [А] и [Ê] в ударном и 1-м предударном слогах [13].

Во Владимирско-Поволжских говорах этот вид параллелизма системы вокализма базируется на тождестве набора гласных фонем как после твердых, так и после мягких согласных. Этот тип вокализма в 1-м предударном слоге полностью повторяет ту же ситуацию в распределении фонем после твердых и мягких согласных, которая характеризует ударный вокализм в данных говорах и присуща также и системе гласных фонем под ударением в литературном русском языке. Диалектная фонетическая система Владимирско-Поволжских говоров приближается к системе литературного языка и в отношении оформления консонантного характера фонетической системы: в этом типе вокализма одновременно после твердых и после мягких согласных могут выступать те же фонемы, что и в литературном русском языке.

Таким образом, фонетическую систему Владимирско-Поволжских говоров последовательно характеризуют оба рассмотренных нами вида параллелизма систем вокализма, в то время как Вологодскую архаическую систему наиболее последовательно характеризует наличие параллелизма систем вокализма под ударением и в 1-м предударном слоге и отсутствие параллелизма систем вокализма после твердых и после мягких согласных.

ВЫВОДЫ

По существу проведенный анализ двух видов параллелизма систем вокализма иллюстрирует известное в диалектологии различие между русскими говорами, которое выражается в различном влиянии на вокализм таких факторов, как твердость или мягкость окружающих гласные согласных и положение слога с гласным по отношению к ударению [14]. Однако представляется, что предложенный здесь аспект анализа обнаруживает некоторые такие стороны диалектных фонетических систем, которые или оставались в тени, или же не находили достаточного объяснения.

Тенденция к установлению параллелизма системы вокализма после твердых и после мягких согласных под ударением, свойственная литературному русскому языку, как показано в цитируемой здесь статье Р. И. Аванесова, ведет к тому, что каждая гласная фонема в сильном положении получает возможность реализации после твердых и после мягких согласных, не изменяя при этом по существу свой основной вид. Та же тенденция, по-видимому, свойственна и вокализму 1-го предударного слога Владимирско-Поволжских говоров. Учитывая это обстоятельство, можно объяс-

---

[13] Отсутствие чередования *о//е* и ёканья (в соответствиях фонеме [О]) следует, по-видимому, связывать с невозможностью *о* после мягких согласных.

[14] См.: *Р. И. Аванесов.* Очерки русской диалектологии. М., 1949, стр. 41; *Он же.* Русская литературная и диалектная фонетика, стр. 125 и сл.

нить «незакономерное» в условиях ёкающих говоров появление произношения предударного *о* между мягкими согласными во Владимирско-Поволжских говорах (например: *н'ос'и́, л'он'и́ва, б'ор'бза, в'ол'ёл* и т. п.). С. К. Пожарицкая пишет по этому поводу: «Произношение *о* в этих случаях может быть объяснено своего рода фонетической индукцией: расширением произношения *о* из позиции, в которой оно фонетически закономерно . . .»[15]. Мы же думаем, что появление примеров типа *н'ос'и́* можно рассматривать как предударную параллель примеров с *о* под ударением (например, таких, как *з'ел'бн'ьн'к'ий, д'енбч'ьк* и т. п.) в говорах, которым присущ параллелизм систем вокализма после твердых и после мягких согласных — как в ударном, так и в 1-м предударном слогах.

Другая примечательная особенность Владимирско-Поволжских говоров, на которую в свое время указывал В. Н. Сидоров [16], — последовательное сохранение *а* между мягкими согласными в 1-м предударном слоге (*п'ат'и́, пр'ад'и́*) и отсутствие чередования *а//е* под ударением — также, возможно, связана с тенденцией к параллелизму систем вокализма после твердых и после мягких согласных как в ударном, так и в 1-м предударном слогах.

Приведенные в настоящей статье наблюдения над явлением параллелизма систем вокализма под ударением и в 1-м предударном слоге в трех севернорусских говорах, по-видимому, позволят поставить вопрос о том, что при создании типологии систем вокализма русских окающих говоров необходимо одновременно учитывать данные о произношении гласных под ударением и в 1-м предударном слоге, так как возможно, что изучение соотношения именно этих данных может выявить существенные характеристики для классификации типов севернорусского вокализма.

К. Ф. ЗАХАРОВА

К ВОПРОСУ О ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ ТИПОВ АССИМИЛЯТИВНО-ДИССИМИЛЯТИВНОГО ЯКАНЬЯ

При определении ассимилятивно-диссимилятивного яканья обычно говорят о соединении двух принципов: диссимилятивного и ассимилятивного. «Ассимилятивно-диссимилятивное яканье развилось на почве диссимилятивного яканья. Какие условия вызвали его появление, неясно, но несомненно отсутствие

---

[15] *С. К. Пожарицкая.* Указ. соч., стр. 68.

[16] *В. Н. Сидоров.* Умеренное яканье в среднерусских говорах и севернорусское ёканье. — В кн.: *В. Н. Сидоров.* Из истории звуков русского языка. М., 1966, стр. 106.

влияния со стороны умеренного яканья. . .» [1], — писал Н. Н. Дурново в то время, когда основные типы ассимилятивно-диссимилятивного яканья еще не были открыты. Позднее, когда это было осуществлено [2], ученых поразило внешнее сходство некоторых разновидностей ассимилятивно-диссимилятивного яканья с известными типами диссимилятивного яканья. Установилось мнение, что каждая разновидность (или тип) ассимилятивно-диссимилятивного яканья развилась на основе определенного типа диссимилятивного яканья, на который «наслоилась ассимилятивность» [3].

Указанная гипотеза о том, что каждый тип ассимилятивно-диссимилятивного яканья развился на основе определенного типа диссимилятивного яканья, очень устойчива в науке: ею не только пытаются объяснить тип предударного вокализма современных говоров, но и используют для реконструкции типов диссимилятивного яканья, не обнаруженных в современных говорах.

Определенные типы диссимилятивного и ассимилятивно-диссимилятивного яканья сближают однотипные закономерности произношения гласных на месте гласных неверхнего подъема перед ударенными *о* (из *е*, ь) и *е* (из *е*, ь и *ѣ*), поэтому вполне допустима частичная общность терминов, обозначающих эти типы яканья. Но вызывает сомнение предположение об их генетическом родстве, т. е. о возможности образования каждого типа ассимилятивно-диссимилятивного яканья на основе указанных типов диссимилятивного яканья (см. сноску 3), а также правомерность сближения этих типов яканья как целостных систем вокализма в синхронном плане.

Могут ли данные современной звуковой системы быть материалом для исторических исследований?

---

[1] *Н. Н. Дурново.* Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Ч. 1. Южновеликорусское наречие. М., 1917, вып. 2, стр. 86—87.

[2] *Р. И. Аванесов.* Очерки диалектологии рязанской мещеры. «Материалы и исследования по русской диалектологии». т. 1. М.—Л., 1949; «Атлас русских говоров центральных областей к востоку от Москвы». Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1957, карта № 7; *В. Д. Бондалетов.* Дополнительные сведения о третьем типе ассимилятивно-диссимилятивного яканья. «Уч. зап. Пензенского пед. ин-та», вып. 3. Пенза, 1956; *Он же.* О четвертой разновидности ассимилятивно-диссимилятивного яканья. «Вопросы теории и методики изучения русского языка». Саратов, 1959.

[3] Так, считается, что Новоселковский тип ассимилятивно-диссимилятивного яканья возник (в результате наслоившейся ассимиляции) на основе Щигровского типа диссимилятивного яканья, Кидусовский — на основе Суджанского (см.: *Р. И. Аванесов.* Очерки русской диалектологии. М., 1949, стр. 90), Култуковский — на основе Мосальского типа диссимилятивного яканья. Диссимилятивного типа яканья, который бы мог быть основой Ореховского типа ассимилятивно-диссимилятивного яканья, до сих пор не обнаружено (см.: «Русская диалектология». Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964, стр. 59—60; *Р. И. Аванесов.* Русский вокализм 1-го предударного слога. — В кн.: «Общеславянский лингвистический атлас. Мат-лы и исслед. 1970». М., 1972, стр. 82).

Материал анализа синхронных систем сравниваемых типов предударного вокализма может явиться одним из главных языковых данных для установления их генезиса [4] при условии, если исследование синхронных систем для этих целей будет включать историческое освещение звуковой системы говоров и такое сравнительно-диалектологическое изучение, при котором сравнивается не только то одно положение, отличающее предударные системы вокализма в настоящее время, но и вся совокупность взаимосвязанных явлений звуковых систем в целом. В данном случае это — количество гласных фонем, качество гласных, в которых они (фонемы) совпадают в 1-м предударном слоге, влияние на них последующей мягкой и твердой согласной и качества ударенной гласной. При этом в анализ предударного вокализма нужно включать и учитывать не только тот лексический материал, в котором позиционно обусловленно реализуются гласные фонемы, но и все случаи грамматикализации и лексикализации, поскольку для генетических целей, как известно, нужно учитывать каждый отдельный факт языка, так как именно анализ внеструктурных фактов (которые в синхронном плане кажутся отступлениями от правил употребления гласных в разных положениях) дает материал для диахронических исследований [5].

Для установления связи двух типов вокализма, сменяющих друг друга во времени, как то было с диссимилятивным и ассимилятивно-диссимилятивным яканьем, путь структурных сопоставлений без учета всей системы вокализма и без учета фактов лексикализации и грамматикализации вообще не пригоден, так как языки (и диалекты) не воспринимают фонетические законы абстрактно, а реализуют их конкретно, согласно своей исходной системе [6]. Следовательно, нужно знать исходную систему, в данном случае, — систему диссимилятивного яканья Суджанского и Щигровского типов, чтобы судить, является ли она основой Кидусовского и Новоселковского типов ассимилятивно-диссимилятивного яканья. Сравнение систем вокализма Щигровского и Суджанского типов яканья с системами вокализма Новоселковского и Кидусовского типов ассимилятивно-диссимилятивного яканья свидетельствует о том, что эти типы не связаны между собой непосредственно ни генетически, ни синхронно.

Сами типы диссимилятивного яканья — Щигровский и Суджанский — очень близки между собой и по своему происхождению и по системе вокализма в синхронном плане [7]. Они пред-

---

[4] «Для диалектологии, как науки исторической, синхронное описание и группировка говоров — не самоцель, а средство и материал для воссоздания истории национального языка» (*В. Н. Сидоров.* Наблюдение над одним из говоров рязанской мещеры. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. 1. М.—Л., 1949, стр. 96).

[5] Там же, стр. 95.

[6] *Р. И. Аванесов.* Очерки диалектологии рязанской мещеры, стр. 233.

[7] Подробнее см.: *К. Ф. Захарова.* Типы диссимилятивного яканья. Канд. дисс. М., 1970; *Она же.* Типы диссимилятивного яканья в русских говорах

ставляют по сути один тип, но с разным набором лексем и словоформ с фонемой ‹и› на месте гласных неверхнего подъема перед ударенным *о* (из *ъ*, *е*, *ь*) и *е* (из *е*, *ь*, *ѣ*). Поэтому характеристика Щигровского и Суджанского типов вокализма дается вместе.

Щигровскому и Суджанскому типам присущи следующие черты вокализма:

1. Наличие пяти гласных фонем (т. е. наличие одной фонемы ‹*о*› и одной фонемы ‹*е*›) и ‹о› на месте *е*, *ь* перед твердыми согласными в корнях и суффиксах слов.

Относительно наличия наряду с ‹е› фонемы ‹ê› в говорах со Щигровским типом яканья еще не все ясно. Но уже известны говоры со Щигровским типом яканья, в которых качество предударного гласного не меняется в зависимости от того, [е] или [ê] произнесено в ударенном слоге.

2. Совпадение гласных неверхнего подъема в 1-м предударном слоге в гласных [а] или [и] как перед твердыми, так и перед мягкими согласными (см. табл. 1). При совпадении в [и] в нем пересекаются ряды чередований фонем неверхнего подъема и ‹и›, что и дает возможность осуществляться лексикализации и грамматикализации произношения [а] и [и] в одном и том же положении.

Гласный [е] на месте гласных неверхнего подъема не характерен для этих типов диссимилятивного яканья. Если он появляется, то только в качестве произносительной разновидности гласного [а].

3. Произношение [а] и [и] на месте гласных неверхнего подъема перед твердыми согласными при ударенном *о* из *ъ* закреплено за определенными, повторяющимися из говора в говор категориями слов, а именно: [а] произносится в существительных муж. и ср. р. твор. п. (например, *с'ал́ом*, *л'асќом*); в прилагательных муж. р. им. п. (например, *с'ад́ой*, *н'ам́ой*), а также в ряде существительных муж. р. с суффиксом *-ок* (например, *л'ас́ок*, *м'ад́ок*).

(лексико-морфонологическая характеристика). — ВЯ, 1971, № 2, где доказывается, что Щигровский и Суджанский типы диссимилятивного яканья могли образоваться на основе одного и того же архаического типа диссимилятивного яканья при утрате им семифонемной системы гласных и действующего фонетического закона диссимилятивного изменения предударного гласного на месте гласных неверхнего подъема в зависимости от качества ударенного гласного. Совпадение при этом гласного [не-а] на месте гласных неверхнего подъема с гласным [и] в 1-м предударном слоге привело к образованию таких типов предударного вокализма, в которых перед ударенными *о* (из *ъ*, *е*, *ь*) и *е* (из *е*, *ь*) мог произноситься [и] на месте гласных неверхнего подъема как след исходной системы диссимилятивного яканья, являющийся в синхронном плане репрезентантом фонемы ‹и›. Лексикализация (типа *св*[и]*кр́овь*, *б*[и]*гл́ом*, *б*[и]*рёза*), грамматическое чередование гласных основы (типа [н'а]*с́у́* — [н'и]*сёшь* и др.) и обобщение гласных основы внутри одной парадигмы (типа [с'а]*л́о́* — [с'а]*л́ом* и др.) являлись условиями устойчивости функционирования таких нефонетических типов яканья.

Таблица 1

Гласные первого предударного слога на месте гласных неверхнего подъема при Щигровском и Суджанском типах

Гласный под ударением	В 1-м предударном слоге			
	перед твердыми согласными		перед мягкими согласными	
	Щигровский	Суджанский	Щигровский	Суджанский
а	*и*	*и*	*и*	*и*
у	*а*	*а*	*а*	*а*
ы, *и*	*а*	*а*	*а*	*а*
о из *ǒ*	*а*	*а*	*а*	*а*
о из *ъ*	*а* и *и*	*а* и *и*	*а* и *и*	*а* и *и*
о из *е*, *ь*			*и*	*и*
е из *е*, *ь*			*(а) и*	*и*
е из *ѣ*	*а (и)*	*(а) и*	*а (и)*	*(а) и*

Примечания. *ǒ* из *ǒ* и из *ъ* после мягких согласных по происхождению только аналогичного характера, поэтому возможно лишь во флексиях и суффиксах существительных (напр., *землёй*, *плетнёв*, как *сестрой*, *столбв*, где *о* из *ǒ*, *плетнём*, *деньк*, как *столбм*, *ссбк*, где *о* из *ъ*).

Произношение *а* и *и* или (*а*), (*и*) в одном и том же положении лексикализовано или грамматикализовано.

Показанное в скобках означает факультативность произношения *а* или *и* для отдельных говоров с этими типами аканья.

[и] произносится в слове *свекрбвь*, наречиях типа *бегбм*, а также в отдельных (в некоторых говорах — многих или всех) существительных с суффиксом *-ок* (например, *б'илбк*, *т'илбк*, *п'итбк*).

4. Сходная закономерность произношения [а] и [и] на месте гласных неверхнего подъема перед ударенным *о* из *ъ* аналогического происхождения после мягкой согласной: [а] произносится перед ударенным *о* во флексиях существительных муж. р. твор. п. — *пл'атн'бм*, *р'амн'бм*, [и] — перед ударенным *о* в суффиксе существительных *-ок*: *д'ин'бк*, *п'ин'бк*.

5. Случаи произношения [а] перед ударенным *а*, если они появляются в этих типах аканья, в бóльшей степени свойственны положению перед твердыми согласными и всегда небезразличны к лексике: при произношении одних слов с [а] другие при этом остаются постоянно с произношением [и]. Эти случаи произношения [а] на месте гласных неверхнего подъема, возможные в положении перед ударенным *а*, не уничтожают характерных черт, перечисленных выше, присущих Щигровскому и Суджанскому типам диссимилятивного аканья [8].

6. Наличие иканья как сосуществующей системы, что особенно заметно в говорах с Суджанским типом аканья.

[8] *К. Ф. Захарова.* Указ. статья, стр. 17.

Естественно ожидать, что типы ассимилятивно-диссимилятивного яканья, развившиеся, как считается, на основе Суджанского и Щигровского типов диссимилятивного яканья, должны сохранять или в какой-то мере отражать перечисленные характерные черты последних систем. Однако этого нет.

Вокализму говоров с ассимилятивно-диссимилятивным яканьем свойственно:

1. Наличие семи гласных фонем (т. е. наличие двух фонем — ‹о› и ‹ô› на месте *о* из *о* под нисходящим ударением, *о* из *ъ* и *о* из *о* под восходящим ударением и двух фонем — ‹е› и ‹ê› на месте *е* из *е*, *ь* и *е* из *ě*) и непереход *е* в *о* перед твердыми согласными. Такой вокализм или следы его характерен для говоров с Новоселковским и Ореховским типами яканья.

2. Совпадение гласных неверхнего подъема в 1-м предударном слоге происходит в гласных [а] и [и]. Однако качество гласного в позициях, где должен произноситься [а], варьируется в зависимости от положения перед твердым или мягким согласным. Самым частым вариантом ассимилятивно-диссимилятивного яканья является тот, при котором гласные неверхнего подъема совпадают в гласном [а] перед ударенными *а*, *о*, *у*, *и* перед твердыми согласными и в гласных типа [е], [ä], [а] — перед мягкими согласными.

Кроме этого, встречаются и другие возможности варьирования гласных на месте гласных неверхнего подъема в положении перед мягкими согласными [9]. Разновидности употребления гласных на месте гласных неверхнего подъема при ассимилятивно-диссимилятивном яканье схематически показаны в табл. 2.

3. В положении перед твердыми согласными при ударенном *о* из *ъ* не отмечается лексикализации произношения с [и] на месте *е*, *о*, *а* некоторых слов, известных при Суджанском и Щигровском типах диссимилятивного яканья. Слово *свекрóвь* произносится только с [а].

4. Характерным является произношение [а] на месте гласных неверхнего подъема перед ударенным *о* из *ъ* (аналогичного происхождения) после мягких и бывших мягких согласных во всех категориях слов: *пл'атн'бм*, *д'ан'бк*, *м'ашбк* [10] и т. д.

5. На месте гласных неверхнего подъема перед твердыми согласными при ударенном *а* произносится только [а] без каких бы то ни было исключений (кроме, может быть, новых слов, приходящих из литературного языка. Хотя даже слово *гектар* широко известно с [а] — *γ'актáр*). Перед мягкими согласными в том же положении возможно произношение не только [е], варьирующегося с гласным [а], но и [и], лексически ограниченного опре-

---

[9] *О. Н. Мораховская.* Соотношение типов яканья в говорах рязанской мещеры. «Материалы и исследования по русской диалектологии». Новая серия, т. III. М., 1962; *К. Ф. Захарова.* Ассимилятивно-диссимилятивное яканье по данным «Атласа русских говоров к югу от Москвы». — В кн.: «Русские говоры». М., 1975.

[10] *Р. И. Аванесов.* Очерки русской диалектологии, стр. 92.

Таблица 2

Гласные 1-го предударного слога на месте гласных неверхнего подъема при Новоселковском и Кидусовском типах

Гласные под ударением	В 1-м предударном слоге							
	перед твердыми согласными		перед мягкими согласными					
	Новоселковский	Кидусовский	Новоселковский (разновидности)			Кидусовский (разновидности)		
а	*а*	*а*	*а (и)*	*а/е/ӓ (и)*	*а/е/ӓ*	*а*	*а/е/ӓ (и)*	*а/е (и)*
у	*а*	*а*	*а*	*а*	*а/е/ӓ*	*а*	*а*	*а/е/ӓ*
ы, и	*а*	*а*	*а*	*а/е/ӓ*	*а/е/ӓ*	*а*	*а*	*а/е/ӓ*
о из *б*	*а*	*а*	*а*	*а/е/ӓ*	*а/е/ӓ*	*а*	*а*	*а/е/ӓ*
о из *ъ*	*а*	*а*	*а*	*а/е/ӓ*	*а/е/ӓ*	*а*	*а*	*а/е/ӓ*
о из *е, ь*			*и*	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*
е из *е, ь*			*и*	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*
е из *ѣ*	*а*	*и (а)*	*а (и)*	*а/е/ӓ (и)*	*а/е/ӓ (и)*	*и (а)*	*и (а)*	*и (а)*

Замечания те же, что и к табл. 1. Знак / (*а/е*) означает свободное варьирование произношения обозначенных гласных.

деленным набором слов, повторяющихся из говора в говор (к ним относятся, например, *одеяло*, *крестьянин*, *ребята*, *меня*, *тебя*, *себя*).

6. Отсутствие, как правило, сосуществующей системы иканья. Наличие элементов умеренного яканья, заключающегося в варьировании звуков типа *а* на месте гласных неверхнего подъема в зависимости от твердости—мягкости последующего согласного: *'at — 'ӓt'*, *'et'* при сохранении произношения гласного [и] в том же соответствии в позициях перед ударенными *е*, *о*.

Общей чертой Щигровского и Суджанского типов диссимилятивного яканья, с одной стороны, и Новоселковского и Кидусовского типов ассимилятивно-диссимилятивного яканья, с другой, является только закономерность произношения [а] или [и] перед ударенными *е* и *'о*, что в синхронной системе вокализма не относится к уровню фонетики [11]. Таким образом, несмотря на ряд сходных элементов в системах рассматриваемых типов яканья (совпадение гласных неверхнего подъема в одном гласном [а] и произношение в этом же соответствии гласных [а] или [и] перед ударенными *е* или *'о*), нельзя считать основой Новоселковского и Кидусовского типов Щигровский и Суджанский типы диссимилятивного яканья (можно говорить лишь о сходстве этих типов яканья) по следующим причинам:

во-первых, наличие семифонемной системы ударенных гласных при ассимилятивно-диссимилятивном яканье само по себе

[11] Подробнее об этом см.: *К. Ф. Захарова.* Ассимилятивно-диссимилятивное яканье по данным «Атласа. . .», стр. 34—40.

отрицает возможность образования Новоселковского типа на основе Щигровского, для которого, как указано выше, характерна пятифонемная система гласных;

во-вторых, лексикализация и грамматикализация произношения [и] в ряде слов и словоформ перед ударенным *о* после твердых согласных (*св*[и]*кровь*, *б*[и]*гом*, *т*[и]*лок* и др.) и перед *о* (аналогического происхождения во флексиях и суффиксах) после мягких и шипящих согласных (*м*[и]*шок*, *д*[и]*нёк* и др.), что типично для типов диссимилятивного яканья, должна была бы сохраниться хотя бы частично и при преобразовании их в ассимилятивно-диссимилятивные типы;

в-третьих, наличие при диссимилятивных типах на месте гласных неверхнего подъема гласного [и] в положении перед ударенным *а* исключает возможность прохождения в них фонетического процесса ассимиляции, поскольку такой процесс вовлек бы в свою орбиту и фонему *и* [12]. Наличие гласного [а] перед ударенным *а* при Щигровском и Суджанском типах предполагает не процесс ассимиляции, а замену гласного [и] (на месте *а*, *о*, *е*), совпадающего с гласным фонемы ‹и›, гласным [а], замену, происходящую не фонетическим путем, а путем аналогических обобщений и лексикализации. Результатом подобного процесса всегда бывает непоследовательность в произношении гласных [а] и [и] на месте гласных неверхнего подъема в этом положении, чего не наблюдается в типах ассимилятивно-диссимилятивного яканья перед твердыми согласными.

Все это свидетельствует о том, что нельзя в синхронном плане определять типы ассимилятивно-диссимилятивного яканья как сочетание Щигровского или Суджанского диссимилятивного яканья с наслоившейся на них ассимилятивностью, тем более, что само понятие наслоения диахронично.

Неправомерно связывать эти типы и в генетическом плане.

В современной науке имеется представление о том, что стоит только снять отступления, имеющиеся в синхронной системе, как обнаружится первоначальный фонетический тип. «Пусть это явление затемнено последствиями поздних явлений и процессов, но разве «архаический» тип не «сбит»?. . . Это явление должно так или иначе отразиться в диалектных системах» [13]. Действие грамматической аналогии. . . «как бы наслаивается на фонетические отношения, в результате чего и возникают отступления от модели в пределе тех или иных грамматических категорий» [14].

Если тип произношения, составляющий сложную взаимосвязанную систему позиционных чередований, возник в результате фонетических закономерностей, то отступления от него в совре-

[12] *В. Н. Сидоров.* Из русской исторической фонетики. М., 1969, стр. 13.
[13] *В. К. Журавлев.* Генезис аканья с точки зрения теории нейтрализации. — ВЯ, 1974, № 4, стр. 45.
[14] «Русская диалектология». М., 1964, стр. 53.

менной системе, конечно, объясняются процессами аналогии, грамматикализации, свидетельствующими об утрате живых фонетических закономерностей. Примером таких отношений «типа» и «отступлений» является обоянский тип диссимилятивного яканья, описанный еще Л. Л. Васильевым [15]. Там, действительно, стоило снять отступления, объяснимые утратой живых фонетических законов, как восстанавливалась схема первоначального фонетического типа вокализма. Но так бывает далеко не всегда.

Нельзя восстановить вид старого типа, сняв позднейшие отступления от него, если сама та система, которая в современном языке называется «типом», образовалась нефонетически, если она вторична. В этом случае можно неправомерно принять за «отступления» от типа то, что является следом первоначального типа. Исследования показали, что так обстоит дело с Суджанским и Щигровским типами диссимилятивного яканья, которые образовались на базе архаического типа диссимилятивного яканья в результате утраты говорами семифонемной системы гласных, прекращения действия фонетического закона, согласно которому на месте гласных неверхнего подъема произносились [а] и [не-а], и совпадению гласного [не-а] в одном варианте с фонемой ‹и›. Последнее определило характер нефонетических изменений в вокализме говоров, заключавшихся в том, что в одних словах перед ударенными *о* и *е* происходила замена [не-а] гласным [а] в результате подравнивания основы слова (*с'ало́ — с'илбм* > *с'албм*), в других словах (с неподвижным ударением типа *свекро́вь*, *неве́ста* и в словах, где наличие фонемы ‹и› на месте гласных неверхнего подъема могло создавать грамматическое чередование основы, характерное для определенных форм парадигмы склонения или спряжения, типа *л'исбк — л'аску́*, *н'ис'бш — н'асу́*) гласный [не-а], равный [и], сохранялся, переходя в фонему ‹и›. Таким образом, тот факт, что Щигровский и Суджанский типы яканья имеют гласные [а] и [и] на месте гласных неверхнего подъема перед ударенными *о* и *е* (что с точки зрения синхронной системы кажется непоследовательностью), свидетельствует не о нарушении чистоты их типов, а об особенностях вокализма этих типов как таковых. Случаи произношения [и] вместо [а] и [а] вместо [и] перед ударенными *о* (из *ъ*) и *е* (из *ѣ*), присущие этим типам на данном синхронном срезе, лексикализованы и грамматикализованы.

Нельзя восстановить первоначальный тип вокализма, сняв отступления, еще и тогда, когда фонетические разновидности гласных при утрате позиционных условий их появления не совпадают в том же положении ни с одним позиционным вариантом другой фонемы, могущим произноситься в этой позиции фонетически независимо, как, например, произносятся варианты фонем *и*, *у*

[15] *Л. Л. Васильев.* Гласные в слоге под ударением в момент возникновения аканья в обоянском говоре. «Изв. ОРЯС», 1904, т. 9, кн. 1.

в 1-м предударном слоге. В этом случае можно «не увидеть» первоначальной основы вокализма. Так, например, в Новоселковском типе ассимилятивно-диссимилятивного яканья нельзя обнаружить основу архаического типа диссимилятивного яканья, так как гласным [не-а] в положении перед твердыми согласными в этом типе был звук, близкий к [е], не совпадавший с [и]. Поэтому при утрате фонетической причины его появления он утрачивался, заменяясь [а], — другой разновидностью слабой фонемы, ранее также позиционно ограниченной определенными фонетическими условиями.

* * *

Без исторических разысканий нельзя решить вопрос об образовании каждого из типов ассимилятивно-диссимилятивного яканья. Тем более, что население — носители говора — этнически и социально не было однородным. Характерно, что Кидусовский и Култуковский типы обычно отмечаются в деревнях с бывшими помещичьими крестьянами, а Новоселковский и Ореховский — с государственными. Кроме того, имеется и важный языковый признак, по которому системы типов различаются. В Кидусовском и Култуковском типах на месте *е* произносится *о* перед твердыми согласными во всех словах и даже в личных формах глагола (из 16 нас. п. с Кидусовским типом непереход *е* > *о* в личных окончаниях глаголов отмечен только в четырех, а из 16 нас. п. с Култуковским типом — только в двух нас. п.), тогда как в Новоселковском и Ореховском типах встречаются случаи неперехода *е* в *о* в отдельных словах, а формы личного окончания глаголов с непереходом *е* в *о* в них обязательны (из 19 нас. п. с Новоселковским типом *о* в личных окончаниях глаголов отмечено в одном; из 17 нас. п. с Ореховским типом — в двух; при этом все эти три населенных пункта находятся на востоке от Тамбова, в самых крайних восточных говорах ареала распространения ассимилятивно-диссимилятивного яканья). Кроме того, среди этих последних говоров отмечаются говоры с непереходом *е* в *о* перед следующей твердой согласной во всех словах, где определить тип — Новоселковский или Ореховский — по имеющимся критериям невозможно.

Все это свидетельствует о том, что нужен специальный материал исторического и этнического порядка, чтобы решить вопрос о происхождении типов ассимилятивно-диссимилятивного яканья, для решения которого одних языковых данных недостаточно. Последнее относится в бóльшей мере к Кидусовскому и особенно к Култуковскому типам, чем к Ореховскому и Новоселковскому.

Возможно, Култуковский тип яканья, отмечаемый на территории междиалектных контактов, а именно, на окраине территории распространения южнорусских говоров, в непосредственном соседстве со среднерусскими говорами, имевшими систему умеренного яканья, мог возникнуть именно как результат вза-

имовлияния и взаимоприспособления двух противоположных типов предударного вокализма. В этих условиях южнорусский безударный вокализм с неразличением гласных неверхнего подъема типа диссимилятивного или ассимилятивно-диссимилятивного яканья с гласными [а] — [не-а] на месте гласных неверхнего подъема в 1-м предударном слоге мог вступать во взаимодействие с владимирско-поволжским по происхождению вокализмом с различением гласных (типа *о—е—а* || *е—е—а* или *е—е—а* || *е—е—а* в соответствии этимологическим *е—ĕ—а* перед твердыми || мягкими согласными) или со среднерусским вокализмом. В результате подобных контактов и взаимовлияний мог возникнуть предударный вокализм, своеобразно сочетающий принципы неразличения гласных неверхнего подъема (южнорусский принцип) с зависимостью качества гласного, в котором совпадают неразличаемые фонемы *а*, *о*, *е*, от твердости—мягкости последующего согласного (севернорусский принцип).

Взаимодействующие системы различения и неразличения гласных неверхнего подъема, которые могли встретиться на территории распространения Култуковского типа яканья, показаны ниже в табл. 3 (где *е—а* означает частичное различение: *е—ĕ*>*е*, *а*>*а*).

Таблица 3

Гласный под ударением	Гласный 1-го предударного слога									
	южнорусск. вокализм		среднерусский вокализм (разновидности)				Влад.-Поволжск. вокализм		Култуковский тип яканья	
	перед тверд.	перед мягк.	перед тверд.	перед мягк.	перед тверд.	перед мягк.	перед тверд.	перед мягк.	перед тверд.	перед мягк.
а	*а*	*а*	*а*	*е—а*	*а*	*и*	*о—е—а*	*е—а*	*а*	*а (е, ä)*
у	*а*	*а*	*а*	*е—а*	*а*	*и*	*о—е—а*	*е—а*	*а*	*а (е, ä)*
и, ы	*а*	*а*	*а*	*е—а*	*а*	*и*	*о—е—а*	*е—а*	*а*	*а (е, ä)*
о	*а*	*а*	*а*	*е—а*	*а*	*и*	*о—е—а*	*е—а*	*а*	*а (е, ä)*
'о		*и*		*е—а*		*и*		*е—а*		*и*
е		*и*		*е—а*		*и*		*е—а*		*и*

При таких лингвоэтнических и исторических условиях, возможных при возникновении Култуковского типа, его образование едва ли можно связывать с Мосальским типом диссимилятивного яканья, так как неизвестно, существовал ли когда-нибудь этот тип яканья на данной территории.

В отношении Новоселковского и Ореховского типов можно более определенно говорить о том, что в их основе был архаический тип диссимилятивного яканья [16] с семифонемной системой

[16] *Н. Н. Дурново.* Указ. соч., стр. 27, 79—82; *Он же.* Ответ проф. Е. Ф. Будде. «Изв. ОРЯС», 1919, т. XXIV, кн. 2. Пг., 1923, стр. 369; *В. Н. Сидоров.* О некоторых случаях изменения предударного *е* в *и* в русских говорах. — В кн.: «Из русской исторической фонетики». М., 1969, стр. 22—

гласных, которая сохраняется и в современных говорах с Новоселковским и Ореховским типами.

Исчезновение архаического типа диссимилятивного яканья в этих говорах вызвали, видимо, следующие причины.

1. Утрата действия фонетического закона диссимилятивного вокализма, что означало утрату фонетической обусловленности произношения на месте *а*, *о*, *е* двух гласных [а] и [не-а] (ε^a—$и^e$, по В. Н. Сидорову), которые составляли одну слабую фонему — выразительницу гласных неверхнего подъема.

2. Гласные [а] и [не-а], составляющие одну слабую фонему 1-го предударного слога, отличались по своему качеству в зависимости от качества последующего согласного и могли быть более заднего образования перед твердыми и более переднего образования перед мягкими согласными.

3. Гласные одной слабой фонемы [а] и [не-а] не совпадали со слабыми фонемами верхнего подъема — [и] и [у], что относилось не только к звуку типа [а], но и к звуку [не-а] в положении перед твердыми согласными. Это определило характер процесса и последующие результаты утраты фонетического закона диссимиляции: когда произношение гласных [а] и [не-а] перестало зависеть от качества ударенных гласных, перед твердыми согласными сохранился лишь один из употреблявшихся ранее позиционных вариантов слабой фонемы, а именно: звук типа [а] вытеснил и заменил звук типа [не-а]. Это значило, что [а] перед твердыми согласными появлялось одновременно и перед ударенным *а* и перед ударенным *о* из *ъ*, уничтожая следы наличия в основе Архаического или Задонского типа диссимилятивного яканья. (Вот почему в говорах с ассимилятивно-диссимилятивным яканьем нет произношений типа *св*[и]*крбвь*, *б*[и]*лбк* и под.).

Перед мягкими согласными гласным [не-а] был звук типа [ь], близкий по звучанию к [и]. Поэтому в этом положении звук [не-а] не заменялся [ä], а совпадал в одном варианте с фонемой ‹и› и, вследствие процессов лексикализации и грамматикализации, стал осознаваться носителями говора как фонема ‹и›.

4. Гласный [не-а] перед мягкими согласными мог заменяться [и] во всех положениях, где он произносился раньше по фонетическим причинам, т. е. перед ударенными *е* из *е*, *ь* и перед *'а*. (Гласного *о* на месте *е*, *ь* в этих говорах еще не было). Однако впоследствии он сохранился как [и] только перед ударенным *е*, где не было параллели с положением перед твердыми согласными.

Следовательно, процесс, в результате которого образовались типы яканья, называемые ассимилятивно-диссимилятивными, не был собственно ассимиляцией, так же как он не был связан с закономерностью умеренного яканья, хотя первоначально, ви-

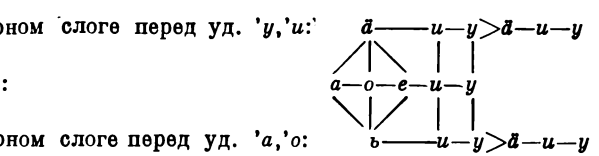

23; *К. Ф. Захарова.* Некоторые случаи утраты архаического типа диссимилятивного яканья. — В кн.: «Материалы и исследования по русской диалектологии». Новая серия, вып. 2. М., 1961.

димо, возникло именно умеренно-диссимилятивное яканье (где близость к умеренному яканью являлась скорее внешним совпадением, так как перед мягкими согласными оставалось произношение *а* перед ударенными *у* и *и*).

5. Распространение произношения [а] перед *'á* было явлением вторичным, которое происходило неодновременно с процессом распространения [а] перед твердыми согласными при ударенных *б* из *ъ* и *á*, и было обусловлено не фонетическими, а чисто морфологическими причинами, поскольку [а] приходило здесь на смену [и]. Свидетельством этому в современных говорах служат постоянные случаи произношения [и] наряду с [а] перед *'á* после мягких согласных при Новоселковском и Кидусовском типах, реже при Ореховском и совсем редко — при Култуковском. Характерен при этом состав слов с [и] перед *'á*, варьирующийся по говорам. Следующие слова отмечаются с гласной *и* в 1-м предударном слоге: числительные — *десятый*, *девятый*, *шестьдесят*, *пятьдесят*; местоимения — *тебя*, *себя*, *меня*; имена — *ребята*, *крестьяне*, *одеяло*, *телята*, *деревянный*, *детя*; реже отмечаются глаголы: *венчать*, *менять*, *стрелять*, *терять*. Эти слова возможны и с [а] и с произношением [е], являющимся часто гласным, промежуточным между *и* и *а*: *и* > *е* > *а*. Это объясняет, видимо, и фонологическую тенденцию говоров произносить *а* в 1-м предударном слоге не только на месте гласных фонем ‹а›, ‹о›, ‹е›, но также и фонемы ‹и›, особенно если фонема ‹и› не проверяется формами словоизменения (ср. *ст'арáт'* и под.).

6. Наличие или отсутствие перехода *е* > *о* перед твердыми согласными определяло тип ассимилятивно-диссимилятивного яканья—Новоселковский или Ореховский. Ореховский тип мог образоваться как на основе Архаического и Задонского типов диссимилятивного яканья при наличии в говоре *о* на месте *е* перед твердыми согласными, так и на основе Новоселковского типа при тех же условиях. При этом процесс образования Ореховского типа мог несколько различаться в зависимости от того, на основе какого яканья он образовывался. В первом случае (при основе диссимилятивного яканья) процесс должен был проходить более последовательно и охватить всю лексику без исключения, поскольку гласный [не-а] перед мягкими согласными хотя и отличался от гласного [не-а] перед твердыми согласными, однако, вероятно, не совпадал еще с фонемой ‹и›, поэтому легко заменялся гласным [ă].

Во втором случае, когда Ореховский тип образовывался на основе Новоселковского типа ассимилятивно-диссимилятивного

яканья, при котором перед ударенными *е* и *'о* произносился гласный [и] в качестве разновидности слабой фонемы [не-а], происходил не фонетический, а аналогический процесс, в результате которого перед ударенным *'о* (по аналогии с положением перед *о́*) появлялся звук *ӓ*. Аналогический процесс замены одной гласной (в данном случае *и*) другой (в данном случае *а*) не уничтожает самой фонемы ‹и› и позволяет существовать отдельным словам или словоформам с фонемой ‹и› в соответствии фонемам неверхнего подъема.

В современных говорах отмечаются как очень последовательные типы Ореховского яканья, так и такие, в которых трудно определить тип — Новоселковский или Ореховский — из-за наличия [а], [ä], [е] и [и] перед ударенным *'о*, а также такие, в которых при последовательном [а] перед *'о* встречаются слова типа *бир'бза* с непроверяемой гласной неверхнего подъема (которая перешла в разряд слов с фонемой ‹и›) и личные формы глагола типа *бир'бш*, образующие с формами *б'ару́*, *б'ару́т'* грамматическое чередование гласной основы [17].

7. Наличие [и] перед ударенным *е* (и *'о*) на месте гласных неверхнего подъема в типах ассимилятивно-диссимилятивного яканья не представляет в современных говорах явления фонетического уровня, а существует как лексикализация и грамматикализация. При этом характерно, что существенной разницы в закономерностях произношения *а* и *и* перед *е* и *'о* в диссимилятивном яканье Суджанского и Щигровского типов и в Кидусовском, Култуковском и Новоселковском, Ореховском типах ассимилятивно-диссимилятивного яканья нет. Это объясняется не тем, что одни из них (типы ассимилятивно-диссимилятивного яканья) имеют в основе другие (Суджанский и Щигровский типы), а тем, что в основе тех и других мог быть один и тот же фонетически существовавший тип вокализма, утрата которого как фонетического явления привела к разным видам и типам вокализма в зависимости от исходного состояния системы и качества гласного не-*а*: на западе гласный [не-а] совпал с *и* и это позволило сохраниться диссимилятивным типам яканья. На востоке гласный не-*а* перед твердыми согласными имел тенденцию переходить в *е*, а перед мягкими — в *и*, что привело к образованию ассимилятивно-диссимилятивного яканья. При этом слова с фонемой ‹и› на месте *о*, *е*, *а* и характер грамматикализации чередования [а] — ‹и› в разных формах слов, варьируясь по говорам, были однотипны в диссимилятивном и ассимилятивно-диссимилятивном яканье.

Общность всех перечисленных типов диссимилятивного и ассимилятивно-диссимилятивного яканья по наличию лексем и словоформ с [и] на месте фонем неверхнего подъема перед *о́* и *е́*

---

[17] Материалы говоров см.: *К. Ф. Захарова.* Ассимилятивно-диссимилятивное яканье по данным «Атласа. . .».

не может представлять сама по себе общности на фонетическом уровне, поскольку для этого нужно, чтобы реальные условия проявления фонетического закона были едины во всех этих говорах, а этого нет.

Фонетическая тенденция всегда конкретна и материальна, так как существует не сама по себе, а как произношение конкретных звуков, которые в данной позиции просто невозможно произносить по-другому. При этом носители языка обычно не замечают характера гласного на уровне фонетики, потому что замечается и осознается только то, что лежит уже на фонемном уровне. Фонетические законы в прошлом охватывали большие территории говоров или языков и были однозначны в период своего действия. Результаты утраты фонетических законов, напротив, дробны, индивидуальны, так как происходят в частных системах и определены их особенностями.

Видимо, и принцип диссимиляции нельзя представлять себе как абстрактно существующий фонетический принцип, накладывавшийся на каждую частную систему и, в зависимости от качества и состава ее ударенных гласных, преобразующий ее предударный вокализм. Напротив, можно предположить, что диссимилятивное аканье и яканье как единое фонетическое явление, вызванное сменой музыкального ударения экспираторным, возникло в говорах с однотипной системой вокализма — семифонемной — и заключалось в одинаковом принципе произношения гласных звуков в одних и тех же фонетических условиях [18]. Тем самым была создана единая система предударного вокализма, не сохранившаяся до настоящего времени, но близкая к Задонскому и Обоянскому типам диссимилятивного яканья, которую называют архаической.

Наличие большого числа диссимилятивных и ассимилятивно-диссимилятивных типов, зафиксированных в современных говорах, представляет лишь следы этой единой системы. Утратившись как живое фонетическое явление, она породила множество частных систем, существующих на нефонетическом уровне, согласно конкретным возможностям каждой частной системы.

---

[18] *А. А. Шахматов.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. «Энциклопедия славянской филологии», вып. II, 1. Пг., 1915; *Н. Н. Дурново.* Очерк истории русского языка. М.—Л., 1924.

Е. Г. БУРОВА, Л. Л. КАСАТКИН

ЧУХЛОМСКОЕ АКАНЬЕ

В северо-западной части Костромской обл. в окружении окающих говоров есть так называемый Чухломской акающий остров. Аканье здесь распространено почти во всем Чухломском р-не, в значительной части Солигаличского р-на и отмечено в пограничных с ними частях Буйского и Галичского р-нов.

Первые сведения об аканье в этих говорах относятся к 1821 г. [1] В 1896 и 1898 гг. говоры эти изучал Ф. И. Покровский [2], а в 1911 г. Н. Н. Соколов [3]. В конце 1940-х — начале 50-х годов говоры северо-западной и западной окраин акающего острова были изучены Г. В. Шайтановой [4]. Отдельные сведения об особенностях костромских акающих говоров содержатся и в статьях других исследователей [5].

В 1940 — 60-е годы костромские говоры были обследованы по «Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» [6]. В настоящее время сектором истории языка и диалектологии Института русского языка АН СССР подготовлен к изданию «Атлас русских говоров центральных областей к северу от Москвы». На картах этого атласа нашла отражение и территория костромских акающих говоров [7].

В 1962 г. мы вместе с А. С. Феоктистовой, тоже работавшей тогда в секторе диалектологии Института русского языка АН СССР, собирая в Костромской обл. материал для «Атласа русских говоров центральных областей к северу от Москвы», побывали

---

1 *Н. Нерехотский.* Слова, употребляемые жителями города Чухломы и его уезда, собранные учителем гимназии Николаем Нерехотским. «Труды общества любителей российской словесности», ч. XX. М., 1821, стр. 150.

2 *Ф. И. Покровский.* О народных говорах северо-западной части Костромской губернии. «Живая старина», год седьмой, вып. III—IV. СПб., 1898;. *Он же.* О народном говоре Чухломского уезда Костромской губернии. «Живая старина», год девятый, вып. III. СПб., 1899.

3 *Н. Н. Соколов.* Акающие говоры Костромской губернии. — РФВ, т. 78, № 3—4. Пг., 1917.

4 *Г. В. Шайтанова.* Говоры по верхнему течению р. Костромы. Канд. дисс. М., 1952; *Она же.* Расширение территории акающих говоров в Костромской области. «Материалы и исследования по русской диалектологии». Новая серия, т. III. М., 1962.

5 См.: *Л. П. Грехова.* К истории аканья в костромских говорах. «Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской», 1964, т. 148, вып. 10.

6 Материалы этих обследований хранятся в Институте русского языка АН СССР.

7 Границы акающего острова на картах, приведенных в настоящей статье, обозначены главным образом на основании карты № 1 этого атласа «Типы вокализма первого предударного слога после исконно твердых согласных» (автор В. Н. Теплова), а также карты № 6 Диалектологического атласа русского языка (сводный том) «Вокализм 1-го предударного слога после мягких согласных на месте гласных неверхнего подъема» (автор К. Ф. Захарова).

на территории акающего острова. В двух населенных пунктах: д. Шартаново тогдашнего Судайского, ныне Чухломского р-на и д. Дудино Чухломского р-на — мы обнаружили, что имеющееся в говоре этих деревень аканье и яканье носит диссимилятивный характер. Из Шартанова мы привезли магнитофонные записи примерно на час звучания, отражающие это явление.

Диссимилятивность — черта очень важная в характеристике безударного вокализма. Это одна из наиболее существенных черт, по которым классифицируются современные акающие говоры. Известно также, что большинство диалектологов и историков русского языка считают эту черту признаком наиболее архаичной системы, а недиссимилятивное аканье и яканье признают результатом позднейшей трансформации диссимилятивного. В Шартанове и Дудине мы были не первыми диалектологами. В секторе диалектологии Института русского языка АН СССР уже имелся материал из этих деревень, собранный для диалектологического атласа. Из Шартанова было даже два ответа на «Программу собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка», один из этих ответов был составлен Г. В. Шайтановой. Но ни в одном из этих ответов не была отмечена диссимиляция.

Просмотрев все ответы на «Программу», хранящиеся в Институте русского языка и составленные на территории акающего острова, мы только в одном из них обнаружили несколько примеров, явно свидетельствующих о наличии в говоре непоследовательно проводимой системы диссимилятивного аканья и диссимилятивно-умеренного яканья. Материал этот был записан А. И. Сологуб и Ю. Г. Сохацкой в д. Аринино, расположенной на северном берегу Чухломского оз. Не было указаний на диссимиляцию и в опубликованных описаниях Чухломского аканья.

Поэтому мы считали необходимым продолжить наблюдения над чухломским говором, чтобы выяснить степень распространенности обнаруженной нами диалектной особенности.

В 1973 г. мы в течение двух недель проводили запись диалектного материала в Чухломском р-не. Мы побывали в пяти населенных пунктах, записали в полевые дневники и на магнитную ленту речь около тридцати жителей этих и соседних деревень. Магнитофонную запись мы производили на аппарате «Репортер-5», записали 40 пленок примерно на 13 часов звучания.

Деревни, выбранные нами для обследования, — это старые населенные пункты с коренным русским населением, расположенные в центре акающего острова: 1) д. Дудино Чухломского сельсовета, находится в 3 км к западу-юго-западу от Чухломы на южном берегу Чухломского оз., 2) поселок (бывшее село) Ножкино Жаровского сельсовета, расположен на северном берегу Чухломского оз. на тракте Чухлома—Солигалич в 13 км от Чухломы, 3) д. Григорьевская Жаровского сельсовета, в 2 км от Ножкина по дороге на Солигалич, 4) д. Повалихино Повалихинского сель-

совета, лежит на дороге Чухлома—Судай в 20 км от Чухломы, 5) д. Нестерово Повалихинского сельсовета — в 1 км от Повалихина по дороге на Чухлому.

Записи, сделанные нами в этих деревнях, наблюдения наши над речью случайных попутчиков в автобусе, в магазинах, на улице подтверждали наши первоначальные наблюдения: чухломское аканье и яканье характеризуется диссимилятивностью. Черту эту нельзя считать новой: она типична для речи всех слоев населения. Характерна она и для наиболее пожилых местных жителей, основных наших информантов, в том числе и таких, которые родились в 90-х годах XIX в. Таким образом, диссимилятивное аканье и яканье, конечно, были в чухломских говорах и в XIX в., и в начале XX в. Ф. Н. Покровский, Н. Н. Соколов и другие его просто не заметили.

В 1974 г. мы обследовали пять населенных пунктов Солигаличского р-на: 1) д. Четряково Солигаличского сельсовета в 10 км от Солигалича на запад-юго-запад, 2) с. Высокó Высоковского сельсовета в 25 км на северо-восток от Солигалича (33 км по дороге), 3) д. Боярсково в 1 км от Высока, 4) д. Нетёсово Бурдуковского сельсовета в 13 км на восток от Солигалича, 5) д. Тарасово Бурдуковского сельсовета в 2 км от Нетёсова на восток. Кроме того, в Солигаличе нами была записана речь жительницы д. Коротково Нижне-Березовецкого сельсовета, находящейся в 33 км на юго-запад от Солигалича. Деревни Нетёсово, Тарасово и Коротково стоят на р. Костроме.

Во всех этих деревнях мы записали речь местных жителей магнитофоном «Репортер-5» на 30 кассетах примерно на 10 часов звучания.

Обследованные нами деревни Солигаличского района расположены на северо-западной и западной окраинах акающего острова. Система безударного вокализма этих говоров отличается от Чухломских отсутствием диссимиляции. По-видимому, говоры эти недавно перешли от оканья к аканью: сквозь недиссимилятивное аканье и умеренное яканье отчетливо проступает севернорусское различение гласных неверхнего подъема. Это проявляется в следующем. После твердых согласных на месте ‹о› может изредка произноситься [о] в безударных слогах. На месте ‹о, а› в 1-м предударном слоге перед разными ударенными гласными произносится часто [ъ], раствор рта вообще небольшой, гласные в этой позиции «поджатые». После мягких согласных перед твердыми на месте ‹е, о, а› возможны разные звуки от [е] до [а], но [е, æ] чаще на месте ‹е, о›, [а] — чаще на месте ‹а›. Между мягкими согласными на месте этимологических *е*, *ь*, *а* обычен [е], на месте *ѣ* обычен [и].

Говоры эти относятся к группе, обследованной и описанной Г. В. Шайтановой. Ее наблюдения в основном не расходятся с нашими. Поэтому мы не будем останавливаться подробно на характеристике этих говоров. Скажем еще только, что по расска-

зам местных жителей подобные говоры распространены на всей западной части акающей территории Солигаличского р-на. Отличаются от этих говоров, в частности, говоры деревень Лосевского сельсовета Солигаличского р-на, которые характеризуются теми же чертами, что и чухломские говоры.

Магнитофонные записи, сделанные нами в 1962 и 1973 гг. в указанных деревнях Чухломского р-на, были нами расшифрованы, многие из них почти сплошь затранскрибированы. Расшифровка эта производилась нами на слух. При этом мы пользовались аппаратурой Лаборатории экспериментальной фонетики Института русского языка АН СССР, в частности специальным магнитофоном, на котором возможно прослушивание на кольце магнитной ленты одного и того же слова подряд много раз, возможно воспроизведение записи в замедленном темпе на разных скоростях, пользовались вращающейся магнитофонной головкой, позволяющей прослушивать отдельные сегменты звука и устанавливать их длительность. Все это помогало нам определять характер звуков в сомнительных случаях.

Обследованные нами чухломские говоры характеризуются большим единообразием безударного вокализма. Лишь незначительные различия в этой области отмечены нами.

После твердых согласных в первом предударном слоге гласные ‹о› и ‹а› совпадают в одном и том же звуке. Перед ударенным [а] этим звуком обычно бывает [ъ]: на месте ‹о›: *пръпа́л, глубъка́, въда́, дъ дна́-тъ н'и дъста́н'еш, пъшла́, пъпа́с'-тъ, дъска́, стъйа́т, н'и пъ на́шъму, слъма́лъ, къпла́, дъйа́ркъ, въйна́тъ, къса́м, мъна́х, гъда́, свъйа́, гръза́, пънра́ицъ, пъжа́р, пръда́с, лъма́т', съска́* и т. п.; на месте ‹а›: *нъшла́, нъма́жым, гръбл'а́м, дъва́л'и, тъска́л'и, въл'а́э̯ъ, пр'иглъша́л'и, къта́йут, къка́ъ, снъч'а́лъ, тъка́ъ, фстъва́лъ, вър'а́т, пъпъда́эт, скъза́т', съма́, стъла́, съжа́л'и, укръша́л'и, въл'а́йу̯ъ, нън'а́т', зъста́л'и, хвъта́аш* и т. п. Перед остальными ударенными гласными обычно этим звуком бывает [а]: на месте ‹о›: *гъвар'и́л'и, хад'и́л'и, сажгл'и́, катлы́, мълады́э, фтарыйе, пътану́лъ, пайду́, свайу́, гадбф, хърашб, з гълавбй скатбм, гаршбк, пъдагбм, гас'т'е́й, свайе́, кан'е́шнъ, пахл'бпку, пан'бс, дӑд'бш, ч'илав'е́к, зъгар'е́лъс'ъ, бал'е́ет* и т. п.; на месте ‹а›: *нашл'и́, пъ как'и́м-тъ, так'и́е-тъ, трашы́, утаты́л'и, закры́ла, заблу́д'ъ̯ъ, дайу́т, капу́стъ, дамнб, на лбтк'и, нарбт, такбй, налбжэш, картбшку, пъпад'бш, парн'бк, клад'бш, пъ трав'е́, нам'е́л'им* и т. п.

Перед ударенным [а] вместо [ъ] могут произноситься звуки более открытые: [ъ̯, а̯] и даже иногда [а]: *дръва́, пръпа́л, пъшла́, бъйа́ъ̯ъ, въда́-тъ; тъка́йъ, бъгра́м'и, зъжа́р'им, съма́, къч'а́йут; са̯жгла́, кра̯ва́т'и, ста̯лба́, па̯па́л'и, па̯жа́ру-тъ; спла̯вл'а́йут, фста̯ва́й, на̯ста́ᵂ'им, зда̯ва́т', та̯ска́л'и; пра̯па́л, паша́л, па йа́гъды, нач'а́м'и, пра̯рвалъс'; на ма́с'л'ьн'ᵊцы, сад'а́ъ̯ъ, нар'а́дныи, здава́л'и* и т. п.

Но при этом разница между предударными гласными все равно сохраняется благодаря тому, что перед [á] гласный гораздо короче, чем звук, выступающий перед остальными ударенными гласными. Очень часто на месте [а] не перед [á] произносится звук повышенной длительности [ā] или [ą̄] — звук более открытый, чем в московском варианте литературного языка: *кāпу́сту*, *пāйду́*, *пъпāйу́*, *кāрóвы*, *блъγāрóдны*, *пāлóжът*, *кāн'éшнъ*, *нāéрнъ*, *пāéд'им*, *ч'илāв'éкъ* — *хą̄д'úлъ*, *кą̄с'úт'-тъ*, *сą̄шл'úс'*, *мą̄шы́ну*, *пъкрą̄шу́*, *зą̄бóтъ*, *рą̄бóтут*, *кą̄лхóс*, *знą̄кóм'ил'ис'*, и т. п.

Об этой особенности чухломских говоров Ф. И. Покровский писал так: «Открытость произношения *а* в акающем чухломском говоре, особенно в центральных волостях уезда — Бореевской, Мирохановской и Алешковской, — так велика, что здесь очень часто конечное ударяемое *а* в последнем слове фразы, — преимущественно же в ответах, вопросах и приказаниях, — а также и неударяемое *а* в слоге, стоящем непосредственно пред ударением, того слова, на котором стоит логическое ударение фразы, произносится, — главным образом женщинами и по преимуществу старухами, — с такою протяжностью, что в нем слышится почти двойное *а*, неприятно поражающее стороннего наблюдателя своею тягучестью и крикливостью. Так, здесь очень часто можно услышать: д*аа*, пр*ааст*ите, у сн*аах*и, ни бизп*аако*или, спр*ааси*л, к*аа*рмилиц (=кормилец), семь к*аа*пеик (=копеек), в*аа*рочать, н*аа*шли, все р*аа*вно, здд*аа*ровье, ск*аа*жу, гляяжу, ляяхко (=легко), к*аа*кое тибе! и под.» [8]. Очевидно, не случайно среди этих примеров Ф. И. Покровский не приводит ни одного с ударенным *а* [9].

Перед ударенными гласными ненижнего подъема в редких случаях бывает и [ъ, ъ̯]: *къс'и́*, *гъвър'и́т*, *къды́*, *стълбы́*, *гъвър'у́*, *пътъну́лъ*, *пъйду́*, *къкбэ*, *нъ̯йд'бш*, *пъс'блък*, *кън'éшнъ*, *мъ̯м'éнт*, *мъ̯йé* и т. п. Обычно это наблюдается при ускорении темпа речи, недостаточной громкости, что вызывает ослабление артикуляции и редукцию всего слова. Особенно часто такой [ъ] наблюдается в формах слова *говорить* и в слове *конечно* в результате тенденции к неполному их «проговариванию».

В остальных предударных слогах на месте ‹о, а› обычно произносится [ъ], хотя и в этой позиции проявляется диссимилятивная

---

[8] *Ф. И. Покровский.* О народном говоре Чухломского уезда Костромской губернии, стр. 333.

[9] Подобное же явление — бóльшая длительность предударных гласных неверхнего подъема перед ударенными гласными верхнего и верхне-среднего подъемов — отмечено в говорах на стыке РСФСР, УССР и БССР. Наиболее подробно это описано в работах: *О. Курило.* Фонетичні та деякі морфологічні особливості говірки с. Хоробричів Городнянського району Чернігівської області. Київ, 1924; *Н. Т. Войтович.* К вопросу о путях развития аканья в восточнославянских языках. «Общеславянский лингвистический атлас. Мат-лы и исслед. 1970». М., 1972; *А. С. Белая.* К характеристике квантитативно-просодических различий в надсновских говорах на Черниговщине. «Общеславянский лингвистический атлас. Мат-лы и исслед. 1971». М., 1974.

зависимость: перед [ъ] первого предударного и других предударных слогов часто наблюдается [а]: *съб'ира́аш, пъ д'ис'а́тку, мълако́, лъшэд'а́м, мънастыр'с'к'ие; зъм'ин'а́лъ, нъ в'атру́, съмыйу́, зъгр'еба́йᵘт, дъл'ако́н'къ; пъ д'ир'имн'а́м, нъ пъръс'а́т'н'ик'и, нъ лъшэд'а́х, нъ кл'ъв'ару́, кълъкал'е́ч'к'и; таргъва́л'и, папръвл'а́цъ, сталъва́т', гавър'а́т, падъбра́л, на пърт'а́нк'и, нъ м'ашк'и́; за въс'æмна́цът', напъпъла́м* и т. п.[10]

В абсолютном начале слова, после паузы, так же как и после конечного гласного предшествующего слова, указанная закономерность сохраняется: в этой позиции произносится [ъ] в тех же случаях, что и после твердой согласной: *ъна́, ъп'а́т', ъста́л'ис', нъ ъта́ву, н'и ъз'а́бн'иш, ъна́ и ъста́лъс'*; *ъгаро́ды, ъгурцы́*. В этом положении возможны и [ạ, а]: *ạдна́, ạста́в'илъ, ạтта́ск'ивъл'и, ана́, ата́въ, аткат'иця́, ап'а́т'*. В соответствии с общей закономерностью, т. е. не перед [а], в этой позиции произносится [а]: *ан'и́, апу́с'т'им, ав'и́н, ахо́тъ, ад'о́жы, ав'о́с, ан'е́, аб'е́д'н'и, абйе́з'д'им, абйе́хъл'и; агърад'и́л'и, агъра́жывъл'и, аддъва́й, аддъла́, атъбра́л'и, акъйа́нныэ, абв'ид'о́ш, абв'ин'ч'а́т', агурцы́*.

В заударном положении на месте ‹›, а› после твердых согласных произносится [ъ] [11], в конечном открытом слоге перед паузой возможны также и более открытые гласные [ъ, ạ, а]: *лу́къвых, йа́гъды, в го́ръд'и, гблъшу, йо́лъч'ку; абйе́хъл'и, рас'п'е́лъс'æ, сва́тъця́, рабо́тъл'и, фс'о́дък'и; со́рък, го́рбъм, ма́с'л'ин'икъф, нъпа́лък, бу́квъф; рабо́тъл, вот э́дък, д'е́лът', хла́пън, в б'ис'е́дъх; дъл'ако́н'къ, ма́лъ, кан'е́шнъ, ско́къ, ф'с'о йако́нъ бы́лъ; слъма́лъ, с'истр'и́цъ, ма́ткъ, палпу́дъ, хл'е́бъ; уто́птънъ, п'ир'ив'арну́лъ, ра́нъ, за бз'ера, м'еста́-та, кāлхо́с-та, гумно́-та, ра́да, т'о́тка* и т. п.

В неконечном слоге отмечены случаи редукции гласного до нуля: *д'в'ена́ци* (однако ритмическая структура слова сохранена благодаря тому что [ц] слоговой).

В безударной позиции, чаще всего в открытом конечном слоге, нами отмечены и гласные более закрытые: [ъ, ы] или даже [ы]: *стъйа́т, фстъва́й, въйна́, дъйа́рк'и, нъ сын'а́х, гъвыр'а́т, слы́шылъ,*

---

[10] Н. Н. Соколов по поводу этой позиции пишет: «После твердой согласной в большинстве говоров *а* является только в 1-м предударном слоге, а в остальных положениях являются гласные редуцированные — *а* неполного образования или ъ. Напр. *стаpана́* или *стъpана́*. Диалектически, кажется, в говорах более южных может являться и полное аканье, т. е. *а* во всех неударяемых положениях, напр. *стаpана́*» (указ. соч., стр. 142). Ф. И. Покровский же в отличие от этого указывает: «Во втором и следующих слогах пред ударением акающий чухломский говор также произносит на месте древних орфографических *а* и *о* довольно открытое *а* как в начале слов, так и после твердых согласных, а между ними и шипящих и *ц*. Поэтому здесь говорится: *а*тступилася вм. *от*ступилася, *а*гароды, *а*динокий, сва*а*во, нава*а*ривались, г*а*варитса, падишевле и т. п. (указ. соч., стр. 331—332). Для обследованных нами чухломских говоров произношение, указанное Ф. И. Покровским, не характерно.

[11] И здесь тоже Ф. И. Покровский указывает на произношение *а*: участв*а*вать, за ягадам, Федаров, тропк*а*й, Михайлав и т. п. (указ. соч., стр. 332).

з'д'ёлъл'и, пр'ú слыны, рабóтылы, сы́пыл'и, вы́дыла, вы́рыс'л'и, ф калхóзный кантóр'и, т'úхы, йа кас'úлы, бóл'ны, паступ'úлы, рабóтълы, с пóйазды, ат'в'ёт'илы, спас'úбы, йа спрас'úлы, ц''ы́с'т'илы, скат'úны гул'á ла, стáраа-та рáмы и т. п. Такое произношение наблюдалось нами главным образом в Ножкине и Повалихине. Повсеместно с [ы] распространено слово *нáды*.

Фонема ‹о›, как уже сказано, в безударных слогах совпадает с ‹а› в одном звуке. Однако наблюдаются также следы различения этих фонем. Это проявляется в том, что иногда на месте ‹о› в безударном положении произносятся лабиализованные звуки типа [о, о^{ъ}, ъ^{о}]. Больше всего таких примеров отмечено нами в позиции перед ударенным [а]: *хвостáм'и, пъбросáт', когдá, угоша́йут, стойáт, кǫгдá, ръ^{о}стрáивът', по^{ъ}мáх'ивут, о^{ъ}днá, со^{ъ}брáтца, по^{ъ}дáм, по^{ъ}бáивал'ис'ь, сно^{ъ}хá, бо^{ъ}л'áт, и о^{ъ}нá, по^{ъ}пáл, пъ гъло^{ъ}вáм, в гъро^{ъ}дáф, го^{ъ}внá, хъ^{о}лстá, пъ^{о}шлá, гъ^{о}н'áэм, пъ^{о}стáф'т'е, къ^{о}дá, пъ^{о}пáлā, пъ^{о}р'áдък, ръ^{о}д'н'á, ръзлъ^{о}мáл'и, пъгъ^{о}с'т'áт, пъ^{о}пáл, ръ^{о}скáзывълъ, съ^{о}брáн'йе, н'икъ^{о}гдá, пъ^{о}кá, да ъ^{о}гл'áдъвълс'е, къ^{о}гдá, ъ^{о}стáш'ил'и, гъшъ^{о}р'áт, прашъ^{о}жáт', пъ^{о}звáл'и, к'илъ^{о}грáм* и др.

В позиции перед ударенным [а] нами отмечен лабиализованный звук и в таких словах, которые в литературном языке и многих говорах знают на его месте фонему ‹а›: *пъ^{о}хáл'и, спъ^{о}хáл'и, руко^{ъ}вá, бъ^{о}зáры, мо^{ъ}хáет*, также *бо^{ъ}рáн, бъ^{о}рáшек, бъ^{о}рáнк'и*. Однако в слове *баран* (в производных, а также и в слове *баранка*, преобразованном под его влиянием [12]) во многих окающих, различающих ‹а› и ‹о› говорах, в том числе и в говорах, граничащих с чухломским акающим островом, отмечается произношение предударного [о] [13]. Часто произносятся с предударным [о] в окающих говорах и слова *похáть, руковá, бозáр* [14].

В остальных безударных позициях лабиализованные звуки единичны: *мъ^{о}йé, свъ^{о}йé, хоръ^{о}шá, попъд'йá, во^{ъ}йевáл, ъ^{о}кръ^{о}м'á, гъ^{о}ръ^{о}дáх, ъ^{о}стънáвл'ивъш, пъ^{о}въс'ęмнáщът'и, пр'áмо пърт'áнк'и, нъпáлок, сýмоч'къ, лукóшко^{ъ}ф, л'ётъм-ъ^{о}т, што́-тъ^{о} харóшаэ, вы́стръ^{о}ил'ис'ъ, д'ёдушкъ^{о} сам, токъ^{о} и (всего), с маткъ^{о}й* и др.[15]

---

[12] См.: *М. Фасмер.* Этимологический словарь русского языка. Т. I. М., 1964; «Этимологический словарь русского языка». Под ред. Н. М. Шанского. Т. I, вып. 2. М., 1965.

[13] См.: «Атлас русских говоров центральных областей к северу от Москвы», карта № 5 «Гласный [а] или [о] в первом предударном слоге в слове *баран* в окающих говорах» (автор В. Н. Теплова); «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы». М., 1957, карта № 2 «Предударный гласный в словах *забота, баран, стакан* в окающих говорах».

[14] См.: «Атлас русских говоров центральных областей к северу от Москвы», карта № 2 «Гласный на месте *о* в первом предударном слоге после исконно твердых согласных в окающих говорах» (автор В. Н. Теплова).

[15] Ф. И. Покровский тоже указывает на произношение в виде исключения безударного [о]. Такой [о], по его мнению, в предударном положении встречается чаще всего в предлогах и приставках, а в заударном поло-

Таким образом, позиция перед ударенным [а] резко отличается от остальных позиций по количеству примеров с лабиализованным гласным на месте фонемы ‹о›, хотя и в этой позиции примеров с [ъ] во много раз больше. Однако произношение [ъ] и лабиализованного гласного на месте ‹о› перед [á] встречается у одних и тех же лиц, иногда в одних и тех же словах. Отмечено такое произношение нами у многих говорящих и во всех обследованных нами населенных пунктах. Это дает основание предполагать, что перед [á] различение фонем ‹о› и ‹а› держится еще прочно в системе говора, хотя в речи такое различение проявляется уже редко. В остальных же позициях существуют лишь слабые следы этого различения.

Фонемы ‹у› и ‹и› обычно после твердых согласных в безударном положении реализуются соответственно в звуках [у] и [ы]. Однако есть и отклонения.

На месте ‹у› во втором предударном слоге отмечается иногда [ъ]: *дъракýй*, *жъравл'и́*, *мъжыч'кбф*. В заударном положении кроме [ъ] бывает также и [ы]: *зббкъ был*, *грыжъ* [16] *пълуч'и́ла*, *смблъды и дъ стáръс'т'и*, *ф стбръны* (ед. ч.), *вы́рыгаӣъ*, *цы́лыйу*, *вар'бныйу*.

На месте ‹и› отмечен [ъ] в первом предударном слоге перед ударенным [а]: *бъка* (=быка), *ътръгáаӣъ*, *аддъша́лъс'ъ* (ср. также *аддахáт'* — пример, записанный от жительницы д. Коротково Нижне-Березовецкого сельсовета Солигаличского р-на [17]. В заударном положении: *с óпътъ*.

После мягких согласных в первом предударном слоге выступает система диссимилятивно-умеренного яканья. Проявляется она в следующем.

Перед твердыми согласными перед ударенным [а] на месте гласных неверхнего подъема обычно произносится [е]: *хл'ебáй*, *с'естрá*, *фч'ерáшн'ъвъ*, *бр'евнá*, *пъбр'елá*, *зъп'ерлá*, *пъл'евӓӕ-тъ*, *зъгр'ебáй̈т*, *въс'емнáӣът'*, *з'ернá*, *пъм'ерлá-тъ*, *шъф'ерá; м'естá*, *р'екá*, *сл'езáй*, *ср'езáаш*, *д'в'енáӣът'и*, *пр'иц'с'едáт'ил'ем*, *пъ л'етáм*, *л'есá*, *д'елá*, *стр'елá*, *спъдр'езáэш*, *д'ив'етнáӣът'*, *п'етнáӣът'*. Реже встречается произношение более открытого гласного: *пъм'ęрлá*, *з'ęрнá*, *нъд'ęвáл'и*, *пр'иц'с'ęдáт'ил'*, *м'ęстáм'и*, *вз'ęлá*, *въс'æмнáӣът'*, *р'æкá*, *п'æтнáӣът'*, *К'ъл'ædá* (фамилия), *у Л'аксáндры*, *п'атнáӣът'*, *пол т'аглá*.

Перед остальными ударенными гласными произносится [а] или еще более открытый гласный [ą]. Этот гласный отличается

жении — в падежных окончаниях имен существительных и прилагательных (указ. соч., стр. 331, 332).

[16] Если это не форма именительного падежа.

[17] Подобное совпадение в этой позиции фонем ‹о, а› и ‹и› характерно и для западных южнорусских говоров с диссимилятивным аканьем. См., напр.: *И. Л. Сталькова.* Предударный гласный ы (этимологический) в системе диссимилятивного аканья. «Исследования по русской диалектологии». М., 1973, стр. 78 и сл.

от гласного, произносящегося перед [á], не только большей открытостью, но и большей длительностью. При одинаковом темпе, громкости, четкости произношения эта разница особенно заметна в стоящих рядом словах с ударенными гласными [а] и [не- а] и отмечалась нами много раз (как и после твердых согласных). В нашей транскрипции это часто не отражено, так как знак долготы мы ставили только в том случае, когда длительность гласного приближалась по слуховому ощущению к длительности нормальных (литературных) двух гласных: *в'арнӯ́ў'а, к йамӯ́, пр'ив'азӯ́т, съб'арӯ́т, пъч'амӯ́, нъ кл'ьв'арӯ́, с'алӯ́; б'агӯ́т, нъ в'атрӯ́, в л'асӯ́, зъ р'акӯ́; пръкл'анӯ́л'и, йарши́, ч'аты́р'и, в'арсты́, нутр'аны́м, д'аржы́с'; р'ады́; пън'асло́, ф'с'ави́, дъл'ако́н'къ, з'арно́, с'ави́д'н'и, в'асно́й, йаши́, къл'анко́ръва; зъ р'ако́й, в'адро́; св'акро́ф, л'ано́й, в'адро́м, св'ато́й; д'арӯ́ӣъ, т'алӯ́шыч'ку, пр'ив'азӯ́т, н'ич'а́; пъв'азӯ́т, ръз'б'агӯ́ӣъ, в л'асӯ́, н'ич'ави́.*

В предлогах, приставках, отрицательной частице на месте этимологического *е* перед твердыми согласными обычен [и]: *б'ис хл'е́бъ, п'ър'ивоз'ит, п'ир'ишо́л, п'ър'ихо́д'ат, н'и на́ш, н'и зна́йу, н'и ста́л'и, н'и ра́зу, н'и на́ды, н'и бӯ́д'ет, н'и вы́ръсла, н'ило́фкъйъ, н'ихто́, н'идо́ӯгъ.*

Между мягкими согласными в 1-м предударном слоге на месте гласных неверхнего подъема обычен [и]: *т'ил'а́ты, д'ин'ка́, д'ир'им'н'а́м; зъм'ин'а́лъ, в'ин'ч'а́л'ис', б'ил'а́нк'и, см'ийа́ць; пъгл'ид'а́т, д'йич'ка́; ув'ил'и́, в'ил'и́к, ф'п'ир'ид'и́, ф' т'им'и́; в д'ив'и́цъх, л'ич'и́л'ис', пъм'ис'т'и́л'и, д'ив'ит'и́, пъгл'ид'и́, р'иб'ит'и́шк'и, гр'из'и́ӣъ, нъд'ийӯ́т; н'ис'о́м, ч'ит'в'о́ртый, в'ир'хо́м, пл'ич'о́, з'ил'о́ный; в'ид'о́р, в'ид'о́рк'и; нъпр'ид'о́м; със'н'ич'о́к; в'из'д'е́, т'ип'е́р', д'ир'е́м'н'у, с'ил'е́н'йьм, п'ич'е́н'йа, з'в'ир'е́й, с'в'ит'е́ц, д'ит'е́й; в б'ис'е́дъх, н'ид'е́л'у, н'ив'е́сту, с'иб'е́, с'ил'е́тк'и, л'ит'е́л; в р'ик'е́, в бъч'иг'е́.*

Изредка в этой позиции наблюдается более открытый гласный [и] или даже [ę, е]: *д'ц'а́ткъм, н'ц'з'а́, л'ц'т'и́т, с'ц'р'по́м, н'ц'о́т, в д'ц'р'е́в'н'у, т'цп'е́р', зъп'ц'р'е́т', ч'ит'в'ęр'га́, нът'ęр'е́б'ит, с'ęр'по́м, пр'ин'ęс'о́м, с'еч'а́с, б'ел'а́нк'и, ч'ᶣ'ерн'и́къ, т'ел'о́нъч'къ, пъгл'ед'и́.*

Впрочем, на месте ‹и› в этой позиции наряду с обычным [и] также отмечается изредка более открытый гласный: *пръс'ц'д'а́т, пр'ед'о́м дамо́й.*

Все шипящие, кроме [ч'], произносятся твердо, и гласные рядом с ними «ведут себя» так же, как рядом с парными твердыми согласными. После шипящих перед ударенным [а] чаще всего произносится гласный среднего подъема: *шэсна́ӣът', жэна́, жэна́тъй, мужэв'йа́, ӣэпа́лъва, ӣэпа́л'иха, мужэв'йа́м, на лъшэд'а́х.* Однако могут быть и колебания в сторону более низкого или, перед мягким согласным, более высокого подъема гласного: *ржана́йъ, шъсна́ӣът', на лъшъд'а́х, лъшъд'а́м'и, на лъшад'а́х, жана́-тъ, шаба́шку, нъ лъшыд'а́х, лъшыд'а́м, нъ жырд'а́х* и др.

Перед остальными ударенными гласными обычен [а]: *жану́, жалу́дъкъ, жарӯт (=сожрут), в жару́; пшан'и́шнъй, жан'и́х, шат'и́нъ, плъшан'и́цы, нъ лъшад'и́, жар'и́шъ; ж жанбй, шастбйъ, ч'ижалб́, ръжаствб́, р'ишатб́, ържанбйа, шастбм, шапбтку, дъжавбй, жап'бнк'и, кужал'бч'ик, лъшад'бнкъ, лъшад'ей, жал'ч''ей, г жан'е́, пъжал'е́эш* и др.

Твердость или мягкость согласного, следующего за предударным гласным, обычно не влияет на предударный гласный, стоящий после твердого шипящего, как и после парного твердого согласного. Однако есть несколько исключений из этого правила. Так, с [ы] перед мягким согласным постоянно произносится слово *жыл'е́зъ* и производные от него: *жыл'е́знъй, жыл'е́знъйъ* и т. п. (в одном случае отмечено и *жал'е́зные*), а также *ръшыв'е́л'ъвъ̄а, съжын'е́й, инжын'е́р, жык'е́тк'и* (два последних, видимо, из литературного языка). В этих случаях твердый шипящий функционирует как мягкий согласный.

Твердый шипящий, стоящий после предударного гласного тоже, как правило, функционирует как твердый согласный: после мягких согласных перед твердыми шипящими гласные ведут себя обычно как и перед парными твердыми: перед [а́]: *б'ежа́лъ, м'еша́эт, гр'иб'ешка́м, нър'ежа́йут, пъ̈ежа́й, кл'еша́м, гр'ешна́, кър'ешка́м, л'ежа́т'* и т. п. Гораздо реже встречаются более открытые гласные: *л'ѧжа́лъ, м'æша́йут, гр'æшна́, лæжа́т, нар'æжа́йс'е, пъб'ажа́л, м'ид'в'ажа́т, л'ажа́лъ, м'аша́эт, пр'идупр'ажда́йу*. Перед остальными ударенными гласными: *пръл'ажы́т, р'ашы́л, пр'иб'ажы́т, пр'инъдл'ажы́т, хл'аша́ы, пл'ашы́ны, л'ажу́, ръзр'ашу́, пл'ашу́, д'ажу́р'ный, кр'аша́у, гл'ажу́, м'аждý йим, м'ашкóф, с'м'ашнб́, с'н'ажнбй, п'ашкóм, уб'ир'ажóм, р'ашбтк'и, м'ашóк, с'н'ажóк, кр'ашбный, зъпр'ажóт, пл'ит'ашóк, м'ашóч'ик, м'ашэ́ч'ик, с'в'ашéн'ик, к м'ажэ́, ъб йажэ́, на руб'ажэ́*.

Отмечены и отступления от этой закономерности: *д'ишэ́вл'ъ, пъд'ишэ́вл'и* и неоднократно встретившееся нам слово *п'ишн'и́к* с частым в говоре [ш] на месте этимологического *ч* перед *н* (один раз отмечено и *п'ашн'и́к*). Произношение [и] в последнем слове объясняется, очевидно, недавним отвердением [ш] перед мягким согласным: мягкость шипящего в этой позиции неоднократно отмечалась нами в чухломских говорах: *пр'иш'л'и́, н'и́ж'н'ий, пр'ислу́ж'н'ич'ила, пр'иш'йу́, пр'иш'йу́т* и т. п.

После [ц], всегда твердого, если он на месте ‹ц›, перед твердыми согласными произносится гласный ненижнего подъема перед [а́] и гласный нижнего подъема перед остальными ударенными гласными: *църа́пнул'и, тънцъва́т', тънцава́т', цаны́, цалу́йът, пъцалу́ит, зъ цанбй*. Перед мягкими согласными тоже отмечается [а]: *пъ. . . цан'е́*. Но чаще встречается перед мягкими [ы]: *нъ цып'а́х, уцыл'е́л, уцыл'е́лъ, цыв'йб́*. Отмечено и [э]: *цэр'кбвнъвъ*.

Позиция после мягкого согласного перед [ц] тоже отличается некоторым своеобразием. Перед всеми ударенными гласными, кроме [э], произносится тот же гласный, что и перед твердыми

согласными: *у ъндр'ецá, у куз'н'ецá, Дъбр'ецá, пъдл'ецá, м'иртв'ецá; ъндр'ацы́, куз'н'ацы́, м'иртв'ацы́, к ъндр'ацу́, куз'н'ацу́, у Дъбр'ацу́, пъдл'ацу́, к м'ъртв'ацу́, в э́т'им м'ъс'ацу́, ъндр'ацбм, куз'н'ацóм, Куз'н'ацбва, Дъбр'ацбвы, м'иртв'ацбм.* Перед [э́] произносится [и]: *в ъндр'ицэ́, на ъндр'ицэ́, а куз'н'ицэ́, а м'ъртв'ицэ́.*

Особенности в произношении гласного, выступающего на месте гласных фонем неверхнего подъема в соседстве с твердыми шипящими и [ц], позволяют сделать некоторые выводы о последовательности отвердения этих звуков. Очевидно, тип яканья, существующий в чухломских говорах, сформировался тогда, когда [ш, ж] краткие и долгие в основном уже отвердели перед всеми гласными. Поэтому гласные неверхнего подъема, как правило, реализуются рядом с ними в тех же звуках, что и рядом с парными твердыми согласными. Возможно, что случаи произношения [ы] после твердых шипящих перед мягкими согласными — свидетельство того, что к концу формирования системы яканья шипящие иногда еще могли быть мягкими. Вполне определенно это можно утверждать о положении шипящих перед мягкими согласными.

Очевидно, [ц] в одной позиции отвердевал позднее, чем шипящие, и после того, как тип яканья уже сформировался. Это была позиция перед *ѣ*. Ударенный [э] после [ц] (*на ъндр'ицэ́* и др.) и предударный [ы] после [ц] (*нъ цып'áх* и др.) во всех приведенных выше примерах восходит к *ѣ*. В этих примерах [ц] функционирует как мягкий согласный. Противоречит этой закономерности пример *пъ . . . цан'é*, записанный дважды с предударным [а]. Произношение [а] здесь могло возникнуть в результате стремления устранить противоречие, создавшееся после отвердения [ц] и состоявшее в том, что твердый согласный продолжал функционировать как мягкий.

Наши материалы не дают возможности ответить на вопрос, происходило ли отвердение [ц] перед ‹э› одновременно с отвердением [ц] перед ‹ѣ›, или раньше. Единственный пример *цэр'кбвнъвъ*, по которому можно было бы судить об этом, не помогает в решении этого вопроса: [э] может объясняться слишком многими влияниями, и что́ здесь было раньше — [а] или [ы], судить трудно.

Положение предударного гласного после мягкого согласного перед группой согласных с первым твердым и последним мягким также может указывать на твердость или мягкость первого согласного в этом сочетании в период формирования системы яканья. Произносится в этой позиции [а] только перед таким сочетанием, последним согласным которого является заднеязычный: *в'анк'и́, б'алк'и́, п'аск'и́, ф п'аск'é, на в'ит'арк'é.* У [к'] здесь позиционная мягкость, отсутствующая в других падежных формах. Перед [к'] исконно твердый согласный. Очевидно, что в чухломских говорах перед мягкими заднеязычными твердые согласные не смягчались. В примере *С'ирг'éич'а* [р] на месте старого [р'].

В других сочетаниях отмечен только [и]: *с'ин'т'ибр'á, нъйибр'á, с'ин'т'ибр'é, нъ*ибр'é, сл'ипн'и́, път'ипл'éй, в д'ер'ивн'áх, р'ивл'ý,*

www.ruslang.ru

нъ бр'ивн'е́, Ивд'ен'йьвнъ, д'ишч'о́нк'и, Ал'ифт'и́на, д'ифч'о́нък, с'имйа́, з'имл'и́, р'имн'о́м, т'имн'е́й, пъ з'имл'е́, б'идн'а́цкъй, с'истр'и́цъ, с'ирд'е́шнъйъ, в з'ирн'е́, ръз'в'ирн'и́, иг̈н'а́тк'и, иг̈н'о́нък, л'игл'и́, с'т'ер'игл'и́, п'икл'и́, нъвл'икл'и́, нъ с'т'икл'е, с'икр'е́т, т'ихн'и́ч'къ, с ывр'е́ем (в последнем примере [ы], выступающее после твердых согласных на месте [и], в который изменялось всякое начальное сочетание *ји*).

В других безударных слогах, как и в первом предударном, гласные неверхнего подъема между мягкими согласными обычно совпадают в звуке [и]: *пъ д'ир'имн'а́м, р'иб'ит'и́шак, ф'п'ир'ид'и́, п'ит'ис'т'е́нкъм, пр'ищ'с'е̨да́т'ил', д'ир'ив'а́ньъ, с'им'ид'ис'а́тый, ин'т'ир'ас'у́йт'ис'е; — ма́т'ир'и, в о́з'ир'и, ма́л'ин̨'к'ий, вос'им'ис'а́т, рад'и́т'ил'и, в Ану́фр'ив'и, задо́хн'ис'ъ, варо́ч'ил'и, вы́тр'ис'им, му́ч'ч'ил'ис' за́ с'им', па́р'ин', о́ч'ин', па́м'ит', д'е́в'ит', д'е́с'ит'.* Такой [и] часто трудно на слух отличить от [ь], также произносящегося в этой позиции и характеризующегося несколько большей количественной редукцией: *нъ кл'ьв'ару́, п'ьр'ийе́хъл, д'ьр'ив'а́ньъ, ма́с'л'ьн'ьк'и, рад'и́т'ьл'ьф.*

Изредка в этой позиции произносится гласный более открытый: *с'т'ер'игл'и́, в д'ер'ивн'а́х, в'ер'е̄па́т, ин·т'ер'ас'у́э̄ц̨ъ, п'ер'ийе́хъла, л'ес'н'ика́, — па́р'ен', о́ч'ен', ч'е́р'ен', ма́т'ер'и.*

Во втором предударном слоге после мягких согласных перед твердыми наблюдаются звуки [и] и [е]. Нам не удалось установить, от чего зависит тот или другой звук в корнях: *с'инако́с, на с'инако́с'и, ч'ила́в'е́къ, сл'изавы̆и м'ишэ́ч'к'и, пъд'ӣравы́м, в р'истара́н'и, — п'етухо́м, б'еднат̨а́, д'епута́тъф, ч'есна́ку́, йерав̆ы̆и, в'ерта°ва́тый, м'есару́пку.* В приставках, предлогах и отрицательной частице, как и в первом предударном слоге, обычно произносится [и]: *п'ир'ипуга́л'ис'е, п'ир'идраз'н'и́л, п'ир'ибаду́ц̨ъ, п'ьр'ивоз'ит, п'ир'ид лапшо́й, н'и вър'а́т, н'и бывалъ, н'и пънра́в'илъс', н'и рабо́тут, н'и пазво́л'илъ, н'и зъп'ерла́, н'и дайд'о́ш.*

В заударном положении после мягких согласных перед твердыми на месте гласных неверхнего подъема не во флексии обычно произносится [е]: *в'е́т'ер, у́м'ер, д'е́н'ек, Гу́с'е́ф, п'е́п'ел, сва́р'еп, плато́ч'ек, а́н'д'ӣел, м'е́с'ец, с'е́м'ис'ет, в'е́тр'енъ, ч'е́т'в'еръ, о́з'ера, о́з'еръм, к°л'е́в'еру, Зу́йевы, со́т'енку, рабо́т'енка, вы́тр'епат', го́р'енку, в'и́д'елъ, ма́с'л'енуйу.* Реже отмечается более открытый гласный: *д'е́н'ак, вос'им'ис'ат, ста́р'ац, карм'и́л'ац, м'ес'ац, тр'охм'е́с'ашный, н'е́ч'ævъ.* Отмечается и [и] в этой позиции: *у́м'ир, ч'е́т'в'иръ, о́з'иръ, в'е́ч'иръм, пъста́вл'инъ, вы́н'ислъ, с'е́м'ира, вос'м'ира, Бу́шн'ивъ.*

Во флексии существительных наблюдается гласный неверхнего подъема: *зъ Суда́йем, ф п'е́р'йех, пр'ищ'с'еда́т'ил'ем, с па́рн'ем, с хм'е́л'ам.*

Во флексии глаголов на месте этимологического *е* не после этимологического *j* обычен [и]: *бу́д'иш, уста́н'иш, пайе́д'иш, бу́иш, хоч'иш, йе́д'ит, бу́ит, вы́ръс'т'ит, в'а́н'ит, в'а́з'н'ит, см'е́л'им, па̄е́д'им, йе́д'им, вытр'ис'им, пав'е́рн'имс'а.* Однако в Шартанове

более характерен [е]: *дъстáн'еш, вы́д'еж дък, с'áд'еш, п'ир'ив'éрн'ет, бу́д'ет,* хотя отмечен и [и]: *вы́п'ихн'иш, пъстáйиш, кл'áн'им.*

Интервокальный *j* часто в говоре отсутствует, а гласные глагольных флексий отражают различную ступень ассимиляции: *сум'éет, бал'éет, пасп'éэм, пълъсáет, пръкътáэт, гъ°н'áэм, вы́с'т'иръэш, з'д'élъэш, ътвáр'ивъэм, ин'т'ер'асу́эцъ, зъругáат, пъм'ин'áът, ъстънáвл'ивъш, рабóтът* и т. п.

Во флексии 3 лица мн. ч. глаголов II спряжения обычно произносится гласный [ъ] или [а]: *саскóч'ът, скáт'ът, дóлб'ът, смóтр'ът, кóр'м'ът, пр'ивóз'ът, пахóд'ът, пътстáв'ът, пасóд'ат, нър'áд'ат, мóч'ат.* Встречается также и произношение этой флексии с [е]: *прапу́с'т'ет, кóр'м'ет, испóрт'ęцъ.* Гласный [а] отмечается и у глаголов I спряжения в 3 лице мн. ч. после твердого шипящего: *р'éжат, скáжат, св'áжат, атр'éжат.*

Очевидно, в заударном положении после мягкого согласного перед твердым в основах и флексиях функционально противопоставлены два типа нелабиализованных звуков: верхнего подъема и неверхнего подъема. Первый представлен звуками типа [и] и воплощает фонему ⟨и⟩. Второй тип представлен рядом чередующихся звуков от [е] до [а] и воплощает архифонему, соответствующую неразличающимся в этой позиции гласным фонемам неверхнего подъема.

В безударном конечном открытом слоге после мягких согласных на месте гласных неверхнего подъема также выступают те же два функциональных типа: [и] и [е—а].

На месте этимологического *ѣ* произносится гласный [и]: *к н'ив'éс'т'и, в гóръд'и, нъ балóт'и, ф Ч'ýхлъм'и, пъад'инóч'к'и, врóд'и, н'éгд'и.*

На месте этимологических *е, а* обычно произносятся звуки в диапазоне от [е] до [а]. Колебания между этими гласными наблюдаются в одних и тех же морфемах у одних и тех же лиц: *гóр'е, въскр'ис'éн'йъ; вр'éм'е-тъ; куд'éл'ъ, т'éл'йа; с пóл'ъ, п'ич'éн'йа, С'ирг'éич'а; тъкáйъ, бъл'шá̈æ, къкáа; къкóэ, густóйа; друг'úе, бал'шы́йа; л'éкч'е, рáн'ч'а, път'имн'éйа; тълкá̈е, угоша́йа; пъ°стáф'т'е, ид'úт'а; в'йд'ит'е, дýмъит'æ, бýд'ит'а; врач'ýс'е, рас'п'élъс'æ, в'арнýўс'а.*

Иногда в этой позиции отмечается и [и]: *д'ир'éмн'и бъл'шáа, в л'éт'н'и вр'éм'е, н'игóдныи, пъм'áхч''и.*

Таким образом, в чухломских говорах представлено диссимилятивное аканье белорусского, или жиздринского, типа и диссимилятивно-умеренное яканье особого типа, который можно назвать чухломским (см. табл. на стр. 77).

Диссимиляция в общих чертах проявляется здесь в том, что перед ударенным [а] гласные фонемы неверхнего подъема совпадают в гласном звуке среднего подъема — [ъ] после твердых согласных и [е] после мягких перед твердыми, а перед остальными ударенными гласными — в звуке [а]. Кроме того, звук перед ударенным [а]

Перед ударенными гласными	После твердых согласных	После мягких согласных	
		перед твердыми	перед мягкими
‹и, у, е, о›	*а*	*а*	*и*
‹а›	*ъ*	*е*	

значительно короче звука, выступающего перед другими ударенными гласными.

Характерная особенность этого типа вокализма в том, что диссимиляция и после твердых, и после мягких согласных проявляется лишь на фонетическом уровне. Фонологически же такой тип аканья не отличается от недиссимилятивного, а тип яканья не отличается от умеренного. В первом предударном слоге после твердых согласных позиционно обусловленные звуки [ъ] и [а], а после мягких согласных перед твердыми — звуки [е] и [а] воплощают одну и ту же архифонему, соответствующую всем гласным фонемам неверхнего подъема и равным образом противопоставленную остальным двум фонемам, выступающим в этой позиции: ‹и› и ‹у›. Набор дифференциальных признаков этой архифонемы один и тот же после твердых согласных и после мягких перед твердыми.

В настоящее время чухломское аканье не представляет собой чистого типа: на месте гласных фонем неверхнего подъема после твердых согласных перед ударенным [а] появляется возможность произношения не только [ъ], но и [а], а перед остальными ударенными гласными, кроме [а], иногда отмечается и [ъ]. Таким образом, [ъ] и [а] в этой позиции перестали быть позиционно обусловленными вариантами, а имеют характер лишь позиционной прикрепленности [18]. Точно так же после мягких согласных перед твердыми перед ударенным [а] уже отмечается не только [е], но иногда и [а] и, следовательно, эти звуки тоже утратили свою позиционную обусловленность.

В результате этого звуки [ъ] и [а] после твердых согласных и [е] и [а] после мягких перед твердыми превращаются в факультативные варианты, что создает предпосылку для вытеснения одного варианта другим. Возможно, что «неупорядоченность» в произношении [е] или [а] в других безударных слогах после мягких согласных не перед мягкими отражает именно такое состояние. Впрочем, возможно также, что мы не сумели обнаружить какой-то закономерности, обусловливающей выбор [е] или [а] и в этой позиции (это может зависеть, в частности, от темпа речи, громкости и тому подобных факторов).

---

[18] О позиционной прикрепленности см.: *А. Б. Пеньковский.* Об изучении процессов развития в живой диалектной речи. «Тезисы докладов на X Диалектологическом совещании 11—14 мая 1965 г.». М., 1965, стр. 19.

Диссимилятивно-умеренное яканье чухломского типа отличается от уже известного диалектологам типа диссимилятивно-умеренного яканья, характерного для Верхне-Днепровской группы говоров, тем, в каком звуке воплощаются гласные неверхнего подъема после мягких согласных перед твердыми в позиции перед ударенным [а]. Как уже говорилось, в чухломском типе этим гласным бывает обычно [е], в Верхне-Днепровском типе этим гласным бывает [и].

Разница эта не только фонетическая, но и фонологическая: произношение [и] приводит к совпадению в этой позиции гласных фонем неверхнего подъема с фонемой ‹и›, чего нет в чухломском типе.

Верхне-Днепровское диссимилятивно-умеренное яканье можно рассматривать как тип, представляющий следующую ступень развития по сравнению с чухломским типом. Переход от произношения [е], выступающего на месте гласных неверхнего подъема в какой-либо из позиций, к [и] пережили или переживают сейчас многие акающие говоры (ср., например, переход от еканья к иканью в литературном языке).

Однако для чухломского типа есть и еще один возможный путь развития: превращение его в умеренное яканье (замена [е] на [а] после мягких согласных перед твердыми перед ударенным [á]). И та, и другая тенденция наблюдается сейчас в чухломских говорах, хотя признаков превращения чухломского яканья в умеренное отмечено нами больше.

Таким образом, есть основания считать, что диссимилятивно-умеренное яканье Верхне-Днепровского типа могло развиться из яканья чухломского типа. Из этого же типа в некоторых говорах могло возникнуть и умеренное яканье.

На основании исследований Ф. И. Покровского, Н. Н. Соколова, Г. В. Шайтановой сложилось мнение о том, что аканье — единственная несевернорусская черта чухломских и солигаличских говоров, а «по всем остальным чертам своего строя эти говоры . . . являются типично северновеликорусскими» [19]. Однако нами и некоторыми другими исследователями отмечаются здесь и другие черты, характерные для южнорусского наречия.

Из черт, известных в качестве признаков южнорусского наречия, в исследуемом говоре можно обнаружить лишь отдельные элементы, очень редко встречающиеся и почти незаметные среди безусловно господствующей неюжнорусской нормы.

К таковым принадлежит фрикативный звонкий задненёбный [γ] в соответствии с [г] литературного языка. Примеры произношения [γ] (не в словах с корнями *бог-*, *благ-* и других церковнокнижного происхождения или в словах *бухгалтер*, *ага*) встреча-

---

[19] *В. Г. Орлова.* Разработка исторической фонетики русского языка по данным диалектов. — В кн.: «Славянская филология. IV Международный съезд славистов». М., 1958, стр. 167.

ются исключительно редко. Таковы записанные нами *г'адо́ф*, *с кн'иγ'и́н'ьй*, *д'е́н'ьγ* (зарабатывала), *д'ен'γ'и*, *маγу́*, *пъ γъд'ба́м* (=гаданьям), *а́вγустъ* — д. Дудино; *х плу́γγ*, за *γγлы́* — д. Ножкино; а также записанные в 1956 г. Р. В. Бахтуриной в *γо́рьд'ъ*, *дароγу* в д. Семеньково (нас. п. 1130 «Атласа русских говоров центральных областей к северу от Москвы»). Указание на фрикативный задненёбный имеем, по-видимому, также в относящемся к началу века материале из с. Ильинского Кологривского у. (расположенного поблизости от границы с Чухломским у. и входящего в акающий остров): *друh ты мой дороhой, что случилося с твоей hоловой?* [20]

Однако следует заметить, что единичные случаи употребления [γ] изредка встречаются и за пределами акающего острова в окающих севернорусских говорах. В частности, даже некоторое относительное сгущение случаев такого спорадического употребления [γ] отмечено в примыкающем к акающему острову с северо-востока Междуреченском р-не Вологодской обл.[21].

Подобную же картину представляет ‹т'› в окончании глаголов 3 лица ед. и мн. ч. При подавляющем преобладании ‹т› иногда встречается ‹т'›. Помимо обычного и постоянного для этих говоров *мо́жет'* в значении 'может быть', мы располагаем следующим материалом: *ну быт' мо́жыт' како́й гру́с. . .*; *зъид'а́т'*, *да́в'ит'* — д. Дудино; *уш ав'е́ч'ку-тъ мо́жыт' ина́ фс'о равно́ нърушы́т'* (т. е. перестать держать: продать, зарезать и т. п.) — д. Григорьевское; *р'иб'а́та выхо́д'ат'*, *устайу́т'*, *мнбгъ зна́ч'ит'*, (он) *шпа́р'ит'*, *йе́в'д'ит'* — д. Повалихино; *гъвър'а́т'* — д. Нестерово; *мо́жыд' быт'* — д. Ножкино. Как и в предыдущем случае, нужно отметить, что формы 3 лица глаголов с ‹т'›, хотя и в крайне незначительном количестве, но все же встречаются в севернорусских говорах за пределами интересующей нас территории: в Вологодской, Ярославской, Архангельской, Костромской областях [22].

Спорадически попадаются также в костромских акающих говорах отдельные факты, не характерные для севернорусских говоров, но известные на разных территориях южнорусского наречия. Так, студентами Ярославского пединститута в д. Головинское, а нами — в д. Нестерово отмечена форма *свекровья*, характерная для центральной части территории южного наречия [23].

---

[20] «Материалы для изучения великорусских говоров», вып. IX, № 58. — «Сб. ОРЯС», 1910, т. 87, № 5, стр. 127.

[21] См. составленную В. Г. Орловой сводную карту Диалектологического атласа русского языка «Качество звонкой задненёбной фонемы и ее оглушение в конце слова» (карта № 44); несколько более огрубленный вариант карты помещен в кн. «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров». Под ред. В. Г. Орловой. М., 1970, стр. 11, карта № 49.

[22] См.: «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров», стр. 196—197, карта № 58.

[23] См.: «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров», стр. 82; *К. Ф. Захарова и В. Г. Орлова.* Диалектное членение русского языка. М., 1970, стр. 65 (карта № 8), стр. 131. — Здесь и далее при ука-

В материалах, собранных Московской диалектологической комиссией, имеется записанная в Чухломском у. форма *свекр'й* [24], имеющая четко очерченный ареал распространения в Восточной (Рязанской) группе южного наречия, а также отчасти в Тульской группе межзональных говоров группы Б [25].

К южнорусским элементам следует, по-видимому, отнести и словообразовательный вариант *пьянюга* (ср. просторечное *пьянчуга*) на том основании, что эта форма зафиксирована только в южнорусских областных словарях [26] и отсутствует в словарях, относящихся к севернорусской территории. У Даля это слово снабжено лишь пометой «областное», без локализации. Слово *пьянюга* записано нами в д. Дудино.

Довольно широко употребляемое здесь окончание ‹-у› в форме предложного падежа ед. ч. встречается и у существительных с ударением на основе (напр., *на льнозавóду* — д. Дудино; *в своём рáзуму* — записано Г. В. Шайтановой в д. Попово Солигаличского р-на), что характерно для юго-западной диалектной зоны [27].

«Перекликается» с южными говорами и отмеченное в материалах диалектологического атласа в двух населенных пунктах нашего острова слово *ивник* 'ивовая заросль' (на что нам любезно указала Ю. С. Азарх). Такое именно образование от данного корня не зафиксировано больше нигде на территории, картографированной в Атласе, кроме определенного района, заключенного примерно внутри линии Рославль—Белый—Сычевка—Медынь—Калуга—Белёв—Жиздра.

Отмечается иногда в Чухломском р-не слово *ещё* с фонемой ‹е›: *иш̄э́*, *иш̄'é* [28]. По данным материалов Диалектологического атласа русского языка, такое произношение широко распространено на западе: в основном в пределах Западной и Верхне-Деснинской групп южного наречия и Псковской группы среднерусских говоров. В других местах произношение *ещ*[é] встречается очень редко, особенно редко — всего в нескольких разрозненно расположенных населенных пунктах — на территории севернорусского наречия.

заниях на территорию пользуемся единицами членения, принятыми в данной книге. См. также карту № 2 в статье А. И. Сологуб «О диалектных формах некоторых существительных женского рода, имеющих нулевую флексию в русском литературном языке» в настоящем сборнике.

[24] См.: «Труды МДК», 1930, вып. II, № 81.

[25] *К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова.* Указ. соч., стр. 65, 133.

[26] *В. Н. Добровольский.* Смоленский областной словарь. 1914; «Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)». Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969; *П. А. Расторгуев.* Словарь народных говоров Западной Брянщины. Минск, 1973.

[27] *К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова.* Указ. соч., стр. 98; *С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова.* Очерки морфологии русских говоров. М., 1972, стр. 77.

[28] Имеются в виду не случаи энклитического употребления слова в аллегровом стиле речи, а полное произношение при наличии на слове самостоятельного ударения.

В д. Григорьевское зафиксирован еще один элемент, который мог бы быть отнесен к юго-западным диалектизмам: *ина́* вместо *она*. Но контекст, в котором записан этот единственный пример (*мо́жыт' ина́. . .*), ставит под сомнение его убедительность: при диссимилятивном аканье такое произношение может быть результатом мягкости предшествующего согласного.

В материалах, собранных Московской диалектологической комиссией, имеются формы винительного падежа ед. ч. слов *рука* и *нога* с ударением на окончании, записанные в д. Клепинино Чухломского уезда и волости [29]. Данное явление принадлежит также юго-западной диалектной зоне [30].

Каждому из упомянутых фактов в отдельности нельзя придавать большого значения, однако в совокупности они составляют определенный комплекс и могут быть учтены при исследовании проблемы происхождения костромского аканья. Следует в этой связи обратить также внимание на тот факт, что акающий остров выделяется среди окружающих его говоров еще рядом особенностей помимо системы вокализма безударных слогов. Как показывают материалы и карты Диалектологического атласа русского языка, некоторые явления (в основном из области лексики) образуют здесь ареалы, совпадающие в большей или меньшей степени с территорией аканья в Костромской обл. Одни из этих явлений за пределами рассматриваемой территории почти не встречаются, другие характеризуются своими, не совпадающими друг с другом, зонами распространения.

Наиболее близка к изоглоссе аканья изоглосса распространения слова *лети́на* в значении 'ботва огурцов, гороха, картофеля, свеклы или одной-двух из этих культур' (карта 2, см. приложение). Это слово, насколько мы можем судить, практически присуще только данной территории. Семь случаев фиксации его, кроме показанных на нашей карте, относятся к Ростовскому, Даниловскому, Середскому, Некрасовскому р-нам Ярославской обл. и к Лальскому р-ну Кировской обл.[31]

Точно также почти только в пределах акающего острова употребляется слово *опарница* в применении к деревянной кадке для теста (карта 1). Помимо этого слово *опарница* с та-

---

[29] «Труды МДК», 1930, вып. II, № 82.

[30] См.: *К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова.* Указ. соч., стр. 100; «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров». Под ред. В. Г. Орловой. М., 1970, стр. 100, карта № 108.

[31] См. карты № 413 «Названия плетей гороха», № 414 «Названия плетей огурцов», № 415 «Названия ботвы картофеля», № 416 «Названия ботвы свеклы» (автор В. Н. Теплова) в «Атласе русских говоров центральных областей к северу от Москвы». См. также: *Г. Г. Мельниченко.* Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII—начала XIII в. Ярославль, 1974, стр. 189 и Приложение, карты № 72 и 73. На этих картах показана более широкая территория за счет того, что со словом *летина* объединено *летвина*, имеющее гораздо более широкое распространение по говорам русского языка.

ким значением приводится в материалах Диалектологического атласа русского языка еще четыре раза в отдельных населенных пунктах возле Рыбинска, в районе Юрьевца и под Яранском.

Другие группирующиеся в акающем острове явления не принадлежат исключительно этой территории. Они известны довольно широко и в других местах, но отсутствуют в непосредственном окружении, за пределами рассматриваемой компактной группы говоров. Почти не выходят за пределы акающих говоров формы предложного падежа ед. ч. прилагательных с окончанием *-им* (*-ым*): *в добрым*, *в худым*, *в долгим*, *в каким* (карта 1, см. приложение). Сплошное распространение этих форм относится к двум обширным территориям, лежащим в основном в пределах среднерусских говоров с частичным включением Западной и Верхнеднепровской групп южного наречия. В рассеянном виде такие формы известны и по другим говорам южного наречия [32].

Весьма определенный изолированный ареал образует на карте употребление слова *водонбс* — название приспособления для ношения вдвоем ушата с водой. Это слово известно очень многим севернорусским, среднерусским и южнорусским говорам [33], однако окружающим акающий остров говорам оно, видимо, не свойственно, и территория его распространения в значительной степени совмещается с территорией аканья (карта 2).

В территорию костромского аканья приблизительно вписывается изоглосса распространения слова *шлык* в качестве названия старинного женского головного убора (карта 2). В говорах северного наречия его не отмечают (единственный раз — в Горьковской обл.), зато оно встречается в ряде говоров южного наречия: в районе Курска, Старого Оскола, Воронежа, Липецка, Борисоглебска, в нескольких районах Рязанской обл. Спорадически отмечено оно и в среднерусских говорах, в основном в акающих [34].

Группируются в центральной части острова населенные пункты, где употребляется слово *напáлок* — название рукоятки косы (карта 1). В других местах это слово образует в разной степени компактные ареалы, наиболее обширную территорию оно образует в области среднерусских говоров (как акающих, так и окаю-

---

[32] См.: *К. Ф. Захарова*, *В. Г. Орлова*. Указ. соч., стр. 51, 52.

[33] См. «Атлас русских говоров центральных областей к северу от Москвы», карта № 368 «Названия приспособлений для ношения воды» (автор А. К. Васильева) и материалы «Атласа».

[34] См.: «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы». М., 1957, карта № 199 «Названия женского головного убора в виде чепца»; «Атлас русских говоров центральных областей к северу от Москвы», карта № 358 «Названия женского головного убора» (автор Ю. С. Азарх); «Атлас русских говоров центральных областей к западу от Москвы», карта № 378 «Названия головного убора женщин, надевавшегося непосредственно на волосы»; «Атлас русских говоров центральных областей к югу от Москвы», карта № 344 «Распространение слова *повойник* и его соответствий» (автор Н. А. Липовская).

щих): от Калинина до Горького и далее на восток до р. Суры. Этот массив имеет продолжение и в севернорусском наречии, включая в себя Ярославль. Употребление слова *напáлок* обнаруживается также в небольших группах говоров возле Бежецка, Весьегонска, в Псковской обл. и некот. др.[35]

Вероятно, следует в этом ряду отметить и слово *клеть*, относящееся к помещению для хранения зерна. (Но не к месту для хранения хозяйственного инвентаря. У этого слова в последнем значении иная территория распространения.) Хотя данный ареал намного шире, северная его часть довольно точно вписывается в район акающих говоров. Слово *клеть* в указанном выше значении известно в рассеянном распространении по разным южнорусским, среднерусским и севернорусским говорам. В качестве ареалов его преимущественного распространения можно назвать западную часть Псковской обл., Западную группу южного наречия, западное Подмосковье (район Гагарин—Можайск—Нарофоминск—Боровск), Чувашскую и Марийскую АССР в тех пределах, в которых последние включены в Диалектологический атлас русского языка [36]. Но нигде оно не локализуется так определенно и компактно, как в акающих говорах Костромской обл. и примыкающей к ним с юга территории (карта 2). Обращая внимание на территориальные соотношения, следует, однако, иметь в виду, что в разных местах слово *клеть* может относиться к помещениям разного типа (отдельная постройка, помещение внутри дома или двора), имеющим одно назначение — хранение зерна.

Можно отметить еще слово *бя́кает*, т. е. 'блеет' (об овце) (карта 2), которое понемногу встречается в разных местах, в том числе в виде единичных случаев и в севернорусских говорах, но наиболее широко известно в южных областях: Орловской, Курской, Белгородской, отчасти в Брянской и Воронежской. Некоторая не слишком интенсивная локализация этого слова заметна в западных районах Московской обл. и соседних с ними районах Смоленской и Калининской областей [37].

---

[35] См.: «Атлас русских говоров центральных областей к северу от Москвы», карта № 388 «Названия рукоятки косы» (автор Л. Л. Касаткин); «Атлас русских говоров центральных областей к западу от Москвы», карта № 393 «Названия рукоятки косы, прикрепляемой к косью» (автор Л. П. Жуковская); «Атлас русских говоров центральных областей к югу от Москвы», карта № 267 «Названия рукоятки косы, прикрепляемой к окосью» (авторы М. Н. Преображенская и Н. А. Смирнова); «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы». М., 1957, карта № 207 «Названия рукоятки косы». См. также: *Г. Г. Мельниченко.* Указ. соч., Приложение, карта № 60.

[36] См.: «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы». М., 1957, карта № 185 «Названия постройки для хранения зерна»; «Атлас русских говоров центральных областей к северу от Москвы», карта № 349 «Названия постройки для хранения зерна» (автор В. Н. Теплова), а также материалы «Атласа».

[37] См.: «Атлас русских говоров центральных областей к западу от Москвы», карта № 433 «Глагол *блеет* (об овце) и его соответствия» (автор А. С. Фе-

Намного интенсивнее, чем в окружающих говорах, представлено во всем акающем острове употребление форм женского типа склонения от существительных мужского рода с суффиксами *-ишк-* и *-ушк-*. Как показывают данные лингвистической географии, женский тип склонения у этих существительных господствует (с определенными исключениями) в южном наречии и среднерусских говорах [38]. Для этой же территории в основном характерна флексия ⟨-и⟩ в формах именительного падежа множественного числа существительных среднего рода и в слове *ворота* (*о́кны*, *сёлы*, *воро́ты*) [39] — явление, которое обнаруживается и в акающих говорах Костромской области при отсутствии его в непосредственном окружении.

Наконец, для акающего острова характерно значительное распространение словоформы *свадьбе́й* — родительный падеж мн. ч. (карта 1), которая за пределами этого района известна главным образом в двух довольно определенных ареалах. Один примерно ограничен линией Волоколамск—Ржев—Торжок—Бежецк—Калязин—Москва. Другой ареал охватывает юго-восток Горьковской обл. и территорию Ульяновской и Пензенской областей, Чувашской, Мордовской АССР в той их части, которая вошла в Атлас. О восточной границе распространения этой словоформы у нас нет данных [40].

Наконец, следует упомянуть об употреблении в акающем острове стяженных форм 1 лица ед. ч. и 3 лица мн. ч. глаголов с основой настоящего времени на безударное [aj] (*ду́му*, *заде́рживу*, *ду́мут*, *рабо́тут*, *выска́зывут*, *поддержи́вут*, *бе́гут*, *сде́лут*, *выта́скивут*, *опла́чивут* и т. п.), что является характерным для среднерусских говоров, главным образом для восточных [41]. Явление это, как пишет С. В. Бромлей, возникло при столкновении говоров, знавших стяжение гласных в результате выпадения интервокального [j] (т. е. севернорусских), и говоров, не знавших его [42] (т. е. среднерусских и южнорусских).

октистова); «Атлас русских говоров центральных областей к югу от Москвы», карта № 303 «Глагол *блеять* (об овце) и его соответствия» (автор А. И. Сологуб).

[38] «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров». Под ред. В. Г. Орловой. М., 1970, стр. 154, карта № 43.

[39] Там же, стр. 151, карта № 41.

[40] См.: «Атлас русских говоров центральных областей к западу от Москвы», карта № 166 «Форма родительного падежа множественного числа существительного *свадьба*» (автор Е. Г. Бурова); «Атлас русских говоров центральных областей к северу от Москвы», карта дополнительного фонда № 79 «Форма родительного падежа множественного числа существительного *свадьба*» (автор Н. А. Липовская).

[41] См.: *Т. С. Коготкова.* Утрата интервокального *j* и стяжение гласных в русских говорах. Канд. дисс. М., 1952, карта № 2; «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров», стр. 170, карта 50.

[42] См.: *С. В. Бромлей.* Стяжение в русских говорах и его морфологические следствия. «Общеславянский лингвистический атлас. Мат-лы и исслед. 1970». М., 1972, стр. 126 и сл.

Являющаяся предметом нашего внимания территория, как указывает В. А. Никонов, своеобразна и в топонимическом отношении: «Совпадение двух несвязанных между собой ареалов. . . весьма существенно. Например, зона Буй—Галич—Солигалич—Чухлома почти недоступна для топонимов с формантом *-иха*, хотя их много на соседних территориях (рядом в Кинешемско-Юрьевецком Поволжье и в Среднем Поветлужье названия 25% всех населенных мест содержат этот формант). И та же территория — загадочный «акающий» остров Северного Заволжья в море сплошного оканья. Разгадав историю одного из этих явлений, может быть, удалось бы пролить свет и на происхождение другого, хотя эти явления взаимонезависимы» [43].

Таковы отличия акающих говоров Костромской обл. от соседних с ними севернорусских говоров [44]. Можно предполагать, что более углубленное изучение уже имеющихся записей диалектной речи этого района и дальнейшие специальные наблюдения доставили бы еще дополнительные факты, подтверждающие лингвистическое своеобразие этого района и дающие материал для территориальных сопоставлений при исследовании вопросов историко-диалектологического характера.

Однако и обнаруженные факты дают основание для некоторых выводов об истории чухломских говоров. Эти говоры, очевидно, сложились в результате взаимовлияния севернорусской и южнорусской систем. На это указывают многие севернорусские черты говоров и перечисленные выше особенности, которые, по-видимому, необходимо расценивать как остатки или следы южнорусских черт.

Вероятно, правы были те исследователи, которые считали, что аканье принесли сюда переселенцы из южнорусских областей. Наиболее подробно рассмотрел этот вопрос Н. Н. Виноградов, предполагавший, что аканье принесли сюда вотчинники и помещики, получившие здесь в начале XVII в. земли и перебравшиеся сюда со своими семьями и дворовыми [45]. Время появления здесь аканья подтверждают и исследования Л. П. Греховой, установившей, что примеры аканья в местных рукописных текстах появляются с 20-х годов XVII в.[46].

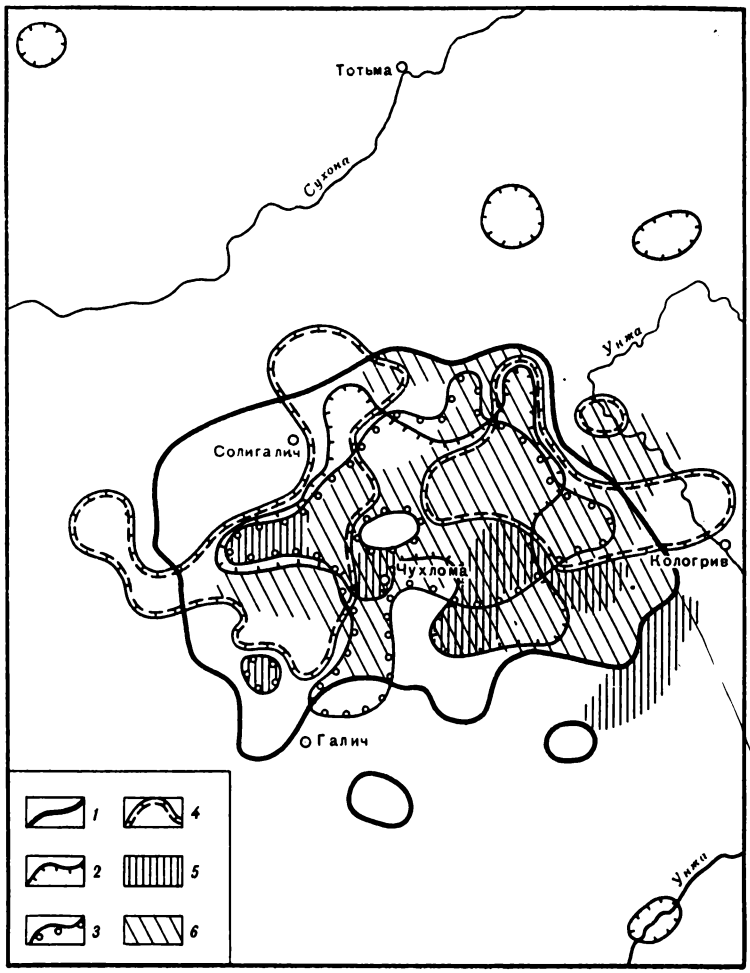
[43] *В. А. Никонов.* Проблемы ономастических ареалов. «Проблемы картографирования в языкознании и этнографии». Л., 1974, стр. 285.

[44] Как сообщила нам О. А. Терновская, территорию Чухломского акающего острова отличают и некоторые особенности этнографического плана. В частности, по данным анкеты «Культ и народное сельское хозяйство» там было распространено верование в полевого домового, отмеченное еще только в бывш. Орловской губ.

[45] *Н. Н. Виноградов.* Причины и время возникновения аканья в Чухломском крае. «Изв. ОРЯС», 1918, т. XXII, кн. 2, стр. 14 и сл.

[46] *Л. П. Грехова.* К истории аканья в костромских говорах. «Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской», 1964, т. 148, вып. 10, стр. 502.

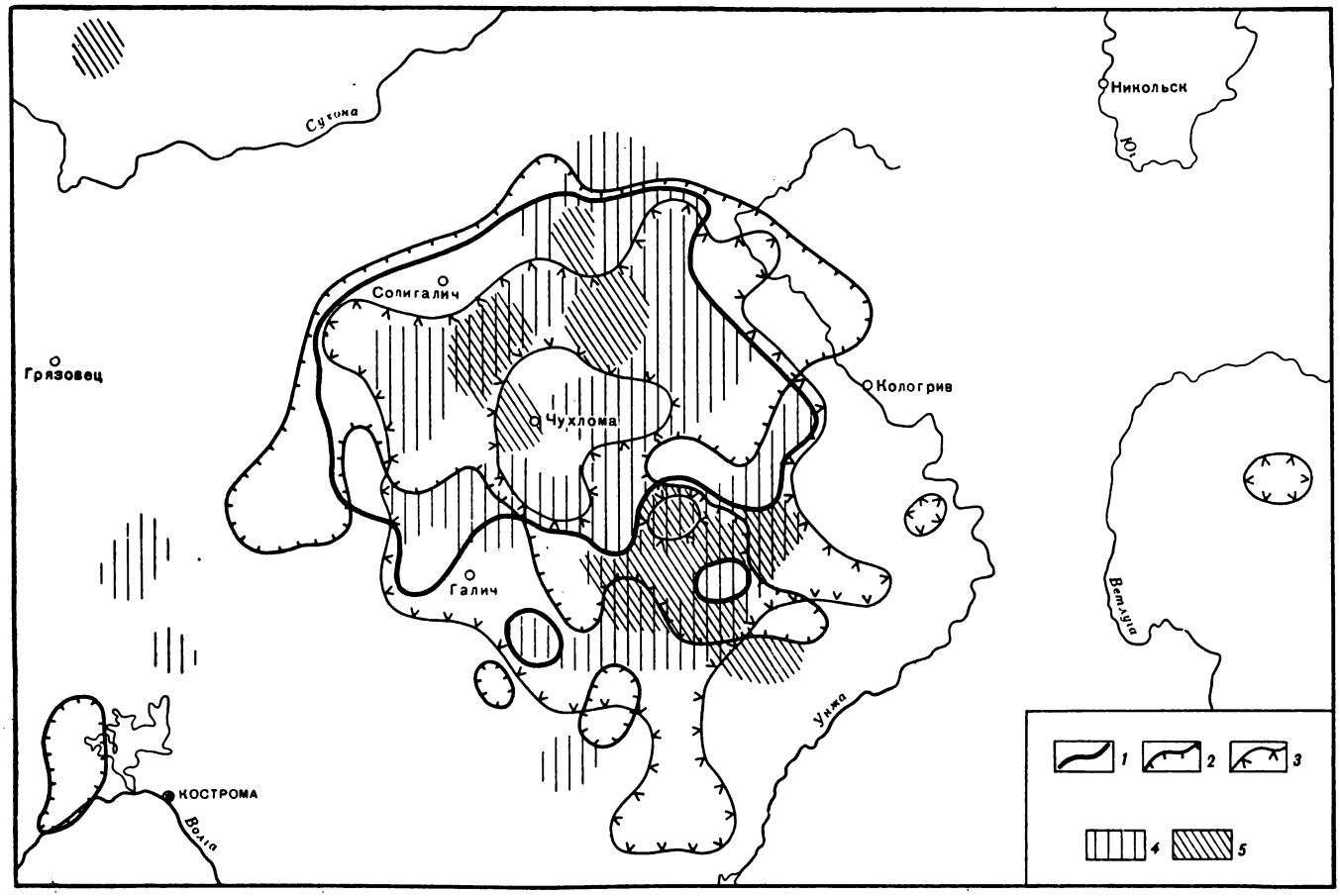
К статье Е. Г. БУРОВОЙ и Л. Л. КАСАТКИНА

Карта 1

1 — граница аканья; *2* — *напáлок* — рукоятка косы; *3* — *опáрница* — деревянная кадка для теста; *4* — *шлык* — женский головной убор; *5* — форма род. пад. мн. ч. *свадьбéй*; *6* — окончание *-им* у прилагательных муж. рода в предл. пад. ед. ч.

Заказ № 228

Карта 2

1 — граница аканья; *2* — *летúна* — ботва разных огородных культур; *3* — *клеть* — помещение для зерна; *4* — *водонóс* — приспособление для ношения воды вдвоем; *5* — *блáкает* — блеет

Т. Ю. СТРОГАНОВА

О ВОКАЛИЗМЕ 2-го ПРЕДУДАРНОГО СЛОГА ПОСЛЕ ТВЕРДЫХ СОГЛАСНЫХ В АКАЮЩИХ ГОВОРАХ

Как известно, большое значение в разнообразии структур безударного вокализма русских говоров имеют изменения гласных звуков, связанные с их местом в фонетической структуре слова. Согласно общепринятой точке зрения редукция, которой подвергаются гласные в предударных слогах в акающих говорах, в большинстве случаев прямо пропорциональна удаленности их от ударенного слога: 1-й предударный слог — незначительное сокращение длительности гласного — I степень редукции, 2-й предударный и другие — сокращение длительности более заметное — II степень редукции [1].

В процессе сбора материала для Диалектологического атласа русского языка невозможно было детально выяснить условия и характер редукции. По этим материалам нельзя установить, является ли редукция изменением длительности без потери тембра, или изменением тембра без потери длительности и т. п., хотя экспериментально-фонетические исследования, особенно последних лет, и устанавливают ряд условий, которые следует учитывать при изучении характера изменений звуков речи [2]. Естественно, что эти задачи не ставились перед собирателем материала для лингвистического картографирования. Таким образом материал, собранный для атласа и положенный в основу настоящей статьи, можно охарактеризовать следующими словами из упомянутой статьи С. С. Высотского: «К числу традиционных определений русской диалектологии, требующих проверки и конкретизации, относится известная эмпирическая оценка диалектных разновидностей фонетического слова, в которой можно усмотреть указания на особенности распределения слогов в структуре слова в отношении их силы и длительности, хотя и без выражения этих признаков в определенных величинах» [3].

Изучение лингвистического ландшафта в отношении вокализма 2-го предударного слога приводит к установлению следующих его особенностей.

---

[1] См.: *С. С. Высотский.* О звуковой структуре слова в русских говорах. «Исследования по русской диалектологии». М., 1973, стр. 33.

[2] См.: *Л. В. Златоустова.* Фонетическая структура слова в потоке речи. Казань, 1962; *Л. В. Златоустова* и др. Исследование длительности неударных гласных в зависимости от фразовых условий. «Семантические и фонологические проблемы прикладной лингвистики». М., 1968; «Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров». Под ред. С. С. Высотского. М., 1969.

[3] *С. С. Высотский.* О звуковой структуре . . ., стр. 30

На карте (см. приложение) при общем преобладании в этом положении системы II степени редукции для говоров с неразличением фонем ⟨о⟩ и ⟨а⟩ можно заметить возрастание длительности гласного в положении 2-го предударного слога, если рассматривать карту последовательно в направлении с востока на запад. Изменение длительности гласного в материалах отражено следующим образом.

В подавляющем большинстве ответов наблюдатели фиксируют во 2-м предударном слоге гласный, обозначаемый в ответах знаком ъ, иногда со случаями, отражающими одновременно большую «полновесность» гласного и обозначаемую знаками *а*, *ă* . . . в отдельных примерах. Однако имеются ответы, в которых не встречается обозначение ъ, а интересующий нас гласный обозначен только знаками, не отражающими заметного сокращения длительности, т. е. знаками *а*, *ă*, *ɑ*, *â* . . . Как видно на прилагаемой карте, говоры эти концентрируются вблизи западной границы южнорусского наречия и западных акающих среднерусских говоров [4]. Общее количество говоров, где утверждается, таким образом, I степень редукции как преобладающая система произношения гласных во 2-м предударном слоге невелико. Это говоры 20 нас. п. на территории Псковской группы западных среднерусских говоров; говоры 29 нас. п. на территории Западной Брянщины и около 20 не группирующихся в ареалы говоров в верховьях рек Оки, Сосны и Сейма.

Основное внимание в данной статье обращено на говоры, расположенные на противоположной части территории южнорусского наречия в пределах юго-восточной зоны (Рязанская и Тамбовская обл.). Это говоры со II степенью редукции гласного во 2-м предударном слоге, для которых характерна «резко выраженная двухступенчатость со значительной краткостью гласного 2-го предударного слога» [5].

---

[4] Мы отказались при картографировании от попытки показать преобладание [а] или [ъ] при сосуществовании в ответе обоих вариантов и показали только те ответы, где [а] или отождествляемые с ним звуки приводятся без сосуществования с [ъ]. Это продиктовано общим небольшим количеством приводимых на вопросы № 13 и 14 «Программы» примеров: установка на «преобладание» могла бы повлечь за собой неверную интерпретацию данных. Следует сказать, однако, что общая тенденция к повышению удельного веса звукотипа [а] в направлении западной зоны выявляется достаточно отчетливо.

[5] *С. С. Высотский.* О звуковой структуре. . . , стр. 41 — XV тип по классификации автора; ср. структурно близкий к нему IV тип. Поясним, что при описании типов фонетического слова С. С. Высотский в качестве основной категории выделяет «ступени длительности». Для всех исследованных им групп говоров «характерно двухступенчатое распределение признаков безударности. По сравнению со слогом под ударением — 1-й предударный слог представляет I ступень редукции, 2-й предударный — II ступень редукции, хотя это качество по говорам представлено не одинаковой комбинацией признаков редукции и степенью их реализации» (там же, стр. 34).

Среди говоров этой территории широкое распространение имеют случаи сокращения длительности гласного во 2-м предударном слоге, часто до нуля звука. Это явление отмечалось наблюдателями еще в период до начала массового сбора материала для составления диалектологического атласа, но отмечалось оно в единичных случаях. При этом часто подчеркивался быстрый темп речи и соседство плавных согласных, которые как бы брали на себя элемент слоговости [6].

В настоящее время, суммируя данные массовых наблюдений и интерпретируя их методом лингвистической географии, исследователь получает возможность представить характер явления в значительно большей полноте, чем прежде.

Как это показывает прилагаемая карта, явление утраты гласного во 2-м предударном слоге представлено в виде значительных ареалов, сконцентрированных на юго-востоке территории ДАРЯ [7], в пределах исключительного распространения говоров со II степенью редукции гласных. В материалах нередко содержится большое количество разнообразных примеров; встречаются ответы, по которым можно видеть отражение чисто фонетического характера явления, т. е. принципиально ограниченного только позицией. Утрата гласного наблюдается в сочетаниях, различных по качеству согласных, а не только в сочетаниях гласного с плавным согласным: в сочетаниях шумных с шумными независимо от их глухости или звонкости и т. п. Сколько-нибудь заметного преобладания утраты гласного, ограниченного определенными сочетаниями и образующего при этом ареал в какой-либо части территории, не замечено. Общее сгущение ареалов утраты гласного замечается в северо-восточной и центральной части рассматриваемой территории — в пределах Тамбовской и Липецкой областей [8].

[6] Р. И. Аванесов считает благоприятными условиями редукции до нуля звука не только соседство с плавными, но и наличие 3-го предударного слога (см.: *Р. И. Аванесов.* Очерки русской диалектологии. М., 1949, стр. 60). Сильное ослабление гласного 2-го предударного слога факультативно до нуля звука отмечено во многих описаниях диалектов, начиная с первых исследований говоров юго-востока. См.: *Е. Ф. Будде.* К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора. Варшава, 1892. См. также: *Н. П. Гринкова.* Воронежские диалекты. «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», 1947, т. LV; *С. С. Высотский.* Говоры восточной окраины Московской области. «Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русского языка», 1947, вып. 1; *П. С. Кузнецов.* К вопросу о качестве безударных гласных непервого предударного слога в акающих говорах. — Там же, 1948, вып. 2; *Он же.* О безударном вокализме говоров Владимирской области. — Там же, 1948, вып. 3; *А. Н. Гвоздев.* Два говора одного села. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. I. М., 1949; *Р. И. Аванесов.* Очерки диалектологии рязанской мещеры. I. Описание одного говора по течению р. Пры. — Там же, и др. работы.

[7] ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка. (Сводный атлас).

[8] Отметим, что в материалах, собранных для атласов, всего один раз встретилось замечание составителя ответа о быстром темпе речи как условии утраты гласного. Вместе с тем С. С. Высотский в упомянутой статье от-

В пределах рассматриваемой юго-восточной зоны отмечены примеры отражения высокой степени редукции гласных, в том числе и гласных верхнего подъема, не только во 2-м предударном, но и в других безударных положениях: *дóрга*, *паубръ́ду*, *пýвицы*, *здóрвъ*, *на вы́ни*, *н'а вы́вър'у*, *кат'óнчик*, *брéзгвъйу*, *рабóтли*, *атрéзли*, *йáблъки*, *шáпч'ка*; *ст'óкъл*, *пáтка* (=*патока*), *калúтъчка*, *па сы́рсти*, *сатúнвыйи*, *бáрхтам*, *вы́плъли* (=выпололи), *вы́схли*, *зéркла н'и дóръга*, *на вы́врат*, *пáлч'ка*, *йáгды*, *вы́къла́л*, *зы́бъчку*, *лúпваи*, *дóрга*, *бкла*, *мáкфку*, *трýдден'*, *в Ры́кви*, *с сóлъдом*, *пáтка*, *пáлч'ка*, *скóвръды* [9], *бóрны* и др. Как и во 2-м предударном слоге, пропуск гласного, отражающий высокую степень его редукции, встречается в этих примерах в заударных слогах при различных сочетаниях согласных. Отметим большое количество примеров типа *тъпóр*, *кърóва*, *пъл'áну*, *пълýччи*, *зардúл* (=зарядил) — в 1-м предударном слоге независимо от качества гласного под ударением [10] и наличие примеров типа *нъ рыкé* (=на руке), *мъжыкú*, *нухтарá* (=на хутора), *ат менúн* (=от именин), *мжукú*, *мжукáм*, *мжукóв*, *кшыны́*, *на лгавúне*, *пстатá*, *снав'йá*, *фартчик*, *ч'ар'óмха*, *бáтишки*, *рéп сажали*, *ры́б давали*, *нéкъм йес'т'*, *фáртик*, *нáръки*, *бáбшка* и т. п.[11]

Рассмотрим подробнее материал, отражающий высокую степень редукции гласных ‹о› и ‹а› во 2-м предударном слоге слова. Наиболее часто полная или почти полная [12] утрата гласного в этом

мечает как раз «темп речи медленный или очень медленный» для говоров этого типа. См. тип IV, структурно близкий к XV, в сноске 5.

[9] Слова *скóвръды* и *прóвълка* допускаются с пропуском гласного и в литературном произношении. См.: *Р. И. Аванесов.* Русское литературное произношение. М., 1968, стр. 7.

[10] Любопытные ошибки встретились в тетрадях некоторых учеников в одной из сельских школ на рассматриваемой территории: *пáсмрный*, *смастрúл*, *крмýшку*, *цвтóчки* (2-й класс, д. Белая Спас-Клепиковского р-на Рязанской обл.). Там же довольно часто встречается *голубóкий* вместо *глубóкий*, но этой темы мы в статье не касаемся.

[11] См. карты ДАРЯ № 12 «Нелабиализованный гласный на месте *у* во 2-м предударном слоге после твердого согласного» (автор Т. Ю. Строганова); № 18 «Нелабиализованный гласный на месте *у* в заударном конечном закрытом слоге» (автор В. Н. Теплова), № 19 «Гласный на месте *ы* в заударном конечном закрытом слоге» (автор В. Н. Теплова). В комментариях к этим картам приводится более подробная характеристика материала с редукцией гласных верхнего подъема.

[12] Для передачи значительной краткости гласного, т. е. фактически редукции III степени, некоторые авторы ответов на вопросы «Программы» № 13, 14 и 16 используют знак ъ, помещая его над строкой, или знак ^{v}. Иногда встречаются общие замечания типа: «гласный почти не слышен», «ъ почти исчезает», «редукция во 2-м предударном слоге очень значительна» и т. п. Около половины общего количества примеров приведена в транскрипции с надстрочными знаками. Транскрипцию типа *рыдúлси*, *мылакó* и т. п. мы не учитываем, хотя помещение гласного над строкой и свидетельствует о его краткости, так как качество гласного при таком его обозначении воспринято наблюдателем с достаточной ясностью и запись отражает, очевидно, редукцию II степени.

безударном положении отмечается в материалах при следующих сочетаниях согласных: *пл — платéнцы, плажý, платнóм, плушáлку, плумéрник, плывáт'* (= поливать), *плушýпки, пласкáйу, плавúна, п^{s}лавúны, п^{s}лажы́ли* (всего 46 случаев)[13]; *кр — кравáйцы, кравáй скраспéлка, крусéли, крaýлил, к^{s}рн'овы́йе, кронúл, акракóм, кромы́сел* (39); *пр — прашóк, прас'áт, пралúк, прахбды, ръспр'ажéнийь, праспрóдъл* (43); *пс — нипсибé, псылáл, псил'нéйа, нипсал'ý, пстел'ý, псидéт', псытнéйа, п^{s}стайáнна, псавéтъвъ̄ъ, пстухú, п^{s}скарéй* (27); *гл* (*ул*) *— гладóфки, нъ г^{s}лавé, г^{s}лубóй, загласúла,* (21); *мл — млатóк, пъмладéл, млакó* (12); *вр — врахá, в^{s}равáт', врата́, скъврадóйу, нъвравáли, пъвратúл,* (12); *пт — птсалóму, пталóк, п^{s}талóк, птихóн'ку* (12); *пк — пкупáйу, пкарóчи, спкравá, п^{s}кормúт'* (9); *тр — ст^{s}рикú, не тропúс', са страны́, т^{s}ракáны, ст^{s}расéл'йе* (6); *гр* (*ур*) *— пъ градáм, урад'бá, пъур'ачéй, з^{s}ражóн, г^{s}рацкúи, грусóк* (от гáрус), *адурад'йлси* (7); *пп — п^{s}правл'áит, п^{s}под'ош, полáм* (= пополам), *пад'йá* (= попадья) (5). Некоторые сочетания представлены хотя и более редко и небольшим количеством лексем, но иногда словами, частотность которых в обыденной речи очень высока. Таковы сочетания: *бр — брофкáми, брахлó, браниt'* (4); *гв — гварúт', угвар'áцца...* (33); *зд — раз^{s}дралúс', здругóва, з^{s}давúт'* (3); *пх — пхаз'áйнич'ыут, пхатá* (3); *пч — нипч'асáм, пч'амý* (4); *рк — шыркаспúнка, ф съркавы́м* (2); *рн — бърнавáли, пирнасúли* (9); *рф — сарфаны́* (20); *см — с^{s}маýчкай, смавáр* (2); *сп — с^{s}паýй* (3); *сс — ссунóк, сснахáми* (3); *стн — пъснавл'ý, устнавúли* (2); *сх — схранú, схаркý* (5); *хл — хладнó, х^{s}латúшкъ* (5); *хр — храшó, пъхранúли* (15).

По одному-двум словам пропуск гласного отмечается также в сочетаниях: *дл — нидл'акó* (2); *дн — д^{s}нис'бш; дп — дпитú; др — д^{s}рогá, у Драфéйьва; зб — разбралсú; зз — з^{s}з'амл'бй; зн — з^{s}н'аслó; кв — скварóдник, рук^{s}вадúтьльф; кл — ф Кливбнъва* (= Колионово — назв. дер.), *зъклатúл; кн — кнапл'á; кп — ф Ск^{s}пине, к^{s}пираýыйу; кс — кстыл'á; кт — к^{s}тухá, к^{s}т'арúну; кш — кшалóфкъ; лд — улдавáт'* (3); *лк — калкалы́, с кълкалóм* (6); *лс — кълсникú, гълсавы́йь; лт — мъл^{s}таббúцы; лш — на л^{s}шад'áх; мр — мрасúл; пм — напминáли; рд — пр^{s}давáли; рж — държаствá; рр — пррубáйут'; рт — къртаú; сл — сламáту; см — нъс'м'аны́; сн — с^{s}напр'áху; сш — шникú* (= сошники); *тп — т^{v}парá; тр — са страны́; хм — хмуты́.*

Чаще других встречаются слова: *уварúт'* (29), *прасýк* (39), *платенцы* (21), *краýл* (21), *храшó* (14), *срфаны́* (13).

Не замечено преобладания утраты гласного на стыке морфем по сравнению с положением внутри корня. Исключение представляют сочетания с начальным *п* (*пс, пп, пк, пл, пх* и др.), где почти все слова представляют сочетание приставки *по-* и корня.

---

[13] Приводятся примеры на все встретившиеся в ответах лексемы, а цифры в скобках указывают общее количество соответствующих примеров, включая и говоры с сосуществованием оканья и аканья.

Кажущееся преобладание примеров с ‹о› по сравнению с ‹а› вызвано также преобладанием соответствующих слов в речи, а затем и в записях.

Несколько примеров отражают пропуск гласного в сочетании с гласным: *нучи́лис'а* (=научился), *пути́на* (=паутина), *прыгра́л* (=проиграл), *повíну*, *подвави́на* (=по овину. . .), *зафцами* (=за овцами), *нубме́н* (=на обмен).

Легко заметить, что в общей массе примеров чаще всего в материалах отмечены случаи усиления редукции гласного именно в соседстве с плавными [р] или [л]. Явление это и квалифицировалось как ограниченное соседством гласного с сонорным согласным, который в этом случае мог выполнять частично слоговую функцию [14]. Не исключается, однако, что впечатление о влиянии сонорного согласного создается за счет того, что соответствующие слова обладают наиболее высокой частотностью в речи и потому в первую очередь фиксируются наблюдателями.

Можно отметить также, что больше 80% всех случаев с усилением редукции составляют примеры с гласным [а] в позиции 1-го предударного слога.

Не отражает ли этот материал рефлекса диссимилятивной зависимости между гласными обоих предударных слогов, при которой именно положение перед гласным нижнего подъема способствует усилению редукции гласного ненижнего подъема во 2-м предударном слоге? Сам по себе факт наличия диссимилятивной зависимости между всеми безударными слогами и слогом ударенным известен как в русских говорах, так и в говорах белорусского языка [15].

В говорах юго-востока хотя и отмечаются системы вокализма-отражающие наличие диссимилятивности в предударном вокализме, но главным образом в виде ассимилятивно-диссимилятив,

---

[14] См.: *П. С. Кузнецов.* О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. I. М., 1949; *Р. И. Аванесов.* Очерки диалектологии рязанской мещеры.

[15] Отражение диссимилятивной связи между гласными двух предударных слогов в трехсложных словах отмечалось на северо-западе русских говоров. См.: *Л. И. Царева.* Аканье и яканье в говорах юго-западной части Псковской области. «Псковские говоры», т. I. Псков, 1962. См. также: «История образования севернорусского наречия и среднерусских говоров». М., 1970, раздел «Западные среднерусские говоры». — Подобный вокализм отмечается и на территории белорусского языка, см.: *Н. Т. Войтович.* К вопросу о путях развития аканья в восточнославянских языках. II. «Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1971». М., 1974. — Известен такой вокализм и среди говоров юго-восточной зоны, ее западной части — см., например, «Атлас русских говоров центральных областей к югу от Москвы», д. Сажное Курской обл. (автор ответа М. Михайлов, собр. 1952 г.). В этом говоре отмечено: *паγрьба́, за сило́м, къ т'ало́к, пъ кр'асту́, пыв'ави́, захлебне́т', пъб'ал'у́, пън'адне́ли, заприγа́й, нъпр'адо́м, пъл'ажы́, наримайс'а, пръцади́т', нъцапи́т', вълакно́, мъладо́й, мълако́, γъвар'а́, γълава́, пъдвара́м, пъдама́м, палуч'а́л, пакупа́ли, въхвати́ла, нъзаве́, съпаγи́, калыха́йьш, пъщано́, хърашо́, накида́лис'*, *палушу́бък* и др.

ных типов яканья. Ареалы утраты гласного во 2-м предударном слоге совпадают с ареалами диссимилятивного характера вокализма лишь в незначительной части. Следует учитывать также простое преобладание [а] по сравнению с гласными [у], [ы], [е] за счет отсутствия [о] в 1-м предударном слоге в акающих говорах. Таким образом, нет достаточных оснований ставить утрату гласного во 2-м предударном слоге в зависимость от [а] в 1-м предударном слоге.

* * *

Итак, рассмотренный материал отражает существенные различия в характере редукции безударных гласных на двух частях современного южнорусского наречия: восточной (юго-восточная зона) и западной (юго-западная зона). Говорам юго-восточной зоны свойственна, очевидно, более высокая степень количественной редукции гласных безударных слогов, чем это наблюдается в говорах юго-западной зоны (см. типы XII, XIII и XV по классификации С. С. Высотского) [16]. Для говоров юго-западной зоны, может быть, больше оснований говорить о редукции качественной без заметной потери длительности, если принять во внимание распространенность в говорах с диссимилятивным аканьем звуков [ы], [ă], [ɑ], [ə], [у] . . . в предударном слоге перед ударенным [а] [17]. В отношении длительности эти гласные не отличаются в данной позиции от других гласных 2-го предударного слога, как, впрочем, и гласный, обозначаемый знаком [ъ], в 1-м предударном слоге [18].

Закономерен вопрос, отражает ли характер редукции в современных говорах юго-востока более архаическое состояние вокализма по сравнению с западными говорами?

Существует много языковых фактов, свидетельствующих о большей архаичности говоров юго-востока. Наиболее существенными являются факты распространения в пределах юго-востока говоров с сохранением различения *о—ô* и *е—ê* (Восточная, или Рязанская, группа) и говоров с архаическими системами аканья и яканья (Оскольские и Елецкие межзональные говоры типа Б) [19].

---

[16] *С. С. Высотский.* Указ. соч., стр. 36—37. — Типы XII и XIII, отмеченные в западных говорах с диссимилятивным аканьем, характеризуются среди других особенностей тем, что «. . . гласный II предударного слога не склонен к сильному сокращению. . .». Тип XV отмечается в говорах с недиссимилятивным аканьем юго-восточной зоны и отличается «. . . значительной краткостью гласного II предударного слога».

[17] *Т. Ю. Строганова.* О характере гласного в 1-м предударном слоге после твердого согласного в говорах с диссимилятивным аканьем. «Русские говоры». М., 1975.

[18] *С. С. Высотский.* Указ. соч., стр. 37: «Длительность гласного I предударного слога ъ, $ъ^{м}$ . . . не отличается от длительности гласного нижнего подъема в этой позиции. . . Следовательно, в отношении длительности звук типа ъ в данной позиции нет основания считать редуцированным».

[19] См.: *К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова.* Диалектное членение русского языка. М., 1970, стр. 133, 138—139.

В пределах юго-востока, как это признается большинством специалистов по русской диалектологии и истории русского языка, находились те восточнославянские диалекты, которые впервые развили аканье в системе своего вокализма [20].

Напомним кратко современное представление об истории формирования говоров юго-востока по материалам лингвистической географии [21].

1. Восточные говоры вместе взятые не представляют языкового монолита.

2. В них отсутствуют «общезападные» инновации, что хотя и не свидетельствует об общности языкового развития восточных говоров, но может указывать на общность тенденций развития в них.

3. Усиление Литвы в XIV в. приводит к противопоставлению западных и восточных земель. Вместе с тем «. . . быстрое расширение территории Литовского государства, равно как и быстрое последующее ее сужение не создавали предпосылок для разрыва связей между населением сопредельных территорий, особенно в отношении процессов языкового развития» [22].

4. Количество общих инноваций на востоке невелико и они относятся или к раннему периоду истории, или к периоду после усиления Москвы. К первым относятся изменения *w* → *в* → *ф* и усвоение ⟨ф—ф'⟩, *ж'дж'* → *ж'ж'*, «а также, возможно, перераспределение экспираторной силы слогов, приведшее к ослаблению безударных слогов, кроме слога, предшествующего ударению». При этом «общность, проявляющаяся в развитии указанных явлений, относящихся к столь раннему времени, могла быть связана с историей формирования населения этих территорий еще на протяжении племенного периода» [23].

Таким образом, можно считать, что редукция возникла в говорах юго-востока в весьма отдаленный период языкового развития.

Существенное сокращение длительности безударных слогов наблюдается в настоящее время в тех юго-восточных говорах, которые по сравнению с локализацией наиболее архаических типов предударного вокализма оказываются периферийными. Иными словами, редукция до нуля звука только в редких случаях сочетается с архаическими типами яканья и следами архаического аканья и, наоборот, там, где расположены основные массивы предельной редукции, не отмечается в настоящее время говоров с архаическими системами предударного вокализма. Этим говорам свойственны чаще всего системы вокализма, характеризующиеся,

---

[20] См.: *Р. И. Аванесов.* Вопросы образования русского языка в его говорах. «Вестник МГУ», 1947, № 9, и другие его работы по истории русского языка.

[21] См.: «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров». М., 1970, стр. 229.

[22] Там же.

[23] Там же.

при господстве недиссимилятивного аканья, различными типами вокализма переходного характера: ассимилятивно-диссимилятивные типы яканья, умеренное яканье, умеренно-диссимилятивное яканье и т. п.

Из этого как будто может следовать, что свойственный этим говорам характер редукции нет оснований считать исконным и наиболее архаичным. Скорее всего он представляет какой-то этап развития первоначального типа. Вместе с тем, как известно, периферийные говоры часто могут сохранять в отдельных звеньях своей системы более архаическое состояние по сравнению с говорами центральными.

Среди исторических предпосылок развития русских говоров юго-востока существенное место принадлежит наличию непосредственных контактов с неславянским населением (мещера, мордва, меря, мурома). Эти контакты относятся к первым векам восточнославянской колонизации. На интересующей нас территории это были контакты с мордвой восточнославянского племени вятичей, занявшего в VII в. н. э. районы верхнего течения рек Оки и Дона [24]. Первоначальной территорией предков современной мордвы, как об этом свидетельствуют работы по этногенезу мордвы [25], была приокская часть междуречья Оки—Волги, откуда она позднее расселилась к востоку и юго-востоку. Мирный характер этих контактов очевиден благодаря многочисленным находкам славянских вещей наряду с мордовскими как в раскопках славянских древностей, так и в мордовских могильниках. Этнограф В. Н. Белицер отмечает, что культура земледелия у мордвы близка к русской: у эрзи — северновеликорусской, у мокши — южновеликорусской [26]. Эти данные особенно интересны тем, что являются свидетельством совместного обживания территории, а не результатом простого заимствования. Не будем приводить многочисленные примеры наличия длительных и тесных контактов славян и мордвы. Подчеркнем только два обстоятельства: 1) применительно к рассматриваемой территории юго-востока контакты славян и мордвы относятся к первым векам восточнославянской колонизации; по археологическим данным славяне уже в VIII в. достигали рубежа р. Вад — притока Оки, восточнее р. Цны [27] и 2) это были контакты с той частью мордвы, которая ко времени этих контактов уже оформилась как мордва-мокша в противоположность мордве-эрзе более северных территорий. Археологи это разделение относят ко времени до VII в. н. э.

---

[24] В. В. Седов по последним археологическим материалам помещает в районе слияния рек Воронежа и Дона славянское население, называя его «славянами Верхнего Дона» (см. карту).

[25] См.: «Вопросы этнической истории мордовского народа». М., 1960; «Этногенез мордовского народа». Саранск, 1965.

[26] См.: *В. Н. Белицер.* Этногенез мордовского народа по данным этнографии. — В кн.: «Этногенез мордовского народа», стр. 69.

[27] *А. В. Циркин.* Экономические и культурные связи мордвы со славянскими племенами в VII—XIII вв. — Там же, стр. 211.

Вопросы отражения этих контактов в языке интересовали и продолжают интересовать многих лингвистов — как финно-угроведов, так и руссистов [28].

В ходе дискуссии по вопросу о происхождении русского аканья, проходившей на страницах журнала «Вопросы языкознания», вновь была высказана гипотеза, согласно которой русское аканье возникло не путем спонтанного развития, а в результате влияния языка субстрата. Наиболее последовательным сторонником этой гипотезы является В. И. Лыткин [29], но не отрицает возможности «субстратного происхождения системы безударного вокализма в зоне первоначального возникновения аканья» и П. С. Кузнецов. Как В. И. Лыткин, так и П. С. Кузнецов называют именно мокша-мордовский язык представляющим «наиболее близкую к аканью структуру безударного вокализма» [30], хотя и не сохранившуюся полностью в синхронном плане.

В задачу настоящей статьи не входит разбор аргументов этой гипотезы, равно как и оценка разных точек зрения на происхождение аканья. Однако представленный нами материал о характере редукции в русских говорах юго-востока, о локализации говоров с максимальной редукцией, позволяет, как нам кажется, еще раз вспомнить об этой гипотезе.

Представляется возможным допустить, что редукция гласного во 2-м предударном слоге до нуля звука, о которой мы говорили, является не просто отражением высокой степени редукции как имманентного развития явления, а результатом «несовместимости» двух различных фонетических моделей слова, свойственных двум контактирующим неродственным языкам: модели, при которой преобладают слова с ударением на 1-м слоге, или с одним предударным слогом — как у предков современного мокша-мордовского языка, и модели с четким центрированным ударением в слове, с наличием, как правило, нескольких предударных слогов — как в языке предков носителей современных русских диалектов.

Если это допустимо, то можно сделать и второе предположение. Мы отмечали выше среди примеров с редукцией до нуля звука преобладание случаев, в которых в 1-м предударном слоге имеет место гласный [а]: *храшб*, *срафáн*, *тпарá*. . . Вместе с тем среди особенностей вокализма мордовских языков отмечается особое место в системе вокализма гласного *а*. А именно:

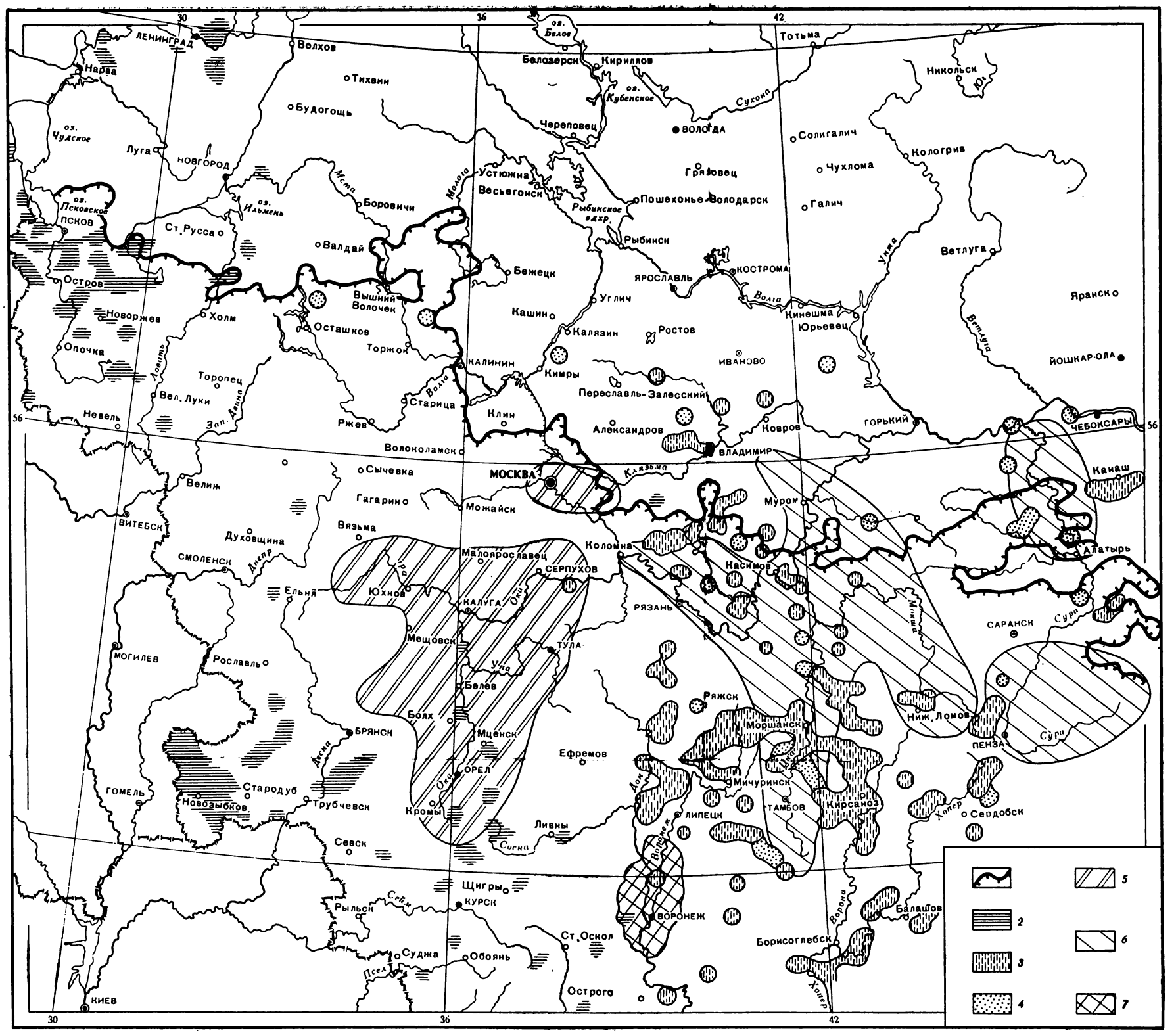
1. Гласный *а* подвергается редукции, как гласные *и*, *у*.

---

[28] См., напр.: *Д. В. Бубрих.* Лингвистические данные к вопросу о древности связей между мордвой и восточным славянством. «Зап. Мордовского НИИ», Саранск, 1947, т. 7.

[29] См.: *В. И. Лыткин.* К вопросу о происхождении аканья в русском языке. «Рязанский гос. пед. ин-т. Научная конференция 1957/1958 уч. года. Тезисы-аннотации докладов». 1959; *Он же.* Еще к вопросу о происхождении русского аканья. — ВЯ, 1965, № 4.

[30] *П. С. Кузнецов.* К вопросу о происхождении аканья. — ВЯ, 1964, № 1, стр. 39.

Карта

1 — неразличение гласных в 1-м предударном слоге после твердых согласных; *2* — I степень редукции гласных во 2-м предударном слоге после твердых согласных как преобладающая система произношения: [мăлакó, мы̆лакó, мɑлакó. . .]; *3* — отмечена значительная степень редукции гласных во 2-м предударном слоге, близкая к «нулю звука»: [м^{ъ}лакó, м^{ъ}лакó, млако. . .]; *4* — то же в единичных примерах (1—2); *5* — курганы вятичей IV—X века (по карте из кн.: *П. Н. Третьяков.* Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 229); *6* — поселения и могильники поволжских угро-финских племен (там же); *7* — славяне Верхнего Дона. По карте ДАРЯ «Расселение славянских племен и их соседей в X в. н. э.» (по археологическим данным). Авт. В. В. Седов (рукопись).

Заказ № 228

2. Гласный *а* 2-го слога слова способен перетягивать на себя ударение с 1-го слога, если в 1-м слоге — «слабозвучные» *и*, *у*.

3. Гласный *а* в системе мордовских языков — «самый звучный», или «сильнозвучный» [31].

Не могло ли именно звучание гласного *а*, его особый «статус» в системе контактирующего языка отразиться на характере формирования редукции в языке восточных славян в процессе совместной жизни носителей этих языков? Понятно, что в этом случае наблюдаемые особенности редукции в современных говорах юго-востока следовало бы интерпретировать как сохранение одной из особенностей архаического типа акающего вокализма, а субстратная теория происхождения русского аканья получила бы тем самым дополнительный аргумент.

[31] *В. И. Лыткин.* Еще к вопросу. . ., стр. 50.

А. М. КУЗНЕЦОВА

ТИПОЛОГИЯ ПАЛАТАЛЬНОГО РЯДА В РУССКИХ ГОВОРАХ

Расширение арсенала современных методов фонетического исследования, в том числе использование результатов инструментального анализа, увеличивает возможности получения точных типологических данных, необходимых для оптимальной характеристики не только фонетического строя, но и фонологических систем современных русских говоров.

В русских диалектах обнаружена обширная группа согласных особого артикуляционного образования — палатальные среднеязычные, которые отличаются от соответствующих палатализованных согласных русского литературного языка [1].

С помощью методов палатографии и рентгенографии в говорах зафиксировано несколько типов палатальных среднеязычных среди согласных различного способа образования (взрывные, щелевые, аффрикаты, сонорные), соотносимых с известными типами среднеязычных, распространенных в ряде языков.

Наличие палатальных согласных образований (звукотипов) значительно увеличивает возможности фонетической реализации

[1] В русской диалектологии еще не преодолена традиция неправомерного использования термина «палатальный» в значении «палатализованный» (ср., в частности: «Русская диалектология». Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964, стр. 83, 85 и др.). О необходимости различать два вида «мягких» согласных: палатализованные (смягченные) и палатальные (собственно мягкие) неоднократно указывалось в литературе.

согласных фонем, а также создает дополнительные предпосылки для усложнения и специфического развития фонологических противопоставлений в общей системе диалектного консонантизма.

Палатальные среднеязычные (в группе взрывных, щелевых и аффрикат) представлены в русских говорах тремя разновидностями: 1) краепалатальные, 2) переднепалатальные, 3) заднепалатальные [2].

Краепалатальные среднеязычные (в условной транскрипции [т''т'], [д''д'], [с''с'], [з''з'], [ц''ц'], [ʒ''ʒ']) приближаются к промежуточным образованиям, т. е. среднеязычно-переднеязычным согласным, в акустическом отношении несколько сходным с соответствующими палатализованными. Краепалатальные щелевые и аффрикаты известны многим белорусским говорам [3].

Переднепалатальные среднеязычные ([т''], [д''], [с''], [з''], [ц''] и т. п.) отличаются наивысшей степенью мягкости (собственно палатальностью, которая для среднеязычных является основной, а не дополнительной артикуляцией). Известным примером переднепалатальных среднеязычных согласных являются польские [с''], [з''], [ц''], [ʒ''].

Заднепалатальные среднеязычные, артикулируемые в районе образования [j] (на границе образования заднеязычных), характеризуются особой физиологической напряженностью. Заднепалатальные взрывные [ţ], [ḍ] функционируют в венгерском языке.

Довольно своеобразна история фиксации и лингвистической оценки палатальных среднеязычных в русских говорах. В течение определенного времени явления диалектной фонетики фиксировались исследователями методом слухового наблюдения. В этом случае оценка новых речевых фактов, с которыми впервые сталкивается наблюдатель, нередко сопровождается соотнесением элементов их акустического и лингвистического восприятия (перцепции) с элементами наиболее привычной фонологической системы, в первую очередь, русского нормализованного языка.

Так, краепалатальные и переднепалатальные взрывные, как правило, не поддаются точной регистрации в условиях обычного слухового наблюдения носителями русского языка (обычно они фиксируются как соответствующие палатализованные [т'], [д'] без фрикации, которым близки перцептивно). Практически не отмечены эти согласные и в материалах Атласа русских народных говоров. Иную картину представляют з а д н е п а л а т а л ь н ы е среднеязычные взрывные, которые перцептивно создают

---

[2] Эта градация несколько уточняет классификацию палатальных согласных, предложенную нами ранее (*А. М. Кузнецова.* Некоторые вопросы фонетической характеристики явления твердости—мягкости согласных в русских говорах. «Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров». М., 1969, стр. 62 и сл.).

[3] См.: *В. М. Чэкман.* Гісторыя проціпастаўленняў па цвёрдасці—мяккасці ў беларускай мове. Мінск, 1970.

как бы промежуточную категорию между двумя тембрами (классами) язычных согласных: [т'], [к'], с одной стороны, [д'] и [г'], с другой стороны. Обозначением типа [т'$^{к'}$] и [д'$^{г'}$] нередко пользовались собиратели материалов для Атласа русских народных говоров (ср. *т'$^{к'}$етрад'и*, *т'$^{к'}$ижало* и т. п.). Нередко в указанном случае исследователи пишут о «переходе мягкого *т'* в *к'*» [4] (ср. написания типа *кихо*=тихо, *кит*=тит, *пойгёмте*=пойдёмте).

Заднепалатальные среднеязычные, наряду с переднепалатальными и краепалатальными взрывными, функционируют и в тех русских говорах, в которых по традиции отмечается так называемый «переход *к',г'* в *т' д'*» в словоформах типа «рути—ноди». Исследователи, фиксируя данное явление как «переходное смягчение» задненёбных, ставили вопрос и о степени качественного соответствия «новых» *т' д'* на месте *к' г'* обычным палатализованным *т' д'*. Н. Н. Дурново писал о том, что «иногда вместо *к'и*, *к'е* слышится переходный звук *к'$^{т'}$и*, *к'$^{т'}$е*» [5].

С. С. Высотский, отметивший в говоре д. Леки (1945 г.) отсутствие передвижения согласных *к'г'* «в зону краепалатальных согласных» [6], с помощью рентгенографического метода подтвердил наличие среднеязычных палатальных [т''], [д''] на месте этимологических *к'г'* (в определенных позициях) в некоторых среднерусских говорах [7].

Учитывая вышесказанное, трудно согласиться с определением М. В. Федоровой, предложившей классифицировать взрывные согласные рассматриваемого образования как «полумягкие» [8].

При фиксации среднеязычных щелевых [с''], [з''] исследователи нередко обращали внимание на присутствие у этих согласных своеобразного «шипящего» призвука. Уже первые записи русскими диалектологами рассматриваемых щелевых связаны с восприятием этих согласных как «шепелявых», или «шепелеватых». Этот термин получил в дальнейшем широкое распространение в отечественной диалектологической литературе и по традиции употребляется вплоть до настоящего времени. Однако нередко исследователи вкладывают в это понятие различное содержание. Так, известна точка зрения, в соответствии с которой некоторые исследователи диалектной фонетики в понятии «шепелявости» согласных объединяют два внешне тождественных, но, по сути, ти-

---

[4] *Д. К. Зеленин.* Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненёбных согласных. СПб., 1913, стр. 149.

[5] *Н. Н. Дурново.* Описание говора деревни Парфёнок Рузского уезда Московской губернии. Варшава, 1903, стр. 91.

[6] *С. С. Высотский.* О говоре д. Лека. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. 2. М.—Л., 1949, стр. 42.

[7] См.: «Альбом рентгенограмм согласных русских говоров». Сост. С. С. Высотский (рукопись); хранится в лаборатории экспериментальной фонетики Ин-та русского языка АН СССР.

[8] *М. В. Федороза.* О русских полумягких *т* и *д* (некоторые предположения). «Труды Прибалтийской диалектологической конференции. 1968». Тарту, 1970, стр. 268—278.

пологически различных явления: 1) случаи употребления «шепелявых» мягких [с'], [з'] и 2) употребление согласных образований, промежуточных между [с] и [ш], [з] и [ж]: звукотипы [с^{m}], [з^{ж}] апикально-какуминальной разновидности переднеязычного уклада [9]. Б. А. Ларин пользуется единым знаком транскрипции для обозначения мягких и твердых «шепелявых» щелевых (примеры в его записи: *коз''а*, *с''луз''бу*, *лис''ица*, *вз''ял* и др.) [10].

По отношению к среднеязычным палатальным щелевым [с''], [з''] употребление термина «шепелявые» не является вполне точным. Как отметил В. Н. Чекман, исследовавший краепалатальные щелевые в белорусском языке, в этом случае «понятие «шепелявый» . . . не может претендовать на статус термина» [11], особенно если учесть, что тембральным признаком собственно «шепелявости» характеризуется лишь одна из трех разновидностей среднеязычных щелевых: переднепалатальные [с''], [з''] польского типа. Следует заметить, что в соответствии с польской лингвистической традицией палатальные среднеязычные [с''], [з''] не классифицируются как «шепелявые» согласные.

В строгом смысле термин «шепелявый» является логопедическим термином. Шепелявость (разновидность сигматизма, т. е. нарушения произношения свистящих и шипящих звуков) относится в логопедии к разряду дефектов или расстройств речи. Использование этого термина в лингвистической практике может невольно навести на мысль о речевых нарушениях лица, чья речь подвергается наблюдению. Примеры использования термина «шепелявость» в его прямом (логопедическом) значении встречаются в лингвистической литературе. Но не следует исключать возможности существования в системе языка или говора фонетических явлений, внешне напоминающих известные факты косноязычия. Трудно согласиться с авторами раздела «Фонетика» Грамматики русского языка 1952 г., отметившими, что в русском литературном языке «мягкие *с*^{ь} и *з*^{ь} в индивидуальном произношении имеют довольно четко выраженный характер шепелявости» и «этот оттенок шепелявости как при твердых, так и при мягких *с* и *з*, может быть больше выраженным и относится к индивидуальным оттенкам произношения» [12]. По-видимому, авторам не были известны факты диалектной фонетики, связанные с употреблением среднеязычных (по литературе, «шепелявых») [с''], [з''], а также переднеязычных [с^{m}], [з^{ж}], которые в качестве элементов «диалектного субстрата» нередко удерживаются в речи жителей городов.

---

[9] Ср.: *Н. П. Гринкова.* Очерки по русской диалектологии. IV. Говор тудовлян Ржевского уезда. «Изв. ОРЯС», 1926, т. XXXI, стр. 310; *Ю. Ф. Денисенко.* Шепелявые свистящие в Печорских говорах. «Севернорусские говоры», вып. I. Л., 1970, стр. 68, 72, 75.

[10] *Б. А. Ларин.* Парижский словарь московитов 1586 г. Рига, 1948, стр. 33, 37.

[11] *В. М. Чэкман.* Указ. соч., стр. 97.

[12] «Грамматика русского языка», т. I. М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 66.

Среди лингвистических определений термина «шепелявость», встречающихся в литературе, заслуживают внимания те из них, которые связаны с ограничением рассматриваемых согласных группой мягких щелевых. Так, значительное место занимают определения мягких шепелявых свистящих как звуков, по звучанию «средних» между [с'] и [ш']. Отмечалось также сходство диалектных согласных [с''], [з''] с мягкими долгими шипящими литературного языка. Ряд исследователей допускает непосредственную фонетическую близость «шепелявых» [с''], [з''] с мягкими шипящими [ш'], [ж'].

С понятием сильной степени смягчения согласных [с''], [з''], сопряженной с изменением их локального ряда, связана наиболее убедительная точка зрения, раскрывающая действительную артикуляционную природу этих щелевых. Предположение о фонетической близости так называемых «шепелявых» щелевых в русских говорах польским среднеязычным [с''], [з''] высказал А. М. Селищев[13]. Дальнейшие исследования подтвердили наличие в определенных диалектных системах среднеязычных палатальных щелевых, нередко функционирующих с другими категориями среднеязычных согласных [14].

«Шепелявость» согласных [с''], [з''] недостаточно рассматривать только в качестве дополнительного фонетического признака, «накладываемого» на основное качество палатализованных [с'], [з'] и затрагивающего лишь недифференциальные признаки соответствующих фонем [15]. В определенных условиях этот признак участвует в изменении соотношения фонем в пределах частной диалектной системы, в частности в распределении фонем, парных и непарных по признаку твердости—мягкости.

С проблемой восприятия внешнего акустического эффекта рассматриваемых щелевых связан вопрос о степени их «шепелявости» и обозначения этих согласных на письме. Двум пограничным категориям среднеязычных присуща лишь незначительная степень «шепелявости»: в тембре краепалатальных доминирует свистящий элемент, а в тембре заднепалатальных ощутимо присутствие *x*'-, точнее *x*-образного элемента (для [с'']), и *γ*'-образного элемента (для [з'']). В этих двух случаях «шепелявость» редко фиксируется на письме.

Указания исследователей на различные степени проявления «шепелявости» мягких *с'*, *з'* можно считать одним из косвенных подтверждений существования в русских говорах трех разновидностей среднеязычных [с''], [з'']. Не исключено, что одним из способов передачи на письме заднепалатальных среднеязычных

---

[13] *А. М. Селищев.* Русский язык у инородцев Поволжья. «Slavia», 1925, IV, стр. 39; *А. М. Селищев.* Соканье и шоканье в славянских языках. — Избр. труды. М., 1968, стр. 597.

[14] *С. С. Высотский.* Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в русских говорах. «Очерки по фонетике севернорусских говоров». М., 1967, стр. 48—49; *А. М. Кузнецова.* Указ. соч., стр. 41, 70.

[15] «Вопросы теории лингвистической географии». М., 1952, стр. 39, 40.

щелевых являются написания буквы *х* в соответствии с этимологическим *с'* (ср. примеры, отмеченные В. И. Чернышевым: *на хъвете*=на свете, *пихьмо*=письмо [16]).

Более конкретное значение приобретают указания наблюдателей на случаи сильной шепелявости мягких свистящих в говоре. Достаточно распространенным в диалектологических работах было обозначение мягких «шепелявых» с помощью знаков $с^{ш}$, $з^{ж}$ ($с'^{ш'}$, $з'^{ж'}$ и т. п.). Представление о звуках, «средних» между [с'] и [ш'], находит своих сторонников и в настоящее время. Некоторые исследователи возводят предполагаемый ими диалектный звукотип в ранг особой фонемы «$с'^{ш'}$» [17], отмечая отсутствие у этого звука «средненёбной артикуляции» (при кончике языка, якобы расположенном «у альвеол») и приходя таким образом к неожиданному выводу о том, что в данном случае произносится «полумягкий звук» [18].

При собирании материалов для Атласа русских народных говоров авторы ответов на вопрос программы о произношении согласных на месте *с'*, *з'* использовали крайне разнообразную транскрипцию, нередко без специального разграничения отдельных фонетических явлений (см. карту № 96 БСТ Атласа [19], автор комментариев — Е. Г. Бурова). Е. Г. Бурова указывает, что авторы ответов одними и теми же знаками обозначают звуки, различные по твердости—мягкости и по степени шепелявости, что существенно осложнило интерпретацию обозначений. Элемент произвольности, характеризующий подобную транскрипцию, во многом объясняется сложностью самого явления, а также непривычностью его для фонологического слуха носителей русского литературного языка.

Современные экспериментально-фонетические данные позволили зафиксировать палатально-среднеязычный характер артикуляции трех разновидностей «шепелявых» щелевых. Наши наблюдения относительно территории распространения указанных разновидностей в настоящее время еще недостаточны. Возможно, дальнейшие исследования позволят выявить более обширный ареал этих явлений, оценка которых на данном этапе важна для нас прежде всего в типологическом плане.

Фиксация среднеязычных аффрикат методом слухового наблюдения сопряжена с ограничениями перцептивного характера, аналогичными и при наблюдениях над соответствующими среднеязычными щелевыми. В русских говорах наблюдатели в различные периоды отмечали произношение «средних звуков», в част-

---

[16] *В. И. Чернышев.* Говор Пушкинского района. — В кн.: «Язык и мышление», VI—VII. М.—Л., 1936, стр. 111—112.

[17] *В. В. Колесов.* Фонологическая характеристика фонетических диалектных признаков. — ВЯ, 1971, № 4, стр. 57.

[18] «Русская диалектология». Под ред. Н. А. Мещерского. М., 1972, стр. 71.

[19] «Атлас русских говоров центральных областей к северу от Москвы» (БСТ). Рукопись; хранится в секторе истории и диалектологии Ин-та русского языка АН СССР.

ности ц', «близкого к ч'» (отмечались также «звуки с шепелявой фрикацией», или просто «шепелявый ц'»).

Артикуляционная характеристика и типологическое разграничение «шепелявых» аффрикат возможны в условиях инструментального исследования, подтвердившего их среднеязычно-палатальный тип образования с учетом разграничения на краепалатальные (белорусского типа) и переднепалатальные (польского типа) [20].

Звукотипы среднеязычных аффрикат в русских говорах характеризуются различиями в функциональном отношении. В одном случае, например, в диалектных системах с неразличением аффрикат среднеязычный [ц''ц'] или [ц''] выполняет функцию единственной аффрикаты (так называемое «шепелявое» мягкое цоканье, нередко же это классифицируется как ч о к а н ь е). В других диалектных системах среднеязычные аффрикаты глухой и звонкой разновидности выполняют функцию палатализованных фонем ‹т'›, ‹д'› (так называемое д ж е к а н ь е). Функционирование среднеязычных аффрикат носит вполне самостоятельный характер. Очевидно, нельзя согласиться с мнением о том, что согласный типа ц'ч'' является звуком «промежуточного характера» и «представляет собой определенный этап перехода от мягкого цоканья к различению аффрикат ч' и ц» [21].

Преобладание среднеязычного уклада в образовании смычных и щелевых согласных (это распространяется и на сонорный [н'']) составляет специфику и один из существенных признаков артикуляционной базы ряда севернорусских и южнорусских говоров. Фонологическая типология палатальных характеризуется различиями их фонологического статуса в различных диалектных консонантных системах. Основное различие такого рода связано с реализацией одной из кардинальных оппозиций диалектного консонантизма — категории твердости—мягкости согласных.

В диалектных системах, обладающих тембровой корреляцией палатализованных—непалатализованных, палатальные среднеязычные выступают в качестве репрезентантов соответствующих палатализованных фонем. В тех же диалектных системах, в которых отмечено отсутствие корреляции согласных по признаку твердости—мягкости [22], палатальные среднеязычные образуют самостоятельный локальный ряд, в фонологическом отношении противопоставленный согласным других локальных рядов [23].

---

[20] Третий тип среднеязычных аффрикат — заднепалатальные — нами не был зафиксирован.

[21] *В. Г. Орлова.* История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., 1959, стр. 25.

[22] Например, в говоре д. Полутиха Харовского р-на Вологодской обл. и в говоре с. Бояновичи Хвастовичского р-на Калужской обл. (здесь зафиксировано частичное или полное отвердение так называемых полумягких согласных).

[23] Ср.: *В. Н. Чекман.* Генезис и эволюция палатального ряда в праславянском языке. «Доклады советской делегации на VIII Съезде славистов». Минск, 1973, стр. 8—9.

В. Н. ТЕПЛОВА

ДИСПАЛАТАЛИЗАЦИЯ ‹л'› В ПОЛОЖЕНИИ ПЕРЕД СОГЛАСНЫМИ [н] и [ш] В РУССКИХ ГОВОРАХ

Диалектные различия в употреблении фонем ‹л›— ‹л'› в русском языке разнообразны и относятся к различным аспектам употребления этих фонем. Основными из существующих по говорам различий [1] являются следующие:

1. Различие в характере образования звуков, соответствующих фонеме ‹л› литературного языка.

2. Наличие или отсутствие чередования звуков на месте *л* в позиции конца слога и слова, и характер закономерностей, на основе которых это чередование осуществляется.

3. Сохранение или утрата палатальности согласным [л'] в сочетаниях [л'н], [л'ш]; наличие или отсутствие при этом явлений ассимилятивного характера.

Различия, относящиеся к употреблению ‹л'›, лежат в особом плане, имеют особый характер распространения и своеобразные закономерности, в связи с чем могут быть предметом специального изучения. Различные процессы ассимилятивного и диссимилятивного характера, относящиеся в русском языке к периоду после падения редуцированных, широко представлены в системе твердых—мягких фонем русского языка; одним из таких процессов является позиционное смягчение или отвердение согласных. Настоящая статья и посвящена исследованию одного из подобных явлений — реализации фонемы ‹л'› в сочетаниях [л'н], [л'ш], а спорадически также и в положении перед некоторыми другими согласными.

В связи с этим напомним, что в русском литературном языке фонемы ‹л›— ‹л'› различаются во всех положениях [2]: а) на конце слова: *пы*[л] — *пы*[л']; б) перед гласными, кроме *е*: [л]*уб*о́*к* — [л']*уб*о́*вь*; *сто*[л]*и́* — *сто*[л']*и́ца*; *в*[л]*а́га* — [л']*а́гу*; *п*о́[л]*ог* — *по*-[л']*о́г*; в) перед твердыми согласными: *мо*[л]*ва́* — [л']*ва*; *га́*[л]*ка* — *га́*[л']*ка*; *во*[л]*на́* — *во*[л']*на́*; *по*[л]*зу́* — *п*о́[л']*зу*; г) перед некоторыми мягкими согласными: *во*[л]*ни́стый* — *в*о́[л']*ница*; *по*[л]*зи́* — *по*[л']*зи́тельно*; *мо*[л]*чу́н* — *ма́*[л']*чик*; д) с некоторым ограничением — перед отвердевшим [ш]: *во*[л]*шебство́* — *б*о́[л']*ше*.

---

[1] О различиях, относящихся к судьбе ‹ л ›, см.: *В. Н. Теплова.* Смычно-проходные боковые сонорные согласные в говорах русского языка. Автореф. канд. дисс. М., 1973, стр. 3—13.

[2] См. об этом, напр.: *Р. И. Аванесов.* Очерки русской диалектологии, ч. 1. М., 1949, стр. 152; *Он же.* Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956, стр. 170—175; *Л. Э. Калнынь.* Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке. «Уч. зап. Ин-та славяноведения», т. XIII. М., 1956, стр. 211.

Подобное различение изучаемых фонем характерно также для большинства русских говоров. Лишь в части говоров русского языка можно наблюдать известные особенности в употреблении фонемы ‹л'› в определенных сочетаниях, заключающиеся в наличии—отсутствии явлений ассимилятивного характера, которые могут затрагивать как согласный [л'], так под его влиянием и соседний с ним согласный [н]. Из таких явлений назовем следующие: а) ассимиляцию по месту и способу образования в сочетании [л'н]: *бóнно* или *бон'н'о*, *бóл'л'о*; б) развитие мягкости в сочетании [л'н] на основе явления прогрессивной ассимиляции для согласного [н]: *бóл'н'о*; в) ассимиляцию ‹л'› последующему твердому согласному: *бóлно*, *бólно*.

Из числа указанных явлений ассимилятивного характера произношение [нн], [н'н'], [л'л'] отмечают лишь в единичных населенных пунктах, в связи с чем в лингвогеографическом аспекте они не дают оснований и достаточного материала для их специального исследования.

Произношение [л'н'] в соответствии с [л'н], широко представленное в средней части северной территории распространения русского языка и имеющего своеобразный ареал, касается судьбы ‹н› в данном сочетании, оно может быть и является в настоящее время предметом специального исследования [3].

Задача настоящей статьи заключается в том, чтобы на основании современных лингвогеографических данных определить территорию употребления звуков [л] и [l] на месте *л'* в сочетаниях [л'н], [л'ш] в пределах распространения русского языка на Европейской части СССР в целом, выявить структурные особенности этого явления и сделать попытку установления относительной хронологии явления диспалатализации ‹л'› в описываемых сочетаниях сравнительно с другими особенностями, характеризующими произношение *л*.

Обращение к диалектным данным при рассмотрении перечисленных вопросов определяется тем, что материалы памятников не могут служить надежным источником для изучения процессов ассимиляции согласных по твердости—мягкости, так как мягкость или твердость согласных перед следующим согласным в них не всегда обозначалась [4]. В связи с этим написания, в которых графическое указание на мягкость ‹л'› перед согласным отсутствует, послужили поводом для различного их толкования. Одни

---

[4] См.: *В. А. Мирская*. Об одном из проявлений влияния финно-угорского субстрата в говорах русского севера. «Материалы II Межвузовской конференции молодых ученых Волго-Вятского региона». Йошкар-Ола, 1973, стр. 8—11.

[3] В связи с этим см., напр.: *А. А. Шахматов*. Курс истории русского языка, ч. II. СПб., 1910, стр. 652 литогр.; *Л. П. Жуковская*. Из истории языка северо-восточной Руси в середине XIV в. (Фонетика галичского говора по материалам Галичского евангелия 1357 г.). «Труды Ин-та языкознания», 1957, т. VIII, стр. 84.

исследователи [5] считали, что подобные случаи не могут быть материалом для изучения вопросов, касающихся наличия или отсутствия процессов ассимиляции, другие не исключали возможности использования подобных указаний. Так, по мнению Б. М. Ляпунова [6], в случаях пропуска буквы *ь* после *л* перед следующей согласной можно предположить указание на его отвердение. Л. Э. Калнынь [7] обнаружила в памятниках три примера с буквой *ъ* после *л'* перед согласным: *бо́лъно*, *довблъно* (Галицкое евангелие 1266—1304 гг.); *полъза* (Лукино евангелие 1409 г.); для нашего исследования важно, что оба эти памятника являются собственно русскими. Ср. и предположение Л. Э. Калнынь, хотя и основанное главным образом на показаниях современных говоров, что «пропуск *ь* после *л* в древнерусских памятниках все-таки имеет фонетическое значение, но не во всех случаях, а лишь только тогда, когда после [л] следует зубной согласный».

Первые сведения об отвердении ‹л'› в русских говорах содержатся еще у М. А. Колосова [8]. Указание на наличие данной черты по говорам находим также и в ряде общих пособий по истории русского языка [9] и диалектологии [10], причем его обычно считают характерным лишь для севернорусского наречия. Сведения об изучаемом явлении встречаются и в описаниях отдельных говоров [11]. Ср. также значительный материал по данному явлению и в монографии «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров» [12].

Современные лингвогеографические данные показывают, что диспалатализация ‹л'› в сочетаниях [л'н], [л'ш] на изучаемой тер-

---

[5] *А. А. Шахматов.* Указ. соч., стр. 652; *Е. Ф. Карский.* Белорусы, вып. 1. М., 1955, стр. 316.

[6] *Б. М. Ляпунов.* Исследование о языке Синодального списка 1-й Новгородской летописи. Вып. 1. «Исследования по русскому языку», т. II, вып. II. СПб., 1900, стр. 100.

[7] *Л. Э. Калнынь.* Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке, стр. 212.

[8] *М. А. Колосов.* Заметки о языке и народной поэзии в области северновеликорусского наречия. «Сб. ОРЯС», 1877, т. XVII, № 3, стр. 223—224, 328.

[9] См., напр.: *А. А. Шахматов.* Курс истории русского языка, ч. II, стр. 651—652; *Н. Н. Дурново.* Очерк истории русского языка. М.—Л., 1924, стр. 209; *Он же.* Введение в историю русского языка. М., 1969, стр. 176.

[10] *Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков.* Опыт диалектологической карты русского языка в Европе. «Труды МДК», вып. V. М., 1915, стр. 20; *Р. И. Аванесов.* Очерки русской диалектологии, стр. 170; *П. С. Кузнецов.* Русская диалектология, изд. III. М., 1960, стр. 87; «Русская диалектология». Под ред. Н. А. Мещерского. М., 1972, стр. 64—65; «Русская диалектология». Под ред. П. С. Кузнецова. М., 1973, стр. 92, 93.

[11] См., напр.: *Р. И. Аванесов* и *В. Н. Сидоров.* Говоры верхнего Поветлужья. Н.-Новг., 1931, стр. 27; *В. Г. Орлова.* О говоре с. Пермас Никольского р-на Вологодской области. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. I. М.—Л., 1949, стр. 50; *И. Д. Самойлова.* О фонетических особенностях говора Опаринского района Кировской обл. «Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», 1959, вып. IX, стр. 312.

[12] «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров». Под ред. В. Г. Орловой. М., 1970, стр. 270, 271.

ритории представлена в пределах двух ареалов, различных по размерам. Один из них расположен в пределах северного наречия русского языка, другой — на территории южного наречия (см. карту в приложении). Первый из указанных ареалов (назовем его с е в е р о - в о с т о ч н ы м) занимает неширокую полосу в южной части Вологодской группы говоров в основном к востоку от 40° в. д. Южная граница названного ареала то отходит к северу (иногда значительно), то приближается к южной границе Вологодской группы, изредка совпадая с ней. Южнее г. Никольска один из мысов этого массива уходит в пределы Костромской группы — к р. Унже. В районе г. Кологрива этот мыс расширяется, занимая там территорию между средним течением р. Унжи и верховьем р. Ветлуги. На севере граница этого ареала проходит южнее г. Коноши, в направлении к юго-востоку, к г. Тотьме, и далее по р. Сухоне—до г. Великого Устюга. Восточная граница этого ареала остается открытой и уходит за пределы картографированной в атласах территории.

На данной территории обычно представлено отвердение ‹л'› и перед [н] и перед [ш], лишь на его периферии можно наблюдать диспалатализацию ‹л'› только в одном из этих сочетаний, причем чаще в сочетании [л'ш].

Другой ареал изучаемого явления (назовем его ю г о - з а п а д н ы м) находится на территории Западной группы южного наречия, в пограничных с Белоруссией говорах, на западе Брянской обл. Такие говоры образуют здесь два смежных небольших по величине ареала, уходящих в пределы белорусского и украинского языков. Бóльший из них находится севернее гг. Новозыбкова и Стародуба. Характерно, что в пределах этого массива отвердение ‹л'› зафиксировано главным образом в сочетании [л'н] и лишь в немногих компактно расположенных говорах — в обоих сочетаниях. Другой ареал, мéньший по размерам, находится на правом берегу р. Десны, западнее г. Трубчевска. Отвердение ‹л'› здесь имеет место в обоих сочетаниях. Аналогичное употребление звуков на месте *л'* в этих сочетаниях отмечено также по соседству с данными ареалами на территории ЮТ.

Отвердение ‹л'› отмечают и за пределами описанных ареалов, причем, как правило, только в одном из сочетаний. Лишь в нескольких нас. пунктах БСТ диспалатализация ‹л'› зафиксирована в обоих сочетаниях. В сочетании [л'н] отвердение ‹л'› обычно представлено в разбросанных говорах как вблизи от северо-восточного ареала, так и в нас. пунктах, удаленных от него. Единичные разобщенные говоры с отвердением ‹л'› перед [н] встречаются и на остальной описываемой территории распространения русского языка [13]. Отвердение ‹л'› в сочетании [л'ш] отмечено

[13] Заметим, что диспалатализация ‹л'› в сочетании [л'н] в этих случаях обычно отмечается в различных примерах. Однако в ряде нас. пунктов на территории северных говоров звук [л] отмечен только в слове *колокольня*.

почти исключительно в пределах территории БСТ, причем чаще всего в небольших группах нас. пунктов, одни из которых расположены к западу от северо-восточного ареала — на западных побережьях озер Онежского и Кубенского и на территории между последним и Белым озером (в пределах Лачской, Белозерской, Онежской и Вологодской групп), другие — к юго-востоку от названного ареала, восточнее р. Ветлуги, в Костромской группе северного наречия.

Важно отметить, что отвердение ‹л'› в сочетаниях [л'н], [л'ш] свойственно также части говоров украинского [14] и белорусского [15] языков, причем в последнем, по имеющимся сведениям (ознакомление с архивными картами диалектологического атласа белорусского языка), это явление отмечено в рассеянных по всей территории говорах.

Диспалатализация ‹л'› в сочетании [л'ш] зафиксирована в материалах атласов в нешироком кругу слов, что, по-видимому, объясняется немногочисленностью соответствующей лексики в русском языке. Это слова с производной основой *больш-*: *болш́й*, *бóльше*, или *болш́й*, *бóльше* и др., а также словоформы *дальше (дáльше)*; *дольше (дóльше)*. Нерегулярно встречаются, кроме того, слова: *тяжéльше*, *учи́тельша*, *фéльшер*, *фальши́вый*, *Пóльша*, *председáтельша*, *олиáнник*, или соответственно с [l]: *тяжélше* и т. п.

Отвердение ‹л'› в сочетании [л'н] представлено довольно многочисленным и разнообразным списком примеров, в которых это сочетание находится в середине слова на стыке морфем. В ответах регулярно приводятся такие наречия, как *бóльно* [16], *вóльно*, *си́льно*, *прáвильно* и т. п. или однокоренные с ними прилагательные. В ряде случаев диспалатализация ‹л'› в сочетании [л'н] в середине слова наблюдается в существительных со словообразовательным формантом *-на*, соответствующим литературному *-ня*. Среди них наиболее регулярно она представлена в слове *колокольна (колокóльна, колокólна)*. В немногих ответах она встречается и в других существительных: *богодéльна*, *молоти́льна*, *купáльна*, *наковáльна*, *спáльна*, *свети́льна*, *новáльна*, *читáльна* и т. п., или соответственно с [l]: *богодélна*, *молоти́lна* и т. д. Все эти примеры зафиксированы только в северо-восточных говорах.

В единичных нас. пунктах эти существительные образованы с помощью форманта *-но*, причем отвердение ‹л'› в них зафиксировано как на территории северо-восточных, так и юго-западных говоров. Ср.: БСТ — *колокólно*, *св'ет'и́lно*, *кач'и́lно*; ЮТ —

---

[14] *Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков.* Опыт диалектологической карты. . . , стр. 110; *Н. Н. Дурново.* Очерк истории русского языка, стр. 236.

[15] *П. А. Бузук.* Спроба лінгвістычнае географіі Беларусі, ч. I, фонэтыка і морфолегія; у Менску, 1928, стр. 59; *Е. Ф. Карский.* Белорусы, стр. 316, 317.

[16] Данное наречие и все другие приводимые здесь примеры соответственно отмечаются и со звуком [l]: *бólно* и т. п.

цапи́лно. Таким образом, отвердение ‹л'› в сочетании [л'н], находящемся в середине слова, практически наблюдается в неограниченном кругу лексики.

В начале слова в этом сочетании оно зафиксировано только в формах существительного *лен*: *лну*, *лна*, *лном*, *лны*, *lну*, *lна́ми* и т. п., правда, всего в 24 нас. пунктах, разбросанных по территории северо-восточного ареала, с некоторым их сгущением в районе г. Грязовца, а также в двух нас. пунктах на территории юго-запада. На юго-востоке северо-восточного ареала в пределах Костромской группы северного наречия отвердения ‹л'› перед [н] в начале слова не зафиксировано.

В части говоров диспалатализация ‹л'› встречается и перед мягким [н'] в сочетании [л'н']. При этом можно предположить, что в некоторых случаях отвердению ‹л'› могло способствовать наличие родственных форм с [л] [17]: *колоко́лн'а* (ср. *колокол*); *колоко́lн'а*; *м'е́лн'ица* (ср. *мел-//мол-*), *м'е́lн'ица*; *нац'а́lн'ик* (ср. *начал*); *пла́калн'ица* (ср. *плакал*); *пля́calн'ик* (ср. *плясал*); *подзыты́лн'ик* (ср. *затылок*); *ро́звалн'и* (ср. *развал*); *рукод'е́лн'ица* (ср. *дело* и *дельный*); *св'ет'и́лн'а* (ср. *светил*); *си́лн'инька* (ср. *сила* и *сильный*); *умыва́лн'ик* (ср. *умывал*); *ут'ира́лн'ик* (ср. *утирал*); *холод'и́лн'ик* (ср. *холодил*); *че'рн'и́лн'ица* (ср. *чернила*); *шко́lн'ик* (ср. *школа*).

В других случаях наличие [л] перед [н'] может быть связано с обобщением основы по формам, развившим [л] твердый (или [l]) в результате ассимиляции по твердости перед последующим [н] твердым: *болн'и́ца* (ср. *больной*); *bолн'и́ца*; *во́лн'ица* (ср. *вольный*); *во́lн'ик*; *да́лн'ая* (ср. *дальный*); *да́lн'ий* (ср. *дальный*); *пон'еде́lн'ик* (ср. *недельный*); *зыб'и́лн'а* [18] (?). Ср. и наличие [l] в слове *lн'анбй*; произношению отвердевшего звука в соответствии с ‹л'› в нем могло способствовать влияние родственных форм *лна*, *лну* и т. д.

Наконец, отметим диспалатализацию ‹л'› в сочетании [л'н'] при отсутствии родственных форм с твердым [л] или [н]: *уч'и́т'елн'ица*; *уч'и́т'elн'ица*. Слово это относительно поздно вошло в активный словарь говора и не исключено, что могло быть усвоено в них в данной огласовке из соседних говоров, так как отмечено оно в нас. пунктах, по соседству с которыми наблюдается произношение полутвердых согласных в соответствии с мягкими. Наличие [l] в данном слове является закономерным для системы одного из го-

---

[17] Такое предположение было высказано А. М. Селищевым (см.: *А. М. Селищев*. Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1921, стр. 184—185); см. также: «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров», стр. 270.

[18] Возможно, это однокоренное с *зыбе́льный* ‘качельный’ (в знач. ‘младенец, качающийся в люльке, зыбке’. — *В. Т.*). См.: *В. И. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. т. I. М., 1955, стр. 697; ср. также *зыби́ться* ‘прогибаться, колебаться’ (стр. 203); или: *вы́зыбать*, *вызыба́ть* ‘выпрашивать’ (деньги. — *В. Т.*) (стр. 101). См.: «Словарь современного русского народного говора». Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.

воров в целом, так как здесь отмечено отвердение мягких согласных не только перед гласными, но и на конце слова (ср. напр., *оńéт*) [19].

В ряде говоров, расположенных на территории северо-восточного и юго-западного ареалов, отвердение ‹л'› отмечено не только в сочетаниях [л'н], [л'ш], но и перед другими согласными, как перед твердыми: БСТ, ЮТ — *пóлза*; *пóлзы*; *н'едовóлство*; *палтýшка*; *палтó*; *култýрныйо*; *култýрных*; *сáлцо*; *крылцó*; *калцó*; *мáлчык*; *пáлцов*; *по пáлцу*; *с'елсав'ém*; *мáс'алца*; *мы́лцам*; *молбá*; *пáлмы*; *тблко*; *тблко*; так и перед мягкими согласными: *полз'и́т'елно*; *н'елз'á*; *лд'и́ны*. Наличие этих примеров дает основание для предположения о возможности в говорах более широкого употребления [л] или [l] на месте *л'* перед согласными. Соответствующие примеры не могли получить в материалах полного отражения, поскольку данный вопрос «Программы» нацеливает на выяснение качества ‹л'› лишь в сочетаниях [л'н], [л'ш].

Сведения о наличии в говорах твердого [л] не только перед [н] и [ш], но и перед другими твердыми согласными, правда, весьма ограниченные, встречаются и в некоторых предшествующих описаниях. См., например: *испóлзована*, *пóлзуйеца* [20]; *култýрно*, *пóлза* [21]. Аналогичные примеры находим также в «Курсе» А. А. Шахматова: *мáлчик*, *колокóлчик* (Тотемский у.), *Лвов* (Вологодский у.), *похвалбá* (Беломор.), *олхóвой* (Великоустюгский у.) [22]. Ср. также: *нелзя*, *сколко* (Малмыжский у. Вятской губ.) [23]; *пáлцем*, *шéлма*, *пóлза*, *палтó* (Грязовецкий у. Вологодской губ.) [24]; *скóлко*, *пáлцы*, *лдом* (Тотемский у. Вологодской губ.) [25]; *пóлза*, *култýрно* [26]; *пáлцы* (Брянский у. Орловской губ.) [27]; *пáлцы* (Рославльский у. Смоленской губ.) [28].

Единичные примеры с отвердением ‹л'› перед различными твердыми согласными отмечены и в белорусских говорах: *крылцы*, *началство*, *вяселцом* (Рогачевский у.); *палцам*, *стралцам*, *продоволствие* (Быховский у.); *sałco*, *kołca* [29]; *палцы*, *колцо*, *малцы*, *бобылство*, *крылца*, *pałcy*, *widełcy*, *na pálcy*, *салцо*, *kołcy*, *pałcy*,

---

[19] См.: *Ю. С. Аварх.* Отвердение парных мягких согласных перед гласными в вологодско-кировских говорах. «Очерки по фонетике севернорусских говоров». М., 1967, стр. 142, 143, 147.

[20] *Р. И. Аванесов* и *В. Н. Сидоров.* Говоры верхнего Поветлужья, стр. 27.

[21] *В. Г. Орлова.* О говоре с. Пермас Никольского р-на Вологодской области, стр. 50.

[22] *А. А. Шахматов.* Курс истории русского языка, ч. II, стр. 651, 652.

[23] «Материалы для изучения великорусских говоров», вып. X. «Сб. ОРЯС», 1921, т. 99, стр. 78.

[24] «Труды МДК», вып. III. Варшава, 1914, стр. 73.

[25] «Материалы для изучения великорусских говоров. . . », вып. X, стр. 62.

[26] *Л. Э. Калнынь.* Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке, стр. 212.

[27] «Материалы для изучения великорусских говоров. . .», вып. X, стр. 85.

[28] *П. А. Расторгуев.* Говоры на территории Смоленщины. М., 1960, стр. 67.

[29] *А. А. Шахматов.* Курс истории русского языка, ч. II, стр. 481.

малцы, рылцэ[30]. См. также примеры из украинских говоров: *свідытелство, сїлський, по приятелськи*[31]; *кілка*[32]; *тілко*[33].

Собранные материалы позволили сделать некоторые наблюдения над структурой изучаемого явления в зависимости от звучания согласного [л'], произносимого в сочетании. Это оказалось возможным при изучении диспалатализации лишь в сочетании [л'н], материалы по которому представлены более полно, чем по сочетанию [л'ш].

По употреблению звуков [л] и [l] на месте *л'* в сочетании [л'н] говоры можно разделить на три группы. К первой из них мы относим говоры, в которых в соответствии с ‹л'› произносится только велярный [л], причем выявилось значительное число говоров, где представлено исключительное употребление данного звука в указанном сочетании. В качестве иллюстрации приведем следующие данные д. Внуково Тотемского р-на Вологодской обл.: *об'аза́т'елно, прос't'и́т'елно, уважы́т'елны, болнбй, вбл́найа, довбл́но, наха́лно, пра́в'илно, вда́лност'и, н'еда́лной*[34]. Последовательное употребление [л] в пределах северо-восточного ареала зафиксировано на территории небольших островков или отдельных говоров.

В юго-западных говорах исключительное употребление [л] в соответствии с ‹л'› отмечено лишь в шести попарно сгруппированных нас. пунктах.

Наиболее характерным для говоров первой группы следует, однако, считать сосуществование звуков [л] и [л'], причем последний выступает с разной степенью интенсивности. Самым распространенным типом сосуществования является равноправное употребление этих звуков в описываемом сочетании, свойственное как северо-восточным говорам, так и юго-западным. Для примера приведем данные д. Сысоево Бабушкинского р-на Вологодской обл.: *пра́в'илно, ббл́но, добровбл́но, довбл́но, да́лнайа*, но *рукод'и́л'найа, с'и́л'ной, из л'на́, колокбл́'н'а*; д. Святая Клинцовского р-на Брянской обл.: *пра́в'илна, аб'иза́т'илна, р'еши́т'илна*, но *бал'нбй, вбл́'на, пра́в'ил'на*[35].

Лишь в немногих говорах наблюдается господство употребления [л] при единичном произношении [л'] в сочетании [л'н]. Подобное сосуществование имеет место как в северо-восточных, так и в юго-западных говорах. В качестве иллюстрации см. данные следующих говоров: д. Согорки Сямженского р-на Вологодской обл.: *болнбй, ббл́но, пра́в'елно, вбл́но, довбл́но, осталнбйо*, но *да́л'ной*;

---

[30] *Е. Ф. Карский.* Белорусы, вып. 1, стр. 317.
[31] *А. А. Шахматов.* Курс истории русского языка, стр. 325.
[32] *Н. Н. Дурново.* Очерк истории русского языка, стр. 236.
[33] *Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков.* Опыт диалектологической карты. . . , стр. 110.
[34] Исключительное употребление [л] в сочетании [л'н] зафиксировано во многих нас. пунктах на территории северного наречия.
[35] Аналогичное сосуществование звуков [л] и [л'] см. также в целом ряде нас. пунктов БСТ и ЮТ.

д. Федоровка Суражского р-на Брянской обл.: *стара́т'илный*, *ч'увств'и́т'елны*, *съ лна́* (-из льна), *пра́в'илна*, *с'и́лна*, но и *пра́в'ил'на* [36].

Наконец, следует указать на такой тип сосуществования [л] и [л'] в сочетании [л'н], когда господствует произношение последнего, в то время как употребление [л] представлено единичными примерами. Сосуществование подобного типа наблюдается как на северо-востоке, так и на территории юго-западных говоров. См., например, материал д. Дороватка Биряковского р-на Вологодской обл.: *сп'ец'иа́лно*, но *сп'ец'иа́л'ной*, *бо́л'но*, *бол'нбй*, *вбл'но*, *л'есоп'и́л'ной*, *н'епра́в'ел'но*, *нач'а́л'нуйу*, *кац'у́л'но*, *шко́л'найа*; д. Ущерпье Клинцовского р-на Брянской обл.: *п'ита́т'елны*, но *бол'нбй*, *вбл'на*, *бо́л'на*, *н'иб'иза́т'ил'на*, *ад'д'е́л'на*, *с'и́л'на* [37]. Подобное соотношение в употреблении звуков [л] и [л'] зафиксировано преимущественно в окраинных говорах на территории обоих ареалов, причем в пределах северо-восточного ареала — главным образом в восточной его части.

Ко второй группе относятся говоры, для которых характерно употребление [l] среднего в соответствии с ‹л'› в сочетании [л'н], причем в некоторой их части отмечено исключительное употребление данного звука. На территории северо-восточного ареала подобное произношение отмечено в 20 нас. пунктах, образующих небольшие компактные группы, разбросанные по его территории. Для примера приведем данные говора д. Орловица Вохомского р-на Костромской обл. *вбlно*, *пра́в'ulно*, *довбlно*, *довбlны*, *бблно*, *уд'ив'и́т'elно*, *bolnбй*, *изо lна*.

На юго-западе последовательное произношение [l] в сочетании [л'н] отмечено лишь в д. Гута Корецкая Клинцовского р-на Брянской обл.: *balnбй*, *пра́в'ulна*, *wблный*, *сазна́т'ulнайа*, *с'и́lна*, *кынча́тылна*, *самастайа́т'ulна*, *цып'ulнб*, *н'иб'иза́т'ulна*.

В части говоров на территории северо-восточного ареала отмечено сосуществование [l] и [л'] в сочетании [л'н]. При этом в одних из этих говоров мы можем наблюдать равноправное их употребление, как, например, в говоре д. Липовец II Усть-Алексеевского р-на Вологодской обл.: *бблно*, *шalна́йа*, *шalны́е*, *да́lныйе*, *об'еза́т'elно*; *шал'на́йа*, *с'и́л'но*, *л'ну́*, *бол'на́йа*.

На юго-западе подобного колебания в употреблении этих звуков не отмечено.

В других (при этом немногих) говорах зафиксировано господство [l] при единичных случаях употребления [л']. В качестве иллюстрации приведем данные говора д. Путятино Вилегодского р-на Архангельской обл.: *bolна́йа*, *bolnбй*, *вблно*, *н'евблно*, *с'и́lно*, *с'и́lнайа*, *ст'elна*, *т'е́lнайа*, *од'д'е́lно*, *ц'е́lный*, *да́lнайа*, *колокблна*, но *да́л'ныйе*, *пра́в'ил'но*.

---

[36] Подобное сосуществование [л] и [л'] при господстве [л] отмечено в ряде говоров на территории БСТ и ЮТ.

[37] Аналогичная картина наблюдается в ряде говоров на территории БСТ и ЮТ.

В ряде говоров северо-восточного ареала зафиксировано такое сосуществование [l] и [л'] в сочетании [л'н], при котором господствует [л'], а случаи произношения [l] единичны. См., например, данные д. Старина Никольского р-на Вологодской обл.: *вólно*, но *од'д'ёл'но*, *зам'ецáт'ел'ной*, *бол'нóй*, *мог'úл'на*, *бóл'но*, *прáв'ёл'но*. Подобное сосуществование отмечено в говорах, расположенных в восточной части северо-восточного ареала.

К третьей группе относим говоры, в которых наблюдается сосуществование звуков [л] и [l] как в исключительном их употреблении, так и наряду с [л']. Исключительное употребление звуков [л] и [l] в пределах одного говора встречается только на территории северо-восточного ареала. См., например, данные д. Великий Двор Бабушкинского р-на Вологодской обл.: *болнóй*, *дáлныйо*, *кат'úлно*, (=палка от зыбки), а также *bolnóй*, *кат'úlno*, *хрустálной*, *д'еств'úт'elной* и *рóзvalн'и*, *пл'ácalн'ик*, *свойёт'elн'ица*. Заметим, что говоры с исключительным употреблением звуков [л] и [l] находятся на периферии той же территории, на которой отмечено исключительное употребление либо [л], либо [l].

В небольшом числе говоров северо-восточного ареала сосуществование звуков [л] и [l] наблюдается наряду с [л'], причем все эти звуки употребительны в одинаковой степени. См., например, материал говора д. Веретья Бабушкинского р-на Вологодской обл.: *картóф'елна*, *уважы́т'елной*; *пр'ивólнайа*, *кач'úlно*, *дálнайа*; *штáп'ел'ной*.

На территории юго-западных говоров подобное колебание зафиксировано лишь в д. Случевск Погарского р-на Брянской обл.: *давólны*, *прáв'илна*, *давólна*; *вólна*, *бaлнóй*, но *вóл'на*, *прáв'ил'на*.

В единичных говорах при сосуществовании всех трех вариантов произношения наблюдается господство в употреблении [л] и [l] при наличии лишь отдельных примеров с [л']. См., например, данные говора д. Сирино Кичменгско-Городецкого р-на Вологодской обл.: *исполн'ит'elной*, *bolnóй*, *шalнóй*, *шalнóйа*, *шalны́м*, *остальны́йе*, а также *довóлны*, *шалнóй*, *пы́лно*, но *об'езáт'ел'но*.

Наконец, укажем на такое сосуществование всех трех вариантов звуков, при котором преобладает произношение [л'], а примеры с [l] и [л] единичны. Для иллюстрации приведем данные д. Аксеновская Вилегодского р-на Архангельской обл.: *од'д'ёлно*, а также *ст'ёlнайа*, но *бол'нáйа*, *со л'нóм*, *вóл'ныйе*, *об'азáт'ел'но*, *с'úл'ныйе*, *нормáл'но*. Два последних типа сосуществования звуков [л], [l] и [л'] в соответствии с ‹л'› в сочетании [л'н] представлены только на территории северо-восточного ареала, причем господство употребления [л'] в этом случае зафиксировано в окраинных говорах.

Нет оснований выделять в особую группу говоры, в которых в соответствии с ‹л'› в сочетаниях [л'н], [л'ш] произносится [ў (w)], так как такие говоры единичны и разбросаны по центральной и восточной частям территории северо-восточного ареала. Важно и то, что употребление данного звука в ответах обычно представлено единичными примерами на фоне широкого употребления [л]

или [l] и лишь в д. Носково Павинского р-на Костромской обл. — при системе произношения [л']. Характерно при этом, что в сочетании [л'н] звук [ў (w)] зафиксирован на территории Вологодской обл. почти исключительно в слове *колокольня*: *колокбўна*, *колокбўн'а*, *колокоwн'а*; *колокбвн'а*. Как известно, звук [ў (w)] в этом слове, как и во всех других случаях, мог появиться только из велярного [л] (не из [l]) благодаря их физиологической близости [38]. При этом вероятнее всего наличию [ў (w)] в данном слове способствовало влияние слова *колокол* (о чем см. выше, стр. 108), в котором [л] заменялся на [ў (w)] в результате фонетического чередования [л] с [ў (w)]. Только один раз [ў (w)] вместо [л'] встретился в наречии *вольно*, возникнув здесь, очевидно, также из [л] в результате ассимиляции [л'] последующему твердому [н]: *вóльно* → *вблно* → *вбўно*. В процессе диспалатализации ‹л'› в этом случае, очевидно, произошла полная утрата связи велярного [л] с исконной фонемой ‹л'›, в связи с чем на данное наречие, вероятно, распространилось чередование [л] с [ў (w)]. В сочетании [л'ш] звук [ў (w)] вместо [л'] зафиксирован лишь в словоформе *больше* → *ббўше*. Здесь можно предположить такой же путь изменения в произношении ‹л'›, что и в наречии *вольно*, а именно: *бóльше* → *бблше* → *ббўше*. На этом основании считаем, что произношение [ў (w)] в соответствии с ‹л'› в сочетаниях [л'н], [л'ш] не характерно для говоров русского языка.

Диспалатализацию ‹л'› в сочетаниях [л'н], [л'ш], возникшую в результате ассимиляции [л'] последующему твердому согласному, следует, видимо, относить к числу сравнительно поздних по времени возникновения явлений [39]. В подтверждение этому может быть высказан ряд соображений:

1. Диспалатализация ‹л'› следовала после отвердения шипящих, поскольку ее действие было обусловлено и ограничено положением перед следующим твердым. Лишь после отвердения шипящих стало возможным произношение [л] вместо [л'] в случаях типа *бблше*.

2. Отвердение ‹л'› возникло, по-видимому, тогда, когда в тех же говорах еще был живым процесс чередования [л] с [ў (w)], поскольку последний не охватывает своим действием вторичный [л] из *л'* мягкого (см. выше данные о наличии [ў (w)] вместо [л'] исключительно в словах *колокольня*, *больше*).

3. Изучение сферы лексики, в которой зафиксирована диспалатализация ‹л'›, также подтверждает ее поздний характер, по-

---

[38] На артикуляционную близость [ў (w)] и [л] указывают, напр.: *О. Брок.* Описание одного говора из юго-западной части Тотемского у. «Сб. ОРЯС», 1907, т. 83, № 4, стр. 63; *Р. И. Аванесов.* Очерки русской диалектологии, стр. 169—170; *П. С. Кузнецов.* Русская диалектология, изд. III, стр. 82; а также *В. Г. Орлова* (см.: «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров», стр. 53).

[39] К поздним новообразованиям это явление относит и А. И. Сологуб (см.: «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров», стр. 270).

скольку случаи отвердения ‹л'› наблюдаются не только в исконных для говоров словах, но и в словах книжных, проникших в говоры уже в советский период. БСТ: *ч'ита́лна, индивиду́ално, заготов'и́телной, холод'и́лн'ик*; *лновбдка*; ЮТ: *с'елсав'ет.*

4. На поздний характер изучаемого явления указывает и наличие его в той части территории северо-восточных говоров (а именно в южной части Вологодской группы), где обычно наблюдается наличие и других поздних инноваций, таких, как, например, отвердение мягких согласных перед гласными переднего образования [40] или произношение [н] твердого в словоформах *тбнше, рáнше, мéнше.*

5. Наличие изучаемого явления на северо-востоке Европейской части СССР при отсутствии его на всей западной части говоров, кроме их юго-западной окраины (как и почти полное отсутствие вообще в каких-либо других говорах русского языка), позволяет рассматривать его как узко локализованное. Такие явления также обычно относят к числу поздних, возникших на этапе существования русского языка как языка национального, когда его местные разновидности жили своей относительно самостоятельной жизнью.

Аналогичное явление в небольшой группе юго-западных говоров русского языка, территориально примыкающих к говорам белорусского языка, а также в самих говорах этого последнего могло развиться независимо также в период самостоятельной жизни этих языковых групп, хотя и на основе внутренне единой тенденции. О самостоятельном возникновении явления свидетельствуют и некоторые характерные особенности его в северо-восточных говорах: 1) только в северо-восточных говорах отмечены единичные случаи употребления [ў (w)] на месте *л'* в сочетаниях [л'н], [л'ш]; 2) в северо-восточных говорах вместо [л'] широко представлено употребление [l] (на юго-западе оно отмечено лишь в отдельных говорах); 3) если в пределах северо-восточного ареала границы употребления отвердевшего *л* в обоих сочетаниях в основном совпадают, на юго-западе они различны для каждого сочетания; 4) только на северо-востоке это явление представлено в пределах сплошного территориального массива.

В относительно новых сочетаниях [лн], [лш] из [л'н], [л'ш] в говорах северо-востока наблюдаются те же колебания, что и в сочетаниях, возникших в этих говорах при отходе от произношения [ў (w)] + согласный на месте *л* велярного. В сочетаниях [л'н], [л'ш] выступает то произношение велярного [л], то [l], то сосуществование обоих этих согласных; причем каждый из названных

---

[40] См.: *Р. Ф. Пауфошима.* Согласные неполного смягчения перед гласными переднего образования в говорах Харовского района Вологодской области. «Материалы и исследования по русской диалектологии». Новая серия, вып. II. М., 1961, стр. 75—77; *Ю. С. Аварх.* Отвердение парных мягких согласных перед гласными в вологодско-кировских говорах, стр. 147—148.

вариантов произношения (как в отдельности, так и в сосуществовании) может быть в исключительном употреблении, а также наряду с произношением [л']. Характерно, что в пределах северо-восточного ареала исключительное употребление звуков [л—l] представлено на компактной территории, состоящей из небольших перемежающихся самостоятельных островков с произношением то [l], то [л] или с употреблением их обоих. Подобные некрупные территориальные величины разбросаны по всему северо-восточному ареалу; два из них, более или менее значительные по масштабам, находятся между городами Никольском и Великим Устюгом и в районе г. Тотьмы. На территории юго-западных говоров исключительное употребление, но только звука [л], отмечено в немногочисленных, хотя и сгруппированных нас. пунктах. Однако в большинстве описываемых говоров, знающих диспалатализацию ‹л'›, звуки [л] и [l] употребляются наряду с [л']. В таких говорах происходит процесс вытеснения диалектных звуков произношением [л']; причем в говорах мы наблюдали разные этапы проникновения этого последнего звука: от единичных случаев до стадии завершения, когда произношение [л'] уже господствует. Особенно интенсивно этот процесс протекает в говорах, расположенных по окраинам северо-восточного ареала с диспалатализацией ‹л'› в сочетании [л'н], а также в нас. пунктах, находящихся за пределами его. Проникновению звука [л'] способствует влияние не только литературного языка (его испытывают в равной степени все говоры), но и соседних говоров, не знающих описываемой черты. Что касается юго-западных говоров, то в абсолютном большинстве ответов приводимый материал количественно беден, в связи с этим по отношению к данным говорам можно говорить лишь о сосуществовании [л] и [л'].

Таким образом, процессы, возникающие по говорам в новых сочетаниях [лн], [лш], идентичны процессам отхода от употребления [ў (w)] перед согласными на месте *л* велярного. В этих случаях наряду с [ў (w)] также произносят звуки [л] или [l], которые, как мы наблюдали, употребляются и в соответствии с ‹л'› в описываемых сочетаниях.

Появление наряду с [л], непосредственно возникшим из *л'*, также и [l] следует считать вторичным, связанным с тем, что [l], находившееся в чередовании с [ў (w)], проникало вместо [ў] в позицию перед согласными. О вторичности [l] в сочетаниях [л'н], [л'ш] свидетельствуют также и следующие наблюдения: 1) наличие [l] отмечают нередко в одних и тех же говорах наряду с [л]; 2) сосуществование [л] и [l] имеет место обычно в пограничных зонах либо с говорами, где отмечено сосуществование [л] и [л'], либо иногда на периферии ареала с отвердением ‹л'› в сочетаниях [л'н], [л'ш]; 3) на вторичность звука [l] указывает и островной характер его распространения в пределах северо-восточного ареала. Аналогичный характер распространения этого звука мы наблюдаем и на месте твердого *л* в положении перед соглас-

Карта. Территория с диспалатализацией ⟨л'⟩ в сочетаниях *-льн-*, *-льш-*

1 — [лн]: *бóлно*, *сúлно* . . .; *2* — [lн]: *бólно*, *сúlно* . . .; *3* — [л'н] наряду с [лн] или [lн]: *бóльно*, *бóлно* или *бólно* . . .; *4* — [лш] или [lш]: *бóлше*, *бólше* . . .

Заказ № 228

ными [41]. Тем самым наши материалы подтверждают мнение Р. И. Аванесова [42] о вторичности [l] в соответствии фонемам ‹л› и ‹л'›, о появлении [l] в процессе отхода от диалектных звуков: от [ў (w)] на месте *л* в положении перед согласными и от [л] на месте *л'* мягкого в сочетаниях [л'н], [л'ш].

В заключение заметим, что отвердение ‹л'› в описываемых сочетаниях не вносит существенных изменений в фонологические отношения соответствующих систем консонантизма говоров. Наличие данного явления в говорах лишь расширяет сферу употребления [л] или [l] за счет сужения сферы употребления [л'] в сочетаниях [л'н], [л'ш]. Звуки [л] или [l] являются вариациями фонемы ‹л'› в говорах, где они употребляются только на месте *л'* перед [н] и [ш] при произношении [ў (w)] на месте *л* велярного в положении перед согласными.

[41] См.: *В. Н. Теплова.* Звуки [л], [l], [ў] на месте этимологического *л* твердого и их место в фонологических системах севернорусских говоров. «Очерки по фонетике севернорусских говоров». М., 1967, стр. 168, 169.

[42] *Р. И. Аванесов.* Очерки русской диалектологии, ч. 1, стр. 170.

Р. Ф. ПАУФОШИМА

О РЕАЛИЗАЦИИ СОЧЕТАНИЙ СМЫЧНЫХ СОГЛАСНЫХ В СЕВЕРНОРУССКОМ ГОВОРЕ

Вопрос о произношении двойных сочетаний смычных согласных тесно связан с проблемой слогоделения. Реализация первого согласного в имплозивном варианте свидетельствует о закрытом характере слога, образуемого предшествующим согласным; произношение вставного гласного между двумя согласными, образующими сочетание, свидетельствует о возникновении дополнительного слога (на физическом уровне).

Проблема слогоделения в севернорусских говорах обсуждалась ранее [1]. Неоднократно подчеркивалась тенденция к образованию закрытых неконечных слогов в говорах Вологодско-Кировской, Архангельской и других групп севернорусского наречия.

В данной работе предлагаются результаты осциллографического анализа слов, включающих двойные сочетания смычных согласных, в произношении носителей севернорусского говора Вологодско-Кировской группы (говор д. Куность Белозерского р-на Вологодской обл.).

[1] См.: *Р. Ф. Пауфошима.* Некоторые вопросы, связанные с категорией глухости—звонкости согласных в говорах русского языка. — В кн.: «Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров». М., 1969, стр. 206.

Двойные сочетания смычных согласных можно разделить на сочетания язычных (т. е. гоморганные сочетания в собственном смысле этого слова [2]) и большую группу сочетаний язычных с губными (гетероорганные сочетания): *гд*, *дг*, *тк*, *кт* и *гб*, *бг*, *дб*, *бд*, *кп*, *пк*, *тп*, *пт*. Правила коартикуляции согласных, образующих указанные сочетания, могут быть выведены с учетом данных, полученных физиологами. В книге Л. А. Чистович, В. А. Кожевникова и др. находим следующие сведения: «. . . минимальный интервал времени между двумя противоположно направленными движениями одного и того же органа не может быть меньше 55—70 мсек. Однако интервал между двумя смычками может быть значительно меньше этой величины (10—20 мсек.), т. к. в этом случае дело идет о движениях различных органов» [3].

Таким образом, согласно данным Л. А. Чистович и ее соавторов, разрыв во времени между артикуляциями смычных язычных составляет 55—70 мсек., в то время как смычки гетероорганных согласных (язычных и губных) могут сменяться через значительно меньшие временны́е интервалы (10—20 мсек.).

Очевидно, указанным временны́м диапазоном и задается длительность вставных гласных, фиксируемых, как правило, во всех перечисленных выше консонантных сочетаниях в русском литературном произношении. Да и сами эти вставные гласные суть не что иное, как моменты перехода от артикуляции одного согласного к артикуляции другого при включенных голосовых связках (в случае произношения сочетаний звонких согласных). В двойных сочетаниях глухих смычных согласных эти вставные, переходные звуки имеют характер глухих гласных.

В цитированной работе указанное правило имплицитно представлено как общефизиологическое, хотя основной материал исследования — русский. Наши данные свидетельствуют о том, что даже в русской речи члены консонантных сочетаний не всегда строго подчиняются приведенному правилу, хотя указанная тенденция преобладает.

Казалось бы, оптимальным условием для появления вставных гласных должны быть сочетания *гд* и *дг*. Наш материал подтверждает это, однако необъяснимыми кажутся факты возможного произношения первого согласного в имплозивном варианте с предшествующим протетическим гласным (*ˢɠд'е́*, *ˢɗго*).

Гетероорганные же сочетания смычных согласных гораздо чаще произносятся с первым имплозивным членом, хотя и случаев появления вставных гласных с предшествующей эксплозией первого согласного достаточно много.

Существенной для реализации сочетаний смычных согласных в русской речи оказывается позиция: в начале слова сочетание

---

[2] См.: *О. С. Ахманова*. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

[3] *Л. А. Чистович, В. А. Кожевников и др.* Речь. Артикуляция и восприятие. М.—Л., 1965, стр. 136.

не может произноситься без вставного гласного — он либо «прослаивает» согласные, либо предшествует сочетанию (ср. *г*ъ*д'е* или ъ*ɟд'е*), в то время как в интервокальной позиции наличие вставного гласного фиксируется далеко не всегда: нередким явлением оказывается произношение первого имплозивного согласного (ср. *фуɟбол*).

Таково положение в русском литературном языке. Приступая к анализу севернорусских записей, мы предположили, что среди реализаций указанных сочетаний должны преобладать реализации с имплозивными вариантами первых согласных — в связи со спецификой слогоделения в этих говорах.

Материал для исследования составили следующие слова (в произношении пяти дикторов):

где, *где-то*, *Гданьск*, *футбол*, *Тбилиси*, *бдение*, *обдать*, *отбить*, *надбавка*, *когда*, *бдительность*, *птаха*, *ткать*, *ткач*, *кто*, *кто-то*, *ветка*, *актер*, *Дбач* (фамилия), *отпеть*, *отбой*, *Гдов*.

Записанный на магнитофонную пленку материал затем подвергался осциллографическому анализу. Расшифровка осциллограмм показала, что сочетания звонких смычных в говоре могут произноситься следующими способами.

В начале слова:

1. Со вставным гласным между согласными (*дъб*, *гъд* и т. д.).
2. С эксплозией первого согласного без вставного гласного (*д*⊗*б*, *г*⊗*д* и т. д.).
3. С протетическим гласным не только внутри сочетания, но и перед ним (*ъдъб*, *ъгъд* и т. д.).
4. С протетическим гласным перед сочетанием и с эксплозией первого согласного (*ъд*⊗*б*, *ъг*⊗*д* и т. д.).
5. С протетическим гласным перед сочетанием и с имплозией первого согласного (*ъɟб*, *ъɟд* и т. д.).
6. С имплозией первого согласного (*ɟд*, *ɟб* и т. д.).[4]

В середине слова:

1. Со вставным гласным между согласными (*дъб*, *гъд* и т. д.).
2. С эксплозией первого согласного (*д*⊗*б*, *г*⊗*д* и т. д.).
3. С имплозией первого согласного (*ɟб*, *ɟд* и т. д.).

Перечисленные способы реализации сочетаний звонких смычных согласных в проанализированных примерах распределяются следующим образом.

В начале слова:

Сочетание *дб* — из 15 реализаций: *дъб* — 2, *д*⊗*б* — 1, *ъдъб* — 3, *ъд* ⊗ *б* — 6, *ъɟб* — 1, *ɟб* — 2.

---

[4] Следует отметить, что в русском литературном произношении существуют все перечисленные выше способы реализации указанных сочетаний, кроме последнего. Последний способ (произношение начального имплозивного согласного) был нами отмечен еще раньше на материале украинского языка. См.: *Г. М. Богомазов*, *Р. Ф. Пауфошима*. О некоторых способах реализации смычных согласных в речи. — В кн.: «Теоретическая фонетика и обучение произношению». М., 1975.

Сочетание *гд* — из 26 реализаций: *гъд* — 11, *г*⊗*д* — 2, *ъгъд* — 5, *ъг̣д* — 8.

Сочетание *бд* — из 14 реализаций: *бъд* — 2, *б*⊗*д* — 1, *ъбъд* — 2, *ъб* ⊗ *д* — 6, *ъб̣д* — 1, *б̣д* — 2.

В интервокальной позиции:

Сочетание *дб* — из 32 реализаций: *дъб* — 17, *д*⊗*б* — 8, *д̣б* — 7.

Сочетание *гд* — из 8 реализаций: *гъд* — 8.

Сочетание *бд* — из 7 реализаций: *бъд* — 5, *б*⊗*д* — 2.

Приведенное распределение произнесений показывает, что данному севернорусскому говору присущи некоторые способы реализации консонантных сочетаний, не свойственные русскому литературному произношению. Обращает на себя внимание, что начальные имплозивные смычные отмечены только в гетероорганных сочетаниях (*дб* и *бд*).

В интервокальной позиции, вопреки ожиданиям, количество имплозивных реализаций первого компонента сочетаний оказалось не слишком большим, хотя все же в русском литературном произношении таких случаев наблюдается еще меньше. Следовательно, если считать, что имплозивные согласные служат оптимальными завершителями слога, то можно отметить в исследуемом говоре лишь более сильную, чем в русском литературном языке, тенденцию к образованию закрытых неконечных слогов. О преобладании же слогов такого типа в системе говора говорить не приходится.

Измерения длительности вставных гласных показали, что их количественные характеристики довольно неустойчивы и располагаются в довольно широком диапазоне — от 16 до 85 мсек. Как правило, максимальные значения длительности вставных гласных наблюдаются в гоморганном сочетании *гд* — 60—85 мсек (хотя отмечены также и более краткие гласные — порядка 20—30 мсек); длительность вставных гласных в гетероорганных сочетаниях значительно меньше — 16—25 мсек, хотя в отдельных случаях были отмечены и бóльшие значения — до 45 мсек.

Гораздо меньшее разнообразие наблюдалось в реализации сочетаний глухих смычных согласных. Как в начале, так и внутри слова было отмечено лишь два способа произношения таких сочетаний: первый согласный может быть либо эксплозивным, либо имплозивным [5]. Эксплозивная реализация смычного, впрочем, на акустическом уровне не отличается от реализации глухого протетического гласного, поэтому первый способ может получить двоякую трактовку.

Сочетания глухих смычных согласных были произнесены следующим образом.

[5] Видимо, возможны и реализации таких сочетаний с протетическим гласным (напр., *път*, *ъпът* и т. п.), однако на русском речевом материале такие случаи не были отмечены.

В начале слова:
Сочетание *пт* — из 8 реализаций: $п \otimes т$ — 8.
Сочетание *тк* — из 10 реализаций: $п \otimes т$ — 9, *тк* — 1.
Сочетание *кт* — из 17 реализаций: $к \otimes т$ — 17.
В интервокальной позиции:
Сочетание *тп* — из 8 реализаций: $т \otimes п$ — 8.
Сочетание *тк* — из 8 реализаций: $т \otimes к$ — 8.
Сочетание *кт* — из 8 реализаций: $к \otimes т$ — 7, *кт* — 1.

Из приведенного материала видно, что и произношение сочетаний смычных глухих согласных имеет свою специфику в говоре: имплозивные реализации смычных оказываются возможными даже в абсолютном начале слова. Возможно, что на статистически более представительном материале эта специфика получила бы более яркое подтверждение.

Несмотря на отмеченное своеобразие в реализации рассматриваемых сочетаний в говоре, можно сделать вывод, что все-таки основным способом произношения подобных консонантных сочетаний здесь, как и в литературном языке, остается произношение согласных в сопровождении протетического гласного. В этом смысле и говор, и русский литературный язык оказываются контрастирующими с украинским языком, где безусловно преобладающими оказываются имплозивные реализации первых компонентов сочетаний. Возможно, такое положение связано с отсутствием в системе последнего гомоорганных сочетаний *гд* и *дг*, создающих наиболее благоприятные условия для возникновения протетического гласного.

А. К. ВАСИЛЬЕВА

О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ В РУССКИХ ГОВОРАХ ЮГО-ЗАПАДНОЙ ЗОНЫ СПИРАНТНОЙ ПАРЫ [в]—[ф]

Вопрос о фонеме ‹в› и ее качестве занимал очень многих исследователей — как историков русского языка, так и диалектологов. Одни из них касались этого вопроса в связи с изучением тех или иных памятников древнерусской письменности, другие — описывая какой-либо говор (или группу говоров). Обобщенные данные этих исследований находим в различных курсах истории русского языка и диалектологии, как старых, так и новейших. Из работ, специально посвященных губным спирантам, следует назвать в первую очередь работу В. Г. Орловой о губных спирантах в русском языке, построенную на обобщении всего имевшегося

к тому времени материала [1]. Ей же принадлежит раздел о губных спирантах в монографии «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров» (М., 1970), основанной на материалах, собранных для диалектологического атласа русского языка.

Напомним основные закономерности реализации фонемы ‹в› в русских говорах, изложенные в этих работах.

Известно, что губно-губной характер ‹в› был некогда свойствен древнерусскому языку, как и другим восточнославянским. Известно также, что в истории русского языка издавна действовала тенденция к замене губно-губной артикуляции ‹в› артикуляцией губно-зубного образования, в результате чего губно-губной звук [w] (или [ў]) стал характеризовать лишь отдельные диалектные области.

В настоящее время диалектные массивы, знающие [w], [ў], испытывают воздействие говоров с [в] губно-зубного образования — спирантом, оглушающимся в [ф]. Это воздействие поддерживается влиянием литературного языка, также имеющего в своей консонантной системе спирантную пару [в]—[ф]. Процессы, действующие извне, и внутрисистемные тенденции к замене губно-губной артикуляции на губно-зубную на разных территориях распространения губно-губного [w] имеют разную интенсивность и находятся в разном соотношении.

Исследователями отмечалось, что проникновение в эти говоры губно-зубной артикуляции происходило не одновременно в разных позициях в слове. Ранее всего губно-зубная артикуляция усваивается перед нелабиализованными гласными, а затем — перед лабиализованными. Считается также, что в настоящее время [в] почти полностью заменил [w] в этой позиции. Затем губно-зубная артикуляция усваивается в положении перед согласными и на конце слова. Судьба фонемы ‹в› в положении начала слова перед согласными была особой. В этой позиции звук [w], как правило, сильно вокализовался, в результате чего изменялся в слоговой гласный *у* и утрачивал связь с фонемой ‹в› [2].

Говоры русского языка в их современном состоянии, обследованные в связи с работой над диалектологическим атласом русского языка, в отношении реализации в них фонемы ‹в› представляют благодарный материал для более детального, чем это было сделано до настоящего времени, изучения путей усвоения губно-зубной спирантной пары системами, сохраняющими в разной степени в соответствии ‹в› губно-губной сонорный [w] или другие звуки губно-губного образования ([ў], [у]).

Современные говоры с фонемой ‹в› губно-губного образования представлены тремя ареалами.

---

[1] *В. Г. Орлова.* Губные спиранты в русском языке. «Труды Ин-та русского языка», т. II. М.—Л., 1950.

[2] *В. Г. Орлова.* Указ. соч., стр. 184.

Самый большой из них (1056 нас. п.) полностью охватывает территорию юго-западной диалектной зоны в ее наиболее пространных границах [3]. Этот ареал отличается четкостью своих очертаний, особенно резко граница говоров с губно-губной ‹в› обрывается на востоке и северо-востоке и более размытой является на юго-востоке. К западу и югу этот ареал продолжается уже за пределами русского языка — в Белоруссии и на Украине. Данный массив не только самый крупный, но на его территории представлены наиболее архаические в отношении изучаемого явления говоры. Западная и центральная часть его не знает и фонем ‹ф›, ‹ф'›, звук [ɸ], наряду с [х], [хв], отмечен лишь в его восточной пограничной части [4].

Второй небольшой, но компактный ареал с достаточно четкими границами находим на территории Восточной группы говоров (ее северной части), в говорах так называемой Рязанской Мещеры [5].

Третий ареал говоров с фонемой ‹в› губно-губного образования представлен в центральной части севернорусского наречия (Онежская, Лачская, Вологодская группы, часть Белозерско-Бежецкой). Границы этого ареала очень изрезаны, за их пределами есть много мелких ареалов и отдельных нас. п., в говоре которых также зафиксированы [ў] или [w]. Хотя общее количество нас. п., в которых отмечены звуки губно-губного образования, довольно значительно (520), как правило, наряду с губно-губными в этих говорах есть звуки и губно-зубного образования. Только звуки губно-губного образования отмечены в материалах лишь пяти нас. п. и, наоборот, количество нас. п., в которых примеры с [w] или [ў] являются единичными, — весьма значительно [6]. Уже сам характер этого ареала свидетельствует о том, что явление в нем представлено на стадии изживания, в большей части его говоров имеются только следы былого наличия губно-губного образования ‹в›.

Активное вытеснение губно-губной артикуляции характерно и для незначительного рязанского ареала, находящегося в окружении говоров, знающих губно-зубную спирантную пару.

В связи с более продвинутой стадией освоения [в]—[ɸ] и более тесными контактами с системами, имеющими ‹в› губно-зубного образования, говоры двух последних ареалов имеют свои специфические особенности, характеризующие в них процесс замены [w], и представляют собой поэтому предмет особого исследования.

---

[3] *К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова.* Диалектное членение русского языка. М., 1970, стр. 100.

[4] См.: *А. К. Васильева.* Фонемы ‹ф›, ‹ф'› и их замены в русских говорах. «Русские говоры. К изучению фонетики, грамматики, лексики». М., 1975.

[5] См.: «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы». М., 1957, карты № 47, 49, 50.

[6] См.: «Атлас русских говоров центральных областей к северу от Москвы», карты № 86, 87.

Рассмотрение вопроса о возникновении в говорах губно-зубной артикуляции считаем целесообразным начать с наиболее архаических в отношении рассматриваемой диалектной черты говоров, т. е. с говоров большого юго-западного массива, анализ которых и является содержанием данной статьи.

В этой работе мы ставим следующие задачи:

1. Определить последовательность проникновения в соответствии с ‹в› звуков губно-зубного образования, т. е. охарактеризовать позиции по степени их благоприятствования для появления этих звуков. Для этого данные о реализации фонемы ‹в› рассматриваются сначала отдельно в каждой из позиций (кроме позиции начала слова перед согласным [7]), а потом — в сопоставлении друг с другом.

2. Выявить различные системы говоров, отличающиеся друг от друга характером звуков, реализующих фонему ‹в›.

3. При учете территориального распределения в говорах выявленных систем показать степень продвинутости разных говоров юго-западной зоны на пути освоения губно-зубного [в] и его глухого коррелята ([ф]).

Но прежде, чем переходить непосредственно к указанным аспектам рассмотрения материала, следует по поводу него сделать одну оговорку.

Звуки, в которых реализуется губно-губное образование фонемы ‹в›, могут быть двух типов: [w] — билабиальный круглощелевой сонорный звук и [ў] — неслоговой *у*. Считалось, что различие этих артикуляций для неподготовленных наблюдателей нелегко воспринять на слух. Поэтому в сопроводительных статьях к «Программе» [8], где описываются эти два вида артикуляции, не ставится требование их обязательного различения. Однако картографирование показало, что наблюдатели в своих записях обычно правильно различали эти звуки (см. приложенную к статье карту, где достаточно отчетливо противопоставляются территории с разной реализацией фонемы ‹в› губно-губного образования).

Рассмотрение вопроса о реализации фонемы ‹в› в говорах начнем с позиции перед гласными.

В этой позиции представлены как ‹в›, так и ‹в'›.

Какие же сведения о фонеме ‹в› в позиции перед гласными можно извлечь из материалов, собранных для диалектологического атласа русского языка?

Необходимо сразу оговориться, что по этой позиции в нашем распоряжении находится в известной степени случайный и далеко не полный материал, что объясняется отсутствием в «Программе» специального вопроса, посвященного качеству фонемы ‹в› перед

---

[7] Позицию начала слова перед согласным, выделяющуюся совершенно особыми закономерностями, целесообразно рассмотреть в специальной статье.

[8] «Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка». М.—Л., 1947, стр. 198—200.

гласными. Нужные нам сведения извлекались из ответов на другие вопросы «Программы».

В позиции перед гласными твердая фонема ‹в› представлена в материалах звуками [в], [w], реже [ў], мягкая — звуками [в'], [w'] [9].

О губно-губном качестве ‹в› свидетельствует также пропуск звука [в] в интервокальном положении, ср. примеры типа *траў*, *всяб*, *драéц*, *нъивáт'* (=навивать), встречающиеся в некоторых ответах.

Губно-губные звуки могут выступать не только перед лабиализованными гласными, но перед любыми гласными в разных положениях в слове:

1) начинать слова: *вар*, *варим*, *Василий*, *волк*, *воля*, *вон иди*, *вор*, *восемь*, *вот*, *возник*, *вымя*, *вы*, *вытканы*, *вымыл*, *вода*, *война*, *воскресенье*, *вокруг*, *валёк*, *вяжет*, *вёрсты*, *вёдра*, *ветер*, *верх*, *видно*, *вишня*, *виски*, *весна*;

2) находиться в интервокальном положении: *трава*, *давать*, *рукава*, *ковать*, *рисовать*, *пива*, *повойник*, *хлевок*, *навос*, *боровок*, *повыше*, *корова*, *еловый*, *новых*, *голову*, *в рову*, *траву*, *кровишку*, *травинка*, *в овинах*, *ревёт*, *зовёт*, *повесить*, *занавеска*, *увязка*;

3) находиться после согласного: *свадьба*, *морква*, *ботва*, *два*, *квакает*, *двор*, *гвоздь*, *квокчет*, *извозчик*, *свой*, *творог*, *молву*, *моркву*, *двух*, *квыхчет*, *квашня*, *своя*, *брюква*, *в Москве*, *две*, *медведь*, *квёлый*, *сверху*, *свинья*, *цвет*, *свет*.

Губно-губные согласные в позиции перед гласными отмечены в материале 219 нас. п., что составляет 20% от всех нас. п., имеющих в своей системе губно-губные согласные в соответствии с фонемой ‹в›. Этот процент представляется неожиданно большим по сравнению с бытовавшим об этом представлении, тем более, что он может быть еще заниженным ввиду отсутствия специального вопроса в «Программе». Однако из этого числа лишь в трех нас. п. в этой позиции последовательно, как в соответствии с фонемой ‹в›, так и ‹в'› отмечен звук [w], а губно-зубной [в] здесь отсутствует. В остальных 216 нас. п. губно-губные звуки отмечены только наряду с губно-зубными.

Из общего числа 216 нас. п., где перед гласными отмечены и губно-губные и губно-зубные звуки, только в 68 нас. п. губно-губную артикуляцию имеют и твердые и мягкие звуки (в соответствии с фонемами ‹в› и ‹в'›). В остальных пунктах отмечены только твердые губно-губные, а фонема ‹в'› в этих говорах представлена губно-зубным [в']. Таким образом, высказанное ранее мнение о том, что губно-губная артикуляция заменяется на губно-зубную скорее у фонемы ‹в'›, чем у ‹в›, подтверждается нашим материалом.

---

[9] В единичных случаях встретилось написание *ў'*, которое, очевидно, следует трактовать как звук [w'].

Представляется примечательным, что перед гласными в соответствии с твердой фонемой ‹в› может выступать не только [w], но и более сонорный по своему качеству звук [ў]. Он отмечается примерно в 29% всех нас. п., где перед гласными отмечены губно-губные звуки. О том, что наличие [ў] в этой позиции соответствует действительности, свидетельствует то, что этот звук зафиксирован в данной позиции различными составителями ответов, в том числе очень квалифицированными, и что территориально этот звук отмечается в основном в глубинной западной части нашего ареала, в тех же говорах, где вариант [ў] последовательно представлен и в других позициях (см. ниже). Неслучайным в этом плане является, как нам кажется, и соотношение [w] и [ў] в разных позициях в слове (см. табл. 1).

Таблица 1

Позиция	Звук	
	[w]	[ў]
В начале слова	76 нас. п.	20 нас. п.
В интервокальном положении	99 нас. п.	63 нас. п.
После согласного перед гласным	56 нас. п.	23 нас. п.

Как видим, при общем преобладании [w] во всех позициях звук [ў] чаще отмечается в интервокальном положении.

Позиция перед согласными представлена лишь твердой фонемой ‹в›. Фонема ‹в› может выступать перед следующими согласными: сонорными, шумными звонкими и глухими.

Позиция перед сонорными согласными представлена в материалах значительным количеством слов. Только перед *н* в наших материалах зафиксировано более 50 слов, наиболее употребительными из них являются *давно*, *деревня*, *равно* [10].

Приводим слова, в которых в наших материалах ‹в› выступает перед другими сонорными согласными. Перед *л*: *дешевле*, *правление*, *Павлуша*, *муравли*, *заявление*, *кровля*, *Навля*, *правлю*, *надбавлю*, *ловлю*, *оставлять*, *удивляться*, *разговляться*, *травленая*; перед *р*: *овраг*, *февраль*, *повредил*, *Хавроша*, *Хавронья*, *еврей*, *Лавров*, *маневры*; перед *j*: *свекровья*, *-йи*, *-йу*, *сыновья*, *деревья*, *здоровье*, *соловья*, *Прасковья*, *кровью*; на позицию перед *м* примеры не встретились.

Позиция перед звонкими шумными согласными представлена в материалах Атласа чаще всего словом *правда*. Другие слова,

[10] См.: *А. К. Васильева*. Об изменении сочетания согласных *вн* и *мн* по говорам русского языка. «Очерки по фонетике севернорусского наречия». М., 1967, стр. 231, 232.

а именно — *август*, *Новгород*, *Евгения*, *Клавдия*, *Евдокия* (*Авдоша*), *кривда*, *невзгода*, приводятся крайне редко, но и слово *правда* отмечено в материалах далеко не каждого нас. п. Примеры на позицию перед звонкими шумными согласными отсутствуют в $^1/_3$ ответов, в то время как примеры на позицию перед сонорными отсутствуют лишь в единичных материалах, обычно же на эту позицию в материалах каждого нас. п. зафиксировано не менее двух-трех примеров.

Недостаточность материала на позицию ‹в› перед звонкими шумными согласными не дала возможности провести сопоставительный анализ соотношения звуков [w] и [ў] в позиции перед сонорными и в позиции перед звонкими шумными, а также выяснить, имеются ли в пределах нашего ареала территории, на которых реализация ‹в› в этих двух позициях различна.

Однако, отбросив недостаточный материал и проанализировав тот, в котором примеры представлены как перед сонорными, так и перед шумными звонкими, нам все же удалось получить, как нам представляется, достаточно надежные данные о соотношении в этих двух позициях звуков губно-губной ([ў] и [w]) и губно-зубной ([в]) артикуляции (см. табл. 2).

Таблица 2

Позиция	Звук	
	[ў] или [w]	[в]
Перед сонорными согласными	188 нас. п.	224 нас. п.
Перед звонкими согласными	129 нас. п.	108 нас. п.

Сравнивая данные этой таблицы по горизонтали [11], мы видим, что в первой позиции [в] преобладает, во второй преобладающими являются звуки губно-губной артикуляции [12].

Таким образом, можно думать, что позиция перед сонорными более благоприятна для появления в ней губно-зубного [в], чем позиция перед шумными звонкими.

Следующим этапом анализа является сравнение данных о реализации фонемы ‹в› в позициях перед сонорными и шумными звонкими в их совокупности с данными о реализации этой фонемы в позиции перед шумными глухими.

---

[11] Сравнение данных по вертикали считаем неправомерным, так как не располагаем данными о сравнительной встречаемости в диалектной речи ‹в› в этих позициях.

[12] Подобное соотношение было отмечено для говоров западной Брянщины, см.: *А. Б. Пеньковский*. Фонетика говоров западной Брянщины. Канд. дисс. М., 1960, стр. 7.

Вводя в наш анализ материал о реализации ‹в› перед глухими согласными, мы должны сразу же оговорить одно очень существенное обстоятельство.

В положении перед глухими выступает больший набор звуков, чем в остальных положениях (и тот же, что в конце слова): кроме [ў], [w] и [в] здесь в части говоров может выступать еще глухой губно-зубной [ф] [13]. Однако, если наличие [ф] в говорах, осваивающих губно-зубную артикуляцию, в этой позиции является естественным, то наличие в ней звука [в] — звонкого губно-зубного — может показаться неожиданным и вызвать сомнения.

Большое количество ответов, в которых встречаются написания *в* перед глухими согласными, а также наличие в ряде ответов специальных помет собирателей материалов о губно-зубном качестве этого звука [14] не оставляет сомнений в том, что мы имеем дело с реальными закономерностями фонетической системы этих говоров, где звонкий губно-зубной согласный может выступать перед глухим, не подвергаясь ассимиляции по глухости [15]. Как мы покажем ниже, [в] в этой позиции имеет определенную территорию распространения, являясь закономерным компонентом диалектных систем, находящихся на пути освоения губно-зубной артикуляции. Возможность такой сочетаемости [в] может быть объяснена исходя из современных представлений о свойствах этого звука в русском языке (о чем ниже) [16].

Фонема ‹в› перед глухими согласными представлена большим и разнообразным материалом, отражающим ее наличие в разных морфемах (корнях, суффиксах). В большей части примеров ‹в› находится перед задненёбным *к* — например, в словах *лавка*, *травка*, *ловко*, *гавкает* и др.; перед *х* — лишь в слове *совхоз*. Фонема ‹в› — в позициях перед другими согласными: *овса*, *совсем*, *Плавск*, *поповскую*; *завтра*, *становте*; *овца*, *продавца*; *певчие*, *ловчёе*; *одевшись*, *кладовщик*.

Охарактеризованный выше материал является вполне достаточным для его сопоставления с позицией перед звонкими согласными (в данном случае позицию перед шумными звонкими и сонорными мы объединяем в одну, противопоставляя позиции

.....

[13] В единичных пунктах отмечены также и другие звуки: φ — глухой губно-губной [w] в 8 нас. п.; однажды [х].

[14] Ср.: «*в* написано сознательно, здесь произносится именно губно-зубное *в*»; «на месте *в* перед согласными произносится звук *в*, не подвергшийся ассимиляции: *лавка*, *девка*. . .».

[15] Подобные факты уже отмечались в литературе. См.: *А. К. Васильева.* Об изменении. . . стр. 234; *Е. П. Луппова.* К вопросу о распространении диалектных особенностей в области согласных в говорах Кировской области. «Очерки по фонетике севернорусских говоров». М., 1967, стр. 245.

[16] Звонкий губно-зубной [в] в позиции оглушения не имеет на данной территории отношения к явлению неоглушения остальных шумных согласных, занимающему лишь небольшой ареал на территории западной Брянщины, где фонема ‹в› в данной позиции, как правило, представлена звуком [ў].

перед глухими). Данные для сопоставительного анализа представлены в табл. 3.

Из приведенной таблицы видно, что употребление звуков на месте ‹в› совпадает для позиций перед звонким и перед глухим согласным в 505 нас. п., что составляет почти половину всех говоров нашего массива (см. цифры таблицы, выделенные шрифтом). В остальных говорах ‹в› в каждой из этих позиций имеет разный набор звуков. В совокупности реализации ‹в› в обеих рассматриваемых позициях составляют определенные системы, которые анализируются ниже.

Извлеченные из табл. 3 данные сопоставительного анализа о соотношении звуков губно-губной и губно-зубной артикуляций в сопоставляемых позициях см. в табл. 4, о соотношении звуков губно-губной артикуляции разной степени сонорности в сопоставляемых позициях см. в табл. 5.

При преобладании звуков губно-губной артикуляции в обеих позициях звук губно-зубной артикуляции имеет значительно больший вес в этом соотношении в позиции перед звонкими. Это хорошо видно на карте, приложенной к статье.

Характерно при этом соотношение глухого и звонкого губно-зубного звука в позиции перед глухими согласными, [в] и [ф] в них распределяются следующим образом:

[в]	[в], [ф]	[ф]
204 нас. п.	132 нас. п.	194 нас. п.

т. е. звонкий губно-зубной [в] и глухой [ф] в позиции перед глухими согласными встречаются в примерно равном количестве нас. п.

Данные табл. 3 свидетельствуют о том, что в диалектных системах нашего ареала при самых разных комбинациях звуков в двух названных позициях звуки меньшей сонорности более характерны для позиции перед звонкими согласными, чем перед глухими, а звуки большей сонорности, напротив, более характерны для позиции перед глухими согласными. Подтверждением являются следующие группы систем реализации ‹в›, зарегистрированные в материале 300 нас. п.

1) Системы, в которых при наличии звуков разной степени сонорности более сонорные звуки употребляются в обеих позициях, а менее сонорные только перед звонкими согласными [17].

---

[17] Здесь и ниже на верхней строке схем, отражающих системы говоров, помещаем звуки, выступающие в позиции перед глухими согласными, в нижней — перед звонкими, причем звуки располагаются в порядке уменьшения их сонорности: *ў*, *ѡ*, *в*, *ф*. При отсутствии того или иного звука на его месте ставится прочерк. Под индексом системы (в соответствии с табл. 3) ставится цифра, соответствующая количеству нас. пунктов, в которых она зафиксирована.

Таблица 3

Распределение числа говоров по разновидностям произношения фонемы ⟨в⟩ перед звонкими и глухими согласными

Перед звонкими		Перед глухими													
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
		ў	ў, w	w	ў, в	w, в	ў, w в	в	ў, w в, ф	ў, w, ф	ў, в, ф	ў, ф	w, в, ф	w, ф	в, ф
А	ў	**282**	—	—	1	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—
Б	ў, w	8	**34**	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
В	w	1	13	**47**	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г	ў, в	57	17	—	**53**	—	9	—	**5**	8	46	110	2	1	—
Д	w, в	1	13	10	8	**4**	8	1	6	4	2	1	2	2	—
Е	ў, w, в	4	16	2	—	—	**12**	—	4	15	1	6	—	—	—
Ж	в	13	5	3	27	—	8	**73**	3	3	24	**33**	5	7	32

Таблица 4

Позиция	Звуки		
	губно-губные	губно-губные наряду с губно-зубными	губно-зубные
Перед звонкими согласными	385 нас. п.	435 нас. п.	236 нас. п.
Перед глухими согласными	526 нас. п.	424 нас. п.	106 нас. п.

Таблица 5

Позиция	Звук		
	[ў]	[ў], [w]	[w]
Перед звонкими согласными	594 нас. п.	103 нас. п.	123 нас. п.
Перед глухими согласными	681 нас. п.	184 нас. п.	85 нас. п.

Например:

Г1 (57)	ў — — — ў — в	Е2 (16)	ў w — — ў w в	Д3 (10)	— w — — — wв

Всего подобные системы отмечены в 112 нас. п.

2) Системы, в которых при наличии звуков разной степени сонорности менее сонорные звуки употребляются в обеих позициях, а более сонорные — только перед глухими согласными. Например:

Ж11 (33)	ў — — ф — — в	Ж4 (27)	ў — в — — — в	Ж10 (24)	ў — в ф — — в

Всего подобные системы отмечены в 152 нас. п.

Системы, в которых более сонорные звуки употребляются перед глухими согласными, а менее сонорные — перед звонкими. Например:

Д2 (13)	ў w — — — w в	Ж1 (13)	ў — — — — — в	Ж2 (5)	ў w — — — — в

Всего такие системы отмечены в 36 нас. п.

Системы, противоречащие нашему утверждению (Е3, А4, Д7, Б9, А11, Г12, Г13), отмечены в материале лишь 11 нас. п. Думаем, что эти системы не являются закономерными, а скорее всего свидетельствуют о неполноте материала. Ср., например:

А11 (3)	ў — — ф ў — —	А4 (1)	ў — в — ў — —	Г12 (2)	— w в ф ў — в

Переходим к рассмотрению материала о фонеме ‹в› в конце слова.

Фонема ‹в› в позиции конца слова представлена в основном в окончании *-ов* род. п. мн. ч. существительных (*столов*, *домов* и т. п.). Слов, где ‹в› выступает в конце основы, немного: *готов*, *хлев*, *боров*, *рукав*, *кузов*, *жив*, *нарыв*, *шов*, *обрыв*, *налив*, *состав*, *кооператив*, *терпелив*, *боязлив*, *Киев*, *Льгов*, фамилии: *Филимонов* и др. Из приведенных слов относительно чаще встречаются лишь первые три слова. Довольно большую группу слов, где ‹в› также выступает в конце основы, составляют формы род. п. мн. ч. существительных с нулевым окончанием типа *коров*, *голов*, *дров*. За счет этих словоформ еще больше увеличивается процент примеров, где ‹в› представлена в форме род. п. мн. ч.

Положение конца слова фактически представляет в наших говорах в совокупности с положением перед глухими согласными одну и ту же позицию по характеру проявляющихся в ней закономерностей реализации ‹в›. Однако мы ее все же выделяем в нашем

описании в связи с тем, что в говорах рязанского и северного ареалов в конце слова в соответствии с ‹в› может выступать звук [х] [18]. Для говоров юго-западного ареала это явление не свойственно. Звук [х] отмечен в единичных случаях в 11 нас. п., разбросанных в разных частях ареала. Таким образом, фонема ‹в› в конце слова представлена теми же звуками, что и перед глухими согласными [19].

Приводим данные о соотношении звуков губно-губной и губно-зубной артикуляций в двух указанных позициях (табл. 6).

Таблица 6

Позиция	Звуки		
	губно-губные	губно-губные наряду с губно-зубными	губно-зубные
Перед глухими согласными	526 нас. п.	424 нас. п.	106 нас. п.
В конце слова	553 нас. п.	344 нас. п.	159 нас. п.

Звуки губно-губной артикуляции разной степени сонорности распределяются в этих позициях следующим образом:

Таблица 7

Позиция	Звук		
	[ў]	[ў], [w]	[w]
Перед глухими согласными	681 нас. п.	184 нас. п.	85 нас. п.
В конце слова	619 нас. п.	155 нас. п.	123 нас. п.

Соотношение звуков губно-зубной артикуляции звонкого [в] и глухого [ф] характера см. в табл. 8.

Таблица 8

Позиция	Звук		
	[в]	[в], [ф]	[ф]
Перед глухими согласными	204 нас. п.	132 нас. п.	194 нас. п.
В конце слова	184 нас. п.	104 нас. п.	216 нас. п.

[18] См. статью С. В. Бромлей в этом же сборнике.

[19] Фонема ‹в'› в большей части рассматриваемых нами говоров реализуется на конце слова как фонема ‹в›.

Подводя итог рассмотрению материала по позициям, подчеркнем основные закономерности процесса замены звуков губно-губного образования губно-зубными звуками, которые можно извлечь из проведенного анализа.

Наиболее продвинутым является процесс вытеснения [ў], [w] в позиции перед гласными, который завершился уже в 80% говоров юго-западного ареала.

В особенности интенсивно вытесняется мягкая губно-губная артикуляция.

Следующий этап вытеснения губно-губных звуков — позиция перед сонорными (губно-зубные звуки отмечены в 63% говоров), далее перед шумными звонкими согласными (в 50%) и на конце слова (в 48%).

В позиции перед глухими согласными и на конце слова звуки губно-губного характера удерживаются дольше, чем в остальных позициях. Из звуков губно-зубной артикуляции вначале усваивается только звук [в]. Звук [ф] появляется в этих позициях позже как результат оглушения ранее утвердившегося в ней звука [в].

Как известно, шумные согласные уподобляются друг другу по признаку звонкости—глухости. Способность [в] выступать в позиции перед глухими в неоглушенном виде свидетельствует о том, что [в] выступает здесь не в качестве шумного согласного, а обладает сонорными свойствами. Следовательно, сонорные губно-губные не заменяются непосредственно на шумные губно-зубные (выступающие в звонкой и глухой разновидностях), а заменяются вначале губно-зубным звуком также сонорного качества.

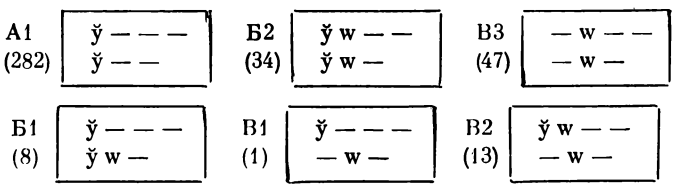
Отметим, что черты сонорного звука в той или иной степени характерны для ‹в› во всех русских говорах, а также в литературном языке [20]. Именно такой сонорный [в] и фигурирует в наших говорах как в позиции перед звонкими, так и перед глухими согласными. Лишь постепенно он приобретает качества шумного согласного, проявляющиеся в его способности к оглушению в [ф], как это имеет место в части говоров изучаемого нами ареала.

Учитывая неполноту данных на позицию ‹в› перед гласными и незначительность расхождений между позициями перед глухими и на конце слова, мы рассматриваем типы систем реализации звуков на месте ‹в› на материале двух позиций в середине слова — перед глухими согласными и перед звонкими согласными, которые мы по изложенным выше соображениям рассматриваем вместе с сонорными.

[20] См.: «Развитие фонетики современного русского языка», М., 1971, стр. 280, 284.

По характеру реализации ‹в› в этих двух позициях на территории юго-западного массива говоров можно выделить четыре основных типа систем.

I. Системы, в которых в соответствии с ‹в› употребляются только губно-губные звуки. Такие говоры зафиксированы в 385 нас. п., что составляет 35% от общего количества (1056) нас. п., представляющих говоры нашего диалектного массива. Этот тип говоров представлен следующими конкретными системами.

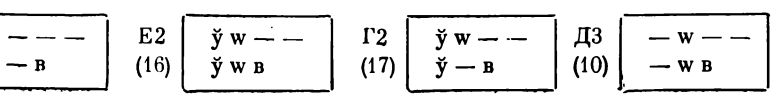

Говоры, в которых ‹в› представлена только как [ў], — самые глубинные, представляющие собою компактный массив в западной части нашего ареала. Это в основном Смоленские и Брянские говоры (см. карту в приложении).

Говоры, знающие наряду с [ў] также и [w] или только [w], не образуя компактных массивов, разбросаны по периферии массива говоров, в которых ‹в› реализуется только как [ў]. Сгущение таких говоров отмечается в районах, пограничных с УССР (юг Курско-Орловских и Оскольских говоров). В говорах Верхне-Днепровской и Тульской групп эти говоры подходят к самой границе нашего ареала и непосредственно соседствуют с говорами, в которых звуки [в] и [ф] употребляются так же, как в литературном языке.

II. Системы, в которых в соответствии с ‹в› наряду с губно-губными звуками отмечается и губно-зубной [в], выступающий или перед звонкими согласными, или также и перед глухими, в соответствии с чем мы выделяем две разновидности (IIа и IIб). Эти системы представлены в 272 нас. п., т. е. составляют 26% всех говоров с губно-губной ‹в›.

Наиболее распространенные из систем IIа, где [в] возможен только перед звонкими согласными:

Эти системы характерны для говоров, вкрапленных в тот массив, где ‹в› реализуется только как [ў], или расположенных в непосредственной близости от него. Всего подобные системы отмечены в материале 141 нас. п.

Наиболее распространенные из систем IIб, в которых ‹в› выступает в обеих позициях:

Г4 (53)	Ж4 (27)	Е6 (12)
ў — в —	ў — в —	ў w в —
ў — в	— — в	ў w в

Г6 (9)	Д6 (8)	Д5 (4)
ў w в —	ў w в —	— w в —
ў — в	— w в	— w в

Эти системы, не образуя самостоятельных массивов, располагаются на периферии говоров, знающих на месте ‹в› только [ў]. Они отмечены в 131 нас. п.

III. Системы, в которых в соответствии с ‹в› наряду с губно-губными звуками выступают и губно-зубные, как в звонком ([в]), так и в глухом ([ф]) вариантах.

Системы этого типа выступают в двух разновидностях.

В разновидности IIIа губно-зубной [в] выступает в обеих позициях (в позиции перед глухими наряду с [ф]). Такие системы зафиксированы в говорах 100 нас. п. Их наиболее характерные разновидности:

Г10 (46)	Ж10 (24)	Е8 [21] (10)
ў — в ф	ў — в ф	ў w в ф
ў — в	— — в	ў w в

Д8 [22] (8)	Д12 (2)	Ж12 (5)
ў w в ф	— w в ф	— w в ф
— w в	— w в	— — в

Системы Г10, Ж10, Е8, Д8 распространены в говорах Тульской, Курско-Орловской и Елецких групп, причем системы Г10 и Е8 имеются, кроме того, в северной части массива, системы Ж10 и Д8, кроме того, представлены в юго-восточной части массива (в западной части Рязанской группы), где также имеют место системы Д12 и Ж12.

В разновидности IIIб губно-зубные звуки находятся в дополнительном распределении: [в] в позиции перед звонкими, [ф] в позиции перед глухими. Соответствующие системы зафиксиро-

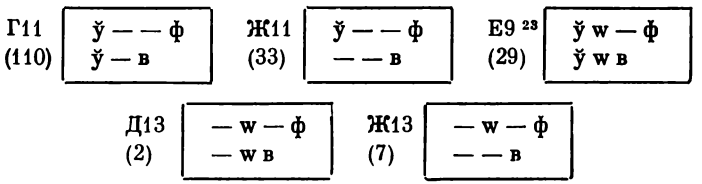
[21] Данная система реально встретилась в 4 нас. п., но к ней условно присоединены следующие:

Г8 (5)	Е10 (1)
ў w в ф	ў — в ф
ў — в	ў w в

[22] Данная система реально встретилась в 6 нас. п., но к ней условно присоединена система

Д10 (2)
ў — в ф
— w в

ваны в говорах 194 нас. п. Их наиболее характерные разновидности:

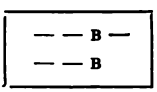

Системы Г11 и Ж11 расположены по северной и северо-западной периферии ареала, причем система Ж11 часто выходит за пределы его основной границы. Эти же системы характерны и для части говоров Верхне-Деснинской группы и для восточных Елецкой группы. Система Е9 характерна для Верхне-Деснинской, Тульской, Курско-Орловской, Оскольской групп говоров. Системы Д13 и Ж13 встречаются главным образом в юго-восточной части массива, а именно — в Тульской и западной части Рязанской групп говоров.

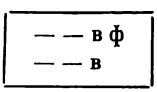
IV. Системы, в которой губно-губные звуки в соответствии с ‹в› отсутствуют и ‹в› реализуется только звуками губно-зубной артикуляции.

Системы этого типа представлены в трех разновидностях.

В разновидности IVа ‹в› реализуется в звуке [в], который выступает в обеих позициях. Такие системы зафиксированы в говорах 73 нас. п.

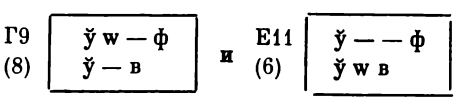
В разновидности IVб наряду со звуком [в], выступающим в обеих позициях, в позиции перед глухими согласными выступает звук [ф]. Такие системы зафиксированы в 32 нас. п.

Говоры, в которых зафиксированы IVа и IVб системы, занимают одну и ту же территорию, на которой они встречаются вперемежку, кое-где образуя небольшие ареалы. Это юго-восточная часть мас-

---

[23] Данная система реально встретилась в 15 нас. п., но к ней условно присоединены следующие системы:

сива (юго-восточные говоры Тульской группы, Елецкие говоры, восточная часть Курско-Орловских и западная часть Рязанских) [24].

Разновидность IVв представляет систему, совпадающую с литературной. Звуки [в] и [ф] находятся в них в дополнительном распределении: [в] перед звонкими согласными, [ф] перед глухими. Такие говоры в глубине ареала встречаются в единичных нас. п., небольшие ареалы их отмечены в основном в периферийных говорах Тульской и Елецкой групп.

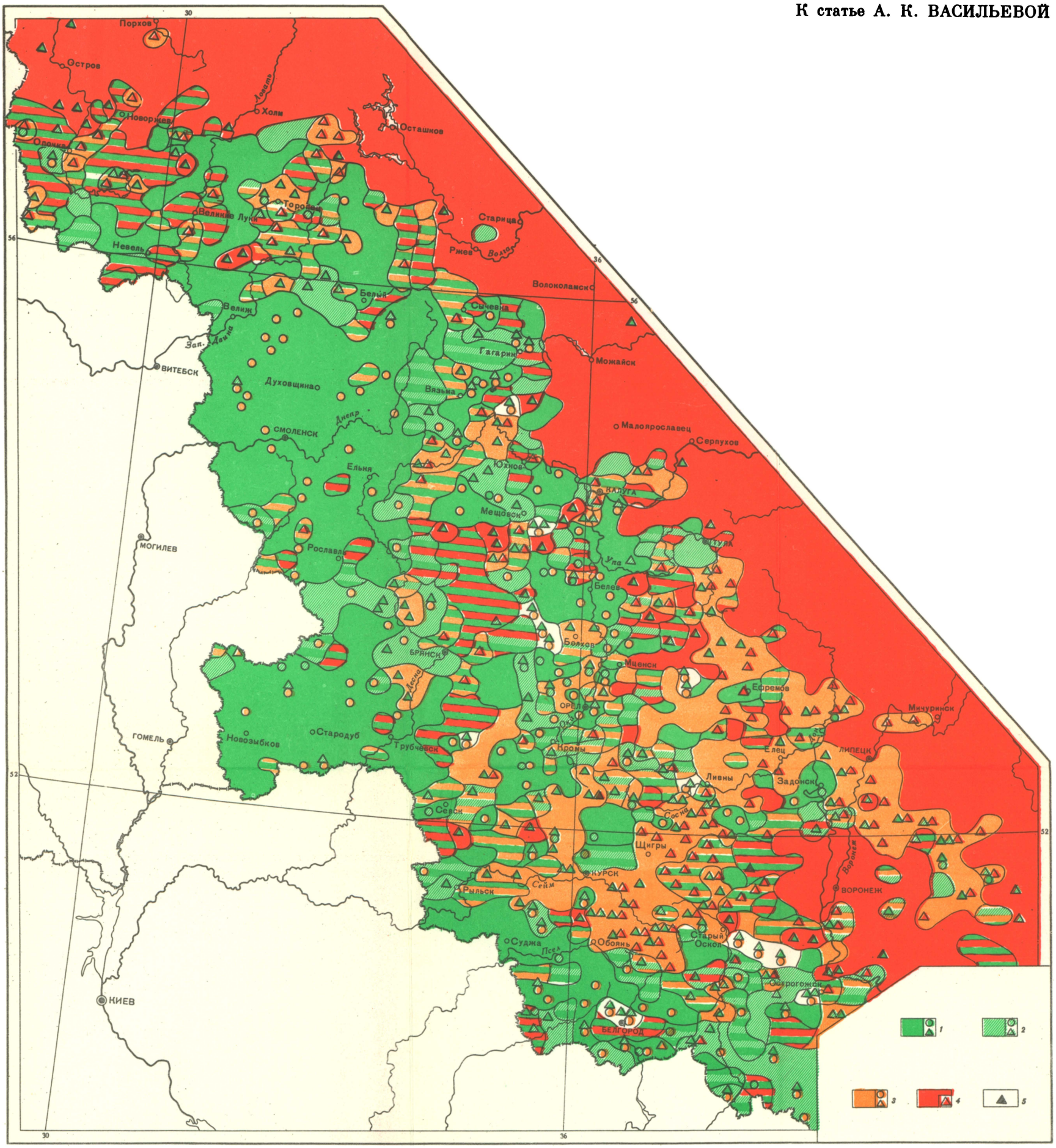
Продемонстрированные выше типы систем употребления звуков в соответствии ‹в› (от I к IV) отражают, по-видимому, последовательные этапы развития консонантных систем говоров в исследуемом нами звене: вытеснение [ў] посредством [w] (как более сонорного — менее сонорным), с последующим изживанием губно-губных сонорных и освоением губно-зубной артикуляции вначале в виде сонорного [в] с его дальнейшей «спирантизацией», выражающейся в возможности перед шумными согласными выступать в двух вариантах — глухом и звонком.

Вполне последовательное развертывание соответствующих типов один в другой как в структурном, так и в территориальном планах свидетельствует о том, что развитие в наших говорах губно-зубной артикуляции осуществляется в основном по законам их внутреннего развития. Отдельные стадии процесса представлены совершенно своеобразными системами (ср. большой удельный вес систем с [в] только в позиции перед звонкими (IIа), с [в] в обеих позициях (IIб, IVа) и систем, где при наличии пары [в], [ф] звук [в] сохраняется в позиции перед глухими (IIIа, IVб). Вместе с тем нельзя отрицать и влияние на этот процесс говоров, знающих только губно-зубные звуки ([в]—[ф] в дополнительном распределении), и влияние литературного языка с той же системой, безусловно оказывающих активизирующее влияние на этот процесс. Можно предполагать, что на некоторых участках нашего ареала междиалектное взаимодействие осуществлялось настолько активно, что стадия билабиального *w* могла быть не пройдена, — говоры с [ў] в обеих позициях переходили здесь, по-видимому, непосредственно к освоению губно-зубной артикуляции (ср. системы II и III типов с отсутствием [w]). Вообще в разных частях нашего ареала соотношение внутрисистемных факторов и факторов взаимодействия говоров могло быть разным, однако очевидно, что внутрисистемные тенденции были определяющими.

Подчеркнем в заключение, что говоры, расположенные на периферии ареала, в фонетической системе которых выработалась спирантная пара (хотя [ф] выступает в них наряду с [в], а часто и наряду с еще не изжитыми звуками губно-губного образования), получают возможность употреблять звук [ф] в соответствии с ‹ф›

[24] Близки к ним по территориальной характеристике и говоры IIб типа (см. выше), представляющие, по-видимому, предшествующую ступень развития, когда губно-губные звуки не были еще полностью вытеснены.

К статье А. К. ВАСИЛЬЕВОЙ

Карта. Звуки в соответствии фонеме ⟨в⟩ в позиции середины слова перед согласными

1 — [ў] перед звонкими и глухими согласными (*пра*[ў]*да*, *да*[ў]*но* и т. п.; *тра*[ў]*ка*, *о*[ў]*са* и т. п.); *2* — [w] перед звонкими и глухими согласными (*пра*[w]*да*, *да*[w]*но* и т. п.; *тра*[w]*ка*, *о*[w]*са* и т. п.); *3* — [в] перед звонкими и глухими согласными (*пра*[в]*да*, *да*[в]*но* и т. п.; *тра*[в]*ка*, *о*[в]*са* и т. п.); *4* — [в] перед звонкими согласными, [ф] перед глухими согласными (*пра*[в]*да*, *да*[в]*но* и т. п.; *тра*[ф]*ка*, *о*[ф]*са* и т. п.); *5* — [х] отмечен перед глухими согласными

Примечание. Знаки «круг» и «треугольник» вводятся в том случае, когда тот или иной звук отмечен только в одной из позиций: круг для позиции перед звонкими согласными, треугольник — для позиции перед глухими согласными.

в заимствованном словарном фонде. Таким образом, посредством освоения этих слов со звуком [ф], появившимся в их фонетической системе сначала в слабой позиции, эти говоры получают новую фонологическую единицу — губно-зубную глухую фонему ‹ф› и пару к изменившей свой фонетический статус фонеме ‹в›, которая также приобрела губно-зубное образование. Но возможность освоения ‹ф› возникает в говорах, выработавших [ф] в слабой позиции, не сразу. Об этом свидетельствует то, что за пределами изоглоссы наличия ‹ф› (обращенной на восток) оказываются частично говоры, в фонетической системе которых уже представлен [ф] в слабой позиции [25].

[25] См.: *А. К. Васильева.* Фонемы [ф], [ф'] и их замены в русских говорах.

О. Е. КАРМАКОВА

О ЗВУКЕ [х] В РУССКИХ ГОВОРАХ

В настоящей заметке рассматриваются случаи произношения [к] на месте этимологического [х] в русских говорах той территории, которая входит в Диалектологический атлас русского языка (ДАРЯ). Основным материалом для анализа послужили ответы на вопрос № 54 «Программы собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» [1], посвященный указанному явлению. В вопросе в качестве примеров даны слова, предполагающие замену [х] на [к] в различных позициях в словах: *хлеб*, *хорошо*, *пахать*, *муха*, *приходи*, *пастух*. Помимо них в ответах приводятся и другие слова, не предусмотренные «Программой». Кроме того, привлекались данные ответов на вопросы № 67л, 104б, 107, 145, 228 указанной «Программы», где более или менее регулярно приводятся слова с этимологическим *х*: *хутор*, *ходить*, *хлев*, *хоронить*.

Полученные сведения позволяют судить о том, что произношение [к] на месте [х] нигде не представляет собой фонетического явления, присущего системе того или иного говора, а встречается лишь в определенных словах.

Мена [х] на [к] в одних случаях представляет собой собственно диалектную черту: [к]*оровод*, [к]*лев*, [к]*омут*, *пету*[к], *па*[к]*ать* и др., в других случаях — факт просторечного произношения: *пас*[к]*а*, [к]*арактер*, [к]*улиган* и др. Интереса для диалектологического исследования последние не представляют.

Обращаясь к собственно диалектным фактам, следует отметить неоднородность распространения произношения [к] в разных сло-

[1] «Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка». М.—Л., 1949.

вах: слова [к]*оровод*, [к]*лев*, [к]*оронить*, [к]*утор*, [к]*одить* известны на относительно обширных территориях, тогда как другие — *пазу*[к]*а*, *су*[к]*ой*, *оре*[к]*и*, *вет*[к]*ий*, [к]*ромовых*, [к]*орошо*, [к]*рапеть*, [к]*лястик*, [к]*лебать*, [к]*лопоты*, [к]*омяк*, [к]*итрость*, [к]*озяйка*, [к]*олодно*, [к]*омут*, [к]*удой*, [к]*отеть*, *пасту*[к], *жмы*[к], *жени*[к] [2] — встречаются преимущественно на севере территории ДАРЯ.

На публикуемой карте (см. приложение) показано распространение слов с [к] вместо [х], имеющих более или менее определенные ареалы: [к]*лев*, [к]*оронить*, [к]*утор*, [к]*одить* и их производные [3]. Слово [к]*оровод*, хотя известно на большой территории [4], не картографируется из-за неясности этимологии, в связи с чем спорным остается и вопрос об исконном характере качества начального согласного. Поэтому слово *хоровод* в его вариантах требует специального историко-этимологического исследования.

Таким образом, данная карта отражает распространение четырех слов, три из которых (*хлев*, *хоронить*, *ходить*) принадлежат общеславянскому фонду. Они известны во всех славянских языках. Слово же *хутор*, судя по данным М. Фасмера [5], известно только в польском, украинском и русском языках. Во всех перечисленных словах [к] на месте [х] выступает в начале слова.

Самый обширный ареал, лежащий в основном в пределах говоров центра [6], имеет произношение [к] в слове [к]*лев*. Иное произно-

---

[2] Примеры мены [х] на [к], зафиксированные в других словах, содержатся в кн.: «Русская диалектология». Под ред. Н. А. Мещерского. М., 1972, стр. 58.

[3] При составлении этой карты использовались данные карт региональных атласов: «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы». М., 1957, карты № 86, 87, 236; «Атлас русских говоров центральных областей к северу от Москвы», карты № 93, 94, 151 (авт. Е. Г. Бурова), № 343 (авт. Ю. С. Азарх), № 477 (авт. Н. Н. Пшеничнова); «Атлас русских народных говоров центральных областей к западу от Москвы», карты № 116, 117 (авт. А. С. Феоктистова), № 459; «Атлас русских народных говоров центральных областей к югу от Москвы», карты № 111 (авт. В. Н. Теплова), № 87 (авт. Т. Ю. Строганова); «Атлас русских народных говоров северо-западных областей СССР», карта № 211 (авт. С. С. Высотский).

[4] Слово *хоровод* отмечено на всей территории ДАРЯ. Диалектное варьирование его звукового облика весьма разнообразно: [к]*орогод*, [к]*урогод*, [х]*орогод* и др. Преобладающими являются варианты с [к]. Наиболее компактный ареал с [х] располагается на территории «Атласа русских говоров центральных областей к северу от Москвы» между Рыбинским водохранилищем и р. Ветлугой, где картографируемые нами слова имеют [к]; на территории «Атласа русских народных говоров северо-западных областей СССР» встречаются ареалы слова *хоровод* с [к] и [х], в то время как у других слов вариант с [к] здесь отсутствует, исключая островной ареал [к]*лева*. Несовпадение локализации произношения [к]*оровод*, с одной стороны, и отмеченных на карте слов, с другой, находим и на юге рассматриваемой территории.

[5] *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка. Т. IV. М., 1973, стр. 286.

[6] Здесь и далее группировка говоров дается по кн.: *К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова*. Диалектное членение русского языка. М., 1970.

шение слова — с [х] — широко распространено в северном наречии, а также на северо-западе и в средней части западной диалектной зоны, единичные случаи отмечены на юге ДАРЯ (вокруг Рыльска, западнее Брянска). Любопытно заметить, что написание с [к] — «клев» — фигурирует в памятниках XVII—XVIII вв., причем в XVIII в. [к]*лев* проникает даже в литературный язык: с начальным *к* употребляют это слово В. Н. Татищев и И. И. Лепехин [7], хотя в других памятниках этого времени зафиксировано написание с *х*.

Остальные слова распространены на той же территории, что и [к]*лев*. Оговорку приходится сделать лишь для слова [к]*одить*, отмечаемого на севере территории ДАРЯ и характеризующегося разорванностью ареалов. Правда, имеются данные, указывающие на существование [к]*одить* гораздо южнее. Так, Е. Ф. Будде, который исследовал говоры Касимовского у. Рязанской губ., отмечал регулярное употребление *с*[к]*одить* вместо *с*[х]*одить* [8]. Однако материалы 1940—1950-х годов свидетельствуют об утрате подобного произношения на этой территории, хотя слово [к]*оронить*, также зафиксированное Будде в Касимовском у., сохраняется до настоящего времени с [к]. Исчезновению [к]*одить* на данной территории, а возможно, и на других территориях (что и привело к разорванности ареала [к]*одить*), способствовало, вероятно, влияние литературного языка. Следует учесть и то, что данное слово не является специфически диалектным (как в случае [к]*лев*, [к]*утор*), а входит в общий для литературного языка и диалекта словарный фонд. К тому же *ходить* принадлежит к числу слов, обладающих большой частотностью в речи, что также, по-видимому, должно было содействовать (совместно с первым из указанных факторов) процессу постепенного вытеснения варианта с [к] в диалектах.

Что касается слова *хутор*, то варианты его с [х] представлены широко и повсеместно. Кроме [х] и [к], в слове встречаются также другие начальные согласные. На втором месте по занимаемой территории — произношение с [ф] ([ф]*утор*), которое отмечено в северном наречии на север от Рыбинского водохранилища (вплоть до Сольвычегодска), восточнее верхнего течения р. Унжи; [ф] встречается в междуречьи Оки, Мокши и Цны, зафиксировано [ф] и в псковских говорах, на остальной территории — спорадически. Вариант с [к] известен главным образом на периферии северо-восточной диалектной зоны. Южнее Весьегонска в ограниченном числе нас. п. (8—11) записаны варианты с [γ] и [г]: [γ]*утор*, [г]*утор*.

---

[7] Данные взяты из картотеки Словаря древнерусского языка XI—XVII вв., хранящейся в Ин-те русского языка АН СССР.

[8] *Е. Будде.* К истории великорусских говоров. Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губернии. Казань, 1896, стр. 188.

Как показывает карта, ареал распространения [к] на месте [х] в картографированных словах полностью не совпадает ни с одной из единиц диалектного членения русского языка (наречием, группой говоров, диалектной зоной). Ближе всего территория с произношением [к] вместо [х] к территории так называемых говоров центра [9], но явление это гораздо дальше продвинуто на север ([к]*одить*) и несколько иначе очерчено на юге ([к]*лев*).

В то же время данная территория, по нашему мнению, объединяется иной чертой — наличием финно-угорского субстрата. В процессе складывания и развития русской народности славянское население неоднократно вступало в контакты с различными этническими группами, среди которых были и финно-угорские племена. Из летописей, историко-археологических и лингвистических источников известно, что меряне жили вокруг г. Ростова (оз. Неро), Переславля-Залесского (оз. Плещеево), по волжскому правобережью с городом Галичем Мерским; в долинах Оки были поселения мещеры, муромы, в междуречьи Оки и Волги — мордвы (эрзя, мокша), восточнее р. Унжи — черемисов (мари); к северу от Сухоны — заволочской чуди; весь располагалась по течению рек Шексны и Мологи (притоки Волги), а также на восток от Белого озера. Финно-угорское население известно и в других областях: вокруг Кубенского озера, по р. Вычегде, на южном побережье Онеги, на границе Архангельской и Вологодской областей, к северу от Белого озера; карелы и по сей день живут в районе Бежецкого Верха и Калинина (тверские карелы) и т. д.[10]

Фонетическая система финно-угорских языков не имеет звука [х] [11], поэтому можно предположить, что произношение [к] вместо [х] возникло в результате межъязыкового взаимодействия. На возможность такого объяснения указывалось в научной литературе. А. М. Селищев писал о замене русского [х] на [к] в мордовских говорах, у зырян, черемисов, остяков; подобное явление отмечалось им и в говоре русских, живущих по соседству с пермяками, чей язык не знает согласного [х] [12]. Еще Видеманом замечено произношение [к] вместо [х] в русских заимствованиях в эрзя-мордовском языке: kolostoi, kožaika, kromoi, klopot, kukarka, kukna [13].

---

[9] *К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова.* Указ. соч., стр. 54—64, карта № 7.

[10] Данные взяты из книг: *К. В. Горшкова.* Историческая диалектология русского языка. М., 1972; *П. Н. Третьяков.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966; *Он же.* У истоков древнерусской народности. Л., 1970; *А. Н. Насонов.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1970; *В. В. Седов.* Из гидронимии Волго-Окского междуречья. — В кн.: «Питання ономастики». Київ, 1965; *А. К. Матвеев.* Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории Европейской части СССР. Докт. дисс. М., 1970.

[11] См.: *G. Lako.* A magyar nyelv finnugor alapjai. Budapest, Tankönykiadò, 1964, стр. 66.

[12] *А. М. Селищев.* Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1921, стр. 163.

[13] *F. J. Wiedemann.* Grammatik der Ersa-Mordwinischen Sprahec. St.-Petersburg, 1865, стр. 126—130.

Следует отметить, что существует мнение об исконности соответствующей черты для русских диалектов, с которым, однако, трудно согласиться [14].

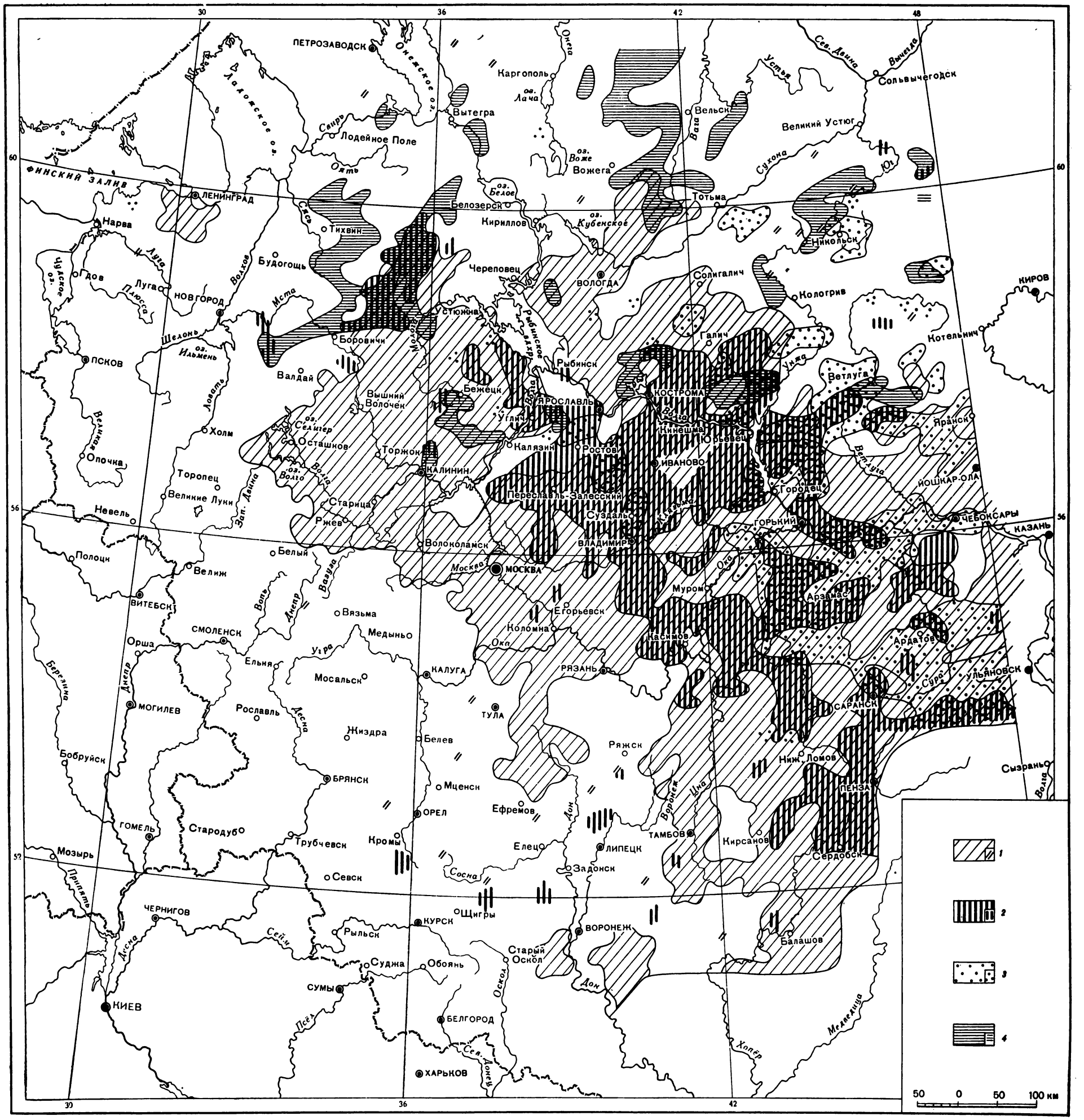
Разбирая вопрос о мене [х] на [к], нелишне напомнить, что праславянский [х] образовался из индоевропейского [s] в определенных позициях [15]; ограничение позиций влекло за собой и ограничение морфем, в которых возможен согласный [х]. Правда, уже в праславянскую эпоху появляется [х] аналогического происхождения (чаще в суффиксах существительных и глаголов).

Периферийное положение фонемы ‹х› в системе консонантизма русского языка создавало предпосылки для влияния в этом звене системы финно-угорских языков, с носителями которых русские на описанной выше территории издавна вступали в тесные контакты. Как отмечалось выше, это явление ([к] на месте [х]) могло быть распространено ранее и шире и значительно последовательнее. Наличие [к] на месте [х] в настоящее время только в отдельных словах, преимущественно внутри корневых морфем (на стыке морфем, в случаях типа *муха*, явление не зафиксировано), говорит об изживании этой черты в русских говорах и заставляет смотреть на приведенные здесь факты как на реликты некогда более широко представленного явления субстратного характера.

---

[14] Так, В. В. Колесов, обращаясь к реализации [х] как [к], объясняет этот факт внутриязыковыми отношениями, расценивая влияние финно-угорского субстрата лишь как поддерживающее вариант с [к]. См.: «Русская диалектология». Под ред. Н. А. Мещерского. М., 1972, стр. 58—59.

[15] См.: *С. Б. Бернштейн.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр. 160. — С. Б. Бернштейн отмечает, что вопрос о начальном [х] остается сложным и не до конца ясным. Что касается замены [х] на [к], то кроме русских говоров подобное явление встречается в южных польских говорах.

КАРТА. Мена [х] на [к] в словах *хлев*, *хоронить*, *хутор*, *ходить*

1 — [к]*лев*; *2* — [к]*оронить*; *3* — [к]*утор*; *4* — [к]*одить*

Заказ № 228

ГРАММАТИКА

А. И. СОЛОГУБ

О ДИАЛЕКТНЫХ ФОРМАХ НЕКОТОРЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ЖЕНСКОГО РОДА, ИМЕЮЩИХ НУЛЕВУЮ ФЛЕКСИЮ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Представленное в современном русском языке склонение существительных женского рода с нулевой флексией охватывает существительные различного происхождения: основную часть лексического состава этого типа склонения составляют существительные, относящиеся к исконному склонению основ на **i* (*кость*, *грязь* и под.); кроме того, оно включает также существительные женского рода, которые исконно относились к склонению основ на согласный (*мать*, *дочь*) и к склонению основ на **ū* (*морко́вь*, *свекро́вь* и под.). Исторические особенности двух последних типов склонения существительных литературным языком в значительной степени утрачены; данные лингвистической географии представляют интересный материал для изучения некоторых реликтовых явлений в образовании основ и склонения этих существительных, а также для исследования вопросов, относящихся к бытованию и развитию форм этих существительных в пределах русского языка, взятом во всем многообразии его говоров. В настоящей статье представлены, в частности, данные, касающиеся склонения существительных, имевших исконную основу на **ū*, в русских говорах.

В современных говорах русского языка бытует довольно ограниченный круг слов, которые принадлежали к древнему склонению основ на **ū*. Кроме того, следует заметить, что мы, к сожалению, можем исследовать лишь немногие формы отдельных существительных этой немногочисленной группы, так как в материалах по говорам зафиксированы не все слова, относившиеся в прошлом к данному типу склонения: некоторые из них и вообще, видимо, рано утрачены в языке. Следует иметь в виду, что в наших источниках находятся лишь те формы существительных изучаемого типа, которые были предусмотрены программой собирания сведений для атласов русских говоров.

Известно, что существительные, относившиеся к исконному склонению основ на **ū*, с давнего времени переживали различные инновации, связанные с общим явлением утраты самостоятельности данного типа склонения. Так, ряд слов этого типа в результате обобщения основы образовал форму им. п. на *-овь*: *свекро́вь*, *морко́вь*, *любо́вь*, *кровь*, *це́рковь*. Это и привело к совпадению их со словами, исконно имевшими основу на **i*. Другая часть слов очень рано подверглась влиянию со стороны склонения существительных с основой на **a*, в результате которого они полностью усвоили все падежные формы последнего (*бу́ква*, *ты́ква*, *брю́ква*). Все эти процессы относят к периоду существования древнерусского языка [1] или даже к дописьменной эпохе [2].

В связи с различными процессами аналогического характера, начавшимися уже в древний период существования русского языка, постепенно утрачивалась грамматическая связь между отдельными существительными изучаемого типа. В говорах русского языка в различные периоды их существования каждое из этих слов развивалось, видимо, совершенно самостоятельно и своеобразно. Именно на этом основании мы и обращаемся к рассмотрению форм каждого существительного в отдельности.

При изучении диалектных данных выяснилось, что наиболее широко распространен по говорам переход в склонение существительных типа *кость* таких слов, как *кровь*, *любо́вь*, причем эти существительные включены и в более поздние процессы, переживаемые по говорам склонением существительных типа *кость*. В большинстве говоров эти существительные имеют падежные формы, идентичные формам литературного языка, ср., например [3]: *па любви́*, *в л'убо́ф'* — I, 180; *по любви́* — V, 588; БСТ, 111, 125, 947, 1176, 1353; I, 180; VI, 5, 64, 115, 351; *в любви́* — БСТ, 653; VI, 507; *любо́вью* — V, 269; *кроф'* — вин. п. — I, 13; *кроф'*, *ф кравí* — V, 78; *кро́в'йу* — I, 75; *ф кравí* — I, 19, 74; *кро́в'и* — род. п. — V, 585, 607; *в кровí* — V, 129, 276, 331, 381, 405, 408, 427, 572, 608, 701, 709, 714; БСТ, 307, 377, 578, 603; *у кро́ви* — V, 101, 124; ЮТ, 301; *кро́вью* — БСТ, 1201; *без кро́ви* — ЮТ, 653; *до кро́ви* — ЮТ, 684; *по кро́ви* — ЮТ, 829 и т. д.

В части говоров мы можем наблюдать те же инновации в образовании падежных форм у существительных *кровь*, *любовь*, кото-

---

[1] *В. В. Иванов.* Историческая грамматика русского языка. М., 1964, стр. 302.

[2] *П. С. Кузнецов.* Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959, стр. 34; *С. П. Обнорский.* Именное склонение в современном русском языке, вып. 1. Л., 1927, стр. 12.

[3] Римские цифры и аббревиатуры обозначают региональные диалектологические атласы русского языка: I — «Атлас русских народных говоров северо-западных областей РСФСР», БСТ — «Атлас русских народных говоров центральных областей к северу от Москвы», V — «Атлас русских народных говоров центральных областей к западу от Москвы», VI — «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы», ЮТ — «Атлас русских говоров центральных областей к югу от Москвы». Арабские цифры обозначают номер населенного пункта на картах соответствующего атласа.

рые характерны и для существительных типа *кость*. Так, на территории говоров, характеризующихся процессом унификации ударения в формах дат.—предл. п. (а в ряде случаев и род. п.) у существительных типа *кость*, отмечают и формы род.—дат.—предл. п. существительного *кровь*, имеющие унифицированное ударение: *по крови́* — ЮТ, 608, 703; БСТ, 307, 377, 470; *с крови́* — V, 117; *до крови́* — V, 401; *в кро́ви* — БСТ, 261, 578, 603.

В говорах, которым свойственно образование форм дат.—предл. п. (а иногда и род. п.) существительных типа *кость* по типу форм существительных на *-а*, мы можем наблюдать аналогичные формы и у существительных *кровь*, *любовь*: *в кро́ве* — БСТ, 243, 269, 274, 282, 295, 298, 308, 322, 430, 438, 452, 461, 470, 474, 1437; ЮТ, 216, 825, 831, 838; V, 100, 383, 737; *на кро́ве* — V, 499; I, 199; *по любве́* — БСТ, 118; 329; VI, 353, 578, 607, 823, 890; ЮТ, 595, 600, 616, 652, 697, 751, 797; *с кро́ве* — V, 107; *кро́вей* — VI, 437, 589; V, 99, 350, 375; *кро́вьюй* — V, 8; VI, 290.

Характерной особенностью является при этом то, что у существительного *любо́вь* в ряде говоров основа *любов'-* может выступать во всех падежных формах, ср., например: *по любо́ви* — БСТ, 197, 242, 947, 986; ЮТ, 632, 652, 688, 706, 828, 829; VI, 567, 681, 744, 890; I, 180, 186; *к любо́ви* — V, 30; *в любо́ви* — VI, 589, которая, как указывал еще А. А. Шахматов, развилась в результате обобщения основы им. п.[4].

Представленные в материалах формы *по люби́* — VI, 299; БСТ, 87, 634; *по любе́* — БСТ, 296; VI, 450; *в любе́* — VI, 636; ЮТ, 740 — развились, по-видимому, в результате фонетических процессов.

При изучении лингвогеографических данных выяснилось, что различные словоформы с корнем *морк-*, наблюдаемые в говорах, представляют свои особенности в отношении ударения, основы и окончания, по крайней мере в форме именительного падежа, так как исчерпывающими сведениями мы располагаем только об этой форме, формы косвенных падежей программой атласа не предусмотрены и поэтому в материалах являются единичными.

Наиболее широко распространенная по говорам словоформа *морко́вь* [5] характерна для широкой полосы восточных говоров русского языка (см. карту 1 в приложении), выделяемой по линии Вытегра—Будогощь—Осташков—Наро-Фоминск—Ряжск—Тамбов. При этом важно отметить, что в исключительном употребле-

[4] *А. А. Шахматов.* Историческая морфология русского языка. М., 1957, стр. 117.

[5] При работе над статьей нами были использованы следующие карты, имеющие общее название — «Названия моркови»: № 276 в «Атласе русских говоров центральных областей к югу от Москвы» (автор В. Н. Теплова), № 408 в «Атласе русских говоров центральных областей к западу от Москвы» (автор Л. П. Жуковская), № 411 в «Атласе русских говоров центральных областей к северу от Москвы» (автор В. Н. Теплова), № 186 в «Атласе русских говоров северо-западных областей» (автор М. Н. Преображенская).

нии она свойственна говорам центра Костромской группы и центральной части Вологодской группы говоров. На территории к западу от указанной линии ее отмечают лишь в островном и рассеянном распространении (здесь и ниже см. карту 1). Словоформа *морко́вка* представлена значительными ареалами в пределах северо-западной и северо-восточной диалектных зон. Кроме того, она известна некоторым разрозненным говорам южной территории. Ареалы словоформы *морко́ва* отмечают к западу и югу от Калинина. Словоформа *мо́рква* характерна для говоров юго-запада.

Небольшие ареалы словоформы *мо́рковь* отмечены к югу и юго-западу от Москвы и к западу от Рязани и Ряжска, а также на восточном побережье Рыбинского водохранилища и к северу от него и в двух нас. п. к северо-востоку от Пскова. Словоформа *моркви́* представлена значительными ареалами в пределах Тульской и Рязанской групп говоров южного наречия русского языка, в рассеянном распространении она известна и говорам западной половины южного наречия. Словоформу *морко́шка* отмечают на территории Ладого-Тихвинской группы северного наречия русского языка, на территории юго-востока и крайнего северо-востока.

Таким образом, на основании рассмотренного материала мы можем выделить две основные территории, различающиеся по наличию и отсутствию окончания в изучаемых словоформах: территорию центральных говоров, характеризующихся употреблением словоформ с нулевым окончанием *морко́вь* (реже *мо́рковь*) в исключительном употреблении, и говоров, опоясывающих эту территорию, которые представляют различные новообразования, характеризуемые, однако, тем общим признаком, что они имеют окончание *-а*, как у существительных женского рода продуктивного типа склонения. При этом, как мы видим из приведенного материала, окончание *-а* может сочетаться с различной основой, в связи с чем эти опоясывающие говоры членятся в свою очередь в зависимости от характера инноваций в отношении основ изучаемого существительного. Так, в основном на территории северной диалектной зоны с различной степенью интенсивности (преимущественно в западной ее половине и реже — в восточной) имеет распространение словоформа *морко́вка* с основой, имеющей суффикс *-к-*; в разрозненных говорах эта форма наблюдается и на территории южного наречия русского языка (см. карту 1).

Для большей части говоров южного наречия русского языка (за исключением северной половины Рязанской группы говоров) характерны формы с основой *моркв-* (*мо́рква*, *моркви́*). При этом следует принять во внимание, что слово *мо́рква* распространено и во многих белорусских и украинских говорах [6].

---

[6] См.: *Б. Д. Гринченко.* Словарь української мови, т. II. Київ, 1908, стр. 445; *И. И. Носович.* Словарь белорусского наречия. СПб., 1870; «Беларуска-рускі слоўнік». М., 1962; *І. К. Бялькевич.* Краёвы слоўнік усходняй магілёўшчыны. Мінск, 1970.

Разрозненными являются ареалы существительного с основой *морќбшк-* (см. словоформу *морќбшка*).

Говоры русского языка различаются также по типу ударения в словоформах с корнем *морк-*. Вся территория северного наречия русского языка, среднерусских говоров и северная половина Рязанской группы говоров, иначе говоря, территория широкого северо-востока, характеризуется формами с ударением на неначальном *-о*: *морќбвь*, *морќва*, *морќвка* [7]. Территории юго-запада свойственно ударение на начальном *-о*: *мо́рква*. Лишь в небольшой части говоров, находящихся между двумя описанными территориями, мы можем наблюдать ударение на флексии — *морква́*.

Кажется, что наиболее ранними следует считать изменения, связанные с ударением в словоформах с корнем *морк-*. При этом необходимо отметить, что большая часть русских говоров унифицирует ударение по форме вин. п. — *морќвь—морќви* и т. д. Говоры юго-запада, а также прилегающие к ним говоры белорусского и украинского языков обобщают исконную основу косвенных падежей, в результате чего и появилась, видимо, форма с ударением на начальном *-о*: *мо́рква* [8].

Сравнительно позже, но еще в период совместного существования восточнославянских языков, начали, видимо, развиваться новообразования, относящиеся к флексии данных словоформ. Развившаяся в говорах юго-запада форма *мо́рква* могла быть связана при своем возникновении с образованием аналогичных форм существительных того же класса: *бу́ква*, *ты́ква* и рано заимствованного *брю́ква*, широко представленных в говорах русского языка, одновременно являющихся и словами литературного языка. Разница между ними состоит в степени распространенности в пределах русского языка. Можно думать, что процесс образования этих форм обусловлен не только сходством падежных форм этих существительных и существительных на **а* во множ. числе [9], но также связан и с типом ударения в этих словах. Слова *ты́ква* и *бу́ква* относят к числу слов с постоянным ударением на корне [10]. Как известно, именно слова этого акцентологического типа наиболее рано переходят в склонение основ на **а* [11]. В связи с тем, что слово *мо́рква* имеет ограниченное в территориальном отношении распространение в русских говорах, можно предположить, что усвоение окончания *-а* в этом слове происходило в восточнославян-

---

[7] О форме *морќбшка* мы скажем ниже.

[8] О характере ударения в древних формах парадигмы этого слова см.: *В. М. Иллич-Свитыч.* Именная акцентуация в балтийском и славянском (судьба акцентуационных парадигм). М., 1973, стр. 122; *Х. Кодов.* Подвижното българско ударение и неговото отношение към праславянското ударение: 1. Съществителни имена. София, 1929, стр. 63, и др.

[9] *П. С. Кузнецов.* Указ. соч., стр. 34.

[10] См., например: *В. В. Колесов.* История русского ударения. Л., 1972, стр. 101.

[11] *П. С. Кузнецов.* Указ. соч., стр. 34.

ских языках позже, чем в словах *ты́ква*, *бу́ква*, *брю́ква*, но уже после изменения ударения в этом слове.

К сравнительно ранним инновациям можно, по-видимому, отнести форму *морко́вка*, имеющую суффикс *-к-*. На основании территории ее распространения можно предположить, что очагом возникновения был древний новгородский диалект, носители которого, как известно, постепенно колонизовали всю северную территорию.

Употребление слова *морко́вка* в южнорусских и других говорах носит, видимо, иной характер и связано с другим его значением. Об этом, видимо, свидетельствует и самый характер распространения: сплошное распространение на широких ареалах северных территорий говорит, возможно, о том, что в этих говорах слово *морко́вка* является нейтральным и основным для обозначения данной сельскохозяйственной культуры. Рассеянное распространение этого слова в южной части территории, возможно, указывает на его синонимичность в этих говорах с другими словами, обозначающими морковь.

К наиболее поздним новообразованиям следует, видимо, отнести формы *мо́рковь*, *морко́ва*, *моркова́*, *моркбшка*. На это прежде всего указывает узко локальный характер их распространения. Развитие словоформы *морко́ва* можно связать с процессом отхода от употребления слова *морко́вка* в связи с изменением значения суффикса *-к-* [12]. Если в свое время в слове *морко́вка* значение суффикса *-к-* развилось из уменьшительного в нейтральное, то со временем, когда суффикс *-к-* начинал приобретать эмоциональное значение (уничижительности и т. п.), в некоторых говорах могла произойти замена слова *морко́вка* другим, в частности, словом *морко́ва*, образованным по возникшей уже в языке модели соотношений: нейтральное слово — слово эмоционально окрашенное (например, *голова́* — *голо́вка* и т. п.).

Появление формы *морко́шка* могло быть связано с включением в ряде говоров названия данной культуры в определенную лексико-семантическую словообразовательную модель, ср. слово *картбшка*, также являющееся обозначением сельскохозяйственной культуры. Подобная аналогия возникла, по-видимому, имманентно в различных говорах русского языка (см. карту).

Форма *мо́рковь* могла появиться в результате контаминации форм *мо́рква* и *морко́вь*, это предположение поддерживается тем,

---

[12] Известно, что некоторые суффиксы на протяжении развития истории языка меняют или теряют свое первоначальное значение. «В особенности, — пишет П. С. Кузнецов, — в этом отношении показательны уменьшительные. С одной стороны, из значения уменьшительности развиваются различные значения эмоциональной окраски (ласкательные, уничижительные), с другой стороны, у некоторых существительных они теряют уменьшительное значение, а бессуффиксное существительное или вообще выходит из употребления, или сохраняется как синоним к снабженному суффиксом» (см.: *В. И. Борковский, П. С. Кузнецов.* Историческая грамматика русского языка. М., 1963, стр. 175).

что данное слово имеет распространение на территории, расположенной на границе бытования слов *морко́вь* и *мо́рква* (см. карту). Не исключено, что подобным же образом развилась и форма *моркова́*, в которой ударение на втором слоге могло появиться по аналогии с формой *морко́вь*.

В большинстве случаев наблюдатели указывают, что существительные *морко́вка*, *мо́рква*, *моркова́*, *морко́ва* и *морко́шка* склоняются по продуктивному типу склонения существительных женского рода на *-а*. При образовании падежных форм существительного *морко́вь* могут наблюдаться особенности, связанные также с влиянием существительных женского рода на *-а*, хотя, к сожалению, полных сведений по этому явлению мы не имеем. Укажем лишь, что в материалах приведены формы твор. п., образованные по типу существительных продуктивного класса, и относятся они к тем же говорам, которые имеют подобные формы от существительных типа *кость*, ср.: *с морко́вьей* — VI, 579; *с морко́вьюй* — VI, 367; V, 190, 215; *морко́вей* — VI, 331; V, 70, 418, 437.

Данные о словах с корнем *свекр-*, содержащиеся в изучаемых нами материалах, являются несколько более обширными: программой атласа предусмотрен сбор сведений о трех формах слов с этим корнем — о формах именительного, родительного и винительного падежей [13].

Тип соотношения форм им.—род.—вин. п., соответствующий литературному — *свекро́вь — свекро́ви — свекро́вь*, наблюдается на центральной части территории и на территории северо-запада, на остальной части территории его отмечают в рассеянном распространении (здесь и далее см. карту 2). Следует подчеркнуть, что говорам центра этот тип свойствен в исключительном употреблении.

Соотношение форм типа *свекро́ва — свекро́вы — свекро́ву* имеет распространение в виде больших ареалов на территории северной диалектной зоны и в говорах по границе с Белоруссией; небольшими ареалами оно представлено к западу от Велижа и Смоленска, к северо-западу от Трубчевска, к югу от Медыни, к северо-востоку от Вязьмы, см. также ареал вокруг г. Белый и в единичных нас. п. на крайнем юго-западе.

.....

[13] При подготовке статьи были использованы следующие карты атласов: карта № 83 «Форма именительного падежа единственного числа существительного *свекровь*» (автор В. Н. Теплова) — в «Атласе русских говоров северо-западных областей»; карта № 77 «Форма именительного падежа единственного числа *свекровь* и ее соответствия» (автор Е. Г. Бурова) — в «Атласе русских говоров центральных областей к западу от Москвы»; карта № 140 «Форма именительного падежа единственного числа существительного *свекровь*» и карта № 141 «Формы родительного и винительного падежей единственного числа существительного *свекровь*» (автор В. Н. Теплова) — в «Атласе русских говоров центральных областей к югу от Москвы»; карта № 172 «Формы именительного, родительного, винительного падежей единственного числа существительных женского рода с корнем *свекр-* (автор Ю. С. Азарх) — в «Атласе русских говоров центральных областей к северу от Москвы».

Соотношение форм им.—род.—вин. п. типа *свекро́ва — свекро́ви — свекро́ву* представлено небольшими ареалами на юго-западной территории: вокруг Невеля, к северо-востоку и юго-востоку от Велижа, к юго-востоку от Смоленска, к северу от Дорогобужа и вокруг Вязьмы, а также в некоторых рязанских говорах (см. карту 2 в приложении); специально отметим, что аналогичная парадигма на северной территории отмечена лишь в трех разрозненных нас. п.

Сочетание форм им.—род.—вин. п. *свекро́вья — свекро́вьи — свекро́вью* характерно для говоров центральной части территории южного наречия русского языка.

Соотношение форм *свекро́вя — свекро́ви — свекро́вю* представлено в рассеянном распространении на центральной территории южного наречия.

Тип соотношения форм *свекра́ — свекры́ — свекру́* наблюдается в некоторых говорах к западу от Брянска.

Соотношение форм *свекра́ — свекре́ — свекру́* известно в небольшой группе говоров к востоку от Рославля.

Соотношение форм типа *свекры́ — свекро́ви — свекро́вь* отмечают на территории Рязанской группы говоров.

В рассеянном распространении по территории Рязанской группы говоров известно совпадение форм им.—род.—вин. п. в форме *свекры́*.

Парадигма склонения с основой *свекровк-* (*свекро́вка — свекро́вки — свекро́вку* и т. д.) имеет распространение в виде больших ареалов на территории северной диалектной зоны.

Основа *свекро́вушк-* (*свекро́вушка — свекро́вушки* и т. д.) характерна для говоров Ладого-Тихвинской группы северного наречия русского языка.

Формы с основой *свекру́х-* (*свекру́ха — свекру́хи* и т. д.) характерны для говоров крайнего юго-запада, расположенных на границе с Белоруссией [14].

При исследовании форм существительных с корнем *свекр-* прежде всего следует выделить те говоры юго-востока, в которых сохраняется древняя форма им. п. *свекры*, заметив при этом, что ее исконное употребление, т. е. только в функции им. п., известно в рассеянном распространении на территории Рязанской группы говоров (см. VI, 531, 534, 545, 548, 562, 578, 580, 600, 607, 613, 615, 616, 626, 629, 631, 634, 649, 664, 666, 669, 670 и др.). Говоры этой территории пережили также ряд новообразований, касающихся употребления форм *свекры́*. Так, в связи с общим явлением (свойственным этим говорам, как и большинству русских говоров) совпадения форм им. и вин. п. у существительных типа *кость* форма *свекры́* в ряде юго-восточных говоров стала употребляться и в вин. п., в результате чего появилось соотношение форм им.—

[14] См. также: «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы». Мінск, 1963, карта № 90.

род.—вин. п. *свекры́* — *свекро́ви* — *свекры́* — см. ЮТ, № 567, 671, 694, 779, 796, 797, 800, 813 и др.

В некоторых юго-восточных говорах форма *свекры́* употребляется в функции им.—род.—вин. п. — см., например, ЮТ № 585, 670, 675, 798 и др. Можно предположить, что подобное употребление данной формы связано с имевшей, видимо, место в определенный период существования данных говоров тенденцией к образованию одной общей формы для всех падежей у некоторых существительных, относящихся к исконным непродуктивным типам склонения, результаты которой наблюдаются в этих говорах и в других случаях (ср., например, употребление формы *ма́три* в функции всех падежей или в функции всех, кроме творительного [15]).

На основании характера распространения случаев подобного употребления формы *свекры́* можно предположить, что эта инновация относится к числу наиболее поздних.

На основании лингвогеографических данных можно выделить две территории говоров русского языка, наиболее противопоставленные по образованию и употреблению форм с корнем *свекр-*: центральную и периферийную.

Говоры центральной территории сохранили наиболее раннюю инновацию — замену формы им. п. формой вин. п., а также употребление форм *свекро́ви*, *свекро́вь* как форм соответственно род. и вин. п. Для говоров периферийной территории характерны различные инновации в образовании и употреблении изучаемых форм, взятые во всей их совокупности. Одни из этих новообразований обладают тем общим сходством, что определяются влиянием продуктивного типа склонения существительных женского рода. Это прежде всего связано с усвоением окончаний этого типа склонения: *-а* — в форме им. п., *-ы* (*-и*), *-е* — в форме род. п. и *-у* — в форме вин. п. Другие инновации связаны с употреблением новых основ.

Обращает на себя внимание тот факт, что формы с основой *свекро́вк-* в северной части территории имеют распространение на границе употребления форм *свекро́ва* — *свекро́вы* — *свекро́ву*, с одной стороны, и форм *свекро́вь* — *свекро́ви* — *свекро́вь*, с другой стороны. Ниже будут высказаны соображения в пользу того, что образование форм *свекро́вка* — *свекро́вки* и т. д. является более ранним, чем образование форм *свекро́ва* — *свекро́вы* — *свекро́ву*. Можно думать, что основа *свекро́вк-* возникла в период, когда суффикс *-к-* не нес еще эмоциональной окраски, а был нейтральным и в определенный период существования русского языка достаточно продуктивным (ср. аналогичные образования *молодка*, *соседка* и т. п.) в процессе образования названий лиц женского

---

[15] См.: *А. И. Сологуб.* Склонение существительных *мать*, *дочь* в русских говорах. — В кн.: «Русские говоры. (К изучению фонетики, грамматики, лексики)». М., 1975.

пола. Можно предположить также, что формы с этой основой развились в достаточно ранний период на территории Новгородского и Полоцкого княжеств и имели более широкое распространение по северной территории. Позже, когда суффикс *-к-* приобретает особое значение (в данном случае уничижительное), эти словоформы начинают выходить из употребления по причинам экстралингвистическим, в связи с тем, что слово обозначало лицо, которое занимало особое положение в крестьянском доме. Видимо, в процессе отхода от форм *свекро́вка — свекро́вки* и т. д. на севере и развиваются формы с основой *свекро́в-* (*свекро́ва*, *свекро́вы*, *свекро́ву* и т. д.), которые в определенном смысле противостоят уже формам *свекро́вка — свекро́вки* и т. п. как более нейтральные и включаются уже в семантическую и словообразовательную модели: *голова́ — голо́вка*, *свекро́ва — свекро́вка* и т. п.

В связи со сказанным выясняется, что слово *свекро́ва* на юго-западе и в рязанских говорах и на севере может быть различным по времени появления и по характеру своего развития. На юго-западе и в рязанских говорах оно образовалось, видимо, сравнительно позже в результате присоединения окончания *-а* к основе на твердый согласный, поскольку для этих говоров характерно произношение [w], [ў] в соответствии ‹в› на конце слова и перед согласными. В пользу подобного предположения свидетельствует и то, что территория распространения этого слова на юге отделена от его территории на севере ареалом слова *свекро́вь* (см. карту), а также различия в образовании формы род. п.: если на севере в подавляющем большинстве случаев при формах *свекро́ва — свекро́ву* выступает форма род. п. *свекро́вы*, то на юго-западе в одних говорах можно наблюдать употребление формы *свекро́ви*, а в других — формы *свекро́вы*. Это, в свою очередь, свидетельствует, видимо, о том, что процесс усвоения окончаний продуктивного типа склонения в разных говорах этой территории протекал поразному: первоначально, по-видимому, он охватил формы им. и вин. п. (как это нередко бывает и в других случаях, ср., например, наличие форм им. п. *мать*, *дочь* — вин. п. *ма́терю*, *до́черю* или им. п. *ма́теря*, *до́черя* — вин. п. *ма́терю*, *до́черю*, форм типа им. п. *пе́ча* — вин. п. *пе́чу* при сохранении исконных форм подобных существительных в других падежах) и лишь позже только в части говоров он начинает захватывать формы род. п. На основании того, что подобные формы известны и говорам белорусского языка, можно предположить, что процесс их образования начался еще в период до разделения восточнославянских языков.

На территории, расположенной между Ельней, Рославлем, Жиздрой и Брянском, мы можем наблюдать употребление во всех падежных формах обобщенной основы исконной формы им. п.: таковы формы *свекра́ — свекры́ — свекру́* с исконными окончаниями им.—род.—вин. п. существительных женского рода на *-а*, а также формы *свекра́ — свекре́ — свекру́*, где форма род. п. отражает инновации, пережитые существительными женского рода на *-а*, т. е. анало-

гична форме *у жене́*. Это дает основание предположить, что в ряде говоров обобщение основы *свекр-* в этих формах произошло до процесса образования синкретической формы род.—дат.—предл. п. типа *жене́* у существительных продуктивного типа склонения женского рода.

К числу поздних инноваций относится, видимо, парадигма с основой *свекро́вушк-* (*свекро́вушка — свекро́вушки* и т. д.), которая могла развиться уже в период сравнительно обособленного существования говоров Ладого-Тихвинской группы северного наречия (см. карту 3 в приложении). Можно предположить, что формы с этой основой развились из факультативных суффиксальных образований и приобрели с течением времени синонимичное значение со словами *свекро́вь*, *свекро́ва* или *свекро́вка*, в сосуществовании с которыми они в ряде случаев выступают. Наблюдаемые в рассеянном распространении преимущественно по северной территории подобные формы могут быть рассмотрены как не получившие еще самостоятельного значения суффиксальные образования, хотя не исключено, что самый факт сравнительно частого употребления этих форм на этой территории свидетельствует о действии той же тенденции к образованию форм от основы *свекро́вушк-*, характерной для этих говоров.

Предположение о том, что территория употребления формы *свекры́* до определенного времени была более широкой и охватывала, видимо, также и центральную часть современного южного наречия русского языка, уже высказывалось нами [16]. Употребление на данной территории форм *свекро́вя — свекро́ви — свекро́вю* связано, очевидно, с распространением в центральной части территории основы *свекров'-*, и усвоением окончания *-а* под воздействием существительных на *-а*. Образование форм *свекро́вья — свекро́вьи — свекро́вью* произошло в связи с обобщением основы *свекров'j-* во всех формах, которая в этих говорах воспринимается, по-видимому, уже как основа твор. п. По своему характеру и те и другие формы могут считаться поздними инновациями, вытеснившими на этой территории парадигму с формой им. п. *свекры́*.

Сравнительно древним, развившимся еще до обособления восточнославянских языков, является, видимо, образование *свекру́ха*. В пользу подобного предположения говорит характер распространения этого слова (оно известно говорам смежных территорий русского, белорусского и украинского языков), а также, возможно, и наличие уже непродуктивного в настоящее время суффикса *-уха*, известного говорам этой же территории и в других названиях: ср. *квохтýха*, *квокýха*, *дзётуха* и др.

Другие формы косвенных падежей, представленные в материалах, свидетельствуют о наличии тех же процессов, что и в формах, нами изученных: в одних случаях мы имеем употребление исконных

---

[16] См.: «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров». М., 1970, стр. 82.

форм (ср. дат. п. *к свекро́ви* — V, 49, 56, 98, 101, 112, 122, 147, 281, 374, 509, 513, 516, 600 и т. д.; твор. п. *свекро́вью* — V, 45, 213, 232, 243, 406, 469, 592, 637, 705, 716, 729, 730 и т. д.; предл. п. — *о свекро́ви* — V, 93, 112, 117, 371, 374, 479, 646 и т. д.), в других наблюдается употребление новых форм по типу существительных на *-а*. Эти новые формы так же, как и исходные, могут иметь различные по своему происхождению основы, которые нами также уже описаны выше (ср. род. п. *свекро́ве* — V, 6, 43; дат. п. *к свекро́ве* — БСТ, 122, 292; *свекре́* — V, 697, 705; *к свекро́в'йи* — V, 723, 725; *к свекро́вы* — V, 117, 282, 351, 400; *к свекры́* — V, 675; твор. п. *со свекро́й* — V, 41, 574, 698, 709; *свекро́вей* — V, 93, 94, 98, 99, 102, 125, 434, 646, VI, 621, 662; *со свекро́вей* — V, 101, 374, 480, 641, 730; *свекро́вюй* — V, 68; *со свекро́вой* — V, 91, 96, 130, 185, 280, 283, 373, 377, 389, 509, 513, 530, 689; *свекро́вой* — V, 49, 105, 116, 117, 121, 124, 127, 353, 371, 380, 391, 508, 512, 600, 607; VI, 668; *свекро́вою* — V, 512, 516, 517, 698; *свекро́вуй* — V, 56; *свекро́вьей* — V, 112, 382, 644, 716, 730; VI, 610, 639; БСТ, 945; *свекро́вьюй* — V, 190; VI, 267, 291; *со свекро́й* — V, 41, 574, 698, 709; предл. п. *о свекро́вы* — V, 130, 400; *о свекро́вьи* — V, 644). Наличие форм род. п. *свекро́ве* и дат.—предл. п. *свекро́вы*, *свекры́* может дать основание для предположения о том, что процессы образования инноваций у существительных с корнем *свекр-* происходили раньше процесса развития общей формы род.—дат.—предл. п. у существительных продуктивного типа склонения.

Наиболее широкое распространение в говорах русского языка получили формы, образованные по типу существительных на *-а*, у слов с основой *церкв-*. Так, форма *це́рква* известна говорам всей изучаемой территории, за исключением западной половины Костромской группы говоров и части говоров к северу и югу от Москвы (здесь и ниже см. карту 4 в приложении). Важно при этом отметить, что слово *це́рква* в исключительном употреблении наблюдается в большинстве говоров юго-западной диалектной зоны и в части говоров Вологодской группы. Форма *це́рква* могла возникать имманентно и в разное время на различных территориях говоров русского языка. Можно лишь предположить, что на территории говоров юго-запада, где она наиболее последовательно распространена, процесс ее образования начался, по-видимому, раньше, и эта форма могла со временем распространяться в северном направлении. На территории Рязанской группы говоров южного наречия русского языка, где до сих пор мы можем наблюдать сосуществование форм *це́рква* и *це́рковь*, этот процесс мог развиться позже. Таким образом, следует считать, что наиболее поздним этот процесс был на территории центральных говоров, на которой до настоящего времени сохранились значительные ареалы исключительного употребления формы *це́рковь*. Тот факт, что форма *це́рква* отсутствует на западной части территории Костромской группы говоров, дает возможность предположить, что эта форма распространялась с юга на территорию говоров центра в доста-

точно ранний период — до XV в., так как именно до этого времени ярославские говоры сохраняли свою обособленность и ранние инновации на их территорию не проникали. На территории вологодских говоров наиболее интенсивное развитие эта форма получила, видимо, в сравнительно позднее время, на этапе более изолированного их существования.

На юго-западе и в восточной половине изучаемой территории в говорах, где известна редукция гласных, отмечают наряду с формой *цéрква* в рассеянном распространении форму *цéркова*. В связи с этим не исключена возможность развития формы *цéрква* из *цéркова* в результате редукции и утраты заударного *о*.

Во многих говорах русского языка представлены слова с мягким *р* в корне. Мягкость *р* повлекла за собой в ряде случаев образование новой основы с мягким *-к-*, появившимся в результате процесса ассимиляции *цер'к'ив'-*, *цер'к'ов'-*. Эта основа может выступать как в исконных формах без окончания (см., например, *цéр'к'оф'* — БСТ, 1277, 1310, 1320, 1321, 1324, 1338, 1348, 1364, 1382; *цéр'к'иф'* — БСТ, 1311; ЮТ, 602, 709; VI, 735; *цéр'к'ъф'* — V, 261, 432, 486, 487), так и в новых формах с окончанием *-а*: *цéр'к'ивъ* — VI, 803.

Возможно, что в форме *цéр'к'в'а* (см. V, 588; ЮТ, 341, 406, 438, 737; VI, 141, 892) процесс ассимиляции согласных по мягкости захватил и согласный *в*.

Представленные в материалах формы косвенных падежей существительных с основой *цéрков'-* свидетельствуют в одних случаях о том, что существительное *цéрковь* представляет окончания, характерные для существительных женского рода с нулевой флексией: *цéркви* — VI, 427, 479, 509, 553; I, 135; *до цéркви* — VI, 408; I, 104; *в цéркви* — VI, 406, 419, 436, 489, 789, 870, 887, 889, 906, 921; I, 76; *к цéркви* — VI, 774, 800; *из цéркви* — VI, 779 и т. д.

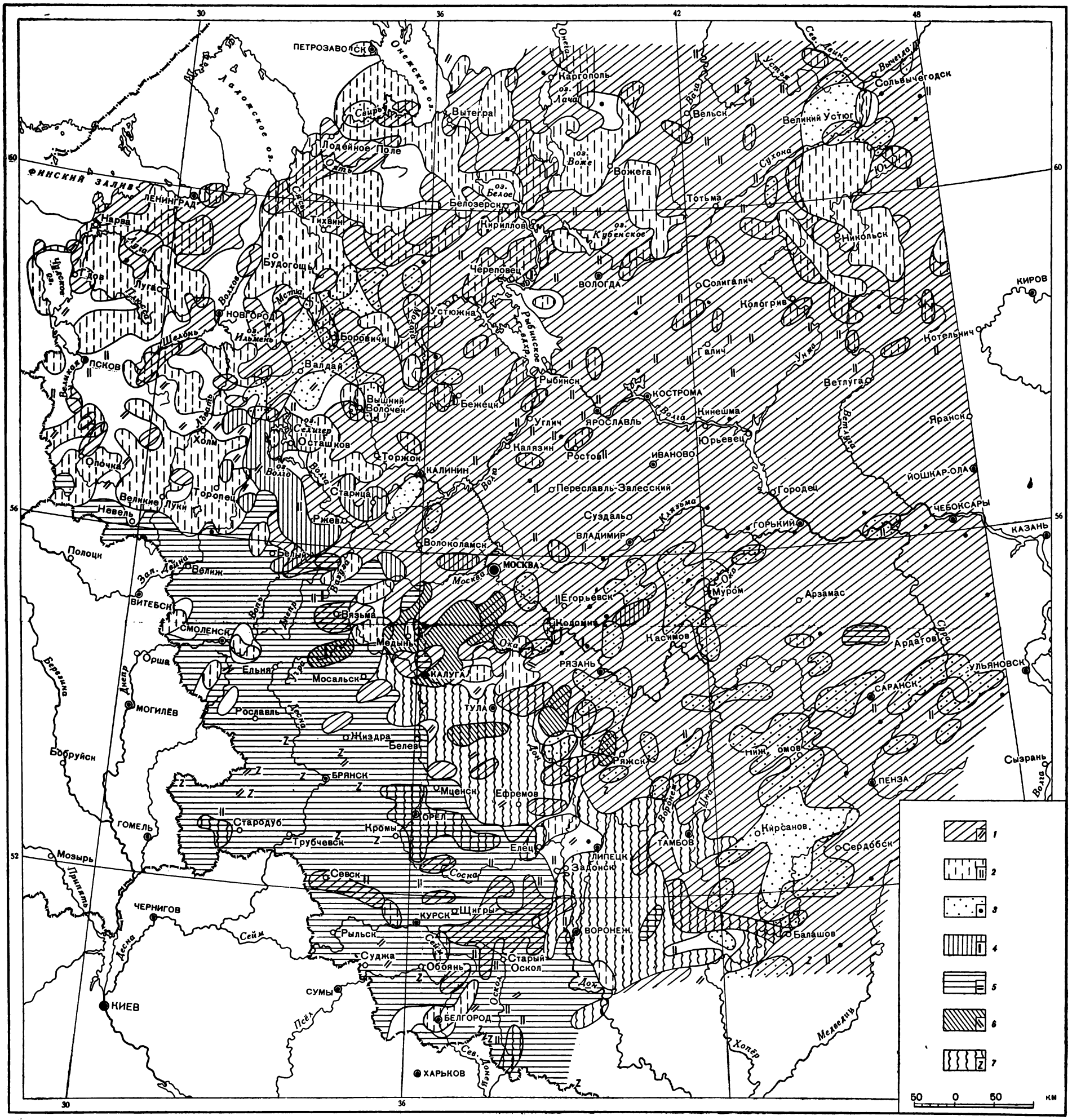
В других случаях они так же, как и формы им. п., свидетельствуют об употреблении в говорах слова *цéрква*, образованного по типу существительных женского рода на *-а*: *н'éту цéрквы* — VI, 411, 414; *из цéрквы* — VI, 831, 851; *ис цéрквы*, *крук цéрквы* — БСТ, 634, 643; *цéркву* — VI, 415, 433, 456, 533, 551, 558, 578, 608, 673, 717, 773, 873, 876; I, 94, 108; *в цéркву* — VI, 405, 408, 410, 420, 429, 487, 569, 570, 646, 704, 804, 831, 850, 857, 861, 902, 912, 927; I, 23, 89, 114, 185, 188, 216, 239; *за цéркву* — VI, 800, 839; *в цéркве* — БСТ, 477, 509, 616, 652, 760, 792, 828, 840, 923, 930, 933, 1177; *к цéркве* — БСТ, 937, 986; *на цéркве* — БСТ, 933; *по цéркве* — БСТ, 929 и т. д. В материалах представлены формы, позволяющие сделать предположение о том, что форма *цéрква* развилась раньше процесса образования синкретической формы род.—дат.—предл. п. у существительных на *-а*, ср., например, *цéркве нет* — V, 69; *в цéрквы* — БСТ, 544, 557; I, 94, 101, 177, 214; *к цéрквы* — I, 186.

Таким образом, изучение диалектного материала показало, что в образовании инноваций у рассмотренных нами существительных наблюдается общая для всех них черта — полный переход к продуктивному склонению существительных женского рода или усвоение отдельных падежных окончаний этого типа склонения. Соответствующие явления имеют в общих чертах и сходный характер распространения у существительных *морко́вь* и *свекро́вь*. У существительного *це́рковь* влияние продуктивного типа склонения отражено шире, и это может быть связано с различием в характере ударения существительных *морко́вь* и *свекро́вь*, с одной стороны, и существительного *це́рковь*, с другой. При всем этом можно предположить, как это показывает изучение характера распространения, что первоначальным очагом образования форм на *-а* для всех изученных нами существительных была территория юго-западных говоров, откуда в дальнейшем окончание *-а* распространялось в северном и восточном направлениях.

Инновации, наблюдаемые в характере основы этих существительных, могут иметь различия и в их распространении: в одних случаях видим сходство в распространении аналогичных новообразований, ср., например, распространение слов *морко́вка* и *свекро́вка*; в других выступает неоднородность распространения новых основ. Главной причиной этого являются различия в истории формирования самих говоров. Известно, например, что целый ряд ранних новгородских инноваций имеет сравнительно равномерный характер распространения по северной части территории, ср. распространение, которое имеют *морко́вка*, *свекро́вка*.

Различия в образовании и распространении новых основ изучаемых существительных могут быть связаны и с более частными причинами. Так, например, образование слов *морква́*, *мо́рква* оказалось возможным для русских говоров, в то время как слова типа *свекрва́*, *све́крва* по фонетическим причинам явились неприемлемыми, поскольку сочетание «согласный+сонорный+согласный» создает труднопроизносимую группу согласных. Образование новой основы иногда могло быть вызвано наличием ассоциаций лексико-семантического характера: так, возможно, слово *морко́шка* появилось по аналогии со словом *картошка*, и т. д. и т. п.

Все это повело к тому, что слова этой группы в ряде говоров входили в новые словообразовательные ряды и, утрачивая грамматическую связь друг с другом, получали самостоятельное и своеобразное развитие.

Карта 1. Формы именительного падежа существительного *морко́вь*

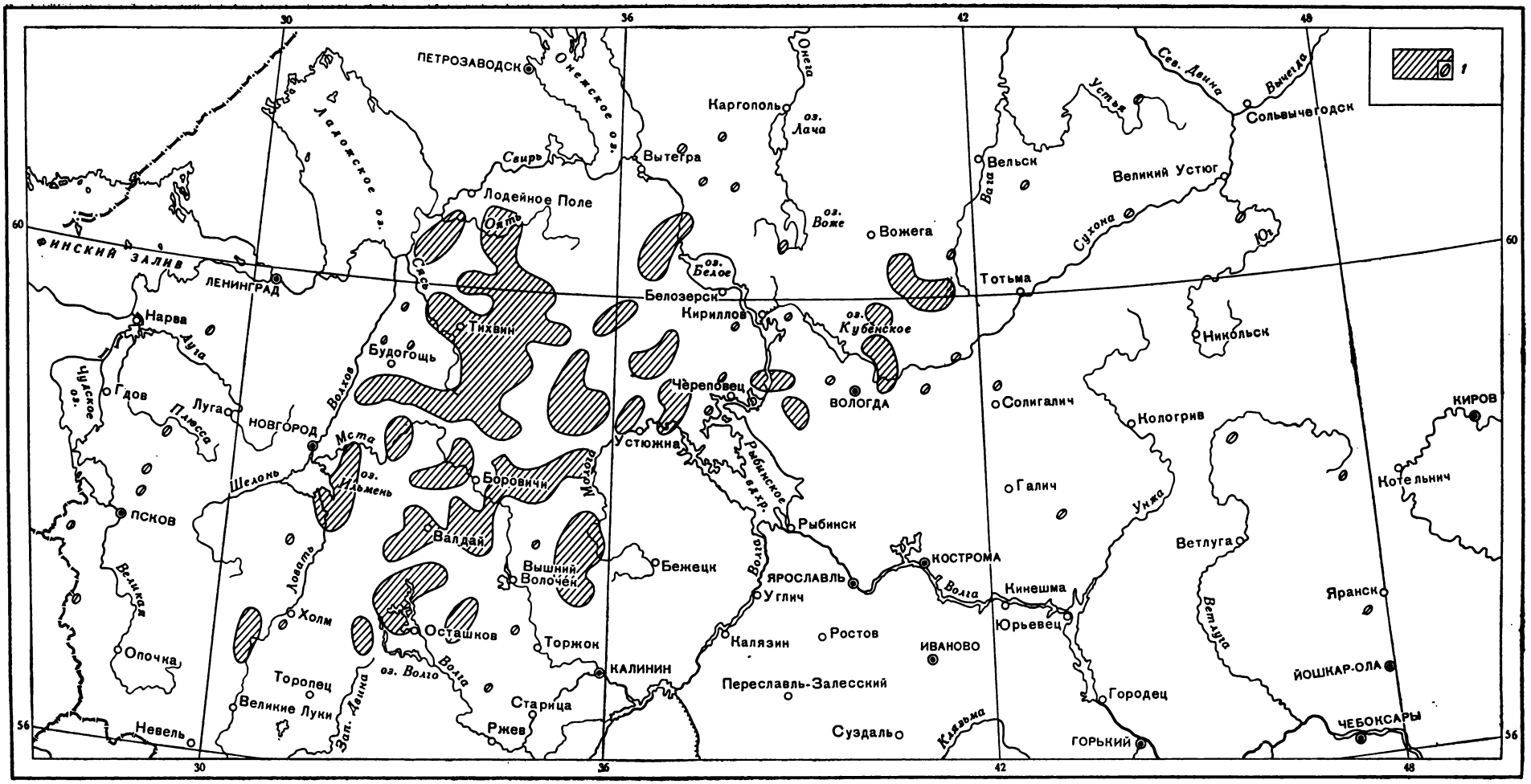
1 — морко́вь; 2 — морко́вка; 3 — морко́шка; 4 — морко́ва; 5 — мо́рква; 6 — мо́рковь; 7 — морква́

Карта 2. Формы именительного, родительного и винительного падежей существительного *свекровь*

1 — им. п. *свекро́вь* — род. п. *свекро́ви* — вин. п. *свекро́вь*; *2* — им. п. *свекро́ха* — род. п. *свекро́хи* и т. д.; *3* — им. п. *свекро́ва* — род. п. *свекро́вы* — вин. п. *свекро́ву*; *4* — им. п. *свекро́ва* — род. п. *свекро́ви* — вин. п. *свекро́ву*; *5* — им. п. *свекро́вка* — род. п. *свекро́вки* и т. д.; *6* — им. п. *свекро́вья* (*свекро́вя*) — род. п. *свекро́вьи* (*свекро́ви*) — вин. п. *свекро́вью* (*свекро́вю*); *7* — им. п. *свекро́й* — род. п. *свекро́ви* — вин. п. *свекро́й*; *8* — им., род., вин. п. *свекро́й*; *9* — им. п. *свекра́* — род. п. *свекре́* — вин. п. *свекро́ю*; *10* — им. п. *свекра́* — род. п. *свекро́й* — вин. п. *свекро́ю*

Заказ № 228

Карта 3. Распространение словоформы *свекрóвушка*

Карта 4. Формы именительного падежа существительного *це́рковь*

1 — це́рковь; 2 — це́ркви

Заказ № 228

Л. Н. БУЛАТОВА

ТВЕРДОСТЬ И МЯГКОСТЬ ЗАДНЕНЁБНЫХ СОГЛАСНЫХ КАК ИНДИКАТОР ФОНЕМНОГО СОСТАВА БЕЗУДАРНЫХ ОКОНЧАНИЙ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ФОРМАХ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА

01. В русском литературном языке прилагательные с основой на задненёбные согласные фонемы ‹к›, ‹г›, ‹х› в формах множественного числа имеют в исходе основы мягкие задненёбные звуки [к'], [г'], [х']: *ка*[к'и]*е*, *ка*[к'и]*х*, *ка*[к'и]*м*, *ка*[к'и]*ми*; *стро*[г'и]*е*. . .; *ти*[х'и]*е*. . . и т. п. Звуки [к'], [г'], [х'] в этих словоформах представляют собой позиционные вариации фонем ‹к›, ‹г›, ‹х› в положении перед фонемой ‹и›, которая в литературном языке является первым элементом окончаний прилагательных во всех падежных формах множественного числа. Такую же картину мы наблюдаем во многих русских говорах. Но есть говоры, где в указанных словоформах или в некоторой их части отмечаются в исходе основы твердые задненёбные звуки: например, *ка*[кы]*е*, *ка*[кы]*х*, *ка*[кы]*м*, *ка*[кы]*ми* или *ка*[ке]*и*, *ка*[ке]*х*, *ка*[ке]*м*, *ка*[ке]*ми*; *ти*[хы]*е*, *ти*[хъ]*е*, *ти*[ха]*е*, *ти*[хы]*х*, *ти*[хъ]*х*, *ти*[ха]*х* и т. п.

Различие между этими говорами и говорами, где в тех же словоформах отмечаются, как и в литературном языке, мягкие задненёбные, может относиться к разным уровням: фонетическому и морфологическому.

Сравним такие диалектные варианты словоформ, как *тон*[кы]*е*, *тон*[къ]*е*, *тон*[ка]*е* и *тон*[к'и]*е*, *тон*[к'ь]*е*; *тон*[кы]*х*, *тон*[къ]*х*, *тон*[ка]*х* и *тон*[к'и]*х*, *тон*[к'ь]*х* и т. п.

В одних случаях различие между ними определяется различным фонемным статусом твердых и мягких задненёбных согласных в соответствующих говорах (фонетический уровень). Так обстоит дело в тех говорах, где аналогичное соответствие по твердости—мягкости задненёбных наблюдается и перед ударными окончаниями: *ка*[кы́]*е* : *ка*[к'и́]*е*; *ка*[кы́]*х* : *ка*[к'и́]*х* и т. п. Твердость задненёбных в словоформах *ка*[кы́]*е* и т. п. свидетельствует, что в этих говорах задненёбные согласные входят в ряд фонем, противопоставленных по твердости—мягкости, причем положение перед фонемой ‹и› является для них сильным положением; ср. *ка*[кы́]*е* — *пе*[к'и́], дру[гы́]*е* — *но*[г'и́], *пло*[хы́]*м* — *пасту*[х'и́] [1]. Аналогичны различия и между говорами с твердыми и мягкими задненёбными

[1] Твердость задненёбных перед фонемой ‹и› отмечается изредка и в исходе основы существительных в некоторых переходных говорах, пограничных с БССР, но для чисто русских говоров это не характерно.

согласными перед окончаниями, начинающимися с фонем ‹е›: *ка*[ké]*е*, *дру*[ré]*е*, *су*[xé]*е* : *ка*[k'é]*е*, *дру*[r'é]*е*, *су*[x'é]*е* [2].

Но различие в твердости—мягкости задненёбных в исходе основы прилагательных с безударными окончаниями (*тбн*[кы]*е* и т. п. или *тбн*[к'и]*е* и т. п.) наблюдается и при одинаковом фонемном статусе задненёбных, а именно, в тех говорах, где твердые задненёбные позиционно чередуются с мягкими перед гласными переднего ряда: *ка*[ká]*я*, но *ка*[k'и́]*е* (или *ка*[k'é]*е*).

В этих случаях различие твердости—мягкости в диалектных вариантах словоформ типа *тонкие*, *тонких* не имеет самодовлеющего значения, а целиком определяется фонемным составом диалектных вариантов окончаний прилагательных (морфологический уровень), так же как различие твердости—мягкости задненёбных в исходе основы существительных в именительном падеже множественного числа: *со́*[k'и] : *со*[ká]; *оре́*[x'и] : *оре*[xá]; *сне*[r'и́] : *сне*[rá].

Если, тем не менее, твердость или мягкость задненёбного в исходе основы прилагательных с безударными окончаниями привлекает специальный интерес исследователя, то это потому, что в говорах с заударным вокализмом южного типа твердость или мягкость задненёбного согласного в исходе основы часто является единственным индикатором фонемного состава безударных окончаний прилагательных.

Так, на территории, где в конечном закрытом заударном слоге после твердых согласных фонемы ‹и›, ‹а›, ‹о› [3] совпадают в звуках [ъ], [а] или [ы] (*вы́мъл*, *ра́мъм*, *дбмъм* или *вы́мал*, *ра́мам*, *дбмам* или *вы́мыл*, *ра́мым*, *дбмым*), окончания словоформ *б'е́лъх* (*б'е́лах* или *б'е́лых*), *б'е́лъм* (*б'е́лам* или *б'е́лым*) должны быть по-разному интерпретированы в зависимости от твердости или мягкости задненёбных согласных в исходе основы соответствующих форм: *б'е́лъх* (*б'е́лах*, *б'е́лых*) и *тонк'их* (*тбнк'ъх*) — окончание начинается с фонемы переднего ряда, которая имеется в этом говоре в ударном окончании; *б'е́лъх* (*б'е́лах*, *б'е́лых*) и то́нкъх (*тбнках*, *тбнкых*) — окончание начинается с фонемы заднего ряда.

На той же и даже на более широкой территории фонемы ‹и›, ‹а›, ‹о› после твердых согласных совпадают и в открытом неконечном заударном слоге. Они совпадают в этом положении в редуцированном звуке, который в одних говорах может быть ближе к [а], а в других — к [ы]. В ответах на диалектологическую про-

---

[2] Ср.: *Н. Н. Пшеничнова.* Некоторые фонетико-морфологические особенности говоров к югу и юго-западу от Онежского озера. — В кн.: «Очерки по фонетике севернорусских говоров». М., 1967, стр. 134—136.

[3] Во многих южнорусских говорах в заударном положении в определенных условиях совпадают все гласные фонемы (см.: *Л. Л. Касаткин.* Новая ступень в развитии системы гласных русского языка. — В кн.: «Развитие фонетики современного русского языка». М., 1971, стр. 255—257). Но поскольку фонема ‹у› никогда не встречается в окончаниях множественного числа имен, о ней в этой статье не говорится.

грамму эти звуки передаются знаками *а*, *ъ*, *ы*, *ъ*[а] и *ъ*[ы]. Фонематическая интерпретация безударных окончаний именительного и творительного падежей множественного числа, в которых первая гласная находится в положении открытого неконечного слога, также невозможна в этих говорах без обращения к прилагательным с основой на задненёбные согласные: ср. *б'ёлъм'и* и *тóнк'им'и*; *б'ёлъм'и* и *тóнкъм'и*; *б'ёлъи* и *тóнк'ии*; *б'ёлъи* и *тóнкъи*.

1.0. В статье рассматривается, какие указания на фонемный состав безударных окончаний прилагательных в формах множественного числа можно извлечь из твердости или мягкости предшествующего задненёбного согласного [4]. Как это уже ясно из предшествующего изложения, существенно, в каких морфонологических классах прилагательных (с ударением на окончании или основе) отмечается твердость задненёбных согласных в исходе основы. Не менее существенно, в каких падежных формах она отмечается. Поэтому прежде всего будут рассмотрены (на материале диалектологического атласа) различные типы распределения твердых задненёбных согласных в парадигмах множественного числа прилагательных с ударением на основе и окончаниях.

При установлении различных типов учитывались не столько данные отдельных ответов, которые, как правило, страдают неполнотой, сколько лингвогеографические данные, корректирующие неполноту отдельных ответов.

Как известно, неполнота ответов бывает двух видов: очевидная неполнота (нехватка материала по отдельным падежным формам) и скрытая неполнота. Это такой дефект материала, когда два или более сосуществующих в говоре варианта парадигмы представлены в ответе каждый разными членами, из-за чего возникает иллюзия реально не существующего варианта. Так, например, в ответе одни падежи зафиксированы с твердыми, а другие — с мягкими задненёбными (*тóнках*, *тóнкам*, но *тóнк'ии*, *тóнк'им'и* или *тóнк'ии*, *тóнк'их*, *тóнк'им*, но *тóнкам'и* и т. п.). При небольшом материале (а в ответах редко бывает больше двух примеров на один падеж) нельзя судить, отражает ли это соотношение реальное распределение твердых и мягких задненёбных по падежам, или же это случайные обрывки сосуществующих в говоре

[4] Способ распознавания безударных фонем с учетом позиционного варьирования предшествующих согласных широко применяется в русистике начиная с «Очерка грамматики русского литературного языка» Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова (М., 1945), где таким путем определяется окончание в словах типа *армяне*, *граждане*, *бояре* и т. п. Особенно широкое применение этот способ получил в диалектологических работах. Он используется для различения безударных окончаний *-е* и *-и* в род., дат. и предл. падежах существительных на *-а*; для различения окончаний *-ами* и *-ими* в твор. падеже мн. ч. существительных; окончаний *-ом* и *-им* в твор. и предл. падежах прилагательных в муж. и ср. роде; глагольных суффиксов *-ова* и *-ива*. В последних трех случаях индикаторами являются основы на задненёбные согласные, а в первом случае — основы на твердые согласные, имеющие парную мягкую согласную фонему.

парадигм (с твердыми и мягкими задненёбными согласными в исходе основы во всех падежах).

Лингвогеографические данные о твердости задненёбных согласных в разных формах и в разных классах прилагательных корректируют неполноту ответов обоих типов. С одной стороны, отделяются типичные соотношения от случайных, отражающих чаще всего скрытую неполноту материала, реже — особый характер говора. С другой стороны, возникает возможность интерпретировать явно неполные ответы. Так, если в одном ответе твердые задненёбные согласные отмечаются только в одном падеже, а по остальным падежам материал не приводится, то никакой закономерности вывести нельзя. Однако, если таких ответов много и материал их вписывается в один ареал вместе с материалом более полных ответов, можно считать это неслучайным. Опущенные словоформы, по-видимому, содержат мягкие задненёбные, так как известно, что даже опытные наблюдатели больше фиксируют те словоформы, где есть какие-либо диалектные особенности. Разумеется, при этом нельзя забывать и о других факторах, которые могут влиять на неравномерное отражение в ответах разных форм, в том числе о различной частотности этих форм в речи.

Приложенная к статье карта охватывает территорию трех региональных атласов — южную часть всей территории Диалектологического атласа русского языка [5]. В северной части его территории твердость задненёбных согласных в интересующих нас формах отмечена лишь в немногих нас. п.

Недостатком карты является то, что на ней показаны только формы с твердым задненёбным согласным в исходе основы. Однако показать и твердые и мягкие задненёбные согласные в двух морфонологических классах с учетом дифференциации по падежам — значило бы слишком перегрузить карту, сделать ее плохо читаемой.

1.1. Данные отдельных ответов на диалектологическую программу и лингвогеографические данные, взаимно друг друга корректируя, позволяют выделить следующие типы распределений твердых задненёбных согласных в парадигмах множественного числа прилагательных.

1) Твердые задненёбные согласные отмечаются в исходе основы всех падежных форм множественного числа как у прилагательных с ударными, так и с безударными окончаниями. Например: *такы́йи выйска́*, *такы́йъ кбл' цы* (наряду с *как'ййи* и с *как'е́и-н'ибут'*), *в'ил'и́кыйи*; род. п.: *н'икакы́х пр'идм'е́тъф*, *н'икакы́х зъуатбвък*, *ат вс'а́кых рабо́т*; дат. п.: *другы́м*, *кой-какы́м*; твор. п.: *с м'е́лкым'и*

[5] При составлении этой карты использованы следующие карты региональных атласов: «Атлас русских говоров центральных областей к западу от Москвы», карты № 190, 191, 196, 197 (автор А. К. Васильева); «Атлас русских говоров центральных областей к югу от Москвы», карты № 166, 168 (автор Л. Н. Булатова).

д'ит'ám'и (материал ответа по д. Косичино Людвинского р-на Калужской обл.).

Безударные окончания здесь имеют такой же фонемный состав, как и ударные. Твердые задненёбные согласные не претерпевают позиционных изменений перед фонемой ‹и›.

Такой тип распределения твердых задненёбных согласных образует наиболее компактный ареал на территории Верхне-Деснинской группы и примыкающих к ней межзональных говоров.

2) Твердые задненёбные согласные отмечаются только у прилагательных с безударными окончаниями (во всех падежах).

Этот тип распределения может быть проиллюстрирован говором с. Сторожевое Больше-Солдатского р-на Курской обл., в ответе по которому приведен следующий материал: им. п. *как'ийа иáйцы, мáл'ин'кыи*; род. п. *малбд'ин'кых*, но и *мал'ýн'ьн'к'их* (в говоре отмечается прогрессивное смягчение ‹к›: *М'йт'к'а, хав'айк'а, п'ен'к'ý* и т. п.); предл. п.: *w тбнк*[*а*]*х*; дат. п.: *па тбнк*[*а*]*м*; тв. п.: с *тбнк*[*а*]*м'и*.

О таком же распределении твердых задненёбных, по-видимому, свидетельствуют и такие ответы, где прилагательные с ударением на основе приводятся с твердыми задненёбными, а прилагательные с ударными окончаниями и основой на задненёбный согласный не приводятся совсем. Таков, например, ответ по с. Пушкарное Суджанского р-на Курской обл., где находим *в'исóкъйи, ис тбнкъх, ýй тбнкъх, к тбнкъм, с тбнкъм'и*. Поскольку прилагательные *какие, такие, другие, плохие* более частотны в речи, чем *тонкие*, и среди них также есть программные примеры, то отсутствие этих прилагательных в ответе свидетельствует, по-видимому, что в их формах множественного числа нет диалектных черт.

Звуки [ъ] и [а], отмечаемые в безударных окончаниях множественного числа в говоре с. Пушкарное (*из б'éлъ*^{а}*х, ýй ч'óрнах, к с'éрам*), могут представлять по законам вокализма этого говора разные фонемы, в том числе и фонему ‹и›, которая начинает соответствующие ударные окончания (*ат худы́х, у худы́х, к мълады́м, с худы́м'и*), ср. отмеченные в этом говоре *вы́бъл, вы́мъ*^{а}*л*. Но твердость задненёбных согласных перед безударными окончаниями свидетельствует, что эти окончания в отличие от ударных начинаются с фонемы заднего ряда.

Ограничить ареал этого типа распределения твердых задненёбных труднее, чем ареал первого типа. Ответов, где бы приводились все падежные формы данного класса прилагательных, немного. Но представляется правомерным видеть отражение этого типа и в неполных материалах, если сочетания разных падежей, в которых отмечается твердость задненёбных согласных, образуют чересполосицу. Если это предположение верно, то основным ареалом данного типа нужно считать территорию к югу от ареала первого типа. Кроме своего основного ареала, этот тип распространен также и на территории, где преобладают другие типы.

3) Твердые задненёбные согласные отмечаются только в именительном падеже прилагательных с безударными окончаниями. Например: *сух'и́йи ст'ёп'и*; *дъ как'и́х пор*; *ис тбнк'их вир'бу́к*; *у в'исбк'их дама́х*, *у л'бу'ин'к'их*; *к пал'ск'и́м д'ёу́към*; *к в'исбк'им па́лкъм*; но: *улуббкъйи парбу'и*, *йу́пк'и свбjскъйи*, *в'исбкъйи навбйи*, *кр'ист'йа́н'и ба́рскъйи*, *карс'ётк'и карбткъйи* (материал ответа по д. Знаменское Измайловского р-на Орловской обл.). В этом говоре с гласной фонемы заднего ряда начинается только безударное окончание именительного падежа множественного числа.

К территориальному отграничению этого типа распределения твердых задненёбных от предыдущего типа нужно подходить с осторожностью. По-видимому, не всюду, где твердые задненёбные отмечены только в именительном падеже множественного числа, это отражает реальный тип распределения. Следует учитывать, что в силу различных причин, на которых здесь не стоит останавливаться, материал по именительному падежу множественного числа, как правило, бывает в ответах богаче, чем по косвенным падежам.

Реальность этого типа несомненна там, где на карте наблюдаются наиболее плотные его ареалы: например, к северу от Ливен и западу от Ельца, а также в некоторых других районах к юго-востоку от ареала первого типа и к востоку от второго типа распределения твердых задненёбных — в целом, в юго-восточной части ареала твердых задненёбных согласных в формах множественного числа прилагательных.

4) Твердые задненёбные согласные отмечаются только в косвенных падежах прилагательных с безударными окончаниями. Этот тип может быть проиллюстрирован ответом по д. Селище Пречистенского р-на Смоленской обл.: им. п. *дыраγ'и́йи д'ётк'и*, *плах'и́йи*, *сы́т'ин'к'ийа*, *н'икыла́иф'с'к'ийа*, *маскбф'ск'и* (в говоре не отмечено прогрессивное смягчение, так что мягкость *к* здесь объясняется не позицией после мягкого, а позицией перед гласной фонемой ‹и›); *тбнкых*, *тбнкым*, *тбнкым'и*.

Гласный [ы] в заударном положении в конечном закрытом слоге и в неконечном слоге может представлять в этом говоре фонемы ‹и›, ‹а› и ‹о› (ср. *вы́ткым'и*, *вы́мый*, *т'ил'атык* и т. п.), но твердость задненёбного в *тбнкых*, *тбнкым*, *тбнкым'и* указывает, что безударные окончания косвенных падежей начинаются с гласной заднего ряда.

Такой тип распределения твердых задненёбных согласных наиболее отчетливо выявляется к западу и к северо-западу от ареала первого типа (в северной части Западной группы и прилегающей к ней части Верхне-Днепровской группы), а также в виде небольших ареалов отмечается в говорах к востоку от Рязани, в ряде русских говоров Мордовской АССР и около Калинина.

Кроме этих четырех типов, которые можно считать основными, представляются реальными также следующие два типа, хотя они и не имеют компактных ареалов.

5) Твердые задненёбные согласные отмечаются только в безударных окончаниях именительного и творительного падежей множественного числа. Таков говор с. Выползово Солнцевского р-на Курской обл., дважды обследованный по диалектологической программе, причем в материале обоих обследований твердые задненёбные согласные отмечаются в одних и тех же падежах: *сух'ија дравá, как д'ик'ии, ат γлáтк'их, ис тóнк'их*, но *γлáткаи, с тóнкъм'и* (перв. обсл.); *так'ији сóхи, как'ији јáγъды* и т. п.; *так'úх трав, н'икак'úх з'в'ир'éј, в другγ'úх д'ир'ивн'áх*, но *махóтк'и ус'áкъји, јýпк'и шырóкаји, с аборкъм'и шырóкъм'и* (повт. обсл.). Приведенная здесь же словоформа *б'ел'ин'к'ији* непоказательна, потому что в говоре отмечается прогрессивное смягчение ‹к›, ср. *тóл'к'а, пýн'к'а* и т. п.

Такой тип отмечается в рассеянном распространении на территории Курско-Орловской группы и к востоку от нее.

6) Твердые задненёбные согласные отмечаются только в творительном падеже прилагательных с безударными окончаниями. Так, по-видимому, этот тип имеется в говоре д. Ягодное Курмышского р-на Горьковской обл., в ответе по которому приводится: им. п. *плох'éи карóвы, как'éи, глух'éи, нидорог'éи, сух'éиъ дровá*; род. п.: *ис тóнк'их*; предл. п.: *ф тóнк'ъх*; дат. п.: *плох'éм карóвъм, по тóнк'им жерд'áм*; но в твор. п.: *с тóнкъм'и рагáм'и, с кр'éпкъм'и м'ешкáм'и*. Отсутствие примеров на безударные окончания именительного падежа не мешают нам видеть здесь именно указанный тип распределения, потому что на всей окружающей территории именительный падеж отмечается только с мягкими согласными.

Такой тип наиболее явно проявляется в среднерусских говорах к востоку от Москвы, но, может быть, он имеется и на другой территории, где его трудно отличить от неполно представленных других типов.

В материале диалектологического атласа есть указания на существование и других типов, которые ввиду их редкости и недостаточной изученности здесь не рассматриваются. Так, например, не рассматриваются говоры, где у прилагательных с ударными окончаниями твердость задненёбного согласного отмечается только в именительном падеже в связи с тем, что окончания именительного и косвенных падежей начинаются с разных фонем (*какéи*, но *как'úх* и т. п.).

1.2. В предыдущем разделе было показано, что в говорах с заударным вокализмом южного типа, при наличии позиционного смягчения задненёбных согласных перед гласными переднего ряда, твердость или мягкость задненёбного согласного в исходе основы может быть индикатором фонемной принадлежности гласного звука, который произносится в начале окончания. Но этот индикатор указывает не на конкретную фонему, а лишь на группу, к которой принадлежит данная фонема: мягкий задненёбный со-

гласный сигнализирует о гласной фонеме переднего ряда, а твердый задненёбный — о гласной фонеме заднего ряда.

Если известно, что окончание той или иной формы множественного числа прилагательных начинается с гласной фонемы переднего ряда, то дальнейшая конкретизация ее определения не представляет труда. Эта фонема проверяется по соответствующему ударному окончанию.

Для окончаний, начинающихся с фонемы заднего ряда, такой проверки нет, потому что ударные окончания множественного числа прилагательных начинаются с гласных фонем переднего ряда: ‹и› или ‹е›. Возможна ли в этих условиях дальнейшая конкретизация фонемного состава окончаний?

Прежде чем ответить на этот вопрос отрицательно, нужно проверить, нельзя ли извлечь косвенные указания о фонемном составе данного окончания из всей системы окончаний в именных парадигмах множественного числа [6].

В говорах, где, судя по показаниям задненёбных согласных, только в косвенных падежах окончания начинаются с гласной фонемы заднего ряда, эта фонема может быть определена как ‹а›. Так, окончания дательного, предложного и творительного падежей могут быть отожествлены с соответствующими окончаниями существительных на том основании, что 1) эти окончания связаны между собой по значению; 2) состав остальных фонем в каждой паре одинаков: ср. *тонк(ʔ)м ниткам*; *тонк(ʔ)ми нитками*; *на тонк(ʔ)х нитках*.

Окончание родительного падежа (и совпадающих с ним форм) не может быть непосредственно отожествлено по фонемному составу с соответствующим окончанием существительных (*-ов (-ох)*, *-ej*, *-Ø*), но и для него можно установить фонему ‹а› через его отношение к предложному падежу:

$$\frac{\text{род. } худы́х\ (худе́х)}{\text{предл. } худы́х\ (худе́х)} = \frac{\text{род. } тбнк(ʔ)х}{\text{предл. } тбнках}$$

Естественно, что в говорах, где с гласной фонемы заднего ряда начинается только окончание творительного падежа множественного числа, эта фонема также должна быть определена как ‹а›.

Представляется возможным интерпретировать первую фонему в безударных окончаниях множественного числа как фонему ‹а› и для говоров, где с фонемы заднего ряда начинаются все безударные окончания, включая и именительный падеж (по крайней мере для той части этих говоров, которая находится в пределах основного ареала распространения данного типа). Если в говоре ударные окончания именительного и косвенных падежей начинаются с одинаковой гласной, а для основного ареала распро-

---

[6] Подробнее этот вопрос освещается мною в специальной статье. См. также: *Н. А. Янко-Триницкая.* Определение гласной фонемы во флексии по парадигме слова. — В кн.: «Развитие фонетики современного русского языка». М., 1971, стр. 286—291.

странения этого типа такое условие соблюдается, то для таких говоров может быть составлена пропорция, аналогичная той, которая демонстрировалась для родительного падежа: *худы́е* : *худы́х* : *в худы́х* ; *худы́м* : *худы́ми*=*тонк(?)е* : *тбнках* : *в тбнках* : *тбнкам* : *тбнками*.

В говорах, где твердые задненёбные согласные отмечаются только в форме именительного падежа, следует говорить о гиперфонеме ‹а/о› в начале безударного окончания этого падежа.

1.3. До сих пор говорилось о твердости—мягкости задненёбных как об индикаторе начальной фонемы окончания, одинаковой для безударного окончания данной формы любых прилагательных, относящихся к регулярному типу склонения (с основой на задненёбный и незадненёбный согласный), но выявляющейся только у прилагательных с основой на задненёбный согласный.

Однако в некоторых говорах окончания этих двух классов могут и расходиться. По-видимому, именно таков говор д. Троица Сафоновского р-на Смоленской обл. В ответе по этому нас. п. приведен такой материал: *ат рбзных*, *б'е́лых*, но *с тбнкъх*, *з л'бхкъх п'ёр'йоф*; *в ра́зных в'ъдра́х*, *в б'е́лых*, но (*в*) *тбнкъх платка́х*; *к рбзным в'ъдра́м*, *к б'е́лым*, но *к тбнкъм пру́т'т'ам*, *к л'бхкъм*; *з рбзным'и въдра́м'и*, но *с тбнкъм'и н'и́ткам'и*. Для разграничения этих говоров с теми, где оба класса прилагательных имеют общие окончания, требуется более детальное изучение заударного вокализма говоров описываемой территории.

2.1. В диалектологической литературе уже обсуждался вопрос о возникновении безударных окончаний *-аи*, *-ах*, *-ам*, *-ами* [7]. При этом недифференцированно рассматривались такие говоры, где окончания множественного числа содержат фонему ‹а›, о чем свидетельствует твердость предшествующего задненёбного согласного звука, и такие говоры, где в окончаниях множественного числа произносится звук [а], но нет оснований говорить о фонеме ‹а›, так как этот звук может быть позиционным вариантом фонемы ‹и› (см. выше, стр. 157). Такое неразличение этих понятий естественно, поскольку речь идет о работах дофонологического периода.

С. П. Обнорский объяснял возникновение окончания *-аи* так же, как и окончания *-ajy* в винительном падеже женского рода, действием закона диссимиляции, распространявшегося не только на предударный, но и на заударные слоги в говорах с диссимилятивным яканьем. Те же условия, по его мнению, вызвали и появление окончания *-ами* в творительном падеже прилагательных. Гласный *а* в окончаниях остальных косвенных падежей он объяснял влиянием именительного падежа, возражая против другого объяснения, выдвинутого в работах Е. Ф. Карского и Н. Н. Дурново, которые видели причину возникновения окончаний *-ах*,

[7] См.: *С. П. Обнорский*. Заметки по русской диалектологии. «Slavia», Praha, 1929, ročn. 7, seš. 4.

-ам, *-ами* во влиянии со стороны существительных, ставшем возможным благодаря редукции окончаний. Это объяснение казалось С. П. Обнорскому: 1) недоказуемым; 2) неспособным объяснить гласный *а* в окончаниях именительного и родительного падежей. Данные диалектологического атласа заставляют думать, что и фонетическая база и морфологические причины, а следовательно и механизм возникновения безударных окончаний, начинающихся с гласной фонемы заднего ряда ‹а› (или ‹а/о›), были неодинаковы в различных говорах.

Гипотеза С. П. Обнорского хорошо объясняет возникновение такой системы, при которой с гласной фонемы заднего ряда начинаются окончания только именительного и творительного падежей множественного числа. По-видимому, гипотеза С. П. Обнорского приложима и к тем говорам, где с фонемы заднего ряда начинается только окончание именительного падежа.

Знаменательно, что оба типа отмечаются на одной территории (см. карту). Различие в дальнейшей судьбе окончаний именительного и творительного падежей могло иметь свои причины, например, влияние на творительный падеж окончаний остальных косвенных падежей.

Отдавая должное гипотезе С. П. Обнорского, нельзя, в то же время, видеть в ней универсальное объяснение происхождения окончаний множественного числа, начинающихся с гласной фонемы заднего ряда. Так, для говоров, где фонема ‹а› отмечается только в окончаниях косвенных падежей, более убедительной представляется гипотеза Е. Ф. Карского и Н. Н. Дурново [8]. Окончания с фонемой ‹а› возникли в говорах под влиянием существительных и поэтому отмечаются именно в тех падежах, где имеются общие элементы с однопадежными окончаниями существительных. Фонетической базой для такого отожествления послужило совпадение фонем ‹и› и ‹а› в заударном положении после твердых согласных.

Что касается окончания родительного падежа, то фонема ‹а› возникла здесь не непосредственно под влиянием существительных, а через посредство предложного падежа, который в парадигме

[8] Следует отметить, что мысль Н. Н. Дурново о возникновении окончаний *-ах*, *-ами*, *-ам* в результате «приспособления склонения прилагательных к склонению существительных», которое «произошло только в тех случаях, где падежные окончания представляли уже сами по себе наибольшее сходство с падежными окончаниями существительных» («Описание говора дер. Парфенок Рузского уезда Московской губернии». Варшава, 1903, стр. 157—158), очень справедливая для говоров, которые мы рассматриваем, по отношению к говору Парфенок, действительно, недоказуема, как утверждал С. П. Обнорский. Безударные окончания прилагательных с основой на твердый незадненёбный согласный произносятся в этом говоре с гласным [ъ], проясняющимся в [а]. Но так же произносятся и словоформы *вы́мът*, *вы́мъл*. Следовательно, и звуки [ъ], [а] в окончаниях прилагательных могут быть позиционными вариантами фонемы ‹и›. Что же касается прилагательных с основой на задненёбные согласные, то они свидетельствуют в пользу фонемы ‹и›: *савéлискиу дифчóнăк*, *слáтким ричáм* и т. п.

множественного числа прилагательных имеет одинаковое окончание с родительным падежом.

Те говоры, где фонема ‹а› в безударных окончаниях множественного числа прилагательных присутствует во всех падежных формах, представляют следующую стадию процесса. В этих говорах сначала появилась фонема ‹а› в косвенных падежах, как в рассмотренных выше говорах, а потом она обобщилась и на именительный падеж под влиянием ударных окончаний, которые во всех падежах начинаются с одной гласной.

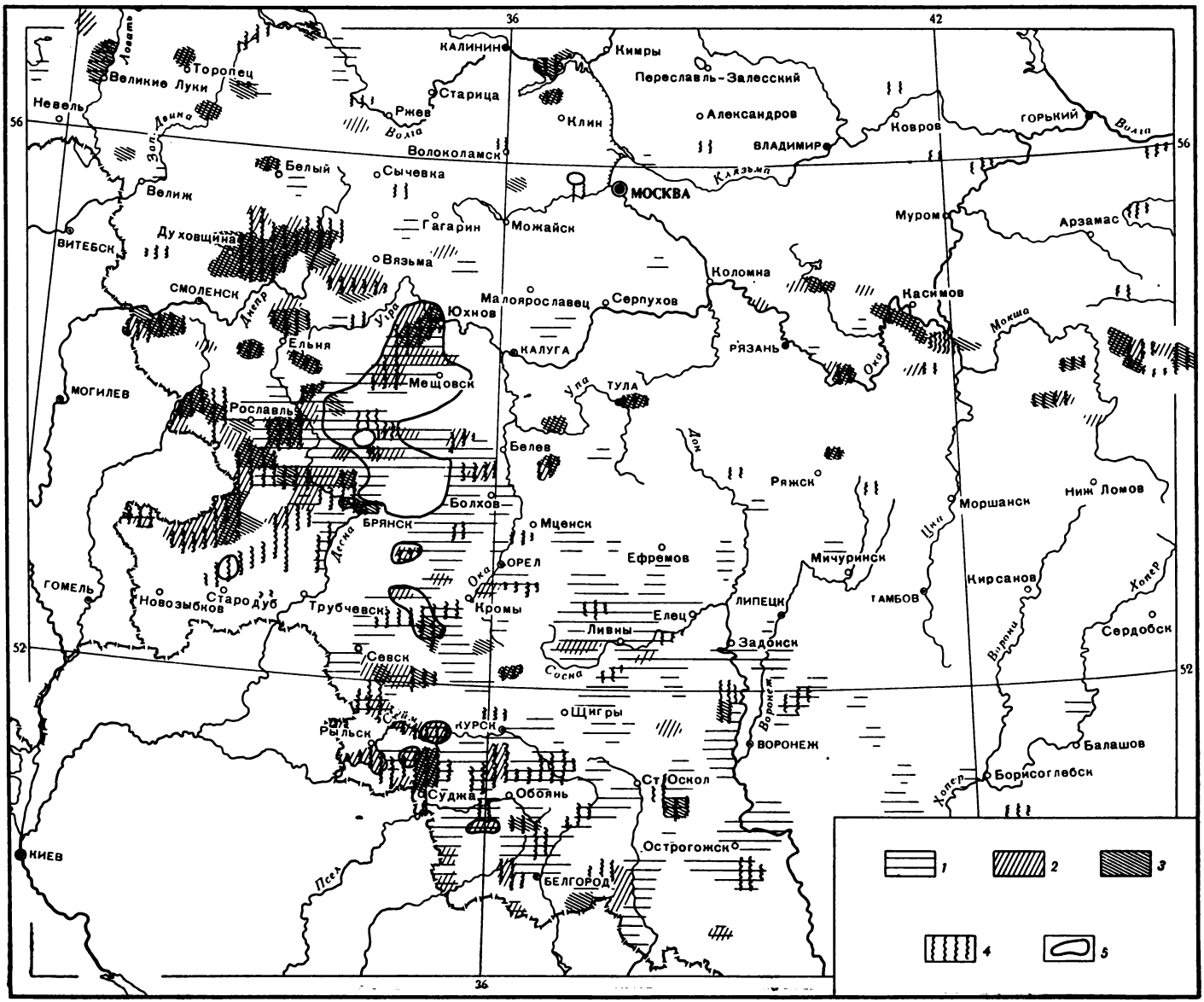
Хочется обратить внимание на то, что процедура, при помощи которой мы уточняли фонему заднего ряда в безударных окончаниях, отражает одновременно и механизм появления этой фонемы в данных окончаниях во многих говорах.

В то же время нельзя отрицать возможность и того объяснения возникновения парадигмы с фонемой ‹а› во всех падежах, которое выдвинуто С. П. Обнорским. Оба процесса, начавшихся с разных концов, могли сойтись в конечном результате. В обоих случаях действовала тенденция восстановить единство начальной фонемы всех падежных окончаний по образцу ударных окончаний.

В говорах, где фонема ‹а› в окончаниях косвенных падежей не обобщалась на именительный падеж, или не было соответствующего образца, или были причины, препятствующие выравниванию безударных окончаний по образцу ударных. Не было образца для обобщения первой фонемы во всех падежах в тех западных говорах, где ударное окончание именительного падежа начинается с фонемы ‹е›, а окончания косвенных падежей — с фонемы ‹и›, например: *сух'е́*[*и*] (или *сухе́*[*и*]), но *сух'их* и т. п.

В качестве одного из условий, которые могли препятствовать обобщению фонемы ‹а› во всех падежах, можно назвать стяжение: стяженное окончание именительного падежа множественного числа *-и* (*-ы*) совпадает с одним из алломорфов соответствующего окончания существительных. Поэтому в говорах, где косвенные падежи прилагательных приобретают в окончаниях ‹а› под влиянием существительных, эта же причина должна содействовать сохранению ‹и› в именительном падеже. Так, например, можно объяснить наличие четвертого типа в некоторых русских говорах Мордовской АССР.

Остается сказать о говорах, где фонема ‹а› отмечается только в окончании творительного падежа. Наиболее достоверно такая закономерность отмечается на той территории, где в творительном падеже множественного числа существительные с основой на задненёбный согласный имеют окончание *-им'и*. Под влиянием литературного языка или соседних говоров это окончание вытесняется окончанием *-ам'и*. При этом привычное для этих говоров единство окончания творительного падежа у существительных и прилагательных сохраняется: замена окончания *-им'и* на *-ам'и* у существительных вызывает такую же замену и у прилагательных.

Карта. Твердость задненёбных согласных в исходе основы прилагательных в формах множественного числа

1—4 — твердые задненёбные в прилагательных с безударными окончаниями: *1* — в форме им. п. мн. ч., *2* — в форме род. или предл. п. мн. ч., *3* — в форме дат. п. мн. ч. (и твор. п. при его совпадении с дат. п.), *4* — в форме твор. п. мн. ч. (при его несовпадении с дат. п.).

5 — в формах мн. числа прилагательных с ударными окончаниями

Фонетические предпосылки для переосмысления фонологического состава окончаний имеются на значительно более широкой территории, чем основные ареалы говоров с окончаниями *-а*[и] или *-ах*, *-ам*, *-ам'и*. Реализация этой потенциальной возможности именно в тех, а не в других говорах должна объясняться наличием каких-то дополнительных факторов (по-видимому, различных для разных территорий), которые еще нуждаются в исследовании.

Требуется также более детально рассмотреть различные возможности фонематической интерпретации безударных окончаний прилагательных применительно ко всему разнообразию диалектных условий, в частности применительно к разным системам южнорусского заударного вокализма, которые пока еще недостаточно изучены.

И. Б. КУЗЬМИНА, Е. В. НЕМЧЕНКО

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ КЛАССА ОДНОСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ГОВОРАХ

Данная статья посвящена группе односоставных предложений, выделенных по формальному признаку, — предложениям, предикативная основа которых включает в себя родительный падеж имени. На основании собранных к настоящему времени материалов представляется возможным выделить для современных говоров десять структурных схем предложений с родительным падежом:

I. генитив+слово (сочетание слов) с количественным значением (*Наречиев много*; *У нее трое детей*; *Одного рогатого скота сто коров*).

II. генитив (*Ой, смеху!*);

III. генитив+(отрицание) глагол в форме 3 л. ед. ч. (*Комаров налетит*; *Молока-то не хватит)*;

IV. генитив+наречие или предложно-падежное сочетание (*Ему всего доступно*; *Таких теперь не в моде)*;

V. генитив+(отрицание) причастие (*Воды наношено*; *А скаковых лошадей не разведено)*;

VI. генитив+(отрицание) предикатив (*Дождю надо*; *Земли не видно)*;

VII. *нет*+генитив (*Нету хорошей погоды*);

VIII. генитив+*нет*+причастие (*А дяди-то нету приехатчи*; *Пастуха-то нету нанято)*;

IX. отрицание+генитив (*Ни звуку*; *Ничего хорошего*);

X. генитив+инфинитив с отрицанием (*Глаз не продрать*).

Две из этих десяти синтаксических моделей (IV, VIII) принадлежат к числу различительных диалектных элементов: конструк-

ции типа *Ему всего доступно*; *А дяди-то нету приехатчи* встречаются только в некоторых русских говорах. Остальные структурные схемы присущи всем русским говорам, а также и литературному языку [1]. Однако реализация этих общерусских моделей в частных языковых системах характеризуется известным своеобразием. Имеющиеся здесь различия касаются: 1) лексико-грамматического состава компонентов предикативной основы предложения, 2) семантических возможностей структурной схемы, 3) места, занимаемого конструкциями того или иного типа в синтаксической системе. Прежде чем перейти к характеристике каждого из выделенных типов односоставных предложений в отдельности, представляется необходимым сказать о материале, на котором данная работа построена.

Для работы были использованы следующие диалектологические источники: 1) материалы, собранные для составления диалектологических атласов русского языка,—ответы на вопрос № 123 «Программы собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» (Ярославль, 1945; М.—Л., 1947), а также тексты—приложения и развернутые ответы на некоторые вопросы морфологического раздела (главным образом № 81 и № 113); 2) относящиеся к говорам на территории РСФСР материалы, собранные для составления общеславянского лингвистического атласа, — ответы на вопросы № 3116, 3118 «Вопросника общеславянского лингвистического атласа» (М., 1965); 3) записи диалектной речи, сделанные авторами статьи в 18 населенных пунктах: Пск. обл.: Гдовск. р-н — Колоколово, Замежничье, Кроксово, Пушкиногорск. р-н — Редковцы; Ленингр. обл.: Лодейнопольск. р-н — Гимрека, Красный Бор, Щелейки, Шамокша, Лавиничи, Чидово, Ефремково; Новг. обл.: Новгородск. р-н — Ямок; Арх. обл.: Пинежск. р-н — Малетино; Карел. АССР: Медвежьегорск. р-н — Типиницы; Эст. ССР: Тартуск. р-н — Мехикоорма; Орл. обл.: Мценск. р-н — Счастливка, Торкуновка, Озеривле; 4) материалы некоторых печатных работ и диссертаций [2].

---

[1] Данные структурные схемы — применительно к материалу литературного языка — были выделены Н. Ю. Шведовой (см.: «Грамматика современного русского литературного языка». Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1970, стр. 561—562, 564, 566—568). — Следует заметить, что конструкции с причастиями (на *-но*, *-то*) рассматриваются Н. Ю. Шведовой в составе схемы (Neg) Praed Gen (Praed означает 'предикатив'). Для говоров, где возможно сочетание родительного падежа с причастиями не только на *-но*, *-то*, но и на *-ши* (*Комаров налетевши*), удобнее выделить причастные конструкции в самостоятельный тип.

[2] Интересующие нас односоставные конструкции еще не были предметом специального рассмотрения на диалектном материале, однако соответствующие факты (главным образом глагольные конструкции типа *Воды-то есть*, *Было у нас грибов*) фиксировались многими исследователями. Подборку материалов см. прежде всего в работах: *А. А. Шахматов.* Синтаксис русского языка. М.—Л., 1941, стр. 60—61, 112—113, 119—121; *В. И. Борковский.* Синтаксис древнерусских грамот. (Простое предложение). Львов, 1949, стр. 63—64; *А. Б. Шапиро.* Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения. М., 1953, стр. 138—141,

При цитировании примеров принят следующий порядок: 1) материалы атласов сопровождаются развернутыми географическими пометами (название деревни, района и области); если пример взят из материалов, собранных для общеславянского лингвистического атласа, за географическими пометами следует указание «ОЛА»; 2) при иллюстрациях, взятых из личных записей авторов, указываются только названия деревень; 3) примеры, заимствованные из печатных работ, имеют при себе пометы как географического, так и библиографического характера. В тех случаях, когда приводятся примеры из печатных работ, сохраняются принятые в цитируемом издании написания. Основная же масса материала — примеры, взятые из рукописных источников, — дается в орфографическом написании с сохранением морфологических и словообразовательных особенностей говоров.

При характеристике типов односоставных предложений с родительным падежом мы будем придерживаться того порядка, в котором они были перечислены выше.

I. В предложениях, строящихся на основе структурной схемы «генитив+слово (сочетание слов) с количественным значением», как в литературном языке, так и в говорах могут выступать существительные множественного числа и такие существительные единственного числа, которые имеют значение вещественное, собирательное или абстрактное. Круг слов и сочетаний слов с количественным значением, функционирующих в качестве второго компонента структурной схемы рассматриваемых предложений, в основной своей части, по-видимому, также может быть определен как общерусский. Насколько позволяют судить имеющиеся

143—146, 192; *В. И. Собинникова.* Простое предложение в русских народных говорах. (По материалам говоров Воронежской области). Воронеж, 1961, стр. 43, 95, 98, 104, 112, 113, 117—119; *О. Н. Шулене.* Синтаксис русского говора Зарасайского района Литовской ССР. Простое предложение. Канд. дисс. (рукопись). Вильнюс, 1964, стр. 369, 372—381, 393; см. также: *В. С. Овчинникова.* О некоторых типах безличных предложений в поозерском говоре. «Уч. зап. Ростовского н/Д гос. ун-та», т. 30. Труды ист.-филол. фак-та, вып. 4. Харьков, 1956, стр. 77—80; *М. И. Пигин.* Из истории отрицательных безличных предложений в русском языке. «Лингвистический сборник», вып. 1. Петрозаводск, 1962, стр. 6. — Применительно к материалу разных русских говоров подробно были описаны только причастные конструкции с родительным падежом — см.: *В. А. Матвеенко.* Страдательно-безличный оборот в восточнославянских языках. Канд. дисс. (рукопись). М., 1962; *Она же.* Некоторые особенности структуры страдательно-безличного оборота. «Материалы и исследования по русской диалектологии». Новая серия, вып. 2. М., 1961; *И. Б. Кузьмина.* Предикативное употребление причастий в русских говорах (краткие формы, образованные от глагольной основы прошедшего времени). Докт. дисс. (рукопись). М., 1972; *И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко.* Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971, гл. 1.

Предложениям с родительным падежом — компонентом предикативной основы, употребляющимся в современном литературном языке, посвящена специальная монография, см.: *Ю. М. Костинский.* Генитивные субъектные конструкции в современном русском языке. Канд. дисс. (рукопись). М., 1970.

материалы, здесь употребляются: числительные (собирательные, количественные, неопределенно-количественные), слово *что* (в значении 'сколько'), количественные наречия, существительные в именительном падеже (одиночные или с определением), количественно-именные сочетания, предложно-падежные сочетания, междометия, сравнительные обороты, целые предложения (сравнительные обороты и целые предложения могут употребляться в составе рассматриваемых структур одновременно с такими словами, как *много*, *сколько*, *что . . .*) [3], ср.: *Четверо ребят — дак ведь без работы жить не станешь* Типиницы; *Молодой, два году* (о коте) там же; *А тут несколько озёр* Троицкая Гора Середкинск. Пск.; *А то бывалоча сколько их* (вишен) Счастливка; *И что у их еды!* Малетино; *Уж сто коров, одного рогатого скота сто коров, а што нетелей, што телят!* Арх. [4]; *Спокон веку она* (деревня) *счастливая — плодов много* Счастливка; *Мало ли бедов и несчастьев* Мещерское Сердобск. Пенз.; *Воды-то довольно* Малетино; *Мух полно* Софьино Аркадакск. Сарат.; *Теленок ведь не ягненок — порядочно мяса* Типиницы; *У нас тройка уток* Счастливка; *Тут их тучи, прямо тучи* (голубей) Озеривле; *Денег изобилие, дак они не знают, куды их класть* Типиницы; *Галушек там чашка полная* Шамокша; *У меня народу — изба, а один батончик остался* там же; *Козу-то зарезала, дак сала-то шесть килограмм* Малетино; *Пять человек народу* там же; *У ней женихов до черта* там же; *По два, по три хлева про скотинушку* Типиницы; *Серьезных нынче — ай-ай-ай — людей* Кириловское Рыбинск. Яросл.; *Ведь там у них комара — ой!* (Ряз.) [5]; *Их везде что грязи* (о мухах) Замогилье Полновск. Пск.; *Отрастей на рогах как свечек* (об олене) Кошата Нагорск. Киров.; *По стенам как серебро тараканов* [6] Павловское Котласск. Арх.; *Ну, уж сегодня дождя-то, дак боже милостливый* Малетино; *Пшена-то сколько хочешь* Шило-Голицыно Ртищевск. Сарат.; *Что народу-то вечером — дак спаси бог!* Никола Каргопольск. Арх. Существенно заметить, что и в литературном языке и в говорах позицию второго компонента схемы чаще всего занимают количественные наречия и имена (числительные и существительные) в именительном падеже [7].

---

[3] Анализируя диалектные материалы, касающиеся предложений, построенных по общерусским структурным схемам, мы постоянно обращались к указанной выше монографии Ю. М. Костинского о генитивных конструкциях в литературном языке.

[4] *А. Б. Шапиро.* Указ. соч., стр. 192.

[5] Там же, стр. 193.

[6] Данное предложение с именительным (а не родительным) падежом имени в сравнительном обороте является в наших материалах единственным. Заметим, однако, что одно подобное предложение имеется среди иллюстраций, приведенных Ю. М. Костинским: *В Андоме у Андрея родни что половодье* (Е. Твердов) (см.: *Ю. М. Костинский.* Указ. соч., стр. 195).

[7] В «Грамматике современного русского литературного языка» рассматриваемая схема определяется как сочетание генитива и количественного наречия или именительного падежа имени с количественным значением. Все остальные слова, способные выразить количественное значение, а также

Анализируя материал литературного языка, Ю. М. Костинский показывает, что количественное значение «может быть выражено опосредованно — в виде временной, пространственной и сравнительной характеристики», — это положение относится к конструкциям с предложно-падежными сочетаниями типа *Разговоров — на всю ночь*; *Снегу по колено*; *Ума как у младенца* [8]. Опосредованное выражение количественного значения возможно и в говорах, причем здесь, наряду с предложно-падежными сочетаниями, могут выступать и наречия. Приведем имеющийся у нас материал: *А публики кругом — до Ухты* Давыдовская Лодейнопольск. Ленингр.; *Далёко лесов — не выходишь* Малетино; *В редкость таких петухов* Перегородино Кирилловск. Ленингр.; *Редко таких сыновьев* Рогово Навашинск. Горьк. (ОЛА); *А у нас редко пьяных* Коновалово Ломоносовск. Ленингр.; *Гадюги есть, только редко их* Мехикоорма; *Ну, редко таких людей* Кириловское Рыбинск. Яросл.; *Так нунь этого сплошь* (о разводах) Типиницы; *Дак у сватьи пыли не так* Шамокша. — В этих предложениях количественная характеристика дается при помощи предложно-падежных сочетаний и наречий, обычно имеющих обстоятельственное значение (пространственное и способа действия).

Место, занимаемое рассматриваемыми конструкциями в синтаксических системах разных говоров, определяется прежде всего тем, насколько широко употребляются здесь функционально соотносительные с ними двусоставные количественные конструкции, включающие в себя экзистенциальный глагол *есть*, типа *У нее есть двое детей*, *Приезжих много есть*. При всей неразработанности вопроса об употреблении экзистенциального *есть* как в говорах, так и в литературном языке [9], все же можно отметить, что некоторое расширение условий бытования экзистенциальных и притяжательных конструкций с *есть* наблюдается на территории русского северо-запада — в тех говорах, для которых характерно широкое употребление *есть* — служебного синтаксического элемента [10]. Более свободно, чем в других говорах и литературном языке, образуются здесь, в частности, количественные конструкции с *есть*, ср.: *Ребят трое е, а здорова* Шамокша; *Тридцать скитов одных есть* там же; *Дожди-то были, дак грязи есть много*

все сочетания слов характеризуются как единицы, замещающие количественное наречие или имя в именительном падеже (см. стр. 561).

[8] *Ю. М. Костинский.* Указ. соч., стр. 192.

[9] Об употреблении экзистенциального *есть* в современном русском литературном языке см., в частности: *М. И. Пигин.* Указ. соч., стр. 3—4; *Н. Савицкий.* О синтаксическом типе «деньги есть: денег нет» в русском и украинском языках. «Československá rusistika», 1972, т. 17, вып. 4.

[10] См. об этом в работах: *И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко.* К вопросу об употреблении «есть» в русских говорах. «Материалы и исследования по общеславянскому лингвистическому атласу». М., 1968, стр. 163; *В. И. Дементьева.* Конструкции с глагольной формой *есть* (от *быть*) в современных русских говорах на территории северо-запада. Канд. дисс. (рукопись). М., 1973, стр. 19—30.

Типиницы; *Карелов-то мало е* Красный Бор; *Этых худых людей довольно есть* Малетино; *У ней нервов есть густо* Пятино Ефимовск. Ленингр.; *Без старухи-то беда есть работы!* Морозово Омутнинск. Киров.; *Целая посада их естя* (детей) Гимрека; *Таких-то стариков у нас есть человека два* Самохваловка Хомутовск. Курск.; *Мух до черта естя* Ефремково. — Относительно широкое функционирование двусоставных количественных предложений в говорах на территории северо-запада имеет своим следствием то обстоятельство, что односоставным количественным предложениям в их синтаксических системах принадлежит соответственно меньшая роль.

II. Предложения, предикативная основа которых состоит только из генитивной формы, так же, как и предложения I группы, характеризуются количественной семантикой. Соответственно состав употребляющихся здесь имен ограничивается существительными множественного числа и теми существительными единственного числа, которые имеют значение вещественное, собирательное или абстрактное. В современном литературном языке с предложениями, строящимися на основе структурной схемы «генитив», связано значение подчеркнуто большого количества или большой массы. Присущее этим конструкциям количественно-эмфатическое значение может выступать более или менее отчетливо, что зависит прежде всего от интонационного типа предложения, ср.: *Я, кажется, послезавтра лечу в Москву. Дел, дел!* (В. Инбер, Почти три года) и — *У меня еще дел сегодня, — сказала Варвара Павловна озабоченно, — нужно, во-первых, этому молодому человеку помочь задачи решить. . .* (Вл. Лидин, По первому снегу) [11]. Как известно, до середины прошлого века семантические возможности структурной схемы «генитив» в литературном языке были шире: предложения, построенные на ее основе, «свободно употреблялись не только для обозначения большого количества чего-либо (*товару всякого*; *вестей, вестей! там-то теперь разговоров!*), но и вообще при утверждении наличия чего-либо, без оттенка количественного значения: . . . Никанор и Коронат из всех молодых шляхтичей . . . были самые статные, самые видные и самые отважные, а к тому же барыша — ученые (Нарежный, Два Ивана. . .)» [12]. Естественно, что к утраченным в литературном языке бытийным конструкциям с генитивом все же ближе те из современных предложений этой структуры, где отсутствует восклицательная интонация и количественное значение менее акцентировано. Заметим, что эти последние предложения менее характерны для современного языка, чем предложения типа *Ой, смеху! Грибов-то, грибов!*

---

[11] Примеры заимствованы из монографии Ю. М. Костинского (см.: *Ю. М. Костинский.* Указ. соч., стр. 215).

[12] «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке XIX века». Под ред. В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой. М., 1964, стр. 330.

Насколько позволяют судить имеющиеся у нас материалы (для окончательных выводов они, безусловно, недостаточны), структурная схема «генитив» в говорах используется с точки зрения семантической несколько свободнее, чем в современном литературном языке, хотя четкая граница между фактами собственно диалектными и общерусскими вряд ли может быть проведена. Попытаемся подтвердить это положение конкретным материалом.

По-видимому, и в говорах среди предложений с предикативной основой — генитивом более частотны предложения восклицательные, семантика которых может быть определена как количественно-эмфатическая. Приведем несколько примеров: *А ноне разводов!* Малетино; *Песку тут да грязи!* Типиницы; *Комаров-то, комаров!* Изъянка Воскресенск. Горьк.; *Школу ремонтируют, уж надоели: мелу-то, мелу-то, грязи каждый день!* Воскресенское Пречистинск. Яросл.; *Ягод-то, вот ягод-то!* Захонье Осьминск. Ленингр.; *Ангелы, ведь крапивы кругом!* Малетино [13]; *Ой, смеху-то!* Воскресенское Пречистинск. Яросл.; *Собак-то зде-ка!* Типиницы. Как видно и по этим примерам, в восклицательных предложениях могут использоваться дополнительные экспрессивные средства: повторение имени, усилительные частицы (*-то, вот* и др.), междометия.

Что же касается генитивных предложений без восклицательной интонации, то они, как нам представляется, в говорах менее однородны с семантической точки зрения, чем в современном литературном языке: их значение колеблется от количественно-эмфатического (или — точнее — близкого к нему) до бытийного, ср.: *Пойдешь — вот тут и ореха и дичка и посушить* Счастливка; *И блох и клопов и всего там в землянке* Усадище Осьминск. Ленингр.; *У меня на огороде всяких овощей* Словыть Мстинск. Новг.; *Теперь-то всяких игрушек, а раньше не было* Теребутицы Солецк. Новг. (ОЛА); *Всяких народов по свету* Рогово Почепск. Брян.; *Всяких животных там* Сабурово Устьянск. Арх.; *А до войны всяких орехов* Горушки Угличск. Яросл.; *Пошел, дорог-то всяких* Размахнино Поназыревск. Костр.; *У нас ключей всяких* Шамокша; *Регмасово, Марково, Кукорье — всяких названий* Ефремково; *На полатях — там стуканья, бряканья* Типиницы; *У Дона там миру. . . ды нарот, маладёш* Борщово Гремяченск. Ворон. [14]; *Браслет, кольца, денег там* Малетино; *Лошадей-то у каждого* Большая Журавка Аркадакск. Сарат.; *И утюгов не у кажинного* Леготково Киришск. Ленингр.; *Не у нас только дураков, е и в городе* Спиридоновская Винницк. Ленингр. — В приведенном материале обращают на себя внимание два момента структурного плана: это, во-первых, включение генитивных предложений в один ряд с номинативными (при перечислении) и, во-

[13] Словоформа *ангелы* выступает в этом говоре как элемент, наделенный экспрессивной функцией, — типа междометия или частицы (ср. здесь же: *анѣелы-анѣелы-анѣелы!* — возглас удивления).

[14] *В. И. Собинникова.* Указ. соч., стр. 98.

вторых, употребление генитива в сочетании с определительным местоимением *всякий* и в таких случаях, когда предикативная основа предложения не распространена детерминантом [15]. Можно думать, что генитивные предложения с ослабленной эмфазой характеризуются в говорах более высокой относительной употребительностью, чем в литературном языке.

Изложенные факты дают, как нам представляется, основание для предположения о том, что по употреблению предложений, построенных на основе структурной схемы «генитив», современные говоры несколько ближе к русскому языку предшествующих эпох, чем язык литературный.

III. Структурная схема «генитив+(отрицание) глагол в форме 3 л. ед. ч.» принадлежит, как и две предыдущие, к числу общерусских элементов синтаксической системы, однако с реализацией данной схемы связаны весьма существенные диалектные различия.

По совокупности признаков, касающихся как формального, так и семантического плана, представляется возможным подразделить конструкции, построенные по данной схеме, на три группы:

1. Первую группу составляют предложения со следующими признаками: глагол — непереходный; имя называет субъект действия (состояния); связь компонентов структурной схемы не имеет формального выражения — она не обусловлена категориальными свойствами ни имени, ни глагола и возникает только в предложении [16]; предложения функционально соотносительны с двусоставными предложениями, ср.: *Комаров-то набежало* Давыдовская Лодейнопольск. Ленингр.; *Воды прибыло* Сенино Рослятинск. Калин.; *Всего развелось — скачков и тараканов* Мишина Гора Полновск. Пск.; *Есть у нас любых сортов — только пробуйте* Черная Грязь Клетнянск. Брян.

2. Признаки конструкций, входящих во вторую группу, таковы: глагол — переходный; имя называет объект действия; связь компонентов структурной схемы основана на валентности глагола и представляет собой воспроизведенную в предложении связь управления; предложения могут соотноситься только с односоставными же — такими, где имя, называющее объект, выступает в форме винительного падежа, ср. *Дерёв нанесло на пожни* Бернятино Красноборск. Арх.; *Снегу нанесет на рамы-те* Тарасовская Черевковск. Арх.; *В это время только снега навалило* Давыдово Кашинск. Калин.; *Снегу выкинуло* Ботово Череповецк. Волог.; *Около ворот навьюжило снегу* Вят.[17]; *Дождя натянет*

---

[15] Применительно к литературному языку Ю. М. Костинский пишет, что «нормальное функционирование сочетания Gen (*всякого/-ой, -их*) возможно лишь при наличии определителя к конструкции в целом, детерминанта с объектным или обстоятельственным значением» (см.: *Ю. М. Костинский.* Указ. соч., стр. 217).

[16] В «Грамматике современного русского языка» подобная связь словоформ в предложении определяется как соположение (см. стр. 634—636).

[17] *А. А. Шахматов.* Указ. соч., стр. 120.

Лавиничи; *Ветер пошел и надуло дожжыка* Мстинск. Новг.[18]; *Их понесло, как дров* Основка Тарногск. Волог.; *Сей год травы хоть наворотило везде* Типиницы [19].

3. В третью группу входят конструкции, глагольный компонент которых лексически ограничен — представлен глаголами со значением достаточности чего-либо (*хватить — хватать, достать*) — соответствующий предмет выражается именем в родительном падеже: *Сахару достанет* Рестанишки Зарасайск. Лит. ССР [20]; *На два года хватит сапогов-то* Типиницы; *Ската хваталъ* Яблочное Гремяченск. Ворон.[21]; *На белом свете всяких хватает* Клеменино Чагодощенск. Волог. Безличные глаголы *хватить (хватать), достать* являются непереходными, формальное выражение связи компонентов структурной схемы в этих предложениях отсутствует. Однако в отличие от конструкций первой группы конструкции с глаголами *хватить (хватать), достать* не образуют соотносительных пар с двусоставными предложениями — по своей семантической структуре они могут быть сближены, как нам представляется, с односоставными предложениями наречного класса, типа *Сахару достаточно* [22].

В отличие от двух структурных схем, рассмотренных выше (I, II), структурная схема, состоящая из генитива и verbum finitum, может включать в себя отрицание, ср.: *У нас и хлеба-то не изладилось* Малое Шевелево Кирилловск. Волог.; *Сперва и хлеба не причитывалось* Шамокша; *Народу у мя и не живало* Низ Оштинск. Волог.; *Пользы не пришло* Тихвинск. Новг. губ. [23];

---

[18] *Н. П. Гринкова.* Очерки по русской диалектологии, VIII. Мстинский говор. «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», 1948, т. 69, стр. 192.

[19] Мы придерживаемся той точки зрения, что родительный, а также и винительный падеж имени, называющего объект действия, не только в причастных, но и в глагольных безличных предложениях является компонентом структурной схемы предложения. В данном случае мы следуем академической грамматике 1952—1954 гг. и 1960 г. и «Очеркам по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.» (см.: «Грамматика русского языка», т. 2. М., Изд-во АН СССР, 1954 или 1960, § 1022; «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в системе простого и осложненного предложения. . .», стр. 304. Иначе — с нашей точки зрения, менее последовательно — рассматривается этот вопрос в «Грамматике современного русского литературного языка» 1970 г. (см. стр. 563—567). Во всех случаях исключает объектную форму имени из структурной схемы безличных предложений Н. Н. Арват (см.: *Н. Н. Арват.* Семантическая структура безличных предложений. Докт. дисс., рукопись. Черновцы, 1976).

[20] *О. Н. Шулене.* Указ. соч., стр. 369.

[21] *В. И. Собинникова.* Указ. соч., стр. 98.

[22] Об употреблении глаголов со значением достаточности как личных в предшествующие эпохи истории русского языка см.: *М. И. Пигин.* Указ. соч., стр. 17; «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в системе простого и осложненного предложения. . .», стр. 269—272.

[3] *Н. Соколов.* Поездка в Тихвинский уезд Новгородской губернии. «Труды МДК», вып. 2. Варшава, 1910, стр. 111.

А земля-то так, ее не убыло Райлово Сямженск. Волог.; *Картовок сего году не нарастет* Мужево Бурмакинск. Яросл.; *Не насекалось* (не находилось) *женихов* Типиницы; *У нас самолетов не летает* Кононовская Тарногск. Волог.; *Ног не раздавило* (о несчастном случае на лесоразработках) Монастырская Пашня Красноборск. Арх.; *К нашему берегу не прибьет хорошего дерева* Ануфриево Белозерск. Волог.[24]; *Ума-то не хватило* Малетино; *Средств не хватает* Озеривле.

На основании собранных к настоящему времени материалов по глагольным генитивным конструкциям можно предполагать, что диалектные различия здесь связаны в основном с составом непереходных глаголов, встречающихся в предложениях без отрицания [25]. По-видимому, общерусским фактом является употребление в данных предложениях того или иного круга глаголов, называющих действия, связанные с изменением объема или количества предметов (среди них частотны образования с приставками, особенно с *на-*), а также глаголов со значением достаточности, ср.: *Волков-то с войны набежало* Климовская Вельск. Арх.; *Пожарных машин наехало* Агашово Лодейнопольск. Ленингр.; *Снегу уж напало* Боковское Кирилловск. Волог.; *Откуль их налетело-то* (об осах) Ефремково; *И повалило к ней народу со всех сторон* Белозерск. край [26]; *Поналетело гусей-лебедей* Мишина Гора Полновск. Пск.; *Воды прибыло* Сенино Рослятинск. Калин.; *Так земли-то и убавилось* Нижняя Волманга Опаринск. Киров.; *Народу сё болиеть* Орл. [27]; *Молока-то хватя* Ямок; *Хватает ребят* Озеривле. Употребление в генитивных конструкциях глаголов другой семантики (глаголов со значением бытия, сохранения, появления. . .; местонахождения в пространстве; движения; и некот. др.) характерно для севернорусских говоров — прежде всего для западной их части (Ладого-Тихвинская и Онежская группы, Лачские и Белозерско-Бежецкие говоры, западная часть Вологодской группы [28]). В остальных русских говорах спорадически отмечаются случаи употребления в генитивных конструкциях глаголов бытия (главным образом *быть*); другие глаголы

---

[24] Данные два предложения с отрицанием при переходном глаголе являются во всем нашем материале единственными. В безличных предложениях с переходными глаголами и при отрицании обычен винительный падеж, ср.: *Мост-то не потопило* Малетино; *Наш дом не крянуло* (во время наводнения) Красный Бор; *Чуть ум не выстегнуло* Чудалово Опаринск. Киров.

[25] Что же касается глаголов переходных, то они как в литературном языке, так и в говорах представлены единичными лексемами — по преимуществу такими, которые называют действия, связанные с явлениями природы (см. примеры на стр. 174).

[26] *А. А. Шахматов.* Указ. соч., стр. 120.

[27] *Е. Ф. Будде.* О говорах Тульской и Орловской губерний. Материалы, исследования и словарь. (Отчет о поездке в 1902 г. II Отделению Академии наук). «Сб. ОРЯС», 1904, т. 76, № 3, стр. 54.

[28] Группировка говоров дается по книге: *К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова.* Диалектное членение русского языка. М., 1970.

(кроме глаголов с количественной семантикой) встречаются здесь, по-видимому, редко. Бо́льшая часть соответствующих материалов относится к окающим среднерусским говорам (Новгородские говоры, Гдовская группа, Калининская подгруппа Владимирско-Поволжской группы) и русским говорам на территории прибалтийских республик [29]. Приведем иллюстрации: *Есть печали-то в жизни-то* Малетино; *Парней-то теперь е — с армии пришотци дак* Гимрека; *Змеев-то есть* Колоколово; *Водки-то есть* Ямок; *Есть такого стекла* Красная Сосна Базарно-Сызганск. Ульяновск; *Всякого разговору есть* Большие Белыничи Зарайск. Моск.; *Есть у нас любых сортов* Черная Грязь Клетнянск. Брян.; *Найдется и не таких Васек* Шатенево Кичмено-Городецк. Волог.; *Если красный день, оводов появляется* Слободка Харовск. Волог.; *Всяких коров попадае — веревками тащат* Люговичи Лодейнопольск. Ленингр.; *Их часто бывает в магазине* (о скатертях) Мехикоорма; *За век всячины побывает, всячины побыло* Большие Ляды Бежаницк. Пск.; *Холодной и горячей воды осталось* Короли Торопецк. Великолукск.; *Бывает всяких делов* Мордово Муровлянск. Ряз.; *У их голов, трупов лежит* Королево Межевск. Костр.; *Всяких вещей висит* Сорочкино Гатчинск. Ленингр.; *Силек бегает у меня всяких* Коса Зуевск. Киров.; *Ездило тут всякого народу* Ладва Прионежск. Карел. АССР; *Всяких людей мимо ходит* Дмитревская Тотемск. Волог.; *Часто господ сменялось?* Пущино Осьминск. Ленингр.; *Людей гибнет* Мехикоорма; *Коров-то отелится — в избу* Подгоренка Ртищевск. Сарат. По-видимому, некоторое расширение состава глаголов, по сравнению с литературным языком, наблюдается в говорах и для отрицательных конструкций, ср.: *У нас самолетов не летает* Кононовская Тарногск. Волог.; *Если там коров не ходит около скотного двора. . .* Лом Подосиновск. Киров.; *Не пришло дожжа, разведрило* Мстинск. Новг.[30]

Глагольные предложения без отрицания во всех говорах характеризуются количественной семантикой — соответственно здесь употребляются имена тех же лексико-грамматических групп, что и в предложениях, построенных на основе структурных схем I и II, ср.: *У нас еще с поселка ребят наехало* Чидово; *Хлеба выростало — дак годом не съедали* Типиницы; *Е воробья, есть* Люговичи Лодейнопольск. Ленингр.; *У тебя ума-то хватит* Счастливка

---

[29] Существенно заметить, что в западной части севернорусских говоров, в западных среднерусских говорах и в русских говорах на территории прибалтийских республик параллельно с глагольными генитивными конструкциями употребляются причастные, типа *Комаров налетевши, Народу нашовши* (см. тип V, 2).

[30] *Н. П. Гринкова.* Указ, соч., стр. 192.
См. вывод Ю. М. Костинского о присущей современному литературному языку тенденции употреблять генитив в отрицательных конструкциях только с глаголами бытийного значения: *Ю. М. Костинский.* Указ. соч., стр. 286—287.

(см. также примеры выше) [31]. Случаи отступления от этого правила — употребление в генитивных конструкциях существительных, являющихся названиями конкретных предметов или лиц, — абсолютно единичны. Предложения типа *Его есть, этого Ваньки* (Койда Мезенск. Арх. ОЛА), *Есть там моего телка?* (Посад Подпорожск. Ленингр.) зафиксированы в севернорусских говорах [32].

Рассматриваемые генитивные конструкции не вполне однородны в плане семантическом: здесь может выражаться как значение неопределенно-количественное, так и значение неопределенно большого количества — в первом случае генитивные предложения оказываются функционально соотносительными с такими двусоставными, где субъект действия (состояния) выражен именительным падежом, во втором — с такими, где выступает сочетание генитива с количественным словом *много* или другими словами той же семантики, ср.: *Где-то марли-то есть у нас* Чидово; *Наверно, еще естя вашего молока* Щелейки и *Со льном работы е* Низино Новоладожск. Ленингр.; *У тя жен по белу свету есть* Сомино Ефимовск. Ленингр.[33]

IV. В наших материалах встретилось несколько предложений, где в состав предикативной основы помимо генитива входит наречный или именной компонент со значением объектным или обстоятельственным. Приведем весь материал: *Утюга не знаешь где?* Старая Борисово-Судск. Ленингр.; *Где здесь стариков?* Большая Раиха Просницк. Киров.; *Ну зачто* (зачем) *песка сюда?* Мехикоорма; *Ему всего доступно* Щетинское Мяксинск. Волог.; *Таких теперь не в моде* Крапивно Киришск. Ленингр. Как видно по географическим пометам, из пяти предложений, имеющихся в нашем материале, четыре относятся к территории севернорусских говоров — Ладого-Тихвинской и Вологодской групп и один зафиксирован в западном среднерусском говоре на территории Эстонии. Очевидно, что предложения рассматриваемого типа функционально соотносительны с двусоставными, ср.: *Утюга*

---

[31] Такого ограничения нет в отрицательных конструкциях, ср.: *В твой дом ударила гроза, но не воспламенилось — хорошо, что красного петуха не получилось* Поповка Максатихинск. Калин.; *Бури бы не наладилось* Устье Сольвычегодск. Арх.: *Деревня сгорела, один пепел остался, и пепелинки-то не осталось, ветром раздуло* Выглядовка Ефремовск. у. Тул. (Ответ на программу МДК. «Труды МДК», вып. 1. Варшава, 1908, стр. 24).

[32] Как известно, более свободное включение в рассматриваемые конструкции как глаголов, так и имен разной семантики было свойственно в прошлом и литературному языку (см.: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в системе простого и осложненного предложения. . .», стр. 312—316).

[33] Более подробно предложения типа *В саду зрелых ягод есть, Ко мне гостей пришло* рассматриваются нами в специальной статье, см.: *И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко.* Глагольные конструкции с субъектным генитивом в современных русских говорах. «Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1974». М., 1976.

не знаешь где? — Утюг не знаешь где? Таких теперь не в моде. — Такие теперь не в моде.

V. Причастные генитивные предложения распадаются на две существенно различающиеся между собой группы: 1) страдательные конструкции, в которые входят причастия, образованные от переходных глаголов (имя называет здесь предмет, который послужил объектом действия, вызвавшего обозначенное причастием состояние), ср.: *По-за домом картошки насажено* Филатово Верхнеландеховск. Иван.; *Не пеяно песен боле 60 лет* Кануновщина Гдовск. Пск.; 2) нестрадательные конструкции, в которые входят причастия, образованные от непереходных глаголов (имя называет здесь предмет, который является субъектом действия, вызвавшего обозначенное причастием состояние [34]), ср.: *Комарья-то налетевши* Абрамова Гора Ефимовск. Ленингр.; *Женихов не оставши* Блазново Плоскошск. Великолукск. Конструкции 1-й группы являются общерусскими, а 2-й — известны только части говоров.

1) В предложениях с причастиями, образованными от переходных глаголов, связь компонентов структурной схемы — генитива и причастия — основана на валентности глагола и воспроизводит подчинительную связь, присущую глагольным словосочетаниям, — управление (*насажено картошки — насадить картошки*).

Основные факторы, с которыми связано употребление объектного генитива, для причастных конструкций — те же, что и для глагольных (хотя в первых родительный падеж является компонентом предикативной основы предложения, а во вторых — зависимой частью словосочетания): в плане семантическом это включение количественного момента, в плане структурном — лексико-грамматические признаки имени; лексические, словообразовательные и грамматические признаки глагольного компонента; наличие отрицания.

Абсолютное большинство имен, употребляющихся в рассматриваемых конструкциях, составляют существительные множественного числа и существительные единственного числа с вещественным, собирательным или абстрактным значением: все генитивные причастные конструкции без отрицания, а также значительное большинство конструкций с отрицанием относятся к числу количественных. Приведем примеры: *Денег уплочено* Марковка Ковернинск. Горьк.; *Помидор насажено* Королево Межевск. Костр.; *Коту мяса положено и молока налито* Ямок; *Хлеба ломтями наломано* Некрасово Костромск. Костр.; *Всякой туда дребедени положено* Шамокша; *Гвоздья наколочено* Малахово Бабаевск. Волог.; *Принято горя, нужды, поработано* Горка Мгинск. Ленингр.; *Росту наставлено, красоты прибавлено* Лапинское Кар-

[34] Как в страдательных, так и в нестрадательных конструкциях с генитивом состояние, выраженное причастной формой, предстает как не приписанное непосредственно никакому предмету — иначе в двусоставных конструкциях, ср. *Картошка насажена*; *Комарьё налетевши.*

гопольск. Арх.; *Веников не наношено* Михалево Белозерск. Волог.; *Клюковки у тебя моей не взято?* Вязовка Хвойнинск. Новг.; *Пыли-то не обрато* Ваганово Лежск. Волог.; *Хорошего не видано* Монастырёк Сланцевск. Ленингр.; *В девках быто, а свету не видано* Малахово Бабаевск. Волог. Употребление имен единственного числа, не имеющих указанных выше значений, возможно только в отрицательных конструкциях, ср.: *У нас еще горсти не кинуто* Новиково Сольвычегодск. Арх.; *Денежных грошев — копейки не дано* Ровдино Подосиновск. Киров.; *Не кладено еще имени* Матенка Вытегорск. Волог.; *Отроду веков не видано такого* Монастырёк Сланцевск. Ленингр.; *Не было приведено ни разу женки* (т. е. никакой жены) Сушилово Боровичск. Новг.; *Парень-то и хлеба не взял — не взято ни крошины* Никулино Кашинск. Ленингр.; *А теперь этого и не подумано было* Красные Горы Лужск. Ленингр.; *У меня ничего не прибрано* Песчанка Пушкинск. Великолукск. Характерной особенностью предложений этой последней группы является неопределенное или обобщенное значение именного компонента предикативной основы; здесь частотны отрицательные местоимения, частицы *ни* и *и*.

Как известно, в литературном языке конструкции с родительным падежом могут включать в себя только причастия, образованные от глаголов совершенного вида [35]. Для говоров, в отличие от литературного языка, возможно употребление в сочетании с родительным падежом объекта и причастий от глаголов несовершенного вида, ср.: *Клюквы мешками вожено* Жердянка Сланцевск. Ленингр.; *На сушилке хлеба сушено* Поток Ефимовск. Ленингр.; *Всего делано, и тяжелого поднимано* Новоселье Лужск. Ленингр.; *Луку брано — так сочни пекла* Девятины Вытегорск. Волог.; *Молока лито тут* Матинка Череповецк. Волог.; *Птицы той бито было и едено* Стафоровская 2-я Вилегодск. Арх.; *Знато всяких песен* Подберезье Пудожск. Карел. АССР; *За эти годы всего переживано* Ямок; *Всего вижено* Подоспа Гдовск. Пск.; *Сеяно у ней пшеницы* Крутченская Байгора Грачевск. Липецк.; *Хорошего так и не видано* Кудамозеро Вытегорск. Волог.; *Налогу не плачено* Полысаево Черновск. Киров.; *У его картошки не едено — налей только молока* (о коте) Ягодинское Кинешемск. Иван.; *Этого раньше и не считано* Подоспа Гдовск. Пск.; *Хлебушка не было печено* Красная Слобода Суземск. Брян. Заметим, однако, что предложения, подобные приведенным, употребляются, по-видимому, не часто: подавляющее большинство встретившихся в наших материалах генитивных причастных конструкций включает в себя образования от глаголов совершенного вида. Среди последних особенно частотны причастия с префиксом *на-*; в большинстве случаев префикс *на-* является здесь выразителем значения не только завершенности действия, но и количественного

[35] См. об этом: *В. А. Богородицкий.* Очерки по языковедению и русскому языку. М., 1939, стр. 213.

обилия в его проявлении, ср.: *Песку наношено дак* Красный Бор; *На столы тут наворено квасу* Поберезье Пудожск. Карел. АССР; *Что было чаю-то напосылано* Остров Устьянск. Арх.; *У ней всякого варенья наварено* Вишневая Старо-Юрьевск. Тамб.

Интенсивность функционирования рассматриваемых причастных конструкций существенно различна по говорам. Значительной свободой образования причастных конструкций с объектным генитивом и широким их употреблением характеризуются говоры севернорусские, за исключением Костромской группы, и западные среднерусские — на эти говоры приходится более 90% имеющихся в нашем материале предложений данной структуры. Заметим еще, что во всех остальных говорах отмечены только предложения с количественным значением, и в половине из них выступают причастные словоформы с префиксом *на-* [36].

В тех конструкциях с предикативной основой «генитив+(отрицание) причастие», где имя называет объект действия, в абсолютном большинстве случаев употребляются причастия, образованные с помощью суффиксов *-н-*, *-т-*. В нашем материале встретилось всего несколько примеров с другой причастной формой — на *-ши*: *В доме всего наживши* Лебзово Вышневолоцк. Калин.; *У кого чего приготовивши* Альпаково Фировск. Калин.; *Намоловши было муки ржаной* Пеньково Брусовск. Калин.; *Ничего не было посадивши* Таложня Новоторжск. Калин.; *Не было настлавши камней* Козиха Спировск. Калин.; *У него в сумку утенышей набивши* Драготин Полновск. Пск.; *Денег-то было спасши* Посад Подпорожск. Ленингр.; *Тут напоровши всего* Староселье Тосненск. Ленингр. Предложения типа *В доме всего наживши* зафиксированы на территории западных среднерусских говоров — главным образом Селигеро-Торжковской группы — и на границе между говорами западными среднерусскими и севернорусскими [37].

2. Предложения, предикативная основа которых состоит из родительного падежа имени, называющего субъект действия, и причастия от непереходного глагола, функционально соотносительны с глагольными предложениями типа *Лесу наросло* и характеризуются той же семантикой, ср.: *Лядина — кусты, где*

---

[36] Напомним, что еще в начале прошлого века утвердительные причастные конструкции с объектным генитивом довольно широко употреблялись в литературном языке, причем именной компонент здесь мог быть выражен именами разных лексико-грамматических групп (см.: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в системе простого и осложненного предложения. . .», стр. 307 и сл.).

[37] Употребление причастий на *-ши* в сочетаниях с объектным генитивом представляет собой частный случай более широкого явления, характерного для части русских говоров — главным образом западных среднерусских Селигеро-Торжковской группы, — вытеснения в страдательных конструкциях одних причастных образований (с суф. *-н-*, *-т-*) другими (с суф. *-ши*) — см. об этом: *И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко.* Синтаксис причастных форм в русских говорах, стр. 142—143.

лесу наросши Костьково Тихвинск. Ленингр.; *Крови натекши* Калитино Волосовск. Ленингр.; *Сил оставши как у комара* Морозово Волховск. Ленингр.; *Народу насевши было* Мининская Оштинск. Волог.; *У нас тут настановивши народу* Самокража Мстинск. Новг.; *У нас мух налетевши* Теребутицы Шимск. Новг.; *Снегу напавши* Озерня Маловишерск. Новг.; *Так на сарае-то котов-то к ей нашотци* Ямок; *Это понаехавши дачников — вот нас и урезали* Замежничье; *В избушку набивши народу* Верхние Горицы Фировск. Калин.; *Всего наросши* Авдеенки Красногородск. Великолукск. Причастные и глагольные конструкции сходны между собой по кругу выступающих в них лексем — как именных, так и глагольных; связь компонентов предикативной основы в причастных предложениях так же, как и в глагольных, формально не выражена.

Предложения типа *Лесу наросши* употребляются в говорах западных среднерусских и западной части севернорусских — на территории, где сосуществуют два синтаксических явления: 1) предикативное функционирование причастных форм на *-ши* (ср.: *Кот наевши — вот и спит* Кроксово; *В печи простывши* Хвилово Новоладожск. Ленингр.; *Жена хорошая у меня из Ленинграда взявши* Пагино Удомельск. Калин.; *Я тесто справивши* Плотично Пеновск. Великолукск.) и 2) использование родительного падежа имени для выражения субъекта действия в глагольных конструкциях с количественным значением.

В наших материалах встретилось несколько таких предложений с субъектным генитивом, где второй компонент предикативной основы выражен причастной формой с суффиксом *-н-* или *-т-*, образованной от непереходного глагола, ср.: *Людей у него наедено* (от глагола *наехать*) Юдино Ефимовск. Ленингр.; *А у меня так уж тут перехожено всяких людей* Заполье Кингисеппск. Ленингр.; *Коров-то набегано* Лидь Ефимовск. Ленингр.; *Не бывано еще там никого* Туровск. Вельск. Арх.; *У их приехано гостей* Раменье Белозерск. Волог.; *Чего на веку не бывано с сотворения мира* Низ Оштинск. Волог.; *Да н'иц'ого не выстана дак* (т. е. ничего не взошло) [38]; *Чего только не бывано* Добряки Мухинск. Киров.; *Всего быто, много плакано* Подоспа Гдовск. Пск.; *Бывано всего* Сестренка Боровичск. Новг.; *Тут наехано всякого народу* Самотовино Константиновск. Моск. Возможность образовать причастия с суффиксами *-н-*, *-т-* от непереходных глаголов характерна для части говоров онежских, белозерских и лачских севернорусского наречия [39]; изредка предложения с этими причастными формами отмечаются и в других севернорусских говорах, а также в говорах среднерусских.

[38] *В. П. Ардентов.* К изучению заонежского диалекта. «Уч. зап. Кишиневского ун-та», 1955, т. 15 (филол. науки), стр. 85.

[39] Для данных говоров не характерны предикативные причастия с суффиксом *-ши* (изоглосса регулярного употребления причастий на *-ши* в функции предиката проходит западнее).

VI. В наших материалах встретились генитивные предложения со следующими предикативами (предикативными наречиями): *видно*, *жалко*, *жаль*, *можно*, *надо*, *нужно*, *слышно*. Предложения со всеми предикативами, кроме *надо*, совершенно единичны — приведем весь материал: (Когда весной все цветет) *и нигде земли не видено. . .* Малетино; *Эх няши-то кольки насело, тожноситей не видно* (няша — тина, грязь; тожно — так что даже) [40]; *Мне дочери жалко* Типиницы; *Жалко бабушки* там же; *Жалко Володьки* Красный Бор; *Травы жалко* [41]; *Говорят, что брата жалко — ягодиночки жалчей* Балмасово Бабаевск. Волог.; *Мне жаль было крестьянства* Типиницы; *И сушоных можно и сырых* Ямок; *. . . навари, чяго табе нужна* Ворон. [42]; *Сладость нужно, мёду* Ногино Рослятинск. Волог.; *Нам чужое не нужно ничего* Счастливка; *Ай, да ничего в саду не слышно соловья* Зарасайск. р-н Лит. ССР [43].

Генитивных предложений с предикативом *надо* в наших материалах также немного — около четырех десятков. В большинстве этих предложений — как без отрицания, так и при отрицании — выступают имена, по своим лексико-грамматическим признакам относящиеся к числу тех, которые характерны для всех количественных конструкций, причем чаще всего здесь встречаются существительные с вещественным значением. Приведем примеры: *Надо им старых песен* Троицкая Гора Серёдкинск. Пск.; *Денег надо* Глинное Сычевск. Смол.; *Надо земли хорошия* Остров Тихвинск. Ленингр.; *Назьму надо* Стрельская Опаринск. Киров.; *Горячей воды надо* Бухалово Некоузск. Яросл.; *Ему овса надо* Мельник Дновск. Пск.; *Соли надо* Озёрки Подберезинск. Великолукск.; *Сперва всё молочка надо* Большие Кольки Тартуск. Эст. ССР; *Надо пару* (от *пар*) Низовка Красавск. Сарат.; *Мне вашего сена надо* Новая Дубровка Красногорск. Брян.; *Коров-то у нас штук по сорок есть, так им надо пойла* Таркуновка; *Дождю надо* Рыбное Острогожск. Ворон.; *Для сенокосу вёдра надо* Кречетово Каргопольск. Волог.; *Дождило-дождило, теперь уж хорошей погоды надо* Шамокша; *Денег не надо* Мокшенская Вельск. Арх.; *Не надо людей никого* Черная Волосовск. Ленингр.; *Не надо воды* Шамокша; *Да бывало не надо никакого мяса* (поскольку была хорошая рыба) там же; *Дождя не надо сегодня* Зарасайск. р-н. Лит. ССР [44]; *Молока не надо* Васильевка Екимовичск. Смол.; *Жары не надо* Уты Выгоничск. Брян.; *Помрем — ничего не надо*

---

[40] *Н. Филимонов.* Краткий образец наречия простолюдинов с. Елганского Глазовского уезда. ВГО, 7—X. — Пример заимствован из кн.: *А.Б. Шапиро.* Очерки по синтаксису русских народных говоров, стр. 139.

[41] *В. И. Чагишева.* К изучению курско-орловских говоров. (Наблюдения над говором Суземского района Брянской области). «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», 1954, т. 92, стр. 186.

[42] Ответ на программу МДК. Пример заимствован из кн.: *А. Б. Шапиро.* Очерки по синтаксису русских народных говоров, стр. 141.

[43] *О. Н. Шулене.* Указ. соч., стр. 382.

[44] Там же, стр. 393.

будет Озеривле. Существительные, являющиеся названиями неделимых предметов, могут употребляться в предложениях с отрицательной частицей, ср.: *Наперстка не надо ли?* Типиницы; *Не надо утюга* Черная Волосовск. Ленингр.; *Коровы мне не надо* Счастливка. Существительное этой группы в предложении без отрицания встретилось один раз: *Нужно сапог* (о паре сапог) Павловское Ровдинск. Арх.

В монографическом исследовании, посвященном структуре простого предложения в русском старожильческом говоре на территории Литвы, характеризуя конструкции типа *Вода надо*, О. Н. Шулене пишет: «В некоторых случаях в рассматриваемой конструкции вместо формы именительного падежа находим р о д и т е л ь н ы й, причем употребление его обусловлено лексическим значением существительного, выражающим идею количества (родительный количественный или родительный временного значения). Такие примеры немногочисленны . . .» [45] (далее следует пять примеров). В книге А. Б. Шапиро «Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения» дается четыре предложения рассматриваемой структуры (три из них с отрицанием) [46]; в книге В. И. Собинниковой «Простое предложение в русских народных говорах (по материалам говоров Воронежской области)» соответствующих примеров нет. Предположение о том, что предложения со структурной схемой «генитив+(отрицание) предикатив», будучи общерусскими, не принадлежат к числу конструкций, часто употребляющихся в диалектной речи, возникает и при изучении материалов, собранных для составления диалектологических атласов, а также наших личных записей. Объяснение этому обстоятельству следует, по-видимому, искать в сравнительно широком употреблении по говорам некоторых других конструкций — функционально соотносительных с рассматриваемыми. К числу таких структур относятся: двусоставные предложения с кратким прилагательным *нужен. . .* (типа *Лежи у вас золото — оно мне не нужно* Счастливка), характерные прежде всего для южнорусских говоров [47]; предложения, состоящие из предикативного наречия (с отрицанием или без него) и имени в именительном падеже (типа *Хлеб надо* Редковцы; *Не надо и печь никака* Малетино), употребительных главным образом в севернорусских и западных среднерусских говорах [48]; отрицательные

---

[45] *О. Н. Шулене.* Указ. соч., стр. 393.

[46] *А. Б. Шапиро.* Указ. соч., стр. 141.

[47] См.: *А. Б. Шапиро.* Указ. соч., стр. 141; *В. И. Собинникова.* Указ. соч., стр. 109.

[48] О предложениях, предикативная основа которых состоит из наречия и имени в именительном падеже, см., в частности: *Ф. П. Филин.* Об употреблении формы именительного падежа имен женского рода на *-а* в значении аккузатива. «Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русского языка», вып. 1. М.—Л., 1947; *Он же.* Из истории синтаксиса восточнославянских языков. О форме именительного падежа имен жен. рода на

предложения со словоформами *видать*, *слыхать* (ср. *Белавъ свету ни видать* Костёнки Гремяченск. Ворон. [49]; *Не стало ни одного мыша слыхать* Гимрека) [50].

Среди приведенных выше примеров есть пять таких предложений без отрицания, где именной компонент выражен существительным, называющим неделимый предмет (четыре предложения с наречием *жалко* и один с *надо*). Эти имеющие диалектный характер предложения зафиксированы на территории севернорусских говоров [51].

VII. Отрицательно-бытийные предложения с родительным падежом имени (*Коровы нет — обеда нет* Типиницы; *Три года вести не было* Малетино; *Думал, что корму-то не будет* Счастливка) являются общерусскими, однако место, занимаемое этими структурами в синтаксической системе, оказывается по говорам неодинаковым. Данное диалектное различие обусловлено тем, что в части говоров употребляются и двусоставные отрицательно-бытийные предложения типа *Никакая трава тут нету* Шоломя Красноборск. Арх.; *Барщина здесь не была* Погост Енецк. Арх.; *Тебе город никакой не будет* (провинившуюся девочку не берут в город) Малетино.

-а(-я) в значении аккузатива. — ВЯ, 1969, № 3; *В. Георгиева.* Синтаксические конструкции, образованные сочетанием именительного падежа с инфинитивом или наречием «надо» в современных русских говорах. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. 3. М.—Л., 1949; *И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко.* К вопросу о конструкциях с формой именительного падежа имени при переходных глаголах и при предикативных наречиях в русских говорах. «Вопросы диалектологии восточнославянских языков». М., 1964; *И. Б. Кузьмина.* Указ. соч., стр. 97—104; *Она же.* Еще раз о конструкциях типа *картошка выкопано, кони запряжено, пол помыто* в русских говорах. «Русские говоры. (К изучению фонетики, грамматики, лексики)». М., 1975.

В монографии О. Н. Шулене, в разделе о наречных конструкциях с именительным и родительным падежом имени, находим следующее замечание: «Особо отметим случай, где наблюдается разрушение древней конструкции с именительным падежом: *Не нужно тебе битончик никакого* (форма именительного падежа сохраняется в сущ. мужского рода и утеряна в относящемся к нему определении)»: *О. Н. Шулене.* Указ. соч., стр. 393. — В материалах, собранных для составления диалектологических атласов, нам встретилось одно предложение такого же характера: *Кони хороших надо* Чаронда Чарозерск. Волог. Кроме того, здесь имеются два предложения, где имена в родительном и именительном падежах употреблены в составе одной предикативной основы: *Перец и вина надо* Малеево Вашкинск. Волог.; *Сладость нужно, мёду* Ногино Рослятинск. Волог.

[49] *В. И. Собинникова.* Указ. соч., стр. 104.

[50] Возможно, что некоторую конкуренцию наречным конструкциям составляют и предложения с такими глаголами, как *жалковать, надобиться.*

[51] Примеры, свидетельствующие о возможности употребления в предложениях со структурной схемой «генитив + предикатив» существительных, называющих неделимые предметы, в литературном языке предшествующих эпох см. в кн.: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в системе простого и осложненного предложения. . .», стр. 316—318.

Являясь формами одной синтаксической парадигмы [52], двусоставные отрицательные предложения с бытийным глаголом и со словом *нет* существенно различны по употребительности в говорах. Предложения в форме прошедшего и будущего времени (а также в формах ирреальных наклонений) характерны для архангельских и онежских говоров севернорусского наречия. Приведем несколько примеров из материалов по двум обследованным нами деревням — Малетино (архангельский говор) и Типиницы (онежский говор): *У меня-то не был чепчик* Типиницы; *Никогда не были у нас лапти* там же; *Там-то финны не были* там же; *Танцы это у нас никакие не были* Малетино; *Сей год ничто не будет* (о ягодах) там же; *И молоко-то не будет* (если козу кормить луком) там же; *Тоже килограмм не будет* (о рыбе) там же; *Воздух сквозной бы чтобы не был* там же; *Чтобы эти все не были!* (о чужих детях) там же. Заметим, что, сосуществуя с двусоставными предложениями, общерусские предложения типа *Вести не было (не будет)* могут занимать и весьма скромное место в синтаксической системе — такая картина наблюдается, например, в говоре д. Малетино Пинежского р-на Архангельской обл. [53].

В специальной работе о предложениях типа *Дома мешок-от нету* (Хабариха Усть-Цилимск. Коми АССР) В. Барашков пишет: «. . . известные нам материалы ограничивают территорию распространения рассматриваемого оборота в основном тремя районами: районом верхней Камы, северо-восточной частью Сибири и, по-видимому, некоторыми местностями Карельской АССР и прилегающих к ней соседних областей» [54]. На указанных территориях русское население находится в непосредственном контакте с народностями, говорящими на языках финно-угорской группы. Основываясь на этом обстоятельстве, а также на структурном параллелизме данных конструкций с соответствующими конструкциями финно-угорских языков, В. Барашков высказал предположение, что конструкции типа *мешок-от нету*, не имеющие параллели в древнерусском языке, являются в современных русских говорах синтаксической калькой [55].

---

[52] Круг вопросов, связанных с парадигматическим изменением предложений, рассматривается ниже (для всех интересующих нас типов предложений одновременно) — в данном же разделе мы были вынуждены забежать вперед.

[53] Как известно, двусоставные отрицательные предложения с бытийным глаголом были употребительны в русском языке до XVIII в. — см. об этом, в частности: *В. И. Борковский.* Указ. соч., стр. 69; «Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Типы простого предложения». М., 1968, стр. 274—277; *З. Д. Попова.* Система падежных и предложно-падежных форм в русском литературном языке XVII в. (структурно-семантическое описание). Докт. дисс. (рукопись). Воронеж, 1969, стр. 181—182.

[54] *В. Барашков.* Об одной разновидности отрицательных предложений в севернорусских говорах. «Уч. зап. Глазовского гос. пед. ин-та», вып. 4. Ижевск, 1957, стр. 253.

[55] Там же, стр. 253—256.

Не располагая достаточным материалом (нам встретилось всего несколько двусоставных предложений с *нет*, зафиксированных на территории Архангельской, Вологодской, Ленинградской областей и Карельской АССР), мы не решаемся сказать, является ли предложенное объяснение причины появления структур типа *мешок-от нету* в русских говорах исчерпывающим.

VIII. В наших материалах по западным среднерусским говорам (Псковская и Новгородская области) и западной части говоров севернорусских (Ленинградская, Вологодская области и Карельская АССР) встретились предложения, предикативная основа которых состоит из имени в родительном падеже, слова *нет* и причастия (на *-но* или на *-ши*), ср.: *Еще нету ни одного стога поставлено дак* Щелейки; *Нет ли чего послано у его?* Чидово; *Выгона нету для лошадей огорожено* Большой Сварец Лядск. Пск.; *А дачников нету пущено?* Горка Мгинск. Ленингр.; *А продавца подыскано нет* Гавсарь Мгинск. Ленингр.; *Табаку нету привезёно?* Кузнецовская Вытегорск. Волог.; *Горшочек намытый, только поглядите, нет ли с краешка чего приставши* Шамокша; *Покуля его нету явивши* Городище Печорск. Пск.; *Повойника-то нету оставши* Заполье Кингисеппск. Ленингр.; *Говоруна-то нету пришотчи* Вторая Сланцевск. Ленингр.; *Шурки нет приехатчи, значит*? Ефремково.

Данные конструкции представляют собой, по-видимому, прямую параллель тем распространенным на территории русского северо-запада причастным конструкциям без отрицания, где причастная форма выступает в сочетании со служебным глаголом *есть*, ср.: *Усадьба есте дадена тама* Сологубовка Мгинск. Ленингр.; *У меня есть заработана с колхоза медаль* Ефремково; *Приехать нужно за сучьям, еще есь сучья оставши* Выбье Кингисеппск. Ленингр.; *У меня краски-то е взято* Шамокша; *Бензину есть оставши* Мельница Пушкиногорск. Пск. (В предложениях с количественным значением имя может выступать в форме родительного падежа — см. структурную схему V).

В предложениях, построенных по структурной схеме «генитив+*нет* + причастие», предмет, названный именем в родительном падеже, может обозначать как субъект действия (состояния), так и его объект (субъектный генитив обычен в предложениях с причастной формой на *-ши*, объектный — в предложениях с формой на *-но*) [56].

IX. Предложения, построенные на основе общерусской структурной схемы «отрицание+генитив», включают в себя отрицательное местоимение, сочетание *ни одного* или отрицательную частицу *ни*, ср.: *Никаких делов, ахти тошно!* Троицкая Гора Середкинск. Пск.; — *Ну что стоишь как столоб? Слышал? — Никаких раз-*

[56] О причастных конструкциях с *нет* и *есть* подробнее см.: *И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко.* Синтаксис причастных форм в русских говорах, стр. 191—195.

биваньев и поворачиваньев! Косколово Кингисеппск. Ленингр.; *У нас ведь никакого заразу — воздух чистый* Малетино; *Никаких отдыхов* Никольское Сердобск. Пенз.; *Вдовам плохо — никакой помощи* Озеривле; *Ничего хорошего* Максимовка Тугалуковск. Тамб.; *Ни одного дождя* Малый Красный Яр Барашовск. Яросл.; *Ни звуку* Ямок; *Дров ни полена* Луневщина Гдовск. Пск. Предложения с частицей *ни* могут образовывать сложные конструкции, как правило, двучленные, ср.: *У нас ни столов, ни зеркалов* Волог. [57]; *Ни подвоев, ни сарафанов* Троицкая Гора Серёдкинск. Пск.; *Ни щепочков, ни стружечков* Данилкино Балашовск. Сарат.; *Ни дитей, ни родных* Максимовка Тугалуковск. Тамб.; *Господи, ни обужи, ни одежи у детей!* Торкуновка. — На основании имеющихся материалов можно заключить, что для диалектной речи характерны именно такие, сложные конструкции с генитивом и частицей *ни*.

X. Отрицательные инфинитивные предложения со значением невозможности, включающие в свой состав имя в родительном падеже, являются общерусскими. Приведем иллюстрации: *Сей год не настрадать сена* (не добыть) Малетино; *Есть в других деревнях, дак и глаз не отворить* (из-за комаров) там же; *А я уж думала — и козочки не держать* Шамокша; *Кровати-то не найтить* Перевалок Сланцевск. Ленингр.; *Тебе тоже в одном кусту ягод не набраться* (о собирании материала диалектологом) Типиницы; *Света-то не дождаться* Колоколово; *Глаз не продрать* Замошье Лядск. Пск.; *А лентов-то и не набраться* (для кос) Ямок; *Бывалъ, зайдём — ничего ни видат'* Оськино Гремяченск. Ворон. [58]; *Буря, бывало, пойдеть, зуи божей не видать* Ряз.[59].

В отрицательных инфинитивных предложениях определенной выше семантики имя может иметь и другую форму — винительного и именительного падежей, ср.: *Не будет дажа — скатину не видать гонють* (т. е. если не будет дождя, то из-за пыли не видно будет скотину, когда ее будут пригонять; Ряз.) [60]; *Вот это век не забыть* Малетино; *Нам теперя избушка-то не нажить* Балмасово Бабаевск. Волог.; *Нам не сорать эта полянка* Шамокша; *Машина-то не достать* Раменье Осташковск. Калин. В форме именительного падежа могут употребляться существительные женского рода на *-а* — соответствующие диалектные структуры отмечены в тех говорах (севернорусских и западных среднерусских), которым известно употребление формы именительного падежа имен на *-а* при переходных глаголах в функции

---

[57] *А. Б. Шапиро.* Указ. соч., стр. 197.
[58] *В. И. Собинникова.* Указ. соч., стр. 112.
[59] *А. Б. Шапиро.* Указ. соч., стр. 139. — Предложения со словами *видать, слыхать*, имеющие собственно отрицательное значение, Н. Ю. Шведова определяет как замкнутую группу внутри рассматриваемой схемы (см.: «Грамматика современного русского литературного языка». Под ред. Н. Ю. Шведовой, стр. 568).
[60] *А. Б. Шапиро.* Указ. соч., стр.198.

аккузатива. Заметим, что в наших материалах встретилось одно предложение, где при именительном падеже существительного определение-прилагательное употреблено в форме родительного падежа: *Не видать крепкой лодка* Осташково Дрегельск. Новг.

Всем односоставным предложениям рассмотренных выше типов присуща способность к парадигматическим изменениям. Применительно к литературному языку Н. Ю. Шведова относит данные предложения (речь идет, разумеется, об общерусских структурных схемах I—III, V—VII, IX, X) к числу таких, которые обладают тремя временными формами и тремя или четырьмя формами ирреальных наклонений (может отсутствовать форма долженствовательного наклонения) [61]. Скорее всего таковы же парадигматические возможности данных типов предложений и в говорах. Наличие того же круга форм можно предполагать и для предложений двух диалектных типов (IV и VIII). Однако имеющиеся у нас материалы свидетельствуют о том, что форма будущего времени интересующих нас типов предложений и особенно их формы ирреальных наклонений встречаются в диалектной речи редко: мы можем проиллюстрировать сравнительно полно только одну форму генитивных предложений (помимо исходной) — форму прошедшего времени. Рассмотренные структурные схемы допускают также включение вспомогательных глаголов. В наших материалах встретился ряд соответствующих предложений с глаголом *стать* и одно предложение с глаголом *сделаться*. Ниже мы приводим весь имеющийся у нас материал, относящийся к реализации структурных схем генитивных предложений, за исключением предложений I, III, V и VII типов в форме прошедшего времени (эти последние, в силу их многочисленности, представлены выборочно):

I. *У матери было нас трое* Малетино; *Сыновей-то пять было* там же; *Сколько ягод было — косили — так, милая, ягод было* Щетинское Мяксинск. Волог.; *Праздников-то было много* Типиницы; *Вишни-ти мало было* Свинцовка Вязовск. Сарат.; *Людно скота-то было* Сакулинская Черевковск. Арх.; *Желто морошки было на болотах* Малетино; *Красно малины-то было* там же; *В прошлом годе беда было клюквы-то* там же; *Лаврового листу было — целый ящик* Шамокша; *Восемь душ было семьи* Типиницы; *Зверья было — ой! микробов-то, оводу — ой!* Лунья Омутнинск. Киров.; *Тут грибов-то было — не оберешь* Яхробол Некрасовск. Яросл.; *Войнов редко было* Березники Тужанск. Киров.; *Такой зимы*

[61] См.: «Грамматика современного русского литературного языка». Под ред. Н. Ю. Шведовой, § 1314—1316, 1322, 1327, 1328, 1332, 1365, 1367, 1368, 1371. — Значительные материалы, показывающие парадигматические изменения генитивных предложений в литературном языке, приведены в неоднократно упоминавшейся выше монографии Ю. М. Костинского.

редко было Лидь Ефимовск. Ленингр.; *Здесь домов часто было* Рождественское Яранск. Киров.; *Праздников часто было* Вожгалы Вожгальск. Киров.; *Сей осени будет 14 годов* Ефремково; *Три хороших будет* (километра — до поселка) Чидово; *Денег стало много* Малетино; *Ума-то ведь стало много* там же; *Охотника много стало* Суздальск. Влад. [62]; *Сейчас звездов стало на небе мало, раньше пластинами звезды были* Малетино; *Редко стало домов* Красково Петриневск. Волог.; *Моленьев редко стало* Рожниха Тонкинск. Горьк.; *Вдруг сделается дыхания мало* Пашозеро Кашшинск. Ленингр.

II. *Было мни-ка тоски!* Гимрека; *Дури, дури-то было!* Костино Судайск. Костр.; *Ну, конеча и снегу было! Ужасти снегу было!* Дубняги Киришск. Ленингр.; *Ой, да тут делов было!* Пашозеро Кашшинск. Ленингр.; *Ой, вчера было мошки!* Коварзино Кирилловск. Волог.; *Что людей было умных!* Койда Мезенск. Арх. (ОЛА); *Что лесу было, батюшки!* Яхробол Некрасовск. Яросл.; *Ныне зима — что было снежищу! — Всё валит, валит* Керузино Кимровск. Калин.; *Шуму будет!* (если придет машина) Костино Судайск. Костр.; *Ой, будет баб!* Чидово.

III. *Было веревочек, да все не знаю где* Шамокша; *Было ли чужих коз-то?* Давыдовская Лодейнопольск. Ленингр.; *А у нас и дома было работы* Малетино; *Будет горя-то* Прядаево Кадуйск. Волог.; *Сливочного масла будет* Замошье Череповецк. Волог.; *Да ведь, наверно, и здесь будет сена-то продажного* Щетинское Мяксинск. Волог.; *Да у них будет тракторов* Калитинка Каргопольск. Арх.; *Вот вам товарищей будет* Заполье Лужск. Ленингр.; *Теперь разговору-то будет* Врачево Ефимовск. Ленингр.; *Вот если в ильинскую пятницу дождя не будет, весь год будет пожаров* Косколово Кингисеппск. Ленингр.; *Там машин будет* Кресты Сандовск. Калин.; *Не знаю, дождя будет* Ванькин Бор Максатихинск. Калин.; *Сейчас бы хлебишка поднаросло, так стали бы укрепляться бы помаленьку* Кладово Пошехоно-Володарск. Яросл.; *Къбъ ни вайна, можът, и у нас асталъс бы стърикоф* Дагдск. р-н Латв. ССР [63]; *Картошки у меня хватило бы до новой* Давыдовская Лодейнопольск. Ленингр.; *Нам вёдра-то надолго бы хватило* Ямок; *Сухо очень — хоть дождика бы было* Косколово Кингисеппск. Ленингр.; *Их тут нет, кабы их было тут!* (об иголках) Мехикоорма; *Хорошей бы погоды!* там же; *Воды бы холодной* Дубовка Золотовск. Сарат.; *У нас зверья стало* Старина Никольск. Волог.; *Мух у нас опять стало* Ефремково; *Разных языков стало у нас теперь* Косколово Кингисеппск. Ленингр.

---

[62] *В. Чернышев.* Сведения о говорах Юрьевского, Суздальского и Владимирского уездов. «Сб. ОРЯС», 1901, т. 71, № 5, стр. 26.

[63] *М. А. Новгородов.* Из наблюдений над синтаксисом говора русского старожильческого населения Дагдского района Латвийской ССР. «Уч. зап. Даугавпилсского пед. ин-та», вып. 1. Серия гуманит. наук. Даугавпилс, 1958, стр. 322.

IV. Нет примеров.

V. 1. *Народу насевши было* Мининская Оштинск. Волог.; *Было молодежи собравши* Киршин Конец Капшинск. Ленингр.; *Было нашовши народу* Жилино Осьминск. Ленингр.

2. *У меня бобу насеяно было* Чидово; *Дождевой воды было налито* Драготин Полновск. Пск.; *Было нам прирезано земли* Сухая Березовка Бобровск. Ворон.; *А теперь этого и не подумано было* Красные Горы Лужск. Ленингр.; *Труб не было выведено* Горбухино Пестовск. Новг.; *Денег-то было спасши* Посад Подпорожск. Ленингр.; *Намоловши было муки ржаной* Пеньково Брусовск. Калин.; *Не было постлавши камней* Козиха Спировск. Калин.; *Ничего не было посадивши* Таложня Новоторжск. Калин.; *Десятого августа уже будет завалено здесь картошки* Гимрека; *А было бы ржи посеяно, так и горе в воду* Кулье Печорск. Пск.; *У меня чтобы грибов было набрано!* Починок Валоватое Варновинск. Горьк.

VI. *Мне жаль было крестьянства* Типиницы; *Да не жалко мне было этого шнура* Мехикоорма; *Бог даст поживем, а помрем — ничего не надо будет* Озеривле; *Рабочих бы надо* Калитино Волосовск. Ленингр.; *Надо бы погодки* Борисово Судайск. Костр.; *И ничего уж не надо ему стало* Киселево Бурмакинск. Яросл.

VII. *Красы-то хоть не было, ребята не избегали* Малетино; *И хлеба не было* Типиницы; *Свекра и свекрови не было* Счастливка; *Вот если в ильинскую пятницу дождя не будет, весь год будет пожаров* Косколово Кингисеппск. Ленингр.; *Не, и завтра не будет, знай, дождя* Ефремково; *Эва как затянуло, не будет вёдра-то* там же; *Очень ветер-от велик, всё обдуло — не будет ничего* Малетино; *Коровы не будет, тогда обряжать не надо* там же; *Думал, что корму-то не будет* Счастливка; *Ой, хоть бы не было на вечере дождика!* Малетино; *Хоть бы ветра-то не было!* там же; *Хлеба-то не стало* Большая Деревня Боряковск. Волог.; *Памяти ничего не стало* Костино Судайск. Костр.

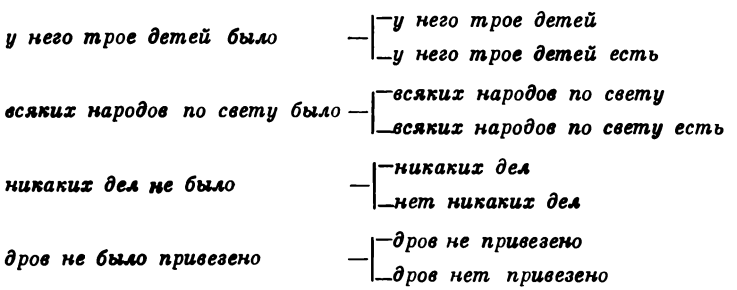
VIII. *Бомбы не было упавши* Тарасово Борисово-Судск. Волог.; *Шесть суток держала* (убитую дочь) *— не было начальства приехатчи* Гимрека; *Наших не было пришотчи* Заполье Лужск. Ленингр.

IX. *А ведь раньше-то у нас было — не было ни автобуса, ничего* Ефремково.

X. *Вина-то не достать было* Мехикоорма; *Тыи не были — не достать места было* (в детском саду) там же; *Не чуть было никакого стуку* Трофимово Белозерск. Волог.; *Не стало ни одного мыша слыхать* Гимрека.

К приведенным парадигмам нужно сделать одно существенное примечание — оно касается определения исходной формы четырех групп структур, типов: 1) *у него трое детей было* (*будет, было бы, стало. . .*); 2) *всяких народов по свету было. . .*; 3) *никаких дел не было. . .*; 4) *дров не было привезено. . .* В говорах все четыре

группы структур, а в литературном языке две из них — первая и третья — представляют собой позицию неразличения каждая для двух типов конструкций в форме настоящего времени:

То положение, что конструкции типа *у него трое детей будет*, *всяких людей по свету было*, *никаких дел не стало*, *дров не было бы привезено*. . . не всегда могут быть соотнесены с определенным исходным типом (предложением в форме настоящего времени), создается за счет следующих фактов: 1) как в говорах (особенно на территории русского северо-запада), так и в литературном языке односоставные конструкции, именной компонент которых состоит из родительного падежа имени и слова (группы слов) с количественным значением, сосуществуют с двусоставными конструкциями, в которые входит словоформа *есть*; 2) для говоров (прежде всего для западной части севернорусских) характерно вовлечение в генитивные конструкции более широкого круга глаголов, чем в литературном языке, причем наиболее употребительными оказываются предложения с *есть*; в говорах для предложений со структурной схемой «генитив» количественно-эмфатическое значение менее обязательно, чем в литературном языке; 3) во всех частных системах русского языка отрицательные предложения, предикативная основа которых выражена сочетанием генитива с отрицательным местоимением или частицей *ни*, сосуществуют с предложениями, предикативная основа которых двукомпонентна — включает в себя еще слово *нет*; 4) в говорах на территории русского северо-запада встречаются причастные конструкции, в состав предикативной основы которых входит слово *нет*; конструкции типа *Дров нет привезено* функционально соотносительны с конструкциями типа *Дров не привезено*.

В заключение позволим себе подчеркнуть некоторые моменты общего характера, вытекающие из предшествующего изложения.

По составу структурных схем предложений с генитивом, их лексико-грамматическому наполнению, семантическим возможностям и функционированию предложений, образованных на основе этих структурных схем, говоры существенно отличаются от современного литературного языка.

Большинство фактов, являющихся в настоящее время диалектными, уходит корнями в языковую действительность предшествующих эпох в развитии русского языка.

Все диалектные особенности, связанные с односоставными предложениями, в предикативную основу которых входит генитив, концентрируются в тех или иных говорах из числа севернорусских и западных среднерусских.

Изучение диалектного материала с учетом особенностей в функционировании синтаксических единиц, включая сюда вопросы, касающиеся соотносительности рассматриваемых конструкций с другими, — это один из способов поколебать устоявшееся мнение о незначительности диалектных различий в области синтаксиса.

ЛЕКСИКА

Т. С. КОГОТКОВА

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

(К проблеме освоения литературной лексики в современных говорах)

Предметом настоящих лексико-семантических заметок является лексика, заимствуемая современным говором из литературного языка. В ранее опубликованных работах нам уже приходилось касаться лексико-фразеологических единиц этого типа [1]. Для исследования этих вопросов к настоящему времени создана достаточная языковая база. Лингвистические тексты диалектов [2], отраженные в диалектных словарях, в значительной мере расширены и продолжают расширяться материалами индивидуальных лексикологических исследований.

Успешное освоение слов и целых лексико-семантических групп литературного языка в современном диалекте стимулируются двумя внеязыковыми факторами: 1) заметно возросшей социальной дифференциацией сельского населения и 2) интенсивной сменой предметно-понятийного фонда. В силу этого процессы освоения литературной лексики в говорах не только протекают неравномерно на разных территориях, но и социально всегда индивидуализированы. Обобщение этих процессов тем успешнее, чем больше в распоряжении изучающего отдельно взятых микроисследований по лексемам (или группе лексем), фраземам (или группе фразем), устанавливающих не только тематическое закрепление заимствуемых слов по говорам, не только смысловую,

---

[1] *Т. С. Коготкова.* О некоторых особенностях диалектной лексики в связи с устной формой ее существования. — В кн.: «Славянская лексикография и лексикология». М., 1966; *Она же.* Некоторые наблюдения над лексикой современного говора (на материале русского языка). — В кн.: «Язык и общество». М., 1968; *Она же.* О некоторых особенностях освоения литературной лексики в условиях диалектного двуязычия. — В кн.: «Проблемы двуязычия и многоязычия». М., 1972.

[2] Понятие текста в областном словаре, а также библиографический свод современных областных словарей см. в нашей статье «О «внешней» обусловленности словников областных словарей». — В кн.: «Памятники русского языка. Вопросы исследования и издания». М., 1974.

стилистическую и структурно-морфологическую трансформацию их в диалектах, но и время и сроки этого освоения. Пока что эти сведения фрагментарны, а по отдельным вопросам (сроки, время) их почти нет.

Проникновение слов литературного языка в говоры, их адаптация лексическими диалектными системами было всегда. Подробности же, т. е. когда, при каких внеязыковых обстоятельствах, в каком номинационном потоке эти лексико-фразеологические единицы оседали в говорах, что способствовало их утверждению в лексико-семантических системах диалектов, помогают установить кропотливые историко-этимологические исследования [3]. Они же характеризуют эти процессы как часть языковых контактов, которые обязательны в естественном развитии любого языка. Движение слов в диалекты стимулируется тесной связью языка и жизни, проницаемость же лексического уровня — это гибкое свойство языкового механизма — призвано осуществлять эту связь. Отсутствие письменной формы существования для слова в диалекте и кодифицированных норм словоупотребления способствуют семантической подвижности таких элементов, причем нередко подчеркиваются и в конце концов развиваются лишь какие-то отдельные семантические признаки, составляющие значение переходящего в говор слова. «Большое разнообразие и сложность лексико-семантических типов, наблюдающихся в говорах, — пишет Н. И. Толстой, — делает диалектный материал более эффективным для изучения лексико-семантических отношений» [4]. Это справедливое замечание исследователя вполне приложимо к лексическому материалу разных периодов проникновения в диалекты, в том числе и самому последнему.

В 30-х годах В. М. Жирмунский, исследуя соотношение словарного запаса крестьянина и образованного буржуа в эпоху капитализма, отмечал, что «. . . основное различие между языком господствующих классов и крестьянскими говорами не в количестве слов, а в самом характере лексики. В крестьянских говорах отсутствуют обширнейшие лексические сферы, связанные с языком науки и техники, искусства и литературы, политической и общественной жизни, в частности — интернациональные «культурные» слова: если слова такого рода проникают в крестьянскую речь через школу, газету и книгу, в связи

---

[3] Ср. к примеру наблюдения Ю. П. Чумаковой о замене местных ткацких терминов *сукало—скало—скалка—скально* на термин *катушка*, происшедшей в XIX в. в рязанских говорах: *Ю. П. Чумакова.* Текстильная лексика говора района «Богословщина» Рязанской области. (Семантическая, диалектологическая и этимологическая характеристика). Автореф. канд. дисс. Горький, 1966.

[4] *Н. И. Толстой.* Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии. — В кн.: «Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов». М., 1968, стр. 342.

с перестройкой деревни в условиях развитого капитализма, то они являются в диалекте как бы заимствованиями из национального языка, нередко сохраняя литературную форму, отличную от фонетических закономерностей данного диалекта» [5]. Эта характеристика авторитетного ученого не может быть приложена к русским диалектам социалистической эпохи. На наших глазах осуществляется идеографическая смена старого словарного запаса деревни новым. Исследователи этих процессов констатируют огромное количество лексико-фразеологических единиц литературного языка, освоенных в говорах. Отдельным сторонам деревенской жизни соответствуют иногда целые тематические группы общенародной лексики, полностью «укомплектованные» литературными словами. Шадринская исследовательница А. Н. Соколова называет восемь таких лексико-тематических групп, появлению которых обследованный ею говор обязан новым условиям деревенской жизни и влиянию литературного языка (от 200 до 997 слов в лексиконе отдельных диалектоносителей). В числе их обычны лексемы: *автономия*, *баллотировка*, *герб*, *парламент*, *республика*, *дипломат*, *конгресс*, *революция*, *фестиваль* и мн. др.[6] Именно тематическая реорганизация диалектных лексических систем является наиболее освещенной в литературе предмета при исследовании актуальных в наши дни процессов сближения говоров с литературным языком, начиная с работ 30—40-х годов Ф. П. Филина, Н. М. Каринского, Н. П. Гринковой, В. М. Никитина и др.

Очень многие лексико-фразеологические единицы из числа заимствованных из литературного языка в говор получают особое, специфическое семантико-стилистическое наполнение. Эти смысловые трансформации являются результатом основных закономерностей, характерных для смыслового видоизменения слова вообще: метафорической и метонимической изменчивости, конкретизации в приложении к новому денотату, народному этимологизированию и под.

О полноценной и продолжительной жизни слов общелитературного языка, попавших некогда в говоры, ассимилированных там, особенно убедительно говорят диалектные деривационные образования с корневым иноязычным элементом и в то же время со специфически местным семантическим наполнением, ср. в рязанских говорах *нишка*, *поднишка*, лит. *ниша* в знач. ‘противня, патклет’ (Руделев, с. 115); *банкет* ‘пирушка, попойка, увеселение’ оренб., перм., сарат., смол., дон.; ∽ *голый банкет* ‘о бедняке, любящем веселье, пирушки’ ворон.; *банкéтовать — банкетовáть* ‘пировать, застольничать’ (Даль — без указ. места),

---

[5] *В. М. Жирмунский.* Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936, стр. 77—78.

[6] *А. Н. Соколова.* Изменение территориального диалекта под влиянием социальных факторов. Очерки по социолингвистике. Шадринск, 1971, стр. 37 и след.

печор. (СРНГ, вып. 2); *ба́нта* ‘светлая блестящая (металлическая или стеклянная) пуговица на платье’ арх.; *ба́нтик* ‘медный или свинцовый набор на крышке хомута, круглый, но совсем плоский, напоминающий лепешку, который закрепляется на гайку’ костр., ‘кольца, прикрепляющие косу к рукоятке’ волхов., ленингр.; *ба́нтить* ‘украшать что-либо бантами из лент’ яросл., костром.; *ба́нточка* — уменьш.-ласкат. к *ба́нта* пинеж., арх. (СРНГ, вып. 2).

Слова литературного происхождения в говоре, появившиеся там в наши дни, особенно те из них, которые приближены к сельской жизни (*колхоз*, *совхоз*, *район*), можно считать бесспорной принадлежностью лексических систем современной диалектной речи. В то же время наблюдается их тесная связь с языком общенародным, особенно с его разговорной разновидностью: и в том, и в другом случае заметно проявляются одинаковые тенденции в семантическом развитии слов.

Покажем это на примере метонимических видоизменений их семантики. Метонимические переносы занимают едва ли не самое заметное место среди семантических сдвигов в слове. Основанная на психологической ассоциации по смежности, т. е. на вещной связи в самом широком ее понимании, метонимия особенно характерна для народно-диалектной речи [7]. В последние годы значительно продвинулось вперед теоретическое осмысление метонимических превращений в слове благодаря семантическим исследованиям Д. Н. Шмелева. В его работах не только представлена всесторонняя классификация метонимических переносов в лексике русского литературного языка на современном синхронном срезе, но и идея о необязательном закреплении метонимического сдвига в самостоятельном лексическом значении, звучавшая ранее глухо [8], обрела концептуальное выражение. Д. Н. Шмелев относит метонимию к типу «регулярных семантических соотношений» в слове в противоположность «нерегулярным», а потому метонимия представляет собой явление не словарное, а семантико-синтаксическое [9].

---

[7] Колоритный пример метонимического переноса отмечает Ф. И. Буслаев у слова *вода*, когда оно у архангельских поморов означает ‘промежуток времени между двумя полными приливами и отливами’, около 12 часов; сутки, таким образом, состоят из двух *вод* («Историческая грамматика». М., 1959, стр. 292). Временна́я семантика у слова *вода* проявляется тогда, когда оно означает ‘весь судоходный сезон’. Ср. у Горького: Вот те и «Боярыня» моя! Всего одну *воду* проплавала. . . Ну, справим, что ли поминки ей. Баржу раздавило (Горький, Фома Гордеев). На базе метонимического переноса развилось временно́е значение и у слова *роса* в говоре д. Деулино Рязанской обл., когда оно служит мерой времени для отдельных процессов в сельском хозяйстве (заготовки сена, льна и т. п.): (*никагда́ з двух рос ни грябу́ть* [сено]. *В лясни́чисви выде́рживають па три расы*; *сено двухро́сное*, *трехро́сное* и т. п., пролежавшее две, три и т. п. росы. (Деул.).

[8] *Л. А. Булаховский.* Введение в языкознание, ч. II. М., 1953, стр. 65.

[9] *Д. Н. Шмелев.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973, стр. 220, 222 и след.

Диалектные лексические системы современных говоров, получившие огромное количество слов из литературного языка, наглядно демонстрируют эту «регулярность» метонимических смещений, ибо последние легко распространяются на новую лексику, короткая история которой в говорах легко обозрима.

Задачи семантического анализа, которым посвящаются настоящие заметки, заставляют нас держать в центре внимания отдельные смысловые элементы слова и динамику их в разных, но сообщающихся между собой лексико-семантических системах диалекта и литературного языка, взятых на одном синхронном срезе [10].

Избранный нами метод семантического анализа — выделение мобильных смысловых элементов слова [11] — обусловливает и сам языковой материал статьи: ограниченное количество слов, семантическая структура которых раскрывается в многообразных контекстах диалектной речи, при этом предпочтение в выборе контекста отдается тому, который появляется в непосредственной речевой деятельности диалектоносителя, без «давления» наблюдателя-лексиколога.

Появление слова *колхоз* в русском языке нетрудно определить хронологически: конец 20-х годов, годы коллективизации (первая фиксация — Ушак., Толк. слов.). Его стабилизация шла вне зависимости от территориального, функционально-стилевого и социального расслоения русского языка. Как в диалектной речи, так и в литературном языке оно имеет одинаковую денотативную отнесенность: ‘коллективное хозяйство (социалистическая форма производственного объединения трудящегося крестьянства для коллективного ведения сельского хозяйства, основанная на обобществлении основных средств производства)’ (Словарь русского языка в 4-х томах, т. II). В диалектной речи слово *колхоз* (и производные) пережило стадию «ложного диалектизма» в плане выражения, варьируясь не только фонетически с литературно-кодифицированным обликом слова: *кольхоз — холхоз — холкоз* (Селищев), *колфоз — колфозник*, *колькоз — кольхоз — кольхозник — кольхозный* (Палагина), но и номинационно: *колехтив — колефтив*; *промколхоз*; *коллективный — общественный — государственный — общий* ‘относящийся к колхозу’ (Селищев).

Идентичный с литературным языком план содержания, неизменно сохраняющийся у слова *колхоз* и в диалектной речи

---

[10] Ср. такой пример. Значения слова *бал* в говорах ‘званая вечеринка по поводу именин’ новг.; ‘безделье, пустые разговоры’, ‘веселое времяпрепровождение’ волог., кадн., с возникшим на этой основе фразеологизмом *балы распускать*, *строить* ‘бездельничать, вести пустые разговоры’ кадн., волог., мещов., калуж.; ‘званая вечеринка по поводу именин’ боров., новг. 1923 (СРНГ); ‘любое сборище гостей’ арх. (собств. набл.); ‘встреча, собрание друзей, родных с угощением’ (ПОС) являются модификацией одного и того же смыслового элемента ‘увеселительное сборище кого-либо’, в литературном языке: ‘вечер с танцами под музыку’ (Ушак.).

[11] *Д. Н. Шмелев.* Указ. соч., стр. 219.

на протяжении всего периода его существования, конструирует аналогичную языковую синтагматику. Ср. *колхоз*: *большой/небольшой*, *передовой/отсталый*, *богатый/небогатый* и т. п.; *есть — быть — состоять в колхозе*; *привезти — передать — сдать в колхоз*; *работать в колхозе* (и все глаголы конкретного «рабочего» действия, включая их эмоционально окрашенные соответствия); *войти — вступить в колхоз*, в ряде случаев варьируясь диалектными компонентами лексем: *взойти в колхоз*, *зайти в колхоз*, *записаться в колхоз*, *в колхоз ходить* (*ани́ зашли́ ф калхо́с*, *а мы́ тъ ни хади́ли* — Деул.); *записаться в колхоз* (Каринский, 1936), *зача́лся колхоз* (Деул.). Лексико-синтаксические контексты разной степени развернутости, обычные для письменной формы литературного языка в текстах социального, политэкономического, статистического и под. содержания (ср.: Наши совхозы и колхозы, обеспеченные современной передовой техникой, имеют возможность быстрыми темпами повышать урожайность всех сельскохозяйственных культур и продуктивность общественного животноводства. — 50 лет КПСС), естественно, не наблюдаются в устной диалектной речи.

Метонимические смещения в слове *колхоз* в диалектной речи многообразны. На характер метонимизации здесь оказывают влияние такие постоянные свойства диалектной речи, как обиходно-бытовая природа ее тематики (в плане содержания), конкретность и образность словесного обозначения (в плане выражения).

Колхоз, в лексической системе говора, — это прежде всего данное конкретное коллективное хозяйство, в котором сам диалектоноситель живет и трудится. *Двух яжжа́лых быко́ф бра́ли*: *ф калхо́зи рабо́тали на быка́х* (Деул.); *Щас я вот сидю́ — мая уса́дьба, а умру́ — калхо́з вазьметь. Са́ни* [сыну] *ийо́ ни даду́ть* (Деул.); *Калхо́зники, ис працанто́ф ани́ ко́сють, три про́цанта аддаду́ть ф калхо́с, а два — сибе́* (Деул.); *Ф колхо́зе-то скот сохра́няют, а моя те́лочка перехо́дница, еще гот перегу́ливат* (СгП). Обычная, таким образом, конкретизация в условиях обиходно-бытового контекста предопределяет и подчеркивает пространственную, временную, результативную, процессуальную и другую смежность обозначения. *Агурцы́ ф калхо́зи цвяту́ть, а у миня́ каки́и-та нидаро́слики* (Деул.) ‘колхозное поле’; *Саба́ку лиху́ю на́да. Вон ф калхо́зи бы́ли агурцы́ — рибята́шки вы́дирнуть* и *пабигу́ть* (Деул.) — ‘колхозное поле’; *Ба́ба ни вымята́ла* [сор в избе], *а в угало́к да в угало́к, сабира́ла в грудушо́к, да тавб дабы́лась — ф калхо́зи ильна́к быка́ брала́, сор вывази́ть* (Деул.) — ‘скотный двор данного колхоза’, ‘колхозный скотный двор’; *Га́ня до́ма, сро́ду весь ве́к ня хо́дить, е́нта сро́ду притво́рница, ф калхо́с ни схо́дить* (Деул.) — ‘колхозные работы’; *Калхо́с дал драва́ альхо́выи, ани́ сыры́я* (Деул.); *Он бува́ла хоть винб пил, а я никуды́ сро́ду ни хади́ла: ни в магази́н, ни ф калхо́с праси́ть чегб-нить там на пита́ния. . . бува́ла принисе́ть, фсё доста́-*

нить — ешь (Деул.); [Сын матери:] *Мам, я вóт как абдýмал: я у тя струýп вазьмý, а твáю — три стяны́ приткни́ и вы́правю ляскý ф калхóзи* (Деул.) — ‘правление колхоза’. Не имея в своем лексическом содержании темпоральной семантики, слово *колхоз* в определенной синтаксической позиции, подобно многим существительным [12], легко приобретает временну́ю функцию. *Бывáло, до колхозу рабóтали до пóту лица, а тепéрь артелью повáдно, хорошо* (СгП). *У нас до колхозов жыли в единоличку. . .* (СгП) — ‘до создания колхозов’. Разделяя судьбу многих существительных, слово *колхоз* в разговорной речи очень часто применяется в смысле ‘члены колхоза, колхозники’ (метонимическая модель в результате пространственной смежности — совокупность людей по месту их жительства, работы и т. п.[13]. Внеязыковая актуальность данной реалемы (термин Н. Д. Андреева) — ‘член какого-либо коллектива’ или ‘житель какого-либо места’ (в приложении к колхозу — *колхозник/колхозники*), всеобщая распространенность лексемы *колхозник*, — по-видимому, оказывает языковую поддержку для словарного обособления этой семантики и у слова *колхоз*. Не случайно оба последних толковых словаря литературного языка (17-томный и 4-томный) выделяют его в качестве оттенка к основному значению, сопровождая пометой *разг.* (*Возле избы Никаноровой стоит эмка Степана Васильевича. Вокруг машины чуть ли не весь колхоз. Здесь и доярки, и пастух Анисим, и Леша, и Карпов* (С. Антонов, Посланец моря). Близкая тематически лексема *совхоз—совхозники*, по всей вероятности, уступает *колхоз—колхозники* по экстралингвистическим показателям. На это указывает отсутствие аналогичного оттенка значения у слова *совхоз* в толковых словарях, отразивших один и тот же хронологический срез литературного языка.

Семантико-функциональное своеобразие процессов освоения литературного слова диалектной лексической системой, даже при условии полного совпадения денотатов (наш рассматриваемый случай), когда сами «предметы и явления утверждают определенное значение нового термина» [14], тем не менее всегда состоит в приближении этого нового для говора слова к предмету в его использовании в данных, привычных для диалектоносителя конкретных условиях, ибо так оно наиболее доступно для восприятия диалектоносителя, что в свою очередь служит основой и для воспроизведения его в речи. В тексте Деулинского словаря слово *колхоз* употреблено 32 раза [15], из них 20 контекстов, где

---

[12] *Д. Н. Шмелев.* Указ. соч., стр. 221.

[13] Там же, стр. 220.

[14] *А. М. Селищев.* О языке современной деревни. «Труды МИФЛИ», т. V, 1939, стр. 71.

[15] Для изучения процессов освоения слов литературного языка в говоре д. Деулино нами была составлена картотека подобных лексико-фразеологических единиц, представляющая собой сплошную выборку из иллюстративного материала Деулинского словаря.

речь идет вполне определенно о с в о е м колхозе, 11 контекстов не исключают своего колхоза и лишь один, где слово *колхоз* не содержит этой отнесенности.

Итак, освоение нового предметно-понятийного фонда и вместе с ним новых номинаций (слов), как и всякое освоение новых слов в естественном языке, согласуется с конкретным жизненным опытом носителя языка; вместе с тем этот процесс в говорах глубоко индивидуален. Слово *декан* известно Е. М. Тимофеевой, крестьянке д. Усольцевой Курганской обл., благодаря тому, что ее сын В. П. Тимофеев занимал должность декана пединститута. В то же время у другого представителя этого же говора слово *декан* вызывает лишь омофонные ассоциации [16], что также соответствует жизненному опыту информанта. (На вопрос исследователя — *что такое декан*? Ответы: 1) «Ты вот был деканом» (Е. М. Тимофеева); 2) указала на своего внука, который *диканится* ('издевается') над котенком, значит он *дикан* (др. информант) [17]. Эту же опору на индивидуальный жизненный опыт при освоении слов литературного языка в говоре можно наблюдать и тогда, когда в основе психологического восприятия слова лежит ассоциация идеографическая, при которой новое, мало известное для информанта слово воспроизводится в речевом акте благодаря субституции другого слова, хорошо ей известного и тематически близкого к первому. Ср. субституции таких близких слов, как *шифер* — *железо*, *магазин* — *гастроном* и даже — *ситцевый гастроном*, *вермишель* — *макароны*, *банка* (консервная) — *коробка* и т. п., наблюдаемые в разных говорах. Субституция тематически близких слов обеспечивает здесь восприятие новых слов, а вместе с ним и акт коммуникации.

В употреблении слов как старых для диалектов, так и не старых, денотативная ориентация на актуальный в жизни каждого диалектоносителя момент, связанный с конкретным жизненным опытом, проявляется как основная, ведущая тенденция. В нашей картотеке слов общенародного языка, освоенных в говоре д. Деулино, слово *война* представлено в 13 карточках-цитатах, из них в 9 случаях речь идет о последней, Великой Отечественной войне; слово *класс* — 3 раза, во всех случаях это — классы школы; слово *кино* — 21 раз, из них 16 случаев о посещении киносеансов в Деулинском клубе; *клуб* — 20 раз, из них 16 — Деулинский клуб.

Предпосылки для словарного закрепления метонимических сдвигов в словах с короткой историей в диалекте, так же как и в случаях более старых, заложены во внеязыковых обстоятель-

---

[16] Виды психологической ассоциативности, сопровождающей освоение слов литературного языка в говоре, описаны нами в статье «Заметки об изучении лексики в индивидуальной речи диалектоносителя (по материалу современных областных словарей)». — В кн.: «Русские говоры. (К изучению фонетики, грамматики, лексики)». М., 1975.

[17] *В. П. Тимофеев.* Диалектный словарь личности. Шадринск, 1971, стр. 18.

ствах. Утверждение слова *район* для обозначения единицы административного деления протекало в обозримых хронологических рамках. Ранее принятые административно-территориальные единицы (губерния, уезд, волость) изменились на новые (область, округ, край, район) в нашей стране в период с 1923 по 1929 г.[18]. Эта существенная государственной важности перемена немедленно отражается в языке. Во всех функционально-стилевых разновидностях русского языка появляются слова *район*, *районировать*, *районирование*, *районный* и многочисленные сложения с ним — *районный комитет партии*, *районный исполнительный комитет*, *районный комитет социального обеспечения* и мн. др.[19]

Реакция диалектной речи на эти внеязыковые перемены так же быстра, как и в нормализованном литературном языке.

В работе А. М. Селищева «Язык революционной эпохи» находим диалектную фиксацию производных слов от лексемы *район*, относящуюся к 1925 г. В этих записях рассматриваемые слова фонетически адаптированы к привычному народно-разговорному облику слова (адаптация благодаря народной этимологии), хотя их содержательное наполнение расплывчато, нечетко: *лариводный*, *радивонный*, *радивон* — «это кто налог собирает и собрания устраивает»; *ларивонный председатель* — «это вроде старосты над большим обществом»; *лариольное*, *раненное собрание* — «это когда собираются несколько деревень» [20].

Со временем значение существительного *район* 'административно-территориальная единица в составе области, края и т. п.' стабилизируется в диалектах. (Ср.: *Мой лён был са фсевб рыйону*, КПОС 1952; или *Клипикóфский район вес атминéнай ат нáшыва* (Деул.).

Дальнейшее метонимическое превращение рассматриваемого значения слова *район* идет в направлении сужения значения 'административный центр, главные учреждения его' (17-томный словарь квалифицирует это устойчивое словоупотребление как оттенок к основному значению). Такое сужение семантики у слова *район* характерно для лексической системы современного русского языка в целом, независимо от функционально-стилевых и территориальных разновидностей его. Ср. в литературном языке: *Я знавал Мотякова еще когда он председателем Тихановского рика был. Но в пятьдесят четвертом году р а й о н закрыли (временно), а Мотякова послали в захудалое управление речного пароходства кадрами заведовать* (Бор. Можаев, Старые истории); в говорах: *а в райвóн нáда съéздить*; *жылá в бальнúцы, в р а й-*

---

[18] «Краткая географическая энциклопедия», т. 3. М., 1962, стр. 333.

[19] «Лексика современного русского литературного языка. Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование». М., 1968, стр. 107.

[20] *А. М. Селищев.* Язык революционной эпохи. М., 1928, стр. 161, 215.

в б н и КПОС; *Притсидатиль куда-то на праизных санкъх паехал, в раён, наверно* (СгП).

Сформированное таким образом смысловое наполнение слова *район* не останавливается на этом семантическом рубеже. Примеры дальнейших смысловых превращений дает диалектная речь [21]. В основе их также лежат «регулярные метонимические состояния», опору для которых создают экстралингвистические обстоятельства. Остановимся более подробно на примере лексико-семантической системы говора д. Буда Рославлевского р-на Смоленской обл.[22].

В речи всего населения Буды (и прилегающих к ней деревень и самого пос. Екимовичи) словом *район* называется пос. Екимовичи. [— А где их убило молнией?] — *Адныé в рыйёни, а другóва — здесь*; [В день выборов:] . . . *дождь, а гулусувáние*. . . [— *А где избирательный участок*?] — *Дъ в рыйёни*; *А у нас мылдóйа в рыйвóни памéрла.*

Закрепление нарицательного наименования *район* в качестве топонима для пос. Екимовичи является вторичным метонимическим сдвигом у слова *район*. Таким образом, в лексико-семантической системе говора последовательные метонимические сдвиги в слове *район* с семасиологической точки зрения переводят эту лексему в парадигму наименований населенных пунктов, начиная от ее нарицательных единиц (*город — деревня — улица* и под.) и заканчивая собственным именем. *Йа прихажу у свóй рыён и ни магýнарáдывъдца*, — говорит информант, уходившая из Екимовичей на короткое время в соседнюю деревню и вернувшаяся домой, в Екимовичи.

На переход слова *район* в парадигматический ряд *город* ↔ ↔ *район*, синонимизирующихся в речевой деятельности диалектоносителей, определенное воздействие оказывают некоторые распространенные семантические модели [23]. Мы имеем в виду следующие из них. В народно-разговорной речи широко предста-

---

[21] Литературный язык, и особенно его разговорная разновидность, также имеет свою специфику в сравнении с диалектной в развитии семантики у слова *район* (см. об этом ниже).

[22] Д. Буда находится в 3—4 километрах от пос. Екимовичи, бывшего продолжительное время районным центром. В июне 1971 г., когда велось обследование (совместно с Л. В. Граве, доцентом Смоленского пединститута), Екимовичи не являлись райцентром. Лексикологические наблюдения об этом говоре см.: *Л. В. Граве.* Словообразующие и формообразующие глагольные приставки в диалектной лексике говора деревни Буды Рославлевского района Смоленской области. — В кн.: «Вопросы грамматики русского языка и методики его преподавания». — «Уч. зап. Смоленского пед. ин-та им. Карла Маркса», вып. XIII, ч. 1. Смоленск, 1964.

[23] Роль семантических моделей в формировании языковых единиц убедительно показана на примере фразеологии. Ср.: *Н. И. Толстой.* О реконструкции праславянской фразеологии. — В кн.: «Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Варшава, авг. 1973. Доклады советской делегации». М., 1973; *В. И. Мокиенко.* Историческая фразеология: этнография или лингвистика. — ВЯ, 1973, № 2.

влена семантическая модель, которую можно было бы определить как ‘ближайший к данному селу, деревне город, куда обычно ходят (или ездят) за покупками, на базар или по каким-либо иным хозяйственным надобностям’. Эта модель, как известно, заполняется словами *город* [24], *губерния*, *уезд* — в дореволюционное время, *область*, *район* — в наше. Ее модификация — ‘центр города (как правило, его старая часть) в сравнении с новыми улицами и микрорайонами’. Эту последнюю модель отличает от описанной выше некоторое перераспределение акцентов в структуре семантических признаков. Здесь на первый план выдвигается тот из них, который связан с торговыми заведениями и другими учреждениями и организациями. Рассматриваемая модель в разговорной речи лиц самых разных социально-языковых категорий при соответствующих экстралингвистических обстоятельствах также заполняется словом *город* [25].

Быть/находиться в городе означает ‘быть/находиться в центре города’, *купить в городе* — ‘купить в магазинах, расположенных в центральной части города’ (собственные наблюдения для г. Солнечногорска, Томска). В иной ситуации ее синонимом будет *центр* ‘часть города, поселка, села и т. п. (обычно в середине его), где находятся основные учреждения’ (17-томный словарь, т. 17).

В изучаемом будянском говоре в отдельных контекстах слово *район* как бы диффузно объединяет обе описанные выше смысловые модели. При этом его синонимом выступает также недиалектное образование *рик* (метонимический перенос с части на целое). Это идущее вразрез с литературно кодифицированным словоупотребление обнаружено нами в таком естественно неспровоцированном повествовании. Рассказывает местная жительница, живущая с пожилой матерью, о себе и своей сестре: *Я иду́ с рыёну* [навстречу ей другая сестра, набросившаяся на нее с такими бранными словами:] — *Иди́* (домой), *ни шля́йся па ри́ку*, *там стару́ха адна́*.

Заключенные в рамках одного высказывания синонимичные слова *район* и *рик* обозначают один предмет реальной действительности (пос. Екимовичи), что и подчеркивает объективное существование описанных выше семантических моделей в будянском говоре. (Ср. *рик* в аналогичном значении: *ты ш абзика́иш весь ри́к* (*абзика́ть* экспр. ‘обежать’). Компактный центр пос.

---

[24] Ареал распространения данного значения у слова *город*, — как показывает СРНГ, — очень широк. Просто городом, без собственного имени, называют крестьяне не только города, расположенные в ареале северновеликорусского наречия — Архангельск, Онегу, Вологду, Шенкурск и др., но и южновеликорусские — Курск, Рязань (по деулинским наблюдениям), северо-западные — Бежецк, сибирские — Барнаул и мн. др.

[25] Это значение восходит к древнерусскому «городу» — ‘укрепленная, центральная часть поселения, крепость’. *Заложи Ꙗрославъ городъ великъи* (*Кꙑевъ*), *оу него же града суть златаꙑ врата*. (Материалы для Словаря древнерусского языка И. И. Срезневского. Пов. вр. л. 6545 г., т. I. СПб., 1893, стлб. 555).

Екимовичи в изученном говоре называется новыми образованиями метонимического происхождения.

Покажем это на схеме:

район ↓	'адм.-территориальная единица'	— *РИК* ↓	
район ↓	'райцентр и его учреждения'	— *рик* ↓	'здание, в котором располагается РИК'
район	'место, где расположены районные учреждения', т. е. 'центр района'	— *рик*	'место, на котором это здание стоит', т. е. 'центр райцентра'

Денотативная общность приводит, таким образом, к синонимии лексем.

Описанные семантические отношения возникают в будянском диалекте благодаря слиянию внеязыковых и языковых факторов. В числе последних важнейшую роль играет общеязыковая метонимия, результаты которой направлены на обозначение актуальной реалии. Пустующая клетка в семантической сетке (здесь невозможно слово *город* из-за внеязыковых условий) заполняется новыми для диалекта лексемами. Устойчивость их в лексико-семантической системе подчеркивается синонимическими средствами несмотря на то, что зависимость от внеязыковых обстоятельств уже иная, чем в момент появления семемы. (В поселке уже много лет нет ни РИКа, ни каких-либо иных районных учреждений). Нарицательные лексемы *район — рик*, раздвинув здесь парадигму наименований поселений, стали тем самым бесспорными фактами лексико-семантической системы будянского говора.

Наши наблюдения над словом *район* в диалектах не дали нам ни одного примера еще одного метонимического смещения в этом слове. Речь идет о предложном словосочетании в *районе чего-л.* (во временно́м значении). В последнее время это сочетание все чаще и чаще слышится в разговорной речи горожан, нередко это носители литературного языка. Ср. запись таких отрывков устной речи. [Диалог в Ленинской библиотеке:] — *В. В.! Чай пить пойдем? — Пойдем! — А когда? — Когда Вы хотите, мне-то ведь все равно. Я-то сижу читаю! — Ну, так в районе двенадцати—часу. — Хорошо!* [Реплика, услышанная в научно-исследовательском институте:] — *Да мы с ней договорились встретиться в районе трех. Не знаю, успеет ли она!*

Есть все основания полагать, что языковой базой для стабилизации такого экспрессивного словосочетания является именно литературный язык, а не народно-разговорный, диалектный. Сама конструкция «*район*+род. пад.» в литературном языке представлена очень широко: *район потребления топлива* [26],

[26] Здесь используются материалы картотеки словарного сектора Института русского языка (Ленинград).

район штурма, *район истребления*, *район боевых действий*, *район потребления нефтепродуктов*, *район международной напряженности*, *район земледелия*, *район орошения*; так же выделяется и синтагма «*в районе*+род. пад.»: *в районе Шалашей*, *в районе второго батальона*, *в районе города Кончелан*, *в районе Мещанских улиц*, *в районе острова*, где присоединяемое существительное в родительном падеже является топонимом. (В материалах картотеки есть примеры, когда содержание этого словосочетания и не связано с локальной тематикой; бесспорный авторитет писателя, которому эти выражения принадлежат, заставляет нас привести эти контексты полностью: *Он обнял совокупность явлений, лежавших в районе его духовного ока. . .* (Салтыков-Щедрин, Помпадуры и помпадурши); *В районе воспитательного влияния Грановского находилась лишь молодежь того времени, а отнюдь не так называемое общество* (Он же, Один из деятелей русской мысли). В конструкции «*в районе*+род. пад.» существительного места (или пространства) предложный компонент *в районе* легко заменим по смыслу наречиями *вблизи*, *около*, а семантика места, как известно, свободно трансформируется в семантику временну́ю (особенно в рамках разговорной речи, где кодифицирующие предписания литературной нормы ослаблены) [27].

Итак, истоки разговорного элемента *в районе чего* (во временно́м значении) находятся в литературном языке не только по его синтагматическим связям, но и по парадигматическим также. Генезис близких по смыслу и экспрессии сочетаний *в районе чего*, *порядка*, по мнению проф. А. Н. Гвоздева, лежит в профессионально-терминологической речи математиков, что также указывает на связь с книжно-письменными сферами языка, а не с народно-разговорной речью [28].

Словосочетания *в районе чего* (во временно́м значении), *порядка* и появившееся недавно *где-то*, обновляя средства экспрессии разговорно-обиходного языка, являются по единодушному мнению специалистов-русистов ненужными и неудачными новшествами, засоряющими литературный язык [29].

К осуждению языковедами этого выражения присоединяются и писатели. (Ср. такой внутренний монолог героини романа С. Залыгина «Южно-американский вариант» Ирины Викторовны: «Нет-нет, действительно, сейчас же надо звать милиционера, сейчас я наводить порядок, пресекать свое собственное хамство: «Милиционер, пресеките, пожалуйста!. . . разъясните вот этой самой даме, что неприлично выпрашивать у господа бога любовь, на-

---

[27] См. наш семантический этюд о выражении *всю дорогу*: *Т. Коготкова.* Об одном неверном словоупотреблении. — РЯНШ, 1970, № 6.

[28] *А. Н. Гвоздев.* Порядка десяти тысяч. «Вопросы культуры речи», вып. 3. М., 1961, стр. 204—207.

[29] *А. Н. Гвоздев.* Указ. соч.; *Л. П. Крысин, Л. И. Скворцов.* Правильность русской речи. Словарь-справочник. Изд. 2. М., 1965, стр. 177; *В. С. Филиппов.* Где-то, в районе. «Русская речь», 1972, № 6, стр. 61—63.

ходясь в р а й о н е сорока—сорока пяти лет!» Слова-то у вас, гражданка: «находясь», «в районе» — «Сойдет!» В метро на вывесках написано: «Находясь на эскалаторе. . .».

Но пока что экспансия сочетания *в районе чего* ширится, втягиваются в качестве присоединяемых тематически новые существительные, углубляются изменения в грамматической природе всего сочетания в целом. Ср. такое употребление: *Населению будем продавать в районе двухсот тысяч машин в год* (Всес. радио, репортаж из г. Тольятти).

Развернутый экскурс в литературный язык предпринят нами сознательно. Анализируемая семантика лексемы *район* нова как для литературного языка, так и для диалектов. Демонстрация материала дает возможность показать, как на непродолжительном отрезке времени (менее пятидесяти лет) при общности языковых тенденций каждая из лексико-семантических систем (литературного языка и диалектов) по-разному реализует свои возможности при формировании лексико-семантических единиц. Предложное новообразование *в районе чего* (во временно́м значении) подобно тем, которые приводит акад. В. В. Виноградов: *в деле (успехи в деле развития)*, *в области (в области народного хозяйства)*, *в целях (в целях усиления вагонооборота)*, *на путях (на путях новой экономической политики)*, *по пути (промышленность развивается по пути победы социалистического производства)*, *по линии (по линии профсоюзов не было дано дефектов)* и т. п. Появление этих составных предлогов В. В. Виноградов связывает с книжной традицией [30].

Рассмотренные в наших заметках слова литературного языка, воспринимаемые диалектами, проходят там естественный семантический путь. Как единицы языка, в которых заложено указание на определенные признаки (signification), они поддаются воздействию диалектной речи со всеми присущими ей особенностями. Соотнесение сигнификативного значения слов с их обиходно-бытовым референтом (денотатом) в диалектах определяет характер воспроизведения слова в говоре. По мнению исследователей, это конкретность его семантики [31]. Сам же факт регулярного в о с п р о и з в е д е н и я слова в речевой деятельности диалектоносителей — это и есть верный показатель освоенности слова в диалектах, ибо «сущность языка заключается в его воспроизведении [32].

---

[30] *В. В. Виноградов.* Русский язык. М.—Л., 1947, стр. 682.

[31] *Г. Я. Симина.* Заимствованная лексика в семантической системе диалекта. — В кн.: «Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии». Пермь, 1972, стр. 418.

[32] *В. Гумбольт.* О различии строения человеческих языков. — В кн.: *В. А. Звегинцев.* История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. 1. М., 1960, стр. 73.

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

СРНГ и КСРНГ — Словарь русских народных говоров, вып. 1—10 (Л., 1965—1974) и картотека этого словаря (словарный сектор Ин-та языкознания АН СССР).

ПОС и КПОС — Псковский областной словарь, вып. 1 (Л., 1967), вып. 2 (Л., 1973) и картотека этого словаря (межкафедральный словарный кабинет им. Б. А. Ларина, филол. фак-т ЛГУ).

Даль — *В. И. Даль.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I—IV. М., 1955.

Деул. — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). М., «Наука», 1969.

Палагина — *В. В. Палагина.* Словарь некоторых иноязычных слов в говорах средней части бассейна р. Оби. «Уч. зап. Томского гос. ун-та им. В. В. Куйбышева», № 57. Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Вып. 1. Томск, 1966.

СгП — *А. Ф. Иванова.* Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.

Каринский — *Н. М. Каринский.* Очерки языка русских крестьян. Говор деревни Ванилово. М.—Л., 1936.

Руделев — *В. Г. Руделев.* Названия жилых и хозяйственных построек в некоторых южновеликорусских (рязанских) говорах. «Уч. зап. Рязанского гос. пед. ин-та», 1958, т. 21.

Селищев — *А. М. Селищев.* О языке современной деревни. «Труды МИФЛИ», т. V. М., 1939.

О. Н. МОРАХОВСКАЯ

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ОДНОКОРНЕВЫЕ СО СЛОВОМ *ИЗБА*, В РУССКОМ ЯЗЫКЕ [1]

Самое распространенное название русской крестьянской жилой постройки — *изба* — многие исследователи считают заимствованным [2]. За последние годы предпринято несколько интересных попыток доказать исконность этого слова в славянских языках [3].

[1] Здесь и ниже тождество корня понимается в диахроническом плане. Говорить о синхроническом тождестве корня во многих случаях, видимо, уже нет оснований; напротив, можно наблюдать семантическое сближение с корнем *-топ-*, выделяемым в слове *растопка.*

[2] О разных гипотезах см.: *М. Фасмер.* Этимологический словарь русского языка, т. II. М., 1967; *J. Otrębski.* Die ältesten germanischen Lehnwörter im Balt. und Slav. «Die Sprache», 1966, XII, 1; см. также: *В. В. Мартынов.* Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. Минск, 1963.

[3] См.: *В. В. Мартынов.* Указ. соч.; *F. Görner.* Etymologische Beobachtungen «Zeitschrift für slavische Phylologie, 1965, Т. XXXII; *І. І. Лучыц-Федарэц* Будаўнічая тэрміналогія. — В кн.: «Лексіка Палесся ў праторы і часе» Ред. В. О. Мартынаў. Мінск, 1971; *В. И. Медведева.* К вопросу об этимологии слова *изба.* — В кн.: «Проблемы мовы и літаратуры». Мінск, 1972

По говорам русского языка известен ряд существительных того же корня, различающихся видом основы, суффиксальными и префиксально-суффиксальными способами словообразования. По своим значениям эти существительные, как правило, тесно связаны: они являются названиями либо крестьянской жилой постройки, либо каких-то ее частей, либо одной из построек крестьянского двора.

Настоящая статья имеет целью пополнить представление об этих однокорневых в указанных значениях как о диалектном различии с разной локализацией отдельных дериватов [4]. Этот материал, интересный сам по себе, имеет значение также для исторической лексикологии [5].

ВАРИАНТЫ ОСНОВЫ-КОРНЯ И ИНВЕНТАРЬ ОДНОКОРНЕВЫХ В ДИАЛЕКТНОМ ЯЗЫКЕ

В современном русском диалектном языке еще сохранились существительные, основа которых восходит к основе слова *изба* в ее древней форме *-истъб- // -истьб-* или связана с отдельными особенностями этой древней основы. Таковы слова *истобок*, *истобка* (с ними связаны *истопка* и *истопок*), *истёбка*, *изобка*, *изёбка*. Единично отмечены следы этих старых основ в самом слове *изба*. Так, в д. Петряево Борисоглебск. р-на Яросл. обл. (ДАРЯ) отмечено *издба* — с сохранением зубного взрывного согласного (при его озвончении в результате исчезновения редуцированного гласного). В ряде говоров в слове *изба* отмечена мягкость взрывного зубного — *изьба* (ДАРЯ, д. Ухтозеро Андомск. р-на и д. Боровая Пустошь или Подсор Верховаж. р-на Вологод. обл., д. Холмина Сычев. р-на Смол. обл.), *на́изьбусь* (ДАРЯ, д. Борисовка Конош. р-на Арханг. обл.), *на зьбу́* (ДАРЯ, личн. набл., д. Нехочи Хвастович. р-на Калуж. обл.). В русском языке широко распространены слова *избу́шка* и *избёнка* — образования от более позднего, вторичного вида основы *-изб-*. Именно эти существительные вошли в словарь современного русского литературного языка соответственно в уменьшительном и в уничижительном значениях. В говорах существительные *избу́шка* и

[4] См. о таком типе диалектных различий: «Русская диалектология». Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964, стр. 212, § 12.

[5] Основным материалом послужили ответы на вопросы № 142—145 «Программы собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» и составленные по ним карты (ДАРЯ). Использованы также картотеки словарного сектора Ленинградского отделения Ин-та языкознания АН СССР: Словаря русских народных говоров (КОС), Словаря современного русского литературного языка (КССРЛЯ) и Словаря XVIII в. (СК XVIII в.); картотеки Ин-та русского языка АН СССР: Древнерусского словаря XI—XIV вв. (СДР), Словаря русского языка XI—XVII вв. (ДРС; см. список сокращений в кн.: «Словарь русского языка XI—XVII вв. Указатель источников». М., 1975); картотеки Псковского областного словаря, хранящейся в кабинете диалектологии им. Б. А. Ларина на филол. фак-те ЛГУ (ПОС).

избе́нка могут иметь не собственно уменьшительное или уничижительное значения, а специализируются как названия построек особого назначения или типа [6].

С новым видом корня — современным *-изб-* — отмечены такие существительные, как *и́збица*, *поды́збица*, *найзбица* и *нады́збица*. И, наконец, *и́збеница* — непродуктивного и неясного словообразовательного типа. Отметим еще единичное *наизба*.

Многие из этих существительных известны в разных значениях, которые образуют разные ареалы распространения.

ДАННЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КАРТЫ И ДРУГИХ СОВРЕМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ [7]

На фоне почти сплошного распространения слова *изба* (кроме юго-западной зоны) интересующие нас существительные распространены последовательно лишь в пределах небольших ареалов или вообще не имеют четко выраженных ареалов [8]. Большинство этих существительных имеет индивидуальный характер распространения, и лишь в отдельных случаях обнаруживается весьма приблизительное соответствие единицам диалектного членения по комплексам признаков [9].

Так, территория западных среднерусских говоров выделяется распространением слов *изббка* и *поды́збица*. Слово *изббка* отмечено здесь в значении ‘крестьянская жилая (маленькая) постройка’ как по материалам ДАРЯ (см. карту в приложении), так и по другим источникам, например: ‘изба’ (КОС, I, 736 Синица 1954—60/1962; КОС, Новг. Старорусск. д. Тулебля, II, 941 и др.), ‘маленькая изба’ (КОС, I, 736, Синица 1954—60/1962). С ударением на первом слоге *и́збобка* отмечено в значении ‘маленькая изба’ (КОС, Мстинск. р-н Новг. обл., Чагишева, II, 39). Уменьшительное от *изббка* — *изббочка* — приводится в «Ма-

---

[6] На нашей карте показаны только те значения слов *избушка* и *избенка*, которые дают сколько-нибудь заметные ареалы по материалам ДАРЯ. Другие значения этих слов (в том числе собственно уменьшительное и уничижительное) не получили отражения в материалах ДАРЯ. Данные других источников приводятся отдельно.

[7] На карте отражен материал ответов на вопросы «Программы. . .»: «Раздел IV. Лексика. 1. Как у вас называется: . . . 142. Крестьянский дом: *изба*, *хата*, *курень*. . . 143. Ход в подполье: *гблбец*, *подпол*, *подызбица*, *каржина*. . . 144. Как называется чердак: *потолок*, *подволока*, *гора*, *горище*. . . 145. Постройка для скота: а) мелкого: *котух*, *заку́та*. . ; б) крупного: *хлев*, *клев*, *баз*, *ворбк*. . .». Материала других современных источников, собранного после 1945 г., как правило, недостаточно для выявления ареалов.

[8] В данной работе мы не останавливаемся специально на значениях существительного *изба*, привлекая материал лишь в той мере, в какой он необходим для выводов. На нашей карте показаны основные значения слова в пределах ДАРЯ.

[9] См.: «Русская диалектология». Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964.

териалах для словаря русских говоров Прибалтики» (Рига, 1963). За пределами западных среднерусских говоров существительное изобка отмечено единично в значениях: ‘маленькая изба’ (КОС, II, 909, Вашкин. Волог., Амосов, 1964; А. Ф. Иванова, Словарь говоров Подмосковья, М., 1969); ‘вечернее собрание молодежи’ (А. Ф. Иванова, Словарь говоров. . .); ‘постройка для мелкого скота’ (ДАРЯ, д. Вязовка Сычев. р-на Смолен. обл.).

Слово *подызбица*, по данным ДАРЯ и ПОС, распространено в западных среднерусских говорах в значениях ‘подполье (часто с выходом наружу)’, ‘вход в подполье’ или для обозначения того и другого. Так же как и слово *изобка*, существительное *подызбица* распространено здесь непоследовательно; за пределами западных среднерусских говоров оно известно в указанных значениях во Владимирско-Поволжской группе восточных среднерусских окающих говоров и в ее Калининской подгруппе, а также в западной половине Костромской группы северного наречия. За пределами указанных групп оно в этих значениях кое-где отмечено в единичных нас. п.

Подызбица в значении ‘чердак’ образует довольно компактный ареал на стыке трех групп говоров: Ладого-Тихвинской группы северного наречия, Белозерской подгруппы межзональной группы северного наречия и Селигеро-Торжковской подгруппы западных среднерусских говоров, причем этот ареал, видимо, не связан ни с одной из названных групп в большей степени, чем с другой. В значении ‘чердак’ слово *подызбица* известно также в северо-западной части Вологодской группы говоров и в соседних говорах Лачской подгруппы межзональной группы северного наречия (см. карту), а также в Иркутской обл. (КОС, II, 1051, Косыгин, Илим. Иркут., 1969; КОС, II, 1099, Соколов — с. Турука Усть-Купск. и с. Анга Ангинск.; КОС, I, 1180, Моисеева, Нижнеилим.).

Единично отмечена *подызбица* в значении ‘зимняя изба’ (в противопоставление летней избе; ДАРЯ, д. Кулаково-Подгорье Вельск. р-на Арханг. обл.; д. Скрябино Подосин. р-на Киров. обл.: «. . . *Подызбица* — либо боковая пристройка к дому, либо низ двухэтажн. дома. . . В *подызбице* жили зимой»).

Внутри территории западных среднерусских говоров выделяется Псковская группа говоров, где распространены еще существительные *истёбка*, *истóпка* и *изёбка*.

Существительное *истёбка*, отмеченное преимущественно в западной части Псковской группы, имеет здесь большей частью значение ‘подпол, подвал’. Данные ДАРЯ подтверждаются довольно обильным материалом ПОС (р-ны Псков., Остров., Опоч., Печ., Порх., Пустош., Днов., Стругокр., Кар., Красногород.). В некоторых говорах отмечено в значении ‘подвал’: *устёпка* (ПОС, Опоч. Духново, II, 6, 1961, Анивск. Поженка, 1962) и *вустёпка* (ДАРЯ, д. Сунево Пытал. р-на и д. Полозово Агнев. р-на Псков. обл.).

Истёбка отмечено и в некоторых других значениях: ‘избенка (ПОС, Дуброво Днов.); ‘крестьянский дом’ (ПОС, АК, II—3, Луг. Сл. с. 32, 1945—наряду с *истóпка*); ‘амбар’ (ПОС, АКП—505, Подберезье Локн. 1962, II, 118); ‘комната’ (ПОС, Лаврово Остров); ‘отдельная постройка или пристройка к дому для хранения продуктов и утвари’ (ПОС, Долженцы Плюс. 1962; Бардово Бежаниц. 1969, I, 103; АК, II—487, Станки Пустош. 1962, I—87; Борисники, Себеж.); ‘кладовка’ (ПОС, п. о. Бежаницы Бежаниц. 1964); ‘основание печи’ (ПОС, Самохвалово Палк. 1961). Орфографическое написание *истебка* (употребляемое некоторыми собирателями) как бы утверждает звонкую губную взрывную фонему в исходе основы, но форм для проверки (род. п. мн. ч.) в материале нет. Отмечено уменьшительное *истёпочка* (ПОС, Борисники Себеж.).

Существительное *истопка* фиксируется в псковских говорах преимущественно по материалам ПОС. Такая звуковая форма отмечена здесь в значениях: ‘подвал’ (Должицы Днов., Свеклино и Шитики Остр., Рысцево Порх., Заполье Плюс.); ‘кладовка в коридоре’ (Глубокое Опоч.); ‘отдельно стоящее помещение с маленькой печкой’ (Припиши Себеж.); ‘щепа на растопку’ (Должицы Днов.).

Отметим, что *истóпка* приводится иногда как вариант звуковой формы *истёбка* (см. выше ПОС, II—3, Луг. Сл. с. 32, 1945; ДАРЯ, д. Чертены Днов. р-на и д. Болото Порх. р-на Псков. обл.).

За пределами Псковской группы говоров *истóпка* отмечено в таких значениях: ‘маленькая изба в лесу для рыбаков, смолокуров, углекопов и т. п.’ (КОС, II, 409, Волог. Баженов, 1964); ‘место в печи, где сжигают дрова (топка)’ (КОС, II, 1092, Иркут. Бобряков, 1970); ‘печь’ (КОС, I, 789, Яросл. Мельниченко 1961); ‘маленькая печь’ (Словарь русских говоров Среднего Урала, Свердловск, 1964); ‘количество дров на топку печи’ (КОС, II, 1092, Иркут. Бобряков, 1970; КОС, II, 409, Волог. Баженов, 1964); ‘охапка дров’ (КОС, I, 789, Яросл. Мельниченко, 1961); ‘чердак’ (ДАРЯ, д. Красново Чобсар. р-на Вологод. обл., с. Фаустово Виноград. р-на Моск. обл., с. Береговые Сыреси Ичалков. р-на Морд. АССР).

Вариантом звуковой формы *истóпка* является широко распространенное в белорусских говорах *стóпка*, отмечаемое также в некоторых русских говорах, например в Сибири, в значениях: ‘крестьянская изба’ (КОС, I, 783, Басс. ср. течения р. Оби, 1964); ‘горница, комната в доме’ (КОС, I, 783, Басс. ср. течения р. Оби; Словарь русских говоров Кузбасса, Новосибирск, 1976). В материалах ДАРЯ отмечена единично звуковая форма *стопа*, которую некоторые исследователи считают вторичным образованием того же корня (см. интересную гипотезу о происхождении слова *изба* в статье В. И. Медведевой «К вопросу об этимологии слова *изба*»).

Существительное *изёбка* отмечено в тех же значениях, что и *изобка*; по материалам ДАРЯ и ПОС это — 'крестьянская жилая постройка', часто с семантическим признаком 'маленькая.' Отмечены также значения: 'сени, переход из избы в избу' (ПОС, Слобода, II, 14, 1957); 'однокомнатная изба' (ПОС, АК. II—593, Порх. Рысцево 1965, II, 16). Кроме псковской группы *изёбка* отмечено в гдовской группе западных среднерусских говоров (ДАРЯ), в Прибалтике («то же, что *изобка*»... Эст. I Слов. Русск. гов. Прибалт. 1963). Отмечены уменьшительные: «*изёбочка* — обычно» (КОС, II, 413, д. Дорогостицы Солец. Новг. А. В. Попов, 1956, а также для ряда нас. п. по данным ПОС); *изёбушка*, *изёбышка*, *изёпочка* (ПОС).

В пределах тех же западных среднерусских говоров выделяются, правда неполностью, также и Селигеро-Торжковские говоры: в их южной части распространены названия чердака *и́стопка* и *и́стопок*. Эти названия известны и за пределами Селигеро-Торжковских говоров: существительные *и́стопок* и *и́стопка* образуют довольно большой ареал в южной части Горьковской подгруппы Владимирско-Поволжской группы, продолжающийся в отделе В восточных среднерусских акающих говоров. Как варианты звуковой формы *и́стопка* здесь отмечено *и́стофка* и *исту́пка* (ДАРЯ). Интересно отметить, что в этом ареале наряду с *и́стопок* отмечено *и́стобок*, а также *и́ступак* (ДАРЯ). Существительное *и́стобок* в своем основном ареале, занимающем юг Курско-Орловской группы южного наречия и Оскольской подгруппы межзональной группы Б южного наречия (ДАРЯ; КОС, I 105, Кардашевский, 1947—1960), соседствует с звуковой формой *и́стопок* в том же значении ('чердак').

В Елецкой подгруппе межзональной группы Б южного наречия рядом с более известным *и́стобок* отмечено *и́стопка*.

И́стопка известно еще в костромских говорах, преимущественно в северной их части (ДАРЯ; КОС, I, 789, Яросл. Мельниченко 1961). Здесь же единично отмечено *и́степак* (Г. Г. Мельниченко. Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII—нач. XIII в. Ярославль, 1974).

Нам осталось остановиться еще на двух группах существительных, образующих ареалы на карте — на названиях чердака: *и́збица*, *наи́збица*, *надыи́збица*, *и́збеница* и на существительных *избушка* и (единично) *избе́нка* в значении 'срубная постройка для (мелкого) скота (иногда с печью)'.

Первая группа существительных образует несколько компактных ареалов, в пределах которых обычно разные существительные расположены в соседних говорах. Ареалы эти находятся в той части Вологодской группы северного наречия, которая расположена к северу от р. Сухоны (ДАРЯ). По другим материалам отмечено также: *и́збица* 'чердак' (КОС, II, 28, с. Бестужево и д.

Веригинская Устьян. Арханг.; КОС, I, 783, Басс. ср. течения р. Оби, 1965); *надызбица* (КОС, I, 783, Басс. ср. течения р. Оби, 1964).

Существительное *избушка* означает постройку для скота (чаще всего срубленную из бревен и утепленную мхом, нередко с печью для приготовления корма скоту в зимнее время) в пределах Костромской группы северного наречия и восточных среднерусских говоров (ДАРЯ), а также в Красноярском крае по Московскому тракту (КОС, I, 857, Гриб, 1965) и в некоторых говорах Томской обл. (КОС, I, 783, Басс. ср. течения р. Оби).

По говорам *избушка* может означать также постройку для временного проживания на сезон каких-то работ: ‘полевой стан на пашне’ (КОС, II, 792, Зауралье, Тимофеев, 1962); ‘временный приют для рыбаков, охотников, на дальних сенокосах’ (КОС, II, 816, с. Глядень Болотнин. Новосиб., Федоров). Это значение находим у писателей: . . . я чуть не вскрикнул от радости, когда. . . показалась *сенная избушка*. . . ; При виде *избушки* я позабыл об усталости и о дневных огорчениях. Все тут было мне знакомо и дорого до слез: и сама покосившаяся изба с замшелыми, продырявленными стенами. . , и эти задумчивые березы. . . (Ф. Абрамов. Пряслины). В том же значении у В. Шукшина: Как приехали на место (на лесозаготовки. — *О. М.*), поскидали барахло *в избушку*, затопили печь (В. Шукшин. Беседы при ясной луне). Отмечено еще значение ‘ферма’ — «помещение для телятниц и для сепарирования молока; две комнаты с русской печью и с котлом для согревания воды» (КОС, II, 903, Слобод. Киров. Луппова, 1950). Другие значения: ‘курная изба’ (КОС, II, 1083, Кошелева, Чулым. Новосиб. 1969); ‘вечерние собрания молодежи’ (А. Ф. Иванова, Словарь говоров Подмосковья); ‘род ловушки на зверя’ (на медведя — КОС, I, 783, Басс. ср. течения р. Оби, 1964; на лося, КОС, I, 1146, Приангарье, 1971).

* * *

Выше был рассмотрен характер распространения существительных, однокорневых со словом *изба*. Выяснено соответствие ряда ареалов единицам диалектного членения по комплексам признаков и индивидуальный характер распространения отдельных слов и значений. Мы постарались отметить те моменты, которые представляются важными для некоторых предположений исторического характера.

МАТЕРИАЛ БОЛЕЕ РАННИХ ИСТОЧНИКОВ И НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Картографированные существительные очень неравномерно встречаются в памятниках русского языка. Одни известны в древнейших памятниках, но не отражены в более поздних, другие

появляются только в памятниках XVI—XVII вв. Есть слова, о которых мы знаем только по современным диалектным материалам, и слова, не характерные для современного русского языка, хотя они и были распространены в прошлом.

В древнейших памятниках, по данным Словаря Срезневского и ДРС, наблюдаются разные написания корня-основы в самом слове *изба* [10]. Уже в Лаврентьевской летописи отмечено *изба* — вторичный вид основы с упрощением группы согласных в результате утраты редуцированного. В Новгородской I летописи — *истьба* — последовательно с ь. Такое же написание — в Радзивилловской летописи (1 раз.). В Ипатьевской летописи — разные написания: *истьбу* (СДР, л. 105 об.); и ꙗко влѣзоша *во истьбу* и запроша ꙗ и вон злѣзъше *на изъдбу* и прокопаша *истьбу* (СДР, л. 83 об. — 84); *ізъбу* (СДР, л. 83 об.); *в ызбахъ* (СДР, л. 231). Вряд ли эти различия случайны. В Лаврентьевской летописи, относящейся к северо-восточной Руси, отразился наиболее последовательно вторичный вид основы, в Новгородской — последовательно старый вид с ь: *-истьб-*.

В памятниках древнерусского языка старшей поры кроме слова *изба* есть еще существительные с суффиксом *-ък-*: *истобка* и *истебка*. В их распределении по памятникам различной локализации также наблюдается известная закономерность. В Лавр. лет. отмечено во всех случаях *истобка*: *истопку*, *истобъку* (СДР, л. 56 об.), *в ыстобце* (СДР, л. 66), *в ыстобъку* (СДР, л. 72 об.), *въ истобку*, *на истобку* (СДР, л. 76), *в ыстобку* (СДР, л. 87 об., л. 88). В Новгородской I летописи слово не зафиксировано, но в Новгородской берестяной грамоте № 134 в совершенно «бытовом» контексте употреблено *истебка*: приказо ѿ *григориѣ* ко домонѣ и ко репеху нарѧжѧ (и) *истебку* и клете. . . (XIV в.). В Ипатьевской летописи находим: *в ыстобъку* (СДР, л. 89), *во истопце* (СДР, л. 72 об.), *в ыстобцѣ* (СДР, л. 94 об.), *в ыстебке* (СДР, л. 182 об.; по Хлебн. и Погод. сп. *оувстобце*). Имеем еще такие примеры: *въ истобъку* (ДРС, Грамота рижан к князю Мих. Конст., ок. 1300 г., Срезн., Др. пам., 1-е, 241) *и во истобъцѣ* (ДРС, Апн, 22—3, 1114).

Приведенный материал позволяет предположить, что в произношении слова *изба* и деминутивов с суффиксом -ък- в древнерусский период существовали локальные различия. В северо-восточной Руси рано закрепился вторичный вид основы в слове *изба* и отразился только вариант с переднеязычными перед *о* (< ъ) в деминутиве (*истобка*). На северо-западе дольше сохранялась первичная основа в слове *изба* с переднеязычными перед ь,

---

[10] Мы говорим здесь о корне-основе, так как этимология слова не является общепринятой; границы корня для древнерусского языка могут пониматься по-разному в зависимости от точки зрения на этимологию слова.

что обусловило возможность деминутива с переднеязычными перед *е* (< *ь*): *истебка*.

Юго-западная Русь, судя по данным Ипатьевской летописи, не располагала отстоявшимся вариантом написания ни для исходного слова, ни для деривата.

Памятники следующего исторического периода отразили еще более значительное расхождение между складывающейся великорусской языковой общностью, с одной стороны, старобелорусской и староукраинской, с другой.

В старорусских памятниках появилось большое количество дериватов со вторичной основой *-изб-*, зато почти не встречается существительных, в которых написание основы слова было бы связано с ее первичным вариантом.

Из слов с первичной основой, которые не встречались в памятниках древнерусского языка, но появились в старорусском, назовем существительное *истобник* (должностное лицо?), не сохранившееся в современном русском языке. В Словаре Срезневского слово приводится из памятника конца XV в. (Дел. суд. о нав. Андр. 1493—1494 г.), причем дана отсылка: «ср. *истопьничишко*» (последнее приведено в Соф. вр. 6955 г., п. II.58). В ДРС есть несколько примеров на это слово, причем в одном из них имеется и слово *изба* в написании, указывающем на сохранение связи со старой основой, хотя и в трансформированном виде: . . . давал оброк *истобнику* в порьтную *издьбу* Степанку Иванову сыну 2 гривны («Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI века». Под ред. М. Н. Тихомирова и А. А. Зимина. М.—Л., 1948).

Существительное *истопка* отмечено в памятнике конца XVI в.: . . . продана *истопка* на Глупой горе Никитъкинъская взято тринатцат алтнъ две денги (ДРС, Кн. приход. Болдина Дорогобуж. монастыря, № 145, л. 1 об.—2, 1597—98 г.). В качестве топонима оно отмечено также в грамоте конца XVII в.: рѣчка Каменка, а в неи заборишко, . . . тоня Захребетная, тоня Клѣтка, тоня *Истопка*, тоня Великая изба (ДРС, Гр. Дв.[11], 1691). Имеем еще такие данные: *Истопка* — чердак, вышка, все место под кровлей (над избой) (КОС, I, 199, Кирша Данилов, XVIII в.).

В книге С. И. Коткова «Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков» (М., 1970, стр. 140) приводится словоформа *на истопке*: . . . вынел поличное гребен в избѣ на печи сошники замок *на истопке* (Елец., 1629). Однако автор восстанавливает из нее не существительное *истопка*, а вариант муж. р. *истобок*.

---

[11] В качестве апеллятива это слово в двинских грамотах не отмечено, см.: *В. Я. Дерягин*. О развитии диалектов Архангельской обл. по материалам истории и географии слов. Канд. дисс. М., 1966.

Существительное *истебка* в памятниках этого периода не встречается. Близкий вариант этого слова со звонкими переднеязычными отмечен в одной рукописи XVII в.: *издебка* (избушка). Веселая *издебка*, тюрма (ДРС, Алфавит иностранных речей, 44в. 40 об.). Однако здесь оно приведено как слово иностранного языка, нуждающееся в переводе. Скорее всего слово приведено из польского языка, так как именно в этой звуковой форме оно до сих пор известно некоторым говорам польского языка [12]. Другие звуковые формы были отмечены в старобелорусских памятниках: *издопъка*, *издопка* [13]. В современных белорусских говорах широко распространено *стопка*, отмечено также *степка* [14]; в говорах украинского Полесья известно *вистебка* и *стебка* [15]. В большинстве случаев оно означает небольшую постройку или пристройку к жилью для хранения овощей, жерновов и т. п., иногда с печью.

В русских диалектологических источниках XIX—первой половины XX в. *истопка* в значении 'маленькая изба в местах сезонных работ' отмечена в Вологодской обл. (КОС, II, 655, Буслаев, Областные слова, 1850; КОС, Иваницкий, 1883—1889; КОС, II, 598, Кадн., Шустиков, 1896; КОС, Дилакторский, 1902), а также в «Опыте терминологического словаря сельского хоз-ва, фабричности, промыслов и быта народного» В. Бурнашева (т. 1—2, СПб., 1843—1844).

В значении 'чердак' слово отмечено в Яросл. губ. (КОС, I, 52, Опыт, 1852); в Суздь. у. Влад. губ. (КОС, II, Доп. Покр. и Яц. 1905—1921); на Урале (КОС, Миртов, 1930). Однако можно предполагать, что в этом значении слово имело другое ударение, как это имеет место в современных говорах, — на первом слоге (*истопка*). Есть в материалах и другие значения: 'количество дров на одну топку печи' (Симб. губ.—КОС, I, 52, Опыт, 1852; Казан. губ. — КОС, II, 171, Муллов, 1856; Олонец. губ. — КОС, I, 87, Рыбников, 1864; КОС, I, 54, Куликовский, 1885—1898; с. Дубровичи Ряз. у. Ряз. губ. КОС, II, 72, Городцов, 1902); 'растопка' (КОС, I, 143, Бараба, Камн. у. Том. губ., Молотилов, 1913). Для слова *истобок* имеются данные начиная с середины XIX в.: 'чердак' (КОС, Орл. I, 52, Опыт, 1852; КОС, II, 671[а], с. Тарасовка. . . Судж. у. Курск. губ. ААН СССР, ф. 197, оп. 2, № 41, л. 8 [кр. прогр. I]; КОС, Воронеж, Нижнедевиц. II Доп. Покр. и Яц. 1905—1921; КОС, II, 826, Вениамин. РГО; КОС, II, 98, Ворон. Михайлов., год неизв.; КОС, I, 85, Донск. Миртов, 1929); 'потолок' (КОС, I, 85, Донск. Миртов, 1929).

---

[12] *І. І. Лучыц-Федарэц.* Будаўнічая тэрміналогія, стр. 154—156.
[13] Там же, стр. 154.
[14] Там же; «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы». Мінск, 1963 (карта 240, стр. 803—806 комментариев).
[15] *І. І. Лучыц-Федарэц.* Указ. соч., стр. 154. — Использован также материал рукописи диалектологического атласа украинского языка.

Что касается звуковой формы *истепка*, то она отмечена лишь в материалах, относящихся к псковскому ареалу: в значении ‘подклет, подызбица’ (КОС, I, 52, Опыт, 1852; КОС, II, 50 и 52, Копаневич 1902—1904, 1904—1918; КОС, II, 446, Валатев, 1904, ААН, ф. 197, 2; 194, л. 5); в значении ‘небольшая постройка. . . где хранятся всякие домашние вещи’ (ПОС, Ширино, Симоновское, Холм. 1912, ААН, ф. 197, с. 2, № 198).

Мы рассмотрели данные о существительных, связанных с первичной основой слова *изба*. Эти данные показывают, что существительные *истобка*, *истобок*, *истебка*, являясь в современных русских говорах древнерусскими реликтами, отражают в трансформированном виде те локальные различия, которые существовали в древнерусском языке между северо-западом и востоком, на территории которого позднее началось формирование великорусской народности в пределах складывающегося Русского государства.

Северо-западная специфика была позднее полностью утрачена на Новгородской земле, сохранившись на Псковской: звуковая форма с мягкими переднеязычными перед ударенным восходит к звуковой форме с *е* < *ь* после переднеязычных, которую мы считаем древненовгородской. Звуковая форма *истопка*, которую теперь отмечают и в Псковских говорах (в значении ‘подвал’), ни разу не была здесь отмечена в XIX и первой половине XX в. Даже в материалах ДАРЯ, собранных в 40-х годах XX в., *истóпка* отмечена здесь единично и обязательно наряду с *истёпка*. Судьба интересующего нас слова осложняется качеством мягких переднеязычных и нарушениями корреляции по твердости—мягкости в Псковских говорах. Мягкие переднеязычные отмечены в этом слове иногда со столь сильными шипящими призвуками, что акустически совпадают с долгой шипящей глухой фонемой *ш'ш'*, так как затвор взрывного согласного сводится к минимуму и даже исчезает (написание *иш'ш'óпка*); в то же время это — территория, на которой наблюдается тенденция к отвердению долгих шипящих, как при утрате взрыва, так и при его сохранении (написание *ишчóпка*). При попытке произнести слово без шипящих призвуков или орфографически «прояснить» его носитель диалекта может произнести, а наблюдатель — написать *истопка* [16]. Существительные *истопка* и *истопок* (*истобок*) в значении ‘чердак’, известные в нескольких ареалах в пределах центральной русской территории, видимо, можно

[16] Фонологическую интерпретацию явлений в области переднеязычных согласных см. в книгах К. В. Горшковой «Очерки исторической диалектологии северной Руси» (М., 1968) и «Историческая диалектология русского языка» (М., 1972). См. также кн. «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров». Под ред. В. Г. Орловой. М., 1970, где приводятся факты, свидетельствующие о слабой дифференциации переднеязычных согласных, в частности, смешение *ч* и *т*, *ц* и *т* и т. п. (стр. 403—406).

связывать с восточной Русью [17] — с территорией центра, где складывалась великорусская народность. Самый северо-западный из ареалов, как мы видели, связан с территорией западных среднерусских говоров, однако лишь с той их частью (Селигеро-Торжковские говоры), которая по многим чертам не является типичной западной, а разделяет многие черты соседних групп говоров [18]. Исторически эта территория, когда-то пограничная новгородско-смоленская, рано стала тяготеть к востоку, так как через верховья Волги лежал один из торговых путей из Владимиро-Суздальской Руси в Новгород. Другие ареалы этих звуковых форм в значении 'чердак', расположенные также на периферии центральных областей государства (в восточной части восточных среднерусских говоров, на юге Курско-Орловской группы говоров, в говорах донских казаков), возможно, представляют остатки обширной территории, на которой эти названия были представлены более или менее последовательно. Возможно, что это значение возникло из предложно-падежных сочетаний *на истобке*, *на истобку*, как оно могло возникнуть у слов *потолок*, *подволока* и некоторых других.

См. выше примеры из Лаврентьевской летописи, где они встречены в следующем контексте: «яко влѣзоша *въ истобку* тако запрени быша вълѣзше *на истобку*. прокопаша и верхъ и тако Ольбегъ Ратиборичь приима лукъ свои и наложивъ стрѣлу оудари Итларя в сръдце...» (СДР, л. 76) [19]. Однако, чтобы исследовать вопрос о возникновении новых значений, надо привлекать более широкий материал, в первую очередь данные карты на названия чердака, как необходимо привлечь материалы карт на названия подполья и хода в него для выяснения процесса возникновения значений 'подвал', 'подполье' у слов *истепка*, *истопка*. В частности, можно сопоставлять ареалы интересующих нас слов с территориями, где отсутствуют специальные названия чердака и подполья, а соответствующие понятия передаются предложно-падежными сочетаниями [20]. Упомянем здесь широко распространенное *на избу* (=на чердак), а также существительное *наизба*, отмеченное в единичных говорах (КОС, I, 985, Вышки, Московская, Латв. Синица 1968; КОС, I, 782, Слов. русск. гов. Приб.,

---

[17] Ср.: *Г. Г. Мельниченко.* Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимирско-Суздальского княжества XII — нач. XIII в. Ярославль, 1974, стр. 92.

[18] См.: «Образование севернорусского наречия. . .», стр. 414—415.

[19] Ср. выше описание подобного эпизода в Ипатьевской летописи, где употребляется предложно-падежное сочетание со словом *изба*: *на изъдбу*.

[20] См.: *Е. Э. Бломквист.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. «Восточнославянский этнографический сборник». М., 1956; в работе приводится много местных слов, но существительных *истопка*, *истопок*, *истобок* в значении 'чердак' нет, приведена только предложно-падежная форма *на истопке* (стр. 140).

Лит. Латв.) [21]. В материалах ДАРЯ отмечено в единичных случаях и существительное *изба* в значении 'чердак'. См. также КОС.

Не рассматривая здесь всех значений слова *изба*, хотим отметить, что не всегда они связаны только с постройкой, предназначенной для людей или домашнего скота. Иногда *изба* означает те или иные технические приспособления: А будетъ де учнутъ по стенамъ ис пушекъ пробивать и у нихъ де изготовлены многие *избы*. и противъ тѣхъ мѣстъ, по которымъ учнутъ ис пушекъ бить, хотятъ им *избы* ставить и в мѣсто тарасовь хрящомь насыпать (ДРС, Донск. дела, кн. 2, 219); Тех валов боевых также и меховых колеса выдаютца за фабричные стены, и для того кругом их к стенам фабричным прирубаются нарочные *избы*, что называются кожухи, чтоб оные колеса в зимние времена не обмерзали (ДРС, Де Геннин, Опис. Уральск. заводов, 1735, с. 196); По утру пошелъ Его Величество на Уваринской свой учюгъ . . . гдѣ только до половины *избъ* пересмотрѣль Его Величество и вынялъ своими руками 20 ть рыбъ бѣлугъ въ томъ числѣ 3 материхъ» (ДРС, Походн. журн. 1722, с. 66). Можно предполагать, что во всех этих случаях речь идет о конструкциях из бревен или жердей (во втором примере об этом говорит глагол *прирубаются*).

Большой интерес представляют существительные *изобка* и *изебка*. Самые ранние сведения о слове *изобка* относятся к 1-й четверти XIX в. В значениях 'горенка', 'избушка' оно отмечено в Осташк. у. Твер. губ. (КОС, I, 497, Тр. люб. росс. слов. 1820, XX). В «Опыте областного великорусского словаря» отмечено значение 'небольшая изба' для Тихв. у. Новг. губ., Опоч. у. Псков. губ. Вышневолоц. и Осташ. у. Твер. губ. (КОС, I, 52, Опыт, 1852). То же самое значение — в Смоленской губ. (КОС, I, 967, Добровольский, 1890-е годы). В начале XX в. то же существительное в этом значении вновь отмечено в Псков. губ. (КОС, II, 50, Копаневич, 1904—1918), в Новгород. (КОС, Второе Доп. Покр. и Яценко, 1903—1921); в Твер. (КОС, Зубц., I, 74, Сказки Афанасьева, вып. 17, с. 234), а также — *езбпка* (КОС, Ржев., II Доп. Покр. и Яц. 1905—1921; КОС, II, 18, Черныш. 1910). Позднее оно отмечено на Урале: Мала *изобка* (избушка), мала и топка (КОС, I, 966, Бирюков, Крылатые слова на Урале, с. 42); в д. Городок, Бологов. р-на Калин. обл. (КОС, II, 1074, Филин, Словарн. выпис. 1937—1940). К *изббка* отмечено уменьшит. *изббочка* (КОС, I, 52, Псков., Опоч., Опыт, 1852; КОС, II, Пск. Копаневич; КОС, Новг. губ. Новг. у., Второе Доп. Покр. и Яц., 1905—1921; КОС, д. Ляхоново Остр. р. Лен. обл., II, 1074, Филин. Словарн. выписки 1937—1940).

Для южных областей отмечено *изобка* (КОС, Тамб., I, 52, Опыт, 1852; КОС, I, 150, Брян., Орл., Тиханов, 1904) и умень-

[21] См.: *О. Н. Мораховская.* Критерии сопоставимости лексико-семантических групп слов в диалектном языке. «Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1973». М., 1975.

шит. *и́зобушка* (КССРЛЯ, Брян., Тиханов, 49). В материалах Тиханова приведен также род. п. мн. ч. от *изба*: *и́зоб* (ср. у А. С. Пушкина: *Изоб* нет, везде палаты. — Ск. о ц. Салт.). С другим ударением: *изо́б* — д. Измоченицы, Лодейнопольск. р-на Ленингр. обл. (КОС, II, 1074, Филин. Словарн. выпис. 1937—1940). Относительно слова *изебка* у нас нет более ранних сведений. О времени появления существительных *изобка* и *изебка*, которые, в отличие от существительных *истопка* и *истебка*, не засвидетельствованы в письменности до XIX в., можно высказать только некоторые предварительные соображения. Все четыре существительных сосуществуют в Псковщине, за ее пределами известны только *изо́бка* или *и́зобка* и *и́стобка* (редко *исто́пка*). Наличие в псковских говорах сразу четырех существительных столь близких звуковых форм, тождественных по словообразованию, различающихся только основой, возможно, означает переходное состояние от слов со старой, первичной основой к словам с вторичной основой, от местного варианта с мягкими переднеязычными к общерусскому с твердыми переднеязычными. Можно предполагать, что здесь, как, впрочем, и в других ареалах, звуковые формы с вторичными основами — это формы, возникшие по старым моделям слов с первичными основами, под влиянием слова *изба*. Вероятно, сыграло роль и изменение в самих реалиях. Для Пскова начала XVII в. слово *изба* толкуется в словаре, включенном в учебник русского языка для немцев, торговавших во Пскове [22]. *Изба* толкуется там как 'наземная жилая комната дома' (dorntze by der erde), в отличие от горницы, расположенной выше [23]. Толкование дано, видимо, по отношению к городскому дому, где квартировал приезжий, так как в тексты разговорника автор учебника включил такие, которые это подтверждают. Автор приводит в словаре названия всех построек двора, однако интересующих нас слов здесь нет. Не располагая никакими данными, можем только высказать предположение, что слово *истебка* уже тогда существовало лишь в крестьянском обиходе и означало постройку архаического типа в сельской местности. По мере того как город влиял на деревенский быт и жилая постройка соответственно усложнялась, жилая постройка архаического типа становилась лишь подсобным помещением, а название, относясь по сути к той же постройке, меняло некоторые свои семантические признаки, приобретая иное значение. Название *изба* могло употребляться по отношению к новому, более простор-

---

[22] См.: «Tönnies Fenne's Low German Manuel of spoken Russian Pskov 1607». Ed. by L. L. Hammeric, R. Jakobson, Elizabeth van Schooneveld, T. Stark and Ad. Stender-Petersen, v. 1—2. Academy of Sciences and Letters. Copenhagen, 1961—1970.

[23] См. также примеры: «Емли вѣник да *выпаши горница*» и «Емли метла да *вымети избу*», говорящие, видимо, о том, что изба отличалась от горницы и земляным полом. Или: «мног дым здесь, то яз не умѣю терпеть» — свидетельство топки по-черному.

ному жилью. Если характер жилой постройки не менялся, в качестве названия сохранялся деминутив, но основа в нем заменялась на более близкую к вторичной — *изебка*. Твердые переднеязычные, которые могли появляться в результате совокупного действия как вторичной основы, так и фонетических процессов, представляют следующий этап эволюции звуковых форм. При этом звуковые формы с первичными основами закрепились за подсобными помещениями разного характера. Это относится не только к Псковщине, а ко всем ареалам, где отмечены существительные с первичными основами; для них характерны значения: 'чердак', 'подпол', 'пристройка' или 'небольшая постройка для хранения продуктов', в редких случаях 'временное жилье', но основное жилое помещение уже нигде не имеет названий с первичной основой.

Другие существительные с вторичной основой, которые характерны для памятников старорусского языка (*подызбица*, *избушка*, *избенка* и др.), видимо, образовались непосредственно от вторичной основы. Никаких свидетельств их более раннего возникновения в памятниках нет.

Слово *подызбица*, по В. Я. Дерягину, употреблялось в Холмогорах в середине XVI в.: а хоромов в том дворе горница на *подизбице* (СГКЭ, I, № 108, стб. 109). Им отмечено это слово там же и для середины XVII в.: а жити мнѣ Ѳедоси в том дворѣ у него дьякона Еремѣя в *подизбици* і въ подклѣтѣ год без подворного (Госархив Арханг. обл., ф. 57, оп. 2, т. 1) [24]. Имеем еще такие примеры: . . . горница ветчана на *подъизбицы*. . . (ДРС, АЮБ, II, 1612, 386); . . . а хоромъ на дворѣ горница сомшена, нутрь не дѣланъ и въ горницы ни в *подызбицы*, да житница. . . (ДРС, АЮБ, II, 1613, 390); А у оныхъ Огарковскихъ заведено послѣ пожару у каждого свое жилище, построены *подъизбицы* съ земли ходъ. . .» (СК XVIII в. От крестьян Е. А. Суворовой, 1793 — Кузнец., Из переписки помещ. с крест., 1904, с. 91); «. . . вить какая изъ-за нихъ тцѣмень, словно въ *подъизбичѣ*» (СК XVIII в., Берез., Анекд. др. пошех. СПб., 1798, с. 35).

В старых диалектологических источниках отмечены почти все основные значения существительного *подызбица*, какие известны у этого слова по современным материалам: 'подполье' (КОС, II, 471, Пск. губ. Холмск. у. Покровский, 1897, ААН, ф. 197, 2, № 198, л. 48; КОС, II, 466, Пск. губ. Остров. у. Кромин, 1904, ААН, ф. 197, 2, № 195, л. 12; КССРЛЯ, Ветлуж., Марков, 1930); 'подполье с выходом наружу' (КОС, II, 414, с. Зимняя Золотица, Арх. у. Арх. г., Марков А. В., 1900, ААН, ф. 197, 2, № 1/2); 'чердак' [25] (КОС, I—615, Перм. Охан., Серебренников,

[24] *В. Я. Дерягин.* Лексико-семантический анализ группы деловых текстов. — В кн.: «Памятники русского языка». М., 1974, стр. 211.

[25] О возникновении этого значения, воспринятого в свое время В. И. Далем как ошибочные данные, существуют разные мнения (см.: *В. Е. Гольдин.* О некоторых проявлениях семантической регулярности в диалектных

1912); ‘изба для скота’ (КОС, I, 527, Вят. Вят. губ. вед., 1847); ‘часть избы’ (КОС, II, 448, Пск. губ., Остров. у., Артемьев 1896, ф. 197, 2, № 195, л. 60).

Существительное *избица* в памятнике письменности XVII в. употреблено в значении какого-то строительного приема: . . . а рубить тѣ обруба по шти и по 5 вѣнцовъ въ двѣ стѣны избицами; а всякое прясло снавривать по двѣ иглы (ДРС, Заб. Б I, 1684). В диалектологических материалах значение ‘чердак’ отмечено в Арханг. и Волог. губ. (КОС, I, 53, Арх. Подвысоцкий, 1885; КОС, II, 584, Шенкур. Арх., Плечев, 1898; КОС, II, 560, с. Благовещенское Шенкур. у. Арх. г., Плечев, 1897, ААН, ф. 197, 2, № 8, л. 48; КОС, II, 598, Кадн. Волог. Шустиков, 1896; КОС, Волог. Дилакторский, 1902). *Избица* могло означать и «подполицу» — комнату в нижнем этаже крестьянского дома (КОС, I, 53, Арх. Подвысоцкий, 1885).

Для существительного *надызбица* в источниках имеется только одно значение — ‘чердак’: Вообразите *по надъизбицамъ* развѣшенныя кудели, изсохшие вѣники и другие удобно загорѣться могущие припасы (СК XVIII в., Лепех., Путеш., ч. I, 1771, с. 60). То же в диалектологических материалах (КОС, I, 70, Бурнашев, 1843; КОС, II, 192, Вят. Слобод., Котельн., Вят. губ. Тиховидов, 1848; КОС, I, 508, Н. В. Гоголь).

Относительно существительного *избушка*, которое образует ареал в восточных среднерусских и костромских говорах в значении ‘помещение для скота’ и известно кое-где в значении ‘временный приют’, можно сказать, что оно довольно широко представлено в материалах, отчасти благодаря своей принадлежности нормированной разновидности языка. Как уже говорилось, слово это в литературном языке считается уменьшительным к *изба*. Но и в литературном языке, при явном преобладании случаев употребления его в функции уменьшительного, с эмоциональной окраской, есть достоверные случаи, когда дополнительные семантические признаки ведут к утрате или хотя бы к ослаблению признака уменьшительности. Вместе с тем характер и назначение самой реалии, видимо, всегда были таковы, что новые семантические признаки появлялись в значении слова в большой зависимости от ситуации. Один и тот же тип постройки приобретал тот или иной семантический признак вместе с деталями, связанными с ее назначением. Чем отчетливее становился этот признак (отсутствие характерного неподвижного наряда избы в постройке для скота и т. п.), тем слабее — признак уменьшительности, хотя, по-видимому, речь идет чаще о небольшой постройке. В качестве названия временного жилья на период сезонных работ и промыслов в литературных произведениях *из-*

лексических системах. — В кн.: «Вопросы славянского языкознания». Саратов, 1968). — Возможно, что слово *подызбица* проще всего объяснить из тех значений слова *избица*, которые указывают на какие-то строительные конструкции или приемы (см. ниже).

бушка часто употребляется с определением: . . . в тонкой *ловитвенной избушки*. . . (ДРС Ж. Ант. С., 207, 1578 г.); . . . (острова) всѣ покрыты лѣсомъ, но жила на нихъ нѣтъ, кромѣ *рыбачьихъ избушекъ* (СК XVIII в., Озерецков, Обозрение Онежск. оз., Месяцеслов ист. и геогр. на 1791 г., с. 97). В деловых документах определений чаще нет, назначение узнается по контексту: . . . а поставлено у тех крестьян по берегу на царя великого князя земли на Оштинской сторон' 60 *избушек*, а *в избушке* живет в осень ловцовъ по 4 ч. (ДРС, Кн. п. Обон. пят., 1563 г.); да за Рудачкомъ же четыре поженки за стольниковою *избушкою*, да на острову двѣ пожни, да повыше кривецкого порогу двѣ поженки. . . (ДРС, Гр. Кольск., 1675 г.); Ловили де они рыбу на Пыжме реке с киргискими с пашенными крестьяны и прибежал де к ним *в избушку* пытлинской татарин и сказал про калмыцких воинских людей. . . (ДРС, Гр. Сиб. Милл., 1647, II, 522). Без определения слово *избушка* употребляется в таких памятниках, в которых дается перечисление названий надворных построек. Там *избушка* обычно указывается рядом с поварней, мыльней, житницей и т. п.: у винокурни *избушка* старая, у винокурни жъ житница старая, . . . а у той житницы сделана вновь поварня пивная на столбахъ. . . (ДРС, АЮБ, III, 188); Противъ варницы *избушка* да клитка (ДРС, Кн. Писц. Новг. XVI в., л. 133); На дворе . . . изба челядная возле паварни да изба людцкая. . . да *избушка* (ДРС, Арз. А., 310); «. . . а назаде двора сенник на конюшни да мшаникъ да *избушка* недѣлана да мылня» (ДРС, Нв. я., 57). В приведенных примерах наличие какого-то специфического, а не просто уменьшительного признака значения угадывается из контекстов, но определить, идет ли речь о скотной избе или о «зимовке» — особо утепленной жилой постройке для зимы, не представляется возможным. Именно поэтому трудно судить, насколько широко были представлены те или иные признаки особого назначения постройки ('для скота', 'временное жилье' и т. п.) на разных территориях и насколько рано признак 'для скота' локализовался там, где он характерен для слова *избушка* в современных говорах.

Особо отметим значение 'возок', характерное для делового языка XVII—начала XVIII в. Например: кузнецъ. . . отъ монастырскихъ коретъ, колясокъ и *избушекъ* (ДРС, Заб. Мат. 319) и значение 'приспособление для ловли рыбы': Для проходящей рыбы съ низу дѣлаютъ решето. . . которое огораживаютъ четвероугольною *избушкою* во всемъ подобною Езу (СК XVIII в., Лепех. Путеш. ч. I, 1771, с. 364).

В диалектологических материалах XIX—первой половины XX в. значение 'временное жилье' часто уточнено определением: 'пашенная избушка' (КОС, Тобол., Патканов и Зобнин, 1899); 'рыболовная, перевозная избушка' (КОС, Урал., Миртов, 1930); 'промысловая избушка' («с односкатной крышей и крохотным окошком» — КОС, I, 115, Беломор. Дуров, 1929); или дано без уточнения (КОС, II, 14, Челяб. Шмурло, 1914; КОС, с. Ульянско-

Дмитриевское, Сев. Двин. Романов, 1928; КОС, I, 519, Кадник. Волог., Е. К., 1866); в значении 'зимовка' (КОС, Рост. Яросл. Волоцкий, 1902).

Приведенный материал не позволяет наметить локализацию рассматриваемых значений, однако у нас почти нет данных с южных территорий, за исключением говора терских казаков. Здесь употребляется слово *избушка* как название постройки для хранения молочных продуктов, для домашних работ, приготовления пищи (КОС, I, 76, Гребен. Терск. Караулов, 1902; Л. Н. Толстой, Казаки).

Слово *избенка* отмечено в значении 'помещение для (мелкого) скота' только по материалам ДАРЯ и притом в единичных случаях (см. карту). Оно почти не отражено в более ранних диалектных материалах и совсем отсутствует в каких-то других значениях, кроме уничижительного. В памятниках старорусского языка оно встречается только в этом значении и обычно употребляется в том уничижительном стиле, в котором писались челобитные и другие подобные документы. Оно, в отличие от существительного *избушка*, выступает как эмоционально окрашенное, например: Списокъ съ росписи Лункинымъ животомъ Чистякова опалнымъ отписнымъ, не продано все: Дворишка, на дворишкѣ *избенка*; въ подѣ — жорновишка, клѣтченка, лошаденка, коровенко, быкъ лонской, телѣженка двоеколесная, два топора дровосѣчные, сковороденка . . . — и т. д. в том же роде (ДРС, Ворон. Л., 1633 (?), 210). В уничижительном стиле, но реже, употреблялись *избенцо(а)* и *избишко(а)*, не отмеченные по современным источникам.

* * *

Выше были рассмотрены диалектный материал и данные памятников о словообразовательном гнезде существительных, однокорневых слову *изба*. Выяснилось, что некоторые существительные — *истобка*, *истебка*, — появившись еще в древнерусском языке, до сих пор сохраняются по говорам, хотя большей частью с вторичным значением. Очерчен круг существительных более позднего происхождения (*подызбица*, *избица*, *надызбица*, *избушка*, *избенка* и др.) и характер их общераспространенности или локализованности в русском языке в его территориальном аспекте.

Описанный материал подтверждает данные современных говоров о значительной многозначности большинства слов указанной группы в русском диалектном языке и показывает, что в ряде случаев вызвавшие ее семантические сдвиги произошли задолго до нашего времени [26].

[26] Вопрос о соотношении разных значений, о мотивированности семантических сдвигов рассмотрен в синхронном аспекте в исследовании: *В. Е. Гольдин.* К вопросу о структурно-семантических различиях в диалектной лексике (на материале названий построек и их частей в русских

Карта. Распространение и значения существительных, однокоренных со словом *изба*

1 — *изба* ‘жилая постройка’, *2* — *изба* ‘жилое помещение или одно из жилых помещений’, *3* — *изобка* ‘жилая постройка’, *4* — *изёбка* ‘жилая постройка’, *5* — *истёбка* ‘подполье’, *6* — *истобок* ‘чердак’, *7* — *исто*[п]*ка* ‘чердак’, *8* — *истопок* ‘чердак’, *9* — *подызбица* ‘подполье’, *10* — *подызбица* ‘подполье, ход в подполье’, *11* — *подызбица* ‘ход в подполье’, *12* — *подызбица* ‘чердак’, *13* — *наизбица*, *надызбица* ‘чердак’, *14* — *избица* ‘чердак’, *15* — *избеница* ‘чердак’, *16* — (*скотная*) *избушка* ‘помещение для (мелкого) скота’, *17* — *избёнка* ‘помещение для (мелкого) скота’

Заказ № 228

Конкретная история данного диалектного различия и, в частности, история возникновения отдельных значений не может быть восстановлена в рамках избранного фрагмента одного словообразовательного гнезда, для этого необходимо рассмотреть судьбу каждой лексемы в составе семантических групп слов, в первую очередь в составе предметно-тематических микрогрупп. В данной работе сделана попытка лишь наметить отдельные фрагменты этой истории.

Ю. С. АЗАРХ

ПОДЗЫВНЫЕ СЛОВА ДЛЯ КОРОВ И ЛОШАДЕЙ В РУССКИХ ГОВОРАХ

Слова клича и отгона животных принадлежат к древнему и своеобразному пласту лексики, тесно связанному с историей скотоводства и земледелия. Анализ этого почти не изученного в русском языке разряда слов может дать ценные данные как для истории материальной культуры, так и для истории языка и лингвистической географии.

Подзывным словам русского языка посвящены небольшая статья Т. С. Жбанковой [1] и раздел в книге А. И. Германовича «Междометия русского языка» [2]. В этих работах приводится материал, извлеченный из региональных словарей XIX в. (у А. И. Германовича) и собранный для Рязанского областного словаря (у Т. С. Жбанковой); анализируются характерные особенности фонетического облика и интонации слов клича животных, затрагивается вопрос о связи подзывных слов с родовыми названиями животных.

Ряд интересных наблюдений А. И. Германовича и Т. С. Жбанковой требует дополнения, уточнения и проверки на более полном материале. Данные массового обследования говоров Европейской части СССР (по программе Диалектологического атласа русского языка — ДАРЯ) и составленные на их основе карты являются источником настоящей статьи.

Помимо исследования общих черт, объединяющих слова — обращения к животным, необходим также анализ специфических

говорах). Автореф. канд. дисс. Саратов, 1967; *Он же*. О языковом выражении тематических связей названий построек и их частей в русских говорах. — В кн.: «Вопросы теории и методики изучения русского языка». Саратов, 1965; *Он же*. О некоторых проявлениях семантической регулярности в диалектных лексических системах». «Труды IX конференции языковедов Поволжья». Куйбышев, 1968, и др.

[1] *Т. С. Жбанкова*. Подзывные и подобные им слова в рязанских говорах. «Уч. зап. Рязанского пед. ин-та», 1959, т. XXV.

[2] *А. И. Германович*. Междометия русского языка. Киев, 1966, стр. 49—72.

особенностей подзывных слов животных разных видов. Эти особенности могут быть обусловлены как внеязыковыми, так и внутриязыковыми факторами: основная хозяйственная функция, наличие одного или группы животных данного вида в индивидуальном владении, длительность содержания отдельных особей данного вида животных и др.; дифференциация слов клича и отгона животных разных видов, наличие или отсутствие кличек у животных данного вида, взаимодействие подзывных слов и зоонимов, влияние антропонимов на словообразовательную структуру подзывных слов и др.

Подзывные слова коров и лошадей в русских говорах имеют ряд общих черт. Сходство, а иногда и тождество фонетического облика подзывных для коров и лошадей в большинстве русских говоров обусловлено, по-видимому, первоначальной общностью функций этих животных в земледелии: в ряде регионов лошадь сменила быка, вола, корову — основных тягловых животных на ранних этапах развития земледелия — на протяжении жизни одного поколения [3]. Длительность содержания отдельных особей этих животных в домашнем хозяйстве, связанная с этим обязательность для них кличек, которые в ряде современных говоров вытеснили подзывные слова, способствовали общности ряда словообразовательных типов подзывных для коров и лошадей.

В статье анализируются в связи с особенностями их функционирования в речи звуковая структура подзывных слов для коров и лошадей (I), строение корня/основы (II), словообразовательные типы (III); рассматривается вопрос о связи подзывных слов с вокативом (IV); дается лингвогеографическая характеристика анализируемых лексем. Вопрос о категориальной принадлежности слов — обращений к животным в статье не затрагивается: это предмет специального исследования, выходящий за рамки настоящей работы. Автор разделяет мнение лингвистов, относящих слова клича и отгона животных к разряду императивных междометий [4].

I. Своеобразие фонетического облика подзывных слов обусловлено прежде всего особенностями их функционирования в речи. Будучи экспрессивными обращениями человека к животному, они выступают в особых ритмико-интонационных условиях: убыстренный темп речи; звательная и побудительная (импера-

---

[3] См. литературу по данному вопросу в монографии: *О. Н. Трубачев.* Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960, а также в статье: *В. А. Шнирельман.* Некоторые проблемы происхождения и распространения животноводства. «Советская этнография», 1974, № 3.

[4] См. *В. Ф. Касім.* Вигуки українськоі мови. Канд. дисс. (рукопись.) Одесса, 1953, стр. 373; *А. И. Германович.* Указ. соч., стр. 49; *Л. П. Карпов.* Междометные слова и выражения русского языка и их синтаксические функции. Канд. дисс. (рукопись). Ростов-на-Дону, 1970, стр. 58. — Некоторые исследователи считают слова клича и отгона животных вокативами, см.: *Г. В. Дагуров.* Междометия как особый разряд слов. Канд. дисс. (рукопись). М., 1960, стр. 95.

тивная) интонация; баритонический обычно ритм, с выделением первого из серии повторяющихся через равные паузы подзывных слов; бóльшая громкость звучания.

Вследствие скороговорочного темпа речи у подзывных слов нередко наблюдается утрата безударного гласного в предударном слоге, чаще всего перед [р], который в этом случае становится слоговым. Например, в ряде говоров независимо от специфических особенностей их звукового строя отмечаются варианты: 1) подзывные для коров *тпругóнь — тпргóнь, тпружé — тпржé, тпружéня — тпржéня, тпружúня — тпржúня, тпружéнька — тпржéнька, тпрузé — тпрзé, тпрузéйка — тпрзéйка, тпрукó — тпркó, тпрукóнь — тпркóнь, тпрóсь — тпрсь, тпруся́ — тпрся́, тпрусéнь — тпрсéнь, тпрусúнь — тпрсúнь, тпрусéнька — тпрсéнька, тпрутéньки — тпртéньки, тпрóш — тпрш* (утрата ударяемых гласных наблюдается в единичных случаях); 2) подзывные для лошадей *афсá — фса, касé — ксé, касю́ — ксю, каняш — княш, каняшк — княшк, шыня́ — шня* и т. п.

В тех говорах, где для подзывных коров и лошадей используются близкие по фонемному составу звуковые комплексы с начальным губным вибрантом и одним и тем же гласным в исходе корня/основы (обычно «губной вибрант+гласный+согласный» в корне подзывных для коров и «губной вибрант+согласный» в корне подзывных для лошадей), как правило, не отмечаются варианты подзывных для коров с утратой безударного гласного, так как в этом случае подзывные для коров и лошадей перестали бы различаться. Указанная дифференциация структуры корня/основы подзывных для коров и лошадей характерна для западных среднерусских говоров [5], где типичными корнями подзывных для коров являются «губной вибрант+*о*/*у*+*с*', реже *ш*, в единичных случаях *з*'», а для лошадей — «губной вибрант+*с*', редко *ш*, *з*'». Аналогичная картина наблюдается в некоторых южно- и севернорусских говорах (вологодские говоры в бассейне рек Ваги, Сухоны и Юга). В большинстве южно- и севернорусских говоров подзывные коров и лошадей различаются не только наличием/отсутствием гласного после губного вибранта, но и качеством согласного в исходе корня/основы.

Чрезвычайно разнообразны в говорах репрезентанты губного вибранта. Этот сложный звуковой комплекс очень трудно передать знаками транскрипции, что обусловливает разнобой при обозначении одного и того же звучания. В материалах ДАРЯ губной вибрант передается знаками *тпр*, *$\widehat{тпр}$*, *ппр*, *т-р-р*, *φ*, *ψ* и другими, некоторые записи сопровождаются замечаниями типа: «приблизительно», «нельзя записать — таково сочетание звуков». А. И. Германович справедливо замечает: «Это, конечно,

[5] Используется группировка русских говоров, предложенная К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой (см.: «Диалектное членение русского языка». М., 1970).

весьма условное обозначение. Недаром дореволюционный крестьянин сражал иногда какого-либо заносчивого грамотея просьбой написать *тпру*. Фонетически *тпру* представляет аффрикату, основной частью которой является раскатистый губной вибрант, начинающийся взрывом» [6]. К этому следует добавить, что разнобой в передаче губного вибранта связан, по-видимому, не столько с неумением передать его звучание знаками транскрипции, сколько с вариативностью этого звукового комплекса не только в одном и том же говоре, но и у одного и того же лица. Это сочетание может начинаться как взрывным зубным (*т*, редко *д*), так и взрывным губным (*п*); изредка в начале перед взрывными *т* и *п* могут выступать щелевые *в*, *ф*, *с*, а также слитный *ц*; щелевой может появляться и после *п* и *р*. Группа *тпр* часто подвергается упрощению, наиболее устойчивым в этой звуковой последовательности оказывается взрывный губной, а наименее устойчивым — сонант, в особенности если за ним следуют щелевые *с*, *з*, *ш*. Губной вибрант может быть как твердым, так и мягким. Между взрывными согласными и *р* могут появляться гласные, большей частью редуцированные. Все эти многочисленные варианты губного вибранта, вероятно, обусловлены тем, что этот звуковой комплекс в современных говорах не имеет номинативного значения. В подзывных словах губной вибрант выступает обычно лишь в сочетании с гласным или с гласным и согласным в исходе корня/основы, именно последние выполняют смыслоразличительную функцию. Вариантность произношения губного вибранта связана также с тем, что он восходит к звукоподражательному междометию, а, как известно, фонетический облик междометий этого типа неустойчив. Гласные и согласные, следующие за губным вибрантом, генетически представляют собой словоизменительные и словообразовательные аффиксы, частицы (см. об этом ниже), поэтому их варианты немногочисленны и могут быть обусловлены диалектными различиями в морфологической и фонетической системах говоров. Обычно эти варианты лексикализуются и имеют четкие ареалы.

В тех случаях, когда подзывное слово восходит к апеллятиву, варианты корня, как правило, обусловлены фонетически: например, варианты подзывных для коров с корнем *тел-* (*тел-/тял-* в южно- и *тел-/тёл-/тей-/тёв-* в севернорусских говорах); варианты подзывных для лошадей *кос'-/кас'-* в южнорусских говорах. Фонетические варианты обычно сосуществуют на одной и той же территории, изредка они лексикализуются, образуя небольшие островные ареалы.

Обязательное повторение подзывного слова при скороговорочном темпе речи и баритоническом ритме нередко приводит к переразложению корня/основы, к появлению своеобразных перевертышей: *сюк* ← *ксю* ← *косю*, *саў* ← *ўса* ← *оўсá* (овса). Этому способст-

[6] *А. И. Германович.* Указ. соч., стр. 65.

вует и деэтимологизация корня. Выделение первого из серий повторяющихся подзывных и редукция последующих слов приводит к появлению звуковых последовательностей типа *тпрукб-тко-тко*, *тпру́-тко-ко*, *тпрукбт-кот-ко* и т. п. подзывных для коров в некоторых вологодских говорах, возникших в результате редукции при повторе *тпрукб*.

У трехсложных подзывных слов ударяемым обычно бывает суффиксальный гласный, у двусложных ударение может падать как на первый, так и на второй слог. В смыслоразличительной функции ударение в подзывных словах, как правило, не выступает.

II. С этимологической точки зрения можно выделить следующие группы подзывных слов для коров и лошадей:

1) Подзывные, возникшие на базе звукоподражательных междометий. К этой группе относятся слова с начальным губным вибрантом, а также подзывные для коров, имитирующие крик животного: *му́ка*, *му́лька*, *му́ня* (отмечены в единичных южно- и севернорусских говорах). Изредка от подзывных слов звукоподражательного происхождения образуются названия животных данного вида. Эти производные известны немногим говорам, экспрессивны и бытуют преимущественно в детской речи: *тпрукбня* вят. ‘корова’, *тпрусбня* вят. ‘лошадь’ (Даль), *тпрбська* вят. ‘лошадка’ (*Д. Зеленин.* Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию. «Сб. ОРЯС», 1903, т. 76, № 2), *тпруська*, *прусёнок* ‘жеребенок’ (Даль).

2) Подзывные, корень которых в современном русском языке не имеет номинативного значения, но, по всей вероятности, восходит к названию животного: подзывные слова для лошадей с корнем *шин’-/шен’-/шан’-*. М. Фасмер сравнивает подзывное *шинь* с удмуртским tsuńi ‘жеребенок’ [7]. *Ши́нька* ‘молодая лошадь, жеребенок’ известно в нижегородских и пермских говорах (Даль) и, вероятно, является производным от подзывного слова. По данным ДАРЯ, основная зона распространения подзывных с корнем *шин’-/шен’-/шан’-* — территория Среднего Поволжья. Островные ареалы подзывных с этим корнем известны в селигеро-торжковских говорах по реке Тверце, во владимирско-поволжских говорах, на территории между Белевом и Можайском, в единичных нас. п. к югу от Ефремова. В материалах ДАРЯ не отмечены подзывные с корнем *шен’-* в Смоленской обл.[8]. Для отгона животных *шинь* употребляется в некоторых орловских говорах, там же оно известно и в функции императивного междометия со значе-

---

[7] *М. Фасмер.* Этимологический словарь русского языка, т. IV. М., 1973, стр. 440.

[8] «В Смоленской области и в Восточной Белоруссии нам приходилось слышать от детей ласковое обращение к жеребенку или нежное название его: *шеня, шенечка*» (*А. И. Германович.* Указ. соч., стр. 67).

нием ‘прочь! отойди! иди!’ [9]; в аналогичной функции это слово отмечается и в некоторых олонецких говорах (Куликовский). Подзывные лошадей и жеребят с корнем *шин’-/шен’-/шан’-* распространены весьма широко, но представлены в основном разорванными ареалами, охватывающими обычно несколько нас. п. Подзывные слова принадлежат к экспрессивной лексике и сравнительно легко заимствуются. Интересные факты перехода подзывного слова от одного народа к другому приведены в книге А. И. Германовича [10]. Отсутствие соответствующего апеллятива в русских говорах обусловило вариативность гласных корня в заимствованном подзывном слове: *шинь*, *ши́нька*, *шень*, *ше́ня*, *ше́нька*, *ша́ни*, *ша́нька* и др.

Возможно, к названию животного восходят подзывные для лошадей и жеребят *ба*, *бо*, *бах*. Они отмечены в семи нас. п. на территории бывших Цивильского и Ядринского у. Казанской губ. и соседнего с ними Буинского у. Симбирской губ. Территориальное распределение этих подзывных дает основания для сопоставления их с тюркизмом *бахма́т*, усвоенным русскими в XVII в. со значением ‘татарская лошадь’. В вятских говорах известно *бах* ‘старая или заморенная лошадь, кляча’ («Словарь русских народных говоров». Под ред. Ф. П. Филина. М., 1968).

Подзывные для лошадей и жеребят с корнем *кос’-* производны, по-видимому, от родового названия животного *конь* (ср. подзывные быка *бысь*, *бы́ся*, подзывные свиньи *чусь*, где *-с’* также присоединяется к первому слогу слова, называющего подзываемое животное). А. Преображенский подзывное *кось* считал звукоподражательным словом [11]. Сравнительно малая вариативность фонемного состава корня этого подзывного в русских говорах скорее свидетельствует о его отапеллятивном происхождении: чередования *о/а* обусловлены фонетически (*кось*, *ко́ська*, *кась*, *касё*), а варианты *казе́*, *кэсь*, *чось* единичны и отмечены на периферии основного ареала. М. Фасмер сравнивает *кось* и *косяк*, но О. Н. Трубачев полагает, что эти слова не имеют ничего общего [12]. А. И. Германович считает подзывные *кось*, *ко́ся* производными от *ко́ся* ‘жеребенок’ [13], но нам неизвестны другие названия детенышей животных с формантом *-с’-* и, кроме того, подзывное слово, восходящее к апеллятиву, обычно распространено в языке меньше, чем производящее имя: например, подзывные с корнем *тел-* (*тел*, *тёл*, *тель*, *теля́х*, *теля́шк* и др.), *кон’-* (*каня́*, *каня́ш*, *каня́шк* и др.) известны на сравнительно ограниченной территории, а соот-

---

[9] *А. Сахаров.* Язык крестьян Ильинской волости Болховского уезда Орловской губ. «Сб. ОРЯС», 1900, т. 68, № 5, стр. 46.

[10] *А. И. Германович.* Указ. соч., стр. 66.

[11] *А. Преображенский.* Этимологический словарь русского языка, т. I. М., 1958, стр. 369.

[12] *М. Фасмер.* Указ. соч., т. II, стр. 349.

[13] *А. И. Германович.* Звукоподражания и звукоподражательные слова русского языка. «Изв. Крымского пед. ин-та», 1947, т. XII, стр. 196.

ветствующие апеллятивы являются словами общеславянскими. Подзывные с корнем *кос'-* известны в южнорусских говорах, преимущественно в юго-западной диалектной зоне; островные ареалы этой лексемы распространены в немногих севернорусских говорах Европейской части СССР, в некоторых русских говорах Среднего Урала [14]; подзывные с корнем *кос'-* известны также говорам украинского языка [15], ряду польских говоров [16]. Ареал диалектного *кося* 'жеребенок' нам не известен: в словаре В. И. Даля приводится только подзывное *кось — кось*, а в упомянутых работах А. И. Германовича нет указаний на территорию распространения апеллятива *кося*. По-видимому, это название бытует в немногих русских говорах, что свидетельствует в пользу предположения о производности апеллятива *кося* от подзывного слова. Точно так же, на наш взгляд, величина ареала указывает и на производность от подзывных экспрессивных наименований овцы *ба́ся* волог., *ба́ша* пск.: названия животного отмечаются и в зоне сплошного распространения подзывных *бась*, *ба́ся* и *баш*, *ба́ша*.

Если верно предположение о генетической связи подзывных *кось*, *ко́ся*, *ко́сю* и т. п. со словом *конь*, то возникновение подзывных следует отнести к тому периоду, когда в говорах украинского языка еще не произошло падения редуцированных и связанного с этим явлением изменения *о* в *і* в новом закрытом слоге (наиболее распространенный в украинских говорах вариант подзывных] *кось* [15]). Ранняя лексикализация подзывных слов могла быть причиной сохранения *о* в корне. Возможно также, что вариант *кось* в украинских и русских говорах является усеченной формой более древних образований *косе́*, *косю́*, которые в современных русских говорах единичны, а в украинских говорах также встречаются реже, чем *кось*.

Слово *конь* в качестве родового названия животного является общеславянским [17], в древнерусском языке до XV в. оно было единственным обобщенным наименованием лошади: так называли и рабочих лошадей, и боевых коней независимо от породы [18]. Вполне естественно, что в тех диалектах, где слово *лошадь* не было исконным (по данным памятников, это слово первоначально бытовало лишь на территории Ростово-Суздальской земли и стало общерусским с XV в.[19]), подзывные слова для лошади могли возникнуть от родового названия *конь*. Обращает на себя внимание и тот факт, что ареал подзывных с корнем *кос'-* в русских говорах граничит на востоке с ареалом подзывных с корнем *кон'-*.

---

[14] «Словарь русских говоров Среднего Урала», т. II. Свердловск, 1971.
[15] *В. Ф. Касім.* Указ. соч., стр. 61—66.
[16] *H. Horodyska.* Słownictwo Warmii i Mazur. Wrocław, 1958, стр. 34—35, 47.
[17] *О. Н. Трубачев.* Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960, стр. 47.
[18] *Г. Ф. Одинцов.* История русских названий лошади (на материале памятников XI—XVII вв.). Канд. дисс. (рукопись). М., 1970, стр. 100.
[19] Там же, стр. 119.

Элемент *-с'-* в подзывных словах типа *бась*, *бысь*, *кось* по происхождению является, по всей вероятности, уменьшительно-ласкательным суффиксом. Тот же формант находим в ряде уменьшительно-ласкательных образований от антропонимов: *Ивась*, *Ивася* от *Иван*, *Мася* от *Мария*, *Олесь*, *Олеся* от *Олег* и т. п. И у подзывных, и у уменьшительных форм личных имен формант *-с'-* сочетается с начальным слогом слова, если этот слог не состоит из одной фонемы. Возможно, это связано с тем, что при обращении начальный слог слова произносится с большей силой и длительностью и вследствие этого от наиболее частотных слов могут образовываться вокативы типа *мā!* от *мама!*, *пā!* от *папа!*, *дя!* от *дядя!* Эти усеченные формы, широко распространенные в современных говорах и просторечии, могли послужить производящими основами для образований типа *Ивась*, *кось*. В ряде говоров употребительны разные подзывные слова для взрослых животных и детенышей: взрослых лошадей подзывают словами *тпрсё*, *пцо*, *тпрох*, *тпрух*, *каняш*, *каняшк*, *шúня*, *шúнька*, а жеребят — *кось*, *касё*, *касёк*, *касю́тка*. Это также свидетельствует в пользу предположения о генетической связи элемента *-с'-* в подзывных словах с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-с'-*, так как для обращения к детенышам типично использование уменьшительно-ласкательных форм полного собственного имени или заменяющего его апеллятива.

Аналогичную структуру имеет подзывное для коровы *тёсь*: усеченная форма апеллятива с корнем *тел-* в сочетании с уменьшительно-ласкательным суффиксом. Подзывное *тёсь* распространено в некоторых пограничных с белорусскими говорах Западной группы южного наречия, причем в говорах этой группы на территории к западу от Смоленска известно также подзывное для лошадей *кось*. По данным Диалектологического атласа белорусского языка (ДАБМ), в соседних с русскими говорах Восточной Белоруссии употребительно подзывное для коровы *цёсь* [20]. Такую же структуру имеет, по-видимому, и подзывное для коровы *тлось*, известное в говорах белорусского Полесья. Это слово производно от апеллятива с корнем *тел-*, редукция корневого гласного типична, как уже указывалось, для подзывных слов при условии, если этот гласный находится в безударном положении перед плавным. Формант *-с'-* выделяется и у подзывных для телят *тíську-на* (они известны в говорах Закарпатья [21]).

Непродуктивность суффикса *-с'-* в уменьшительно-ласкательных образованиях от антропонимов обусловила возможность использования его для производства подзывных слов.

3) Подзывные, производные от названий животных и сохраняющие с последними семантическую связь. К этой группе относятся подзывные для коров с корнем *тел-* и для лошадей с кор-

---

[20] «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы». Мінск, 1963, карта № 304.
[21] *В. Ф. Касім.* Указ. соч., стр. 88.

нем *кон'-*. Эти подзывные большей частью представляют собой усеченную основу соответствующих апеллятивов: *тёлк*, *тёлоньк*, *тёлонь*, *тялу́х*, *тялу́шк*, *тялу́ш* и т. п.; *каня́ш*, *каня́шк*, *кань́ш* и т. п.

Подзывные с корнем *тел-* в русских говорах имеют две основные зоны распространения: 1) юго-западная диалектная зона (к западу от Трубчевска и к северо-западу от Севска до границы с БССР), продолжение ареала подзывных с этим корнем, характерных для центральных белорусских говоров (см. ДАБМ, карта № 304); 2) центральная часть говоров Костромской группы и соседние с ними говоры Вологодской группы северного наречия. Между указанными массивами известны разорванные ареалы подзывных с корнем *тел-*, охватывающие единичные говоры: несколько нас. п. на территории Владимирско-Поволжской группы, один нас. п. северо-восточнее Ржева, два нас. п. на южной границе оскольских говоров с украинскими. Подзывные с корнем *кон'-* распространены в говорах Рязанской и соседних с ними говорах Тульской группы, а также в восточных среднерусских говорах типа Б и В.

По-видимому, производство подзывных слов от названий животных сохраняет продуктивность и в современном языке. Об этом свидетельствует, например, обращение птичницы к впервые приручennым в заповеднике Аскания-Нова страусам: *страу-у-сики! страу-у-сики!* [22] Другой пример: на вопрос, как у вас подзывают гусей, жительница д. М. Пети Порховского р-на Псковской обл. ответила автору, что гусей у них в деревне не держали, но она думает, что их надо подзывать словами *гусь-гусь* (записи 1975 г.).

4) Подзывные, производные от названия основного для животных данного вида корма, сравнительно редки в русских говорах. Островные ареалы подзывных для лошадей *афсá*, *аўсá*, *фса*, *фся*, *афсý*, *саў*, *соў* встречаются в западных среднерусских и южнорусских говорах на периферии центрального ареала подзывных слов *тпрсё*, *тпрсо* и однокоренных с ними образований. Обычно подзывные слова, возникшие из названий корма, употребительны для обращения к взрослым особям: например, подзывные для кур *круп-круп* в белорусских говорах.

5) Сравнительно редко в русских говорах используются для производства подзывных апеллятивы, не являющиеся наименованиями животных. Обычно подзывные этого типа возникают на базе уменьшительно-ласкательных форм от терминов родства или ласкательных обращений к ребенку. Подзывные этого типа отмечаются в единичных говорах и не имеют четких ареалов. Например, обращения к корове *дбча*, *дбчи*, *дбчка*, *дбченьк* известны некоторым новгородским говорам, единичным говорам

[22] *В. Захарченко.* Аскания-Нова. — Пример заимствован из книги А. И. Германовича «Междометия русского языка», стр. 51.

Калининской подгруппы Владимирско-Поволжской группы (два нас. п. восточнее Арзамаса); *ма́туш*, *ма́тушк*, *ма́тушка* отмечены в единичных говорах Западной группы южного наречия, Костромской группы северного наречия. Подзывные для коров и лошадей с корнем *мал-* также распространены в единичных говорах: для коров *ма́ля*, *ма́лька*, *малю́ха*, *малю́х*, *малю́ша*, *малю́шки*, *малю́тка*, *малю́тк*, для лошадей *ма́лька*, *малёк* (отдельные нас. п. на территории новгородских, восточных среднерусских акающих говоров и в юго-западной диалектной зоне). В единичных севернорусских говорах междуречья Ветлуги и Юга отмечены подзывные для лошадей, представляющие собой сложения, первой частью которых является подзывное с начальным губным вибрантом, а второй — усеченная основа апеллятива *матушка*: *тпро́-мату́ш*, *тпру́-мату́ш*, *про-ма́ш*.

6) Подзывные, восходящие к кличкам животных, также редки в русских говорах, в особенности для коров и лошадей, что обусловлено повсеместным распространением в современных говорах индивидуальных кличек этих животных. Подзывные для коров *мань*, *маньк* отмечены в единичных нас. п. на границе с украинскими говорами (украинскому языку известны подзывные коров *мань*, *ма́нк*, *маню́*, *ма́нька* [23]) и в говорах южной половины Рязанской группы. По-видимому, подзывные для жеребят *сень*, *се́нька*, встречающиеся в говорах Владимирско-Поволжской группы, возникли в результате переосмысления подзывных с корнем *шин'-/шен'-/шан'-*, распространенных на той же территории, и воздействия на подзывные кличек животных.

III. Словообразовательная структура подзывных слов весьма своеобразна. В результате слияния подзывных с императивными частицами, а также использования для производства подзывных архаических грамматических форм и непродуктивных экспрессивных суффиксов имен существительных в русском языке сформировался ряд словообразовательных типов, характерных только для системы подзывных слов животных.

Непроизводные для современного языка подзывные слова образуют несколько подгрупп.

1) Подзывные, основа которых равна первичному корню, восходящему к звукоподражанию. К этой подгруппе относятся подзывные, состоящие из сочетания звуков, основной частью которого является губной вибрант: *тпр*, *т'п'р'*, *пфр*, *пр*, *тп* и т. п. Подзывные этого типа отмечены в немногих нас. п. на всей территории русских говоров. Обычно они сосуществуют с подзывными словами более сложной структуры и являются, по-видимому, усеченной формой последних.

2) Подзывные, корень которых равен одному из слогов производящей основы — названия животного. К этой подгруппе

[23] *В. Ф. Кась.* Указ. соч., стр. 71—73.

принадлежат отмеченные в немногих нас. п. на территории быв. Казанской и Симбирской губ. подзывные для лошади *бо*, *ба* (если верно предположение о генетической связи этих слов с тюркизмом *бахмат*), а также подзывные для коров *лё*, встречающиеся на периферии ареала подзывных с корнем *тел-* в говорах северного наречия (два нас. п. на территории говоров Вологодской группы). Подзывное слово *лё* представляет собой, по-видимому, результат усечения основы *телё-*. В качестве подзывного слова может использоваться любой слог производящей основы. Автору приходилось слышать в одном из русских говоров на территории ТАССР (Елабужский р-н) такие, например, подзывные для овец: *бара́шки-бара́шки-бара́шки*, *ба́рь-барь-барь*, *шки́-шки-шки*.

3) Подзывные, восходящие к заимствованиям, не употребительным в современных говорах. К этой подгруппе относятся подзывные для лошадей *шинь*, *ши́ня*, *ши́ни*, *шень*, *ше́ня*, *шань*, *ша́ни*.

4) Подзывные, представляющие собой сочетания губного вибранта с последующим гласным. Они известны на всей территории русских говоров, нередко сосуществуют с однокоренными образованиями более сложной структуры. Подзывные этого типа (*тпро*, *тпрё*, *тпре*, *тпра*, *тпря*, *тпру*, *тпрю*, *тпру́б*, *тпру́а* и т. п.) могут употребляться для обращения к животным разных видов, служить не только для клича, но и для отгона животных, различных команд. В русских говорах они употребительны чаще всего для обращения к лошади. Наиболее распространенными из слов этой подгруппы являются *тпро*, *тпрё* и *тпру*. Они отмечены повсеместно, хотя весьма неравномерно: довольно часто эти слова встречаются в большинстве севернорусских, в среднерусских и в говорах юго-восточной диалектной зоны; редки они в говорах Заветлужья, единичны в юго-западной диалектной зоне. В качестве подзывных для коров *тпро*, *тпрё* и *тпру* встречаются довольно редко, причем в этой функции они не отмечены в ряде южнорусских (курско-орловские, тульские, елецкие, оскольские, южная половина рязанских), севернорусских (костромские) и среднерусских (владимирско-поволжские) говоров. Подзывное для лошадей *тпре* встречается в немногих севернорусских и западных среднерусских говорах, в качестве подзывного слова для коров оно известно лишь в единичных нас. п. на территории восточных среднерусских говоров типа Б и В. Подзывные для лошадей *тпра*, *тпря* отмечены в единичных южнорусских говорах, а *тпру́а*, *тпру́б* — в единичных говорах Вологодской и Костромской групп северного наречия, *тпруб* известно нескольким южнорусским говорам. Подзывное для коров *тпру́а* встречается в единичных акающих западных среднерусских говорах. Подзывные для лошадей *тпры*, *тпри* отмечены в единичных ладого-тихвинских и белозерско-бежецких говорах, а соответствующие подзывные для коров — в единичных говорах южного наречия и Владимирско-Поволжской группы. Таким образом,

идентичные для коров и лошадей подзывные типа «губной вибрант+гласный» бытуют в русских говорах на разных территориях.

5) Непроизводные для современного языка подзывные для коров типа «губной вибрант+гласный+согласный+(гласный)» и для лошадей типа «губной вибрант+согласный+гласный» широко распространены в русских говорах. Гласные, следующие за губным вибрантом, у этих слов восходят, по-видимому, к грамматическим аффиксам, а согласные — к частицам, непродуктивным в современном языке суффиксам имен существительных; гласные, следующие за согласными, могут принадлежать либо частицам, либо уже не вычленяемым в настоящее время суффиксам подзывных слов, возникшим на базе именных флексий. После согласного чаще всего у подзывных данной подгруппы выступают гласные *о*, *у*, реже *е*, редко *а*, *и*. У подзывных для коров встречаются также и усеченные формы с нулевым гласным после согласного. Качество согласного и гласного у подзывных типа «губной вибрант+(гласный)+согласный+(гласный)», а также наличие или отсутствие гласного принадлежат к числу дифференциальных признаков подзывных слов, являющихся, как правило, членами противопоставленных лексических диалектных различий. В зависимости от качества согласного в исходе слова можно выделить следующие подтипы подзывных для коров и лошадей:

а) Подзывные слова для коров со структурой основы «губной вибрант+гласный (*у*, реже *о*)+*к*+гласный (*о*, *а*, нулевой)». Они распространены в говорах северной половины Ладого-Тихвинской группы, онежских, лачских, белозерско-бежецких, в говорах Вологодской группы, кроме ее северо-восточной половины, в части говоров Костромской группы (бассейн Волги между Угличем и Рыбинском), в северной половине Калининской подгруппы Владимирско-Поволжской группы говоров. Это зона сплошного распространения подзывных для коров типа *тпру́кó*, *тпрóкá* и т. п. Разорванные ареалы подзывных этой структуры отмечены на территории новгородских, селигеро-торжковских (южная половина), владимирско-поволжских, восточных среднерусских акающих говоров и говоров Рязанской группы. На периферии основного ареала подзывных для коров типа «губной вибрант+гласный+*к*+(гласный)» в единичных нас. п. зафиксированы идентичные подзывные и для лошадей.

По всей вероятности, *-ко*/*-ка* в подзывных словах рассматриваемого типа восходит к усилительной частице *-ко*/*-ка*. Слияние императивных междометий с усилительными частицами характерно для русского языка [24]. В пользу этого предположения говорит и такой факт, как употребление в некоторых говорах разных подзывных для коров и телят: подзывные с *-к-* в исходе корня/основы используются только для обращения к взрослому животному.

[24] *А. И. Германович.* Междометия русского языка, стр. 76.

На основной территории распространения чаще всего отмечаются варианты *тпрукб*, *тпрýко*, *тпрýка*, реже *тпрука́*, редко *тпруке́*, *тпрýки*, *тпрукбй* *тпрука́й*, *тпруке́й*, *тпрбка*, *тпрбко*, *тпрёко*, *тпрёка*. В качестве подзывных для лошадей встречаются только *тпрýко* и *тпрýка*.

В немногих нас. п. на территории Горьковской подгруппы владимирско-поволжских говоров зафиксированы подзывные для коров с *-г-* в исходе корня/основы: *тпругб*, *тпрýга*. По-видимому, эти варианты возникли в результате контактов русских с иноязычным окружением: согласно данным карты Московской диалектологической комиссии (1915 г.), на указанной территории проживало значительное количество нерусских. В мордовском языке *тпругань* служит для отгона коров и телят [25]. Подзывные слова легко заимствуются, поэтому близость фонетического облика русских подзывных для коров и слов отгона этих животных в соседних мордовских говорах могла привести к появлению вариантов с *-г-* в русских говорах.

б) По-видимому, к усилительной частице *же*, *ж* восходит и конечный слог подзывных для коров *тпруже́*, *тпружи́*. Эти слова распространены в центральной части говоров южного наречия (межзональные говоры типа А, Курско-Орловская группа, южная половина Тульской, елецкие и оскольские говоры, южная половина Рязанской группы). Подзывные с корнем/основой *тпруже/тпружи* употребляются только для обращения к взрослым животным при наличии особых подзывных для телят.

в) Самыми распространенными являются подзывные для коров и лошадей, первоначальный корень которых (губной вибрант) расширен согласным *-с'-*. По всей вероятности, этот согласный восходит к указательной частице *си*, которая в памятниках древнерусского языка употребительна также и в функции усилительной частицы. Семантическая связь *-с'-* у подзывных слов с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-с'-*, по-видимому, вторична. Дифференциация подзывных для коров (*-к-*, *-ж-* в исходе корня / основы) и телят (*-с'-* в исходе корня/основы), лошадей и жеребят (см. об этом выше) наблюдается главным образом в тех говорах, где употребительны подзывные типа *кось*, *тёсь*, корень/основа которых представляет собой сочетание начального слога производящего апеллятива с формантом *-с'-*.

Отсутствие общерусского апеллятива с корнем *тпрус'-* / *тпрос'-*, а также распространение усеченных форм с нулевым гласным способствовали появлению вариантов с *-з'-*: *тпрýзе́*, *тпрузе́й*, *тпрýзи* и т. п.; эти варианты отмечены почти исключительно в центральной части юго-западной диалектной зоны на границе ареала подзывных с корнем *тпрус'-* с другими лексемами.

---

[25] *А. И. Германович.* Междометия русского языка, стр. 66.

Другим вариантом являются подзывные для коров с *-ш-* в исходе корня / основы: *тпрош*, *тпрёш*, *тпро́ша*, *тпрёша*, *тпруш*, *тпру́ша*, *тпрушо́*, *тпрушé* и др. Основная зона распространения этих слов — северо-восточная половина Западной и западная половина Верхне-Днепровской групп южного наречия. Варианты с *-ш-* отмечены также в нескольких нас. п. к югу и юго-западу от Юхнова, в единичных нас. п. на территории Тульской и Рязанской групп, восточных среднерусских говоров (западнее Касимова), Владимирско-Поволжской группы, Вологодской (северо-восточная половина) и Костромской (юго-западная половина). Основной массив подзывных с *-ш-* в исходе корня / основы расположен на территории тех говоров, где отмечается произношение шепелявых и шипящих звуков на месте *с'*, с одной стороны, и близка граница ареала подзывных с корнем / основой *тпружé-/ тпружи́-*, с другой стороны.

Подзывные для лошадей типа «губной вибрант+гласный+ +*с-/з-/ш-*» единичны и зафиксированы на периферии ареалов этих лексем.

г) Преимущественно в восточной половине Вологодской группы употребительны подзывные для коров и телят, редко лошадей, с *-т'-* в исходе корня / основы: *тпру́тé*, *тпру́ти*, *тпрутьо*, *тпру́тя*. Конечный согласный этих подзывных восходит, вероятно, к усилительной частице *ти* (*ти* и *ть* в памятниках древнерусского языка). Вариант *тпрутé* мог возникнуть под влиянием формы мн. ч. повелительного наклонения на *-тé* в тех же говорах [26], а вариант *тпру́тя* мог появиться в результате воздействия кличек на подзывные слова.

д) Почти исключительно для обращения к лошади используются подзывные типа «губной вибрант+(гласный)+*х*+(гласный)»: *тпрёх*, *тпрох*, реже *тпро́ха*, *тпрух*, *тпру́ха*, редко *тпрхо*, *тпрхе*, *тпрху*. Эти подзывные распространены преимущественно в говорах южного наречия (в основном юго-восточнее Невеля до Орла и Тулы) и в пограничных с говорами Рязанской группы восточных среднерусских говорах; в единичных нас. п. отмечаются они на территории Владимирско-Поволжской группы, западных среднерусских говоров (севернее Пскова), онежских (западная половина), белозерско-бежецких и говоров Вологодской группы. Возможно, *-х-* у этих подзывных восходит к экспрессивному суффиксу *-х(а)*, употребительному для образования производных от имен собственных: *Алёха*, *Натаха* и т. п. Формант *-х* выделяется и у подзывных для свиньи (*дюх*, *тюх*, *чух*), собаки (*нах*).

е) В костромских и соседних с ними вологодских говорах, а также в единичных нас. п. на территории говоров южного наре-

---

[26] «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров». М., 1970, стр. 107, карта № 30.

чия (северная половина Западной и Верхне-Деснинской групп) и соседних с ними псковских говоров известны подзывные для лошадей типа «губной вибрант+ц+гласный»: *тпрцо*, *пцо*, *пцу*. Подзывные эти бытуют на той же территории, что и гораздо более распространенные слова со структурой «губной вибрант+*с'*+гласный», и являются вариантами последних. Упрощение и перестановка согласных в группе губного вибранта привели к появлению *ц* на месте *с'*: *тпрс'о*, *тпрс'у* → *птс'о*, *птс'у* → *пц'о*, *пц'у* → *пцо*, *пцу*.

Таким образом, слияние первичного корня подзывных — губного вибранта — с усилительными частицами, непродуктивными словообразовательными и словоизменительными аффиксами привело к появлению подзывных более сложной структуры, вторичные корни / основы которых большей частью семантически и территориально дифференцированы в современных русских говорах.

Слияние усилительных частиц с первичным корнем характерно для обращений к корове и лошади, что связано с тягловым применением этих животных. Подзывные слова отапеллятивного происхождения не сочетаются с усилительными частицами в составе одной лексемы.

Для современных говоров уже не являются производными подзывные типа *бысь*, *кась*, *тёсь*, о чем свидетельствуют упрощения основ подзывных этого типа и появление перевертышей (см. об этом выше).

Для производства подзывных слов используются в основном те же суффиксы субъективной оценки, что и для образования уменьшительно-ласкательных форм от антропонимов, кличек животных и одушевленных нарицательных существительных. Наиболее продуктивны при этом в системе подзывных слов те суффиксы, которые уже непродуктивны при словопроизводстве апеллятивов.

Среди производных подзывных слов можно выделить следующие словообразовательные типы:

1) Самым распространенным суффиксом подзывных для коров и лошадей является суффикс *-н'-*. Этот формант сочетается как с первичными звукоподражательными корнями, так и с корнями, расширенными усилительными частицами, грамматическими аффиксами, а также с корнями отапеллятивного происхождения. Подзывные слова с *-н'-* в исходе основы известны на всей территории русских говоров, причем в некоторых говорах они вытеснили производящие подзывные. Например, в юго-восточной части Заветлужья употребительны только производные подзывные для коров *тпру́кóнь*, *тпрукóня*; аналогичная картина наблюдается в ряде белозерско-бежецких, костромских и вологодских говоров. Подзывные для коров *тпрень*, *тпрéня*, *тпрéни* употребительны в говорах Рязанской группы (преимущественно в ее восточной половине) и в соседних с ними восточных среднерусских говорах.

Большей частью производные подзывные с суффиксом *-н'-* распространены на той же территории, что и соответствующие производящие слова. Подзывные *тпру́же́нь*, *тпружёня*, *тпру́жи́нь*, *тпружи́ня* употребительны там же, где *тпру́же́*, *тпру́жи́*; правда, производные образования чаще отмечаются на периферии ареала *тпру́же́*, *тпру́жи́*. В одних и тех же говорах встречаются *тпру́гбнь*, *тпруга́нь* и *тпру́гб*, *тпру́га́*, *тпру́те́нь* и *тпру́те́*, *тпруше́нь*, *тпрушбнь*, *тпруша́нь* и *тпруше́*, *тпрушб*, *тпруша́*, *тпрузе́нь* и *тпрузе́*. Подзывные для коров *тпру́се́нь*, *тпрусёня*, *тпрусёнь*, *тпрусёня*, *тпру́си́нь*, *тпруси́ня*, редко *тпруса́нь*, *тпрусюнь*, *тпрусюня* и соответствующие производящие слова имеют один и тот же ареал, но при этом производные с суффиксом *-н'-* часто встречаются в говорах юго-западной диалектной зоны и сравнительно редко — в средне- и севернорусских говорах. Идентичные рассмотренным выше подзывные для лошадей отмечаются в единичных нас. п. на той же территории, что и подзывные для коров. Как правило, тождественные или близкие по звучанию подзывные для коров и лошадей употребительны в разных говорах. Например, подзывные лошадей *тпронь*, *тпрёнь*, *тпрёни*, *тпрень*, *тпрунь*, *тпру́ня* известны в говорах Ладого-Тихвинской группы, селигеро-торжсковских, онежских (южная половина), а аналогичные подзывные коров встречаются в говорах Рязанской группы. В единичных костромских говорах отмечаются подзывные для лошадей *тпрукбнь*, *тпрусёнь*, *тпрусёнь*, но в тех же говорах коров подзывают словами *тёл*, *тёла*.

Реже формант *-н'-* сочетается с подзывными отапеллятивного происхождения. В единичных нас. п. на территории Костромской и Владимирско-Поволжской групп зафиксированы подзывные для коров *тёлонь*, *тёлынь*, *телу́нь*. Подзывные для лошадей *касюнь*, *касянь* отмечены в единичных нас. п. на территории Рязанской группы.

Суффикс *-н'-* сочетается с любым гласным производящей основы. Аналогичную картину мы наблюдаем и при образовании уменьшительно-ласкательных форм от собственных имен: *Гриня*, *Маня*, *Миня*, *Паня*, *Проня* и т. п. В современном языке экспрессивность суффикса *-н'-* в неполных, неофициальных формах личных имен в значительной степени уже ослаблена. Подзывные слова с этим формантом не имеют уменьшительно-ласкательного значения, что отражается в дублетности пар типа *тпрукб́* — *тпрукбнь*, *тпрусе́* — *тпрусёнь*, *тпруже́* — *тпружёнь*, *тпружи́* — *тпружи́нь* и т. п. и в замене производящих подзывных производными. Чаще всего встречаются дублеты на *-ень*, *-ёнь*, что, возможно, связано с влиянием на подзывные для коров кличек типа *Бурёна*, *Рыжёня*, *Пестрёнь*, *Белёнь* и т. п. Вероятно также и воздействие славянских словообразовательных типов названий детенышей: у производных этой лексико-семантической группы первичный суффикс *-ен-* (из *-ьн-*, *-ен-*) уже в древнерусском языке употребителен лишь в составе сложных формантов (общеславянские образования

типа *пътьньць*, *младеньць*, слова на *-енок*, просторечные и диалектные экспрессивные наименования на *-ёныш*).

2) Подзывные с суффиксом *-л'-* обычно служат для обращения к лошади и жеребенку. Производные этого типа распространены в центральной части Западной группы южного наречия (юго-восточнее Западной Двины до верховьев Десны и Угры). Суффикс *-л'-* может сочетаться с производящей основой типа «губной вибрант + гласный» (*тпрóля*, *тпрóли*, *тпрель*, *тпрýля*) и типа «губной вибрант + согласный + гласный» (*тпрсéля*, *тпрсёля*, *тпршóля*, *тпрцóля*). В пределах указанного выше ареала подзывных лошади и жеребенка отмечены также подзывные для быка *бы́ля* и для коровы *мýля*, а на южной границе этого ареала в единичных нас. п. зафиксированы подзывные для коров *тпрёля*. Возможно, суффикс *-л'-* имел первичное уменьшительно-ласкательное значение, которое в современном языке обнаруживается у образований с суффиксом *-ýл(я)*: *бабуля*, *мамуля*, *сынуля*, *Нинуля* и т. п.

3) Подзывные коров и лошадей с суффиксом *-к-* (из *-ък-*, *-ьк-*) известны в русских говорах повсеместно. Суффикс *-к-* сочетается как с основами типа «губной вибрант + (гласный) + согласный», так и с отапеллятивными основами: *тпрóська*, *тпрóськи*, *тпрóшка*, *тпрýшка*, *тпрýтька*, *кóська*, *тёлка*, *шáнька*, *шéнька*, *шеньк*, *шúнька*, *шиньк* и др. Очень часто суффикс *-к-* в сочетании с суффиксами *-н'-* и *-л'-* образует сложный формант. Производные с суффиксом *-к-* распространены на той же территории, что и производящие слова, но при этом производные чаще отмечаются на периферии ареалов соответствующих производящих подзывных.

4) В ряде южнорусских говоров употребительны подзывные, преимущественно для лошадей и жеребят, с суффиксами *-óк-*, *-ёк*: *тпрунёк*, *тпрусёк*, *канёк*, *касёк*, *шынёк*, реже *зизок*, *малёк*, *шышок*. В единичных нас. п. на той же территории встречаются подзывные для коров *тпрунок*, *тпрусёк*, *мунёк*. В этих же говорах отмечены подзывные для свиней *чунёк*, для гусей *гусёк* и т. п. Подзывные этого типа возникли под влиянием уменьшительно-ласкательных форм антропонимов на *-ёк*/*-óк*, весьма распространенных в южнорусских говорах, особенно при обращении: *Ванёк*, *Витёк*, *Манёк*, *Нинок*, *Петрок*, *Шурок* и т. п.

5) Подзывные с суффиксом *-ечк-* изредка встречаются в говорах юго-западной диалектной зоны. Здесь употребительны для коровы обращения *тпружéнечка*, *тпрóшечка*, для лошади — *тпрóнечка*, *тпрсёнечка*, *тпрсёлечка*.

6) Подзывные для лошадей и жеребят с суффиксом *-охоньк-* отмечены в единичных нас. п. на территории говоров северного наречия (ладого-тихвинские, белозерско-бежецкие и костромские говоры): *тпрóхоньки*, *тпрсёхоньки*, *пцбхоньки*.

7) Ряд суффиксов выделяется в подзывных словах отапеллятивного происхождения: *тел-óх*, *тел-ýшк*, *кон'-áшк* и т. п. В качестве подзывных слов экспрессивные образования от названий

животных выступают обычно в усеченной форме. Это обусловлено продуктивностью в современных говорах и просторечии усеченных форм вокатива от имен собственных и терминов родства, а также необходимостью дифференциации подзывных слов и соответствующих апеллятивов. Подзывные для коров и телят *телу́х*, *телóх* известны в Западной группе южного наречия (к западу от Десны до границы с БССР). На этой же территории в двух нас. п. отмечены подзывные коров *малю́х*. На границе ареалов лексем *телóх* / *телу́х* и *тпрусь* зафиксировано единичное *тялу́сь*, вероятно, результат контаминации этих подзывных. На указанной территории встречаются также *телу́шк* и *телу́ш*, последнее представляет собой усеченную основу *телу́шк* (ср. вокативы типа *ба́бушI*, *дéдушI*, *мáтушI* в тех же говорах).

По образцу подзывных отапеллятивного происхождения с членимой основой появляются подзывные типа *тпрукбш*, *тпру́кбшка*, *тпру́кушка*, *тпрóкушка* для коров и *тпрéкушк*, *тпрсéшка*, *тпрсбшка* для лошадей. В современных говорах подобные подзывные единичны. Чаще суффикс *-ушк-* у подзывных с губным вибрантом в корне сочетается с суффиксом *-н'-*. Производные подзывные этого типа отмечены большей частью в севернорусских говорах (ладого-тихвинские, белозерско-бежецкие, западные вологодские и костромские говоры): для коров *тпрукóнюшк(а/и)*, *тпрукéнюшка*, *тпрéнюшк(а/и)*, для лошадей *тпрéнюшк(а/и)*, *тпру́нюшка*, *тпрсéнюшк(а/и)*, *тпрсю́нюшка*, *тпрцбнюшк(а/и)*, *тпршбнюшка*, *тпркбнюшки*. В южно- и среднерусских говорах подзывные этого типа единичны. Обычно подзывные на *-ушк*, *-ушка*, *-ушки* сосуществуют с соответствующими производящими словами.

8) По образцу используемых в качестве подзывных уменьшительных *конЯшка*, *конЯшк* и чаще *конЯш* возникли производные с суффиксом *-ашк- шенЯшка*, *шинЯшка*, *шинЯшк* в соседних с говорами Рязанской группы среднерусских говорах. На периферии ареала подзывных *конЯш*, *конЯшк(а)* отмечены единичные *конЯша*, *конЮш*.

9) У немногих подзывных отапеллятивного происхождения выделяется суффикс *-ут(к)-*: *малю́тка*, *тясу́тка* (от *тёсь*), *бысю́тка* (подзывное для бычка), *касю́тка*, *касю́т*. Эти подзывные зафиксированы в южнорусских говорах, где по той же модели образуются единичные подзывные для коров *тпруку́тка*, *тпрусю́та*.

10) В Западной группе южного наречия изредка встречаются подзывные для лошадей и жеребят с суффиксом *-ур(к)-*: *кусю́р*, *кусу́р*, *кусю́рк*. Экспрессивный суффикс *-ур-* уже не продуктивен для образования уменьшительных форм от собственных имен. Образования типа *Настюра*, *Степура* встречаются преимущественно в диалектной речи. Подзывное *кусю́рк* возникло в результате присоединения уменьшительного суффикса *-к-* либо вслед-

ствие слияния конца одного подзывного с началом следующего за ним при повторении и убыстренном темпе речи.

Продуктивность суффиксов субъективной оценки в словообразовании подзывных для коров и лошадей — результат воздействия на систему подзывных кличек животных, а на последние — антропонимов. В говорах, где преимущественно употребляются подзывные для коров и лошадей, а не клички, как правило, редки производные подзывные с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Это наблюдается в некоторых вологодских говорах к западу от Ваги. Именно с отсутствием индивидуальных кличек связана, вероятно, редкость подзывных с уменьшительно-ласкательными суффиксами для домашней птицы.

Экспрессивные суффиксы, утратившие продуктивность в системе словопроизводства собственных и нарицательных существительных, могут использоваться для образования подзывных от производящих основ с начальным губным вибрантом (*-л'-*, *-н'-*, *-с'-*). Большей частью производные этих типов уже не имеют уменьшительно-ласкательного значения и являются дублетами производящих слов, нередко вытесняя последние.

Суффиксы, выделяющиеся в подзывных словах отапеллятивного происхождения (*-ух-*, *-ушк-*, *-утк-* и др.), могут использоваться и для производства подзывных с корнями звукоподражательного происхождения, если ареалы слов — обращений к животным типа *телу́х*, *телу́шк*, *коня́шка* и т. п. занимают обширную территорию.

Подзывные с формантами *-л'-*, *-ок*, *-ур-*, *-ут(к)-* характерны для южнорусских, а с формантом *-охон'к-* — для севернорусских говоров.

IV. У подзывных слов для коров и лошадей после губного вибранта обычно следуют гласные *о*, *у*, редко *е*, в единичных случаях *а*, *и*. При расширении губного вибранта частицами в исходе основы обычно сохраняются гласные, некогда принадлежавшие частицам: *-о* (*тпру́кб*), *-а* (*тпру́ка́*), *-е* (*тпру́же́*), *-и* при слиянии корня с частицами *си*, *ти* (*тпру́си́*, *тпро́си́*, *тпру́ти́*), реже выступает нулевой гласный (*тпрусь*, *тпросъ*, *тпруть*). При лексикализации результатов метатезы у опрощенных основ этого типа гласный частицы утрачивался, а на его месте появлялся гласный, следовавший раньше за губным вибрантом (*тпрсё*, *тпрсю*, *тпрсе*).

Подзывные отапеллятивного происхождения с непроизводными или опрощенными основами чаще всего выступают в усеченной форме (*кось*, *кась*, *тёл*, *тёсь*, *шинь* и т. п.), либо в исходе основы употребительны гласные *-а* (*кбся*, *ка́ся*, *тёла*, *ши́ня* и т. п.) *-и* (*тёлы*, *ши́ни*), *-о* (*косё*, *касё*, *ксё*, *тялб* — единичный пример), *-у* (*кбсю*, *каси́*, *ксю*).

Подзывные слова с вычленяемыми суффиксами чаще всего выступают в усеченной форме, либо с гласными *-а*, *-и* в исходе основы.

Таким образом, если гласные в исходе основы подзывных слов не восходят к гласным частиц, то эти гласные омонимичны либо архаическим флексиям звательной формы (*-о*, *-у*, *-е*), либо флексиям вокатива в просторечии и современных говорах (*-а*, *-и*, усеченная основа). На несомненную связь с вокативом указывают и подзывные типа *тпрукáй*, *тпрукóй*, *тпрукéй* в онежских и пограничных с говорами Рязанской группы среднерусских говорах, *тпрузéй* в южнорусских, пограничных с белорусскими, говорах. В этих говорах при так называемом дистанционном обращении отмечены аналогичные формы у собственных имен и терминов родства. В современных русских говорах особая звательная форма употребляется обычно лишь в тех случаях, когда человек, к которому обращаются, находится вдали от говорящего. Для образования подобной звательной формы используются междометия *ай*, *ой*, *эй*, *ау*, *оу*. Другим средством образования новой звательной формы является продление конечного гласного слова, при этом для вокатива характерна особая интонация. Изредка употребляются в говорах и особые флексии *-о*, *-у*, *-е*, но, в отличие от аналогичных флексий звательной формы древнерусского языка, они не связаны с типом склонения существительных.

Подзывные слова и формы дистанционного обращения в современных говорах объединяет: общность функции, интонация, частое усечение основы, идентичность финалей суффиксов подзывных слов и флексий имен, их одинаковая употребительность в одних и тех же говорах (часто *-о*, реже *-у*, редко *-е*).

В современных говорах финали подзывных *-о*, *-у*, *-е*, *-а*, *-и* могут дифференцировать слова — обращения к разным животным. Например, *-о* в подзывных для коров характерно для западных среднерусских говоров, пограничных с говорами Рязанской группы восточных среднерусских говоров, части новгородских (*тпруко*); эта же финаль выступает у подзывных для коров в юго-западной части псковских, некоторых говоров западной половины Верхне-Днепровской группы (*тпрусё*), в немногих говорах Западной группы (к югу и юго-востоку от Рославля), где употребительно *тпрсё*; в единичных нас. п. встречается подзывное для коров *тпро*. Подзывные для лошадей с суффиксом *-о* (*тпро*, *тпрё*, *тпрсё*, *тпрсо*) преобладают в севернорусских говорах, в соседних с ними говорах Владимирско-Поволжской группы, в западных среднерусских говорах, в ряде говоров южной диалектной зоны. Подзывные для лошадей *косё*, *касё*, *ксё* известны в восточной половине ареала лексем с корнем *кос'-*/ *кас'-* и на границе с говорами украинского языка.

Суффикс *-у* в исходе основы подзывных для коров отмечен в единичных нас. п. в основном на границе средне- и южнорусских говоров (*тпру*), в двух нас. п. южнее Рославля (*тпрзю*). У подзывных лошадей этот суффикс распространен несколько шире (лексема *тпру* при этом не учитывается): в немногих севернорусских говорах (*тпрсю*, *тпрху*, *пцу*), в восточной половине ареала

подзывных с корнем *кос'-/кас'-* и на границе с украинскими говорами (*кóсю́*, *кáсю́*, *ксю*).

Суффикс *-е* в подзывных для коров известен в южнорусских говорах (*тпружé*), в немногих севернорусских говорах (западная половина Вологодской группы, соседние с ними белозерско-бежецкие и костромские говоры), где употребительно *тпрýке́*. Этот суффикс в подзывных для лошадей отмечается в единичных говорах северо-западной диалектной зоны (*тпре*, *тпрсе*).

Суффикс *-а* в подзывных для коров известен в севернорусских и западных среднерусских говорах (*тпрýка́*, изредка *тпрýся́*, *тпрóся*, *тпрёся*). Подзывные *кóся*, *кáся́*, *овсá*, *тёла*, а также подзывные отапеллятивного происхождения с вычленяемыми суффиксами и *-а* в исходе основы известны на всей территории русских говоров.

Суффикс *-и* в подзывных для коров отмечается главным образом в южнорусских говорах (*тпрýжи́*), в немногих вологодских говорах (*тпрýки*, *тпрýси́*, *тпрýти*). В единичных случаях этот суффикс встречается в подзывных для лошадей (*тпри*, *тпрси*). В исходе основы *-и* нередко наблюдается у подзывных слов отапеллятивного происхождения с вычленяемыми суффиксами.

У подзывных с суффиксами *-л'-*, *-н'-*, *-х-*, *-ш-* и с продуктивными для современного языка суффиксами субъективной оценки конечные *-а* и *-и* восходят к флексиям. У подзывных слов эти флексии обычно утрачивают связь с категорией числа. В единичных говорах, по наблюдениям собирателей, подзывные типа *тёлы*, *коня́шки* употребляются для обращения к группе животных.

Функциональная близость императивных слов — обращений к животным и повелительного наклонения обусловливает воздействие форм последнего на подзывные: таково, вероятно, происхождение вариантов *тпружи́* в южнорусских и *тпрýте́* в севернорусских говорах.

Обращает на себя внимание неравномерность в говорах Европейской части СССР распространения подзывных слов, производных от названий животного, для коров и лошадей. Ареал подзывных с корнем *тел-* охватывает бóльшую часть территории Костромской, южную половину Вологодской групп, островки подзывных с этим корнем известны в Поочье. В южнорусских говорах подзывное для коров *тёсь* распространено на сравнительно небольшой территории (на юге Западной и юго-западе Верхне-Деснинской групп) и является продолжением ареала той же лексемы (*цёсь*) в говорах белорусского языка. Отапеллятивные подзывные для лошадей (*кось*, *кась*, *коняшк* и т. п.) характерны для южной диалектной зоны, подзывные лошадей с заимствованным корнем *шин'-/шен'-/шан'-* распространены в основном в восточных среднерусских и соседних с ними говорах. Если верно предположение о том, что подзывные слова отапеллятивного происхождения являются более поздними образованиями, чем подзывные с корнями звукоподражательного характера, то заманчиво

сопоставление фактов лингвистической географии — распространение отапеллятивных подзывных для коров преимущественно в северо-восточной диалектной зоне и аналогичных подзывных для лошадей в южной диалектной зоне — с данными археологии и палеонтологии: на первоначальном этапе развития земледелия в Восточной Европе постепенное продвижение крупного рогатого скота шло с запада на восток и с юга на север, а лошади — с востока на юго-запад [27].

[27] *В. И. Громова.* Об ископаемых остатках козы и других домашних животных в СССР. «Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных», т. I. М.—Л., 1940, стр. 104, 108, 111; *С. Н. Боголюбский.* Происхождение и преобразование домашних животных. М., 1959, стр. 115—140; *В. И. Цалкин.* Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970, стр. 266.

Е. А. НЕКРАСОВА

СОДО́М — СОДО́МА — СОДОМА́ В ГОВОРЕ д. ДЕУЛИНО РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Слово *содома* и его варианты в говоре д. Деулино интересно не только несколько неожиданным лексическим значением — 'дети, детишки, ребятня, детвора', но и тем местом, которое занимает оно в лексико-грамматической системе данного говора.

Наличие варианта *содо́м — содома́*, а также лексическое значение собирательности, дало основание поставить это слово в один ряд с категорией «парных» существительных типа *му́ха—муха́* того же говора: «В качестве примера слов, образованных по свойственной данному говору модели, можно привести слова из говора д. Деулино . . . имена существительные женского рода с окончанием *-а́*, имеющие собирательное значение большого количества чего-нибудь или интенсивности проявления: *комаря́*, *клопа́*, *содома́* (от *содо́м* — 'ребятишки') — большое количество комаров, клопов и т. д.»[1]

Правомочно ли включение вышеназванного слова в этот лексико-грамматический разряд? Действительно, в указанном говоре существует целый класс слов на *-а́* с общим экспрессивно-собирательным значением. Для слов этой группы характерны следующие грамматические показатели [2]:

[1] «Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры». М., 1967, стр. 158.

[2] Более подробное описание данного класса слов см.: *Е. А. Некрасова.* Существительные женского рода на *-а*, образованные от существительных женского и мужского рода с безударным или нулевым окончанием в говоре д. Деулино Рязанской области. «Уч. зап.», т. 22 (материалы II Диалектологической конференции). Рига, 1968.

1. Наличие «парного» непроизводного слова того же корня (*комáр—комаря́*).

2. Согласование существительного на *-á* с ед. ч. глагола-сказуемого.

3. Наличие экспрессивно-собирательного значения только в данном разряде слов на *-á* (*мýха*, но *муха́*).

4. Наличие обязательного экспрессивно-усилительного значения в существительном на *-á* — это подтверждается как противопоставлением соответствующих пар слов в контексте речи по признаку нейтральности — экспрессивности, так и обычным сопровождением «парного» слова на *-á* экспрессивным прилагательным также с усилительным значением (*муха́ н'исказáннъйа*).

5. «Параллельное» существование формы мн. ч., часто совпадающей с экспрессивно-собирательной формой (ср.: *грыб—грыбá*, но *грыбы́* или *грыбья́*; *мýха—муха́*, *но—мýхи . . .*).

Рассмотрим лексико-грамматические особенности интересующего нас существительного в сопоставлении с вышеизложенными грамматическими характеристиками особого разряда собирательных существительных на *-á*.

1. Обращает внимание отсутствие четкой противопоставленности двух форм — нейтральной и экспрессивной. Для описываемого слова в данном говоре отмечены следующие равноценные варианты: *содóм—содóма—содомá*.

С о д о́ м: *Садóм в'ес' к'ип'и́т' нъ р'ик'é. Ну ты скажы́, их* [ягоды] *фс'е аб'ирáит' садóм. У т'иб'á ч'ай рýк'и пръван'ál'и ат твавó садóма. Н'ь пуш'ш'álъ йа йо* [свинью] *съ двара́, л'и́ба садóм стýкн'ит', л'и́ба мáлъ л'и л'уд'éй. Ч'ó́й-та назáт садóм ид'бт', н'ет к'инó́.* Ср.: *Бывáла пó с'н'ъуу-та садóм б'éгъйут', ан'и́ т'иб'é в н'ид'éл'у трóйа лапт'éй стóпч'ут'. Вон ан'и́, садóм, пашл'и́ за пáзънкай.*

С о д о́ м а: *Закáтух'и — йéтъ в гóлаву закáтывайут' садóмъ, бывáлъ нарвýт' и в гóлаву закáтывайут'. Садóмъ — нъвар'и́лъ бы ш'ш'ей, ан'и́ бы найéл'ис'.*

С о д о м á: *Н'ь йад'áт' и съдамá тъ, ан'и́ уш нъжрал'и́с'. Пажрýт' хот' скóк'и съдамá. Съдамá йиш'ш'ó в'арóфку сташ' ш'áт'.*

2. Обратим внимание на колебания в согласовании в числе со сказуемым в варианте *содóм*; видимо, данный вариант слова следует рассматривать как менее стабильный член вариативного ряда.

Характерно, что два последних варианта слова согласуются с мн. ч. глагола-сказуемого. Таким образом, варианты с окончанием *-á* противопоставлены варианту с нулевым окончанием по характеру согласования со сказуемым: при варианте с нулевым окончанием согласование возможно и по форме, при двух других вариантах — только по смыслу, что вообще характерно для существительных с лексическим значением собирательности. Например: *Ш'ш'ас мълад'бш тбжъ рыбáч'ут'. Фс'а д'ир'éвн'а*

нъб'аул'и́. И даже: *Т'ип'ёр' бо́га блъгадар'и́т' и н'ихто́ н'ъ блъгадар'а́т'. Фч'ара́ н'ихто́ н'и кас'и́л'и.*

Такой же тип согласования характерен и для группы существительных, собирательное значение которых выражено суффиксально: *Бабы́б фс'о на ла́вач'ках събрал'и́с'. Там дра́ка бу́д'ит', ёт'и хул'иган'ы́б пашл'и́, б'адвыйи.*|

И только для существительных, собирательность которых совмещена с экспрессивно-усилительным значением, характерно согласование по форме ед. ч.: *Агра'бны́йи фшы, йётъ ана́ йиш'ш'б н'ь бал'ёлъ, а фша была́ н'инаказа́ннъйъ дъ гн'ида́. Картбшк'и и нбн'и плах'и́и, то жара́, а то даж'ж'а́ вз'ала́ . . ., Абл'ап'и́лъ муха́ н'инаказа́ннъйъ, игд'е́ така́йъ муха́ — как рой.*

Случаи отступления от такого типа согласования объясняются, видимо, чисто разговорной контаминацией двух возможных форм существительных — собирательного существительного на *-а́* и соответствующих существительных мн. ч.: *У, мыша́! н'инъказа́ннъйъ, зъб'ад'и́л'и. Он — ма́л'ин'к'ий* [котенок], *йа вот вз'ала́, а ан'и́ мы́шы-тъ и п'ир'аста́л'и, он в'ит' м'а́уч'ит', ан'и́ ду́х-тъ ч'у́йут'!*

3. Как видно из приведенных примеров, вариант с нулевым окончанием имеет то же лексическое значение собирательности, что и его эквиваленты на *-а*. Следовательно, в данном вариативном ряде слов отсутствует грамматически выраженное противопоставление значений — номинативного и собирательного, что составляет, на наш взгляд, основное функциональное разграничение «парных» существительных, включающих существительные женского рода на *-а́*.

4. Анализируемое слово во всех своих вариантах в потоке речи употребляется, как правило, в экспрессивно-нейтральном значении и без соответствующих эмоционально-характеризующих определений (см. приведенные примеры). Может быть, поэтому для передачи дополнительной экспрессии в говоре д. Деулино употребляется соответствующее производное слово *содоми́це — содоми́ца*: *С'ид'ёлъ, н'икаво́ на д'ир'ёвни, адн'и́ съдам'и́ш'ш'ъ. Адн'и́ съдам'и́ш'ш'а с'ид'а́т'. Бу́т'ъ как л'у́д'и, вон фч'ра́с'* [в магазине] *съдам'и́ш'ш'и так и ныр'а́йут', вас в'ит' на бо́рк'и* [на веревке] *на́дъ в'ас'т'и́. Па́занка красн'ёи́т', съдам'и́ш'ш'а пашла́* [за ней].

5. Поскольку в данном вариативном ряде согласование со сказуемым происходит преимущественно по лексическому значению существительного, т. е. со множественным числом глагола, отпадает необходимость в наличии специальной формы множественного числа. (Ср. возможность согласования с ед. ч. прилагательного и мн. ч. глагола: *кака́йъ-н'ибу́т' съдама́ забра́л'и* [пропало зеркало]. Итак, по-видимому, *содо́м—содо́ма—содома́* являются вариантами одного и того же существительного, лишенными словообразовательной мотивированности, в то время как «парные» существительные представляют собой четко противопоставленные

по ряду признаков лексико-грамматические разряды слов. Поэтому существительное *содомá* (и его варианты) может быть лишь сопоставлено с существительными типа *мухá*, *клопá* по определенному типу собирательного значения, но не может быть включено в этот достаточно многочисленный и обладающий четкой грамматической характеристикой класс слов.

По-видимому, анализируемое существительное принадлежит к той категории имен, у которых наличествует собирательное значение без специального грамматического оформления. Данное существительное может быть поставлено в один ряд с существительными *народ*, *молодежь* и некоторыми другими, лексическое значение собирательности у которых в говоре д. Деулино выражается согласованием по смыслу с мн. ч. глагола-сказуемого.

Влияние достаточно распространенной категории «парных» существительных, включающих существительные на *-á* с собирательным значением, а также наличие в говоре форм мн. ч. на *-á* у разных грамматических классов существительных, вероятно, повлияли на увеличение вариативного ряда существительного *содóм—содóма—содомá*.

Н. А. ЛИПОВСКАЯ

ДИАЛЕКТНЫЕ НАЗВАНИЯ ПЕТУХА

Диалектная лексика русского языка до сих пор остается мало изученной, в связи с чем понятен и оправдан интерес, проявляемый к ней со стороны исследователей-диалектологов.

При наличии по говорам разнообразных названий, выражающих понятие 'петух', и при нередком сосуществовании различных названий в пределах одних и тех же говоров, возникают вопросы, связанные с тем, какие из соответствующих слов следует считать наиболее характерными для отдельных диалектных групп русского языка в их современном состоянии, а также на предшествующих этапах существования этих диалектных групп. Ценный материал для изучения подобных вопросов дает сочетание показаний карт, посвященных в отдельных атласах названиям петуха [1], с теми данными, которые содержатся в ответах

[1] В статье использованы карты: № 218 «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы», № 424 «Атласа русских говоров центральных областей к западу от Москвы» и № 423 «Атласа русских говоров центральных областей к северу от Москвы» — Е. Г. Буровой; № 293 «Атласа русских говоров центральных областей к югу от Москвы» — А. И. Сологуб.

на вопросы «Программы собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» и характеризуют степень употребительности тех или иных терминов при их сосуществовании в говоре, а также с данными об их употребительности в речи разных поколений.

Как показывает сводная карта (см. приложение), в говорах русского языка в качестве основных, противопоставляющих, хотя и в разной степени, различные их территории, выступают следующие названия петуха: *петýх*, *петýн*, *кóчет*, *пéвень*, в меньшей степени *пеýн*, *певýн*. Остальные названия, такие, как *коч*, *кур*, *кóгут*, являются единичными. Слово *петýх* имеет почти повсеместное распространение (что объясняется разными причинами, в том числе и тем, что это слово литературного языка), но на разных территориях все же прослеживается неодинаковый характер его употребления. Значительные ареалы отсутствия этого слова наблюдаются на территории северо-запада и широкого юго-востока. Говоры, знающие исключительное употребление слова *петýх*, широкой полосой протянулись с юго-запада на северо-восток (см. карту). В случаях сосуществования этого слова с другими на разных территориях распространения русских говоров степень его употребительности может быть различной по сравнению с тем словом, с которым оно сосуществует. Так, на территории Костромской группы говоров при сосуществовании *петýх—кóчет* слово *петýх* употребляется чаще (см. д. Кажирово Пыщугского р-на, д. Вежи и д. Харино Костромского р-на и др.). Такое же соотношение в употреблении этих слов см. в Тульской, Липецкой, Новгородской областях, т. е. вдоль границы исключительного употребления слова *петýх* («слово *петýх* употребляется чаще» — см. д. Натальино Сафоновского р-на Тульской обл., д. Тужилки Воскресенского р-на Липецкой обл. и др.).

На территории южного наречия наблюдается обратное соотношение: при сосуществовании со словом *кóчет* слово *петýх*, как правило, употребляется реже (см. д. Дубровка Должанского р-на Орловской обл., с. Нижн. Грайворонка Октябрьского р-на Курской обл. и др.).

В рассеянном распространении на всей южной территории сосуществования слов *петýх* и *кóчет* отмечаются говоры, где *петýх* является новым словом (см. с. Санино Суздальского р-на Владимирской обл., д. Осиповка Выксунского р-на Горьковской обл. и др.).

Слово *кóчет* отмечено на территории широкого юго-востока, включающей в себя в основном говоры южного наречия, частично восточные среднерусские говоры и незначительную часть говоров северного наречия. Наиболее последовательное употребление этого слова наблюдается в Рязанских и межзональных говорах типа Б южного наречия, в восточных среднерусских акающих говорах отдела Б и В, Владимирско-Поволжской группе (за

исключением Калининской подгруппы) и в Костромских говорах, охватывая небольшую часть их южной территории. На обширной территории достаточно интенсивного распространения слова *ко́чет* наблюдаются значительные ареалы, где это слово отмечено в исключительном употреблении. Причем эти ареалы не имеют какой-либо определенной локализации.

Многие говоры южного наречия знают два названия для петуха: *пету́х* и *ко́чет*. При их сосуществовании здесь, на южных территориях, *ко́чет* употребляется значительно чаще (см. пос. Щуваёвка Гучковского р-на Рязанской обл., Б. Лука Вадинского р-на Пензенской обл. и др.).

Имеются сведения о том, что *ко́чет* в ряде говоров чаще употребляется представителями старшего поколения или встречаются замечания о его большей употребительности в прошлом (см. д. Харлампеево Коробовского р-на Московской обл., с. Заколпье Гусь-Хрустального р-на Владимирской обл., д. Воскресенка Сасовского р-на Рязанской обл. и др.).

На основании изучения имеющегося материала можно сделать вывод о том, что слово *ко́чет* на большей, а именно преимущественно южной части территории его распространения, относящейся к южному наречию, наблюдается в более активном употреблении, чем другие слова, с ним сосуществующие, или представлено в исключительном употреблении, в то время как на территории Костромской группы говоров слово *ко́чет* употребляется реже, чем *пету́х*.

На юго-востоке рассматриваемой территории в незначительном количестве говоров распространены слова *коч*, *кочето́к*, отмеченные как в исключительном употреблении, так и в сосуществовании со словом *пету́х*.

Слово *пету́н* распространено на территории северо-запада (за исключением ареала Тихвин—Боровичи), а также на части территории северных межзональных говоров, причем значительные ареалы исключительного употребления слова *пету́н* отмечены в Псковской, Новгородской и Гдовской группах говоров. При сосуществовании слов *пету́н* и *пету́х* нередко отмечается большая употребительность слова *пету́х* (напр., «петух чаще, чем петун» д. Шамокша Лодейнопольского р-на Ленинградской обл., д. Огзово Маловишерского р-на Новгородской обл., д. Усадище Волховского р-на Ленинградской обл. и др.). Сведения об обратном соотношении употребления слов *пету́н* и *пету́х* («*пету́н* употребляется чаще, чем *пету́х*») находим в ответах по д. Верховина Средняя Волховского р-на Ленинградской обл., д. Орехово Бабаевского р-на Вологодской обл. и др.

Слово *пеу́н*, *певу́н* рассмотрим в их совокупности как образованные по одной модели от основ итеративных глаголов *пе-* и *пев-*. Наибольшее распространение из числа этих слов получило слово *пеу́н*, ареалы употребления которого отмечаются в Белозерско-Бежецких говорах и западной части Костромской группы

говоров. Единичные случаи употребления слова *петýн* отмечаются в новгородских, вологодских, брянских и смоленских говорах. На основной территории распространения слова *петýн* в ряде говоров наблюдается исключительное его употребление. Слово *певýн* зафиксировано в единичных говорах и имеет рассеянное распространение на той же территории, что и слово *петýн*; оно отмечено также в районе Минска и Могилева. В ряде ответов имеются замечания о различной употребительности в говорах рассматриваемых слов, напр.: «*петýн* говорят старые» д. Малое Левашово Середского р-на Ярославской обл., «*певýн* устарело, помнят, но не употребляют» д. Рогалево Пошехоно-Володарского р-на Ярославской обл., «*петýн* — в активном словаре его нет» д. Старино Солигаличского р-на Костромской обл. В некоторых говорах слова *петун*, *певун* отмечены с ударением на первом слоге (*пéун*, *пéвун*). В качестве единичных отмечены по говорам слова *пéюн*, *пеюн*, причем некоторые из них наблюдаются на территории распространения глагола *петь*, от которого, вероятнее всего, они и образованы.

Слово *пéвень* отмечается на компактной территории запада Брянской обл. (ср. его наличие в говорах Белоруссии и Украины). В русских и примыкающих к ним с запада белорусских говорах слово *пéвень* отмечают, как правило, в сосуществовании со словом *петýх*. В южных и части центральных говоров Белоруссии слово *пéвень* представлено в исключительном употреблении. В единичных говорах оно отмечено в Новгородской, Ленинградской и Смоленской областях.

На основании изучения характера распространения различных названий для петуха, представленных в говорах русского языка, можно предположить, что основные из них *петýх*, *пéвень* и *кóчет* относятся к древнейшим диалектным различиям славянских языков, возможно, восходящим даже к племенным различиям. По характеру территории бытования можно предположить, что слово *кочет* связано по своему происхождению с племенем вятичей, во всяком случае, в говорах Рязанской земли наиболее долго находился основной очаг распространения этого слова.

Со временем с этой территории оно получает, видимо, распространение в северном и отчасти в западном направлении [2].

---

[2] Слово *кóчет* зафиксировано в картотеке ДРС под 1477 г. («Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук», т. I. СПб., 1836); оно отмечается словарями XVIII в. (напр., «Российский Целлариус». М., 1771), включено в «Опыт областного великорусского словаря» (СПб., 1872) и более поздние словари (*А. Подвысоцкий.* Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885; *А. В. Миртов.* Донской словарь. Ростов-на-Дону, 1929; *Г. Г. Мельниченко.* Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961; *Т. В. Кириллова.* Опыт словаря говоров Калининской области. Калинин, 1972), которые фиксируют его как слово донских, калининских, ярославских, рязанских говоров. И. И. Срезневский в «Материалах для словаря древнерусского языка» (СПб., 1893, т. I) дает слово *кочет* с пометой «областное».

Можно думать, что распространение его на территории северных говоров относится к достаточно позднему времени. Если учесть данные карты № 78, помещенной в монографии Г. Г. Мельниченко [3], свидетельствующие о наличии слова *кбчет* на территории ярославских говоров, то можно предположить, что распространение слова *кочет* на северные территории происходило уже после XV в., так как известно, что до XV в. эти говоры сохраняли свою самостоятельность [4].

Слова, образованные от глаголов с корнем *пѣ-* (см. этимологически *poi-) в своей совокупности, видимо, были первоначально характерны для говоров более западных и северных племен, на основе которых в дальнейшем сложились в русском языке говоры Смоленской и Новгородской земли. Из них слово *петух* [5] распространилось на большую часть основной территории русского языка в исключительном или преимущественном употреблении, а также на территорию белорусских говоров [6]. Как уже говорилось, на протяжении более поздних периодов существования русского национального языка это слово получало дополнительное распространение в ряде говоров как слово национального языка.

Слово *пе́вень* [7] относилось в древности, видимо, к лексическому запасу языка западных племен. Основой для подобного предположения служит его бытование на территории говоров белорусского и украинского языков и на примыкающей к ним части юго-западной территории говоров русского языка [8].

Слова *пеу́н* и *певу́н*, образованные, как уже указывалось, от основ итеративных глаголов *пе-* и *пев-*, являлись, возможно, достаточно ранним новообразованием ярославских говоров и получили распространение в северном направлении в область Белоозера в связи с Ростово-Суздальской колонизацией этой

Этимологические словари русского языка Фасмера (М., 1971, т. II, стр. 358) и А. Г. Преображенского (М., 1958, стр. 331—332) образование слова *кочет* объясняют чередованием с *кокот* — «крик кур», «кокотанье».

[3] См.: *Г. Г. Мельниченко.* Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII—нач. XIII в. Ярославль, 1974.

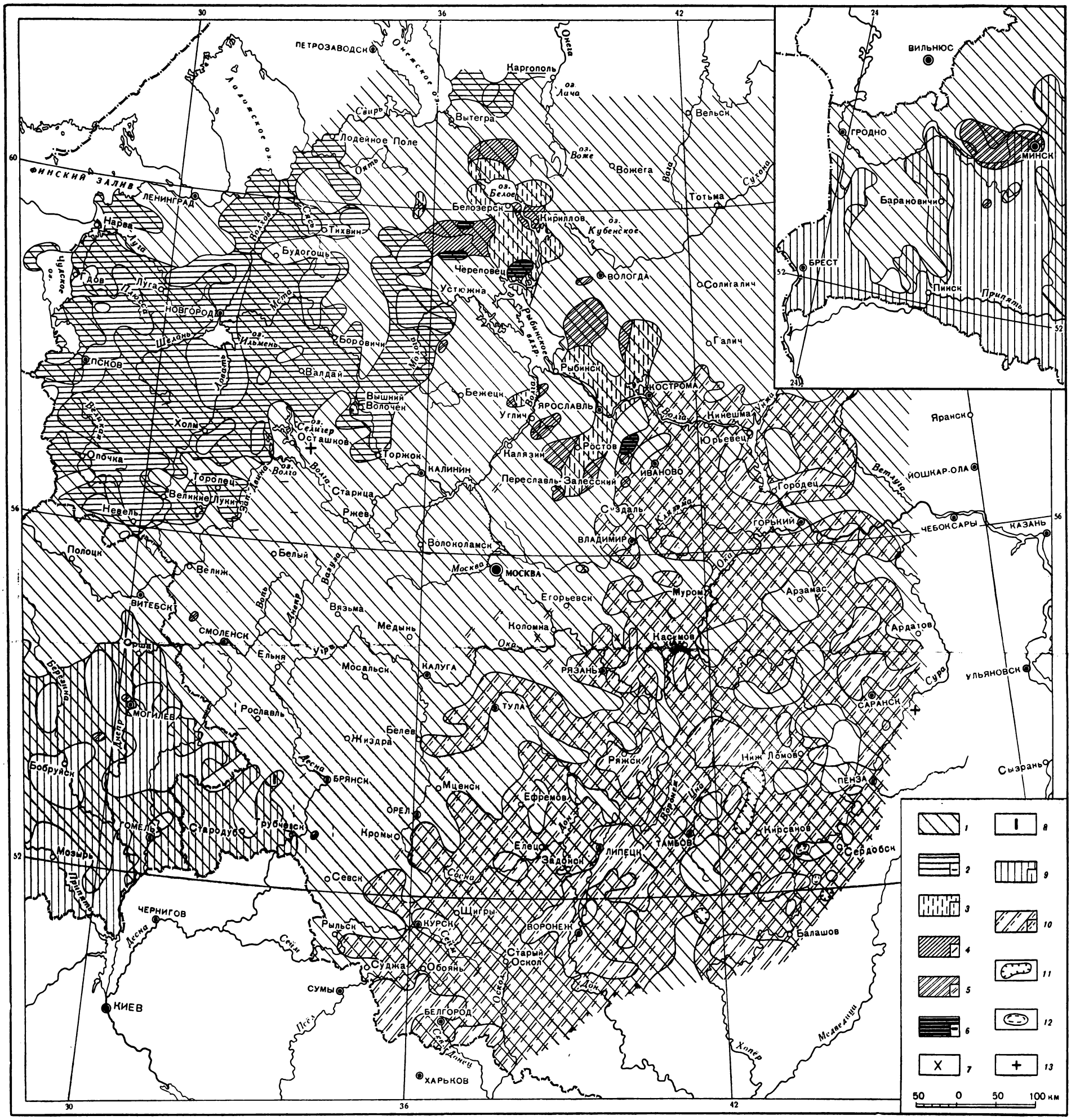
[4] См.: «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров». Под ред. В. Г. Орловой. М., 1970, стр. 310.

[5] Слово *петух* отмечено в картотеке ДРС (Акты о сборе лекарственных трав 1674 г. и Книга зовомая земледелательная 1674 г.). Оно вошло в словари XIX в. (*П. Соколов.* Общий церковно-славяно-российский словарь. СПб., 1834; *П. Алексеев.* Церковный словарь. СПб., 1818), а также в «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (М., 1955) и «Смоленский областной словарь» В. Н. Добровольского (Смоленск, 1914).

[6] См.: «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы». Мінск, 1963, карта № 294.

[7] Слово *певень* включено как донское в «Словарь Академии Российской» (СПб., 1793) и «Опыт областного великорусского словаря» (СПб., 1872). Отмечено оно как южное, донское и в словаре Даля.

[8] См.: «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы», карта № 294; «Українсько-російський словник». Под ред. В. С. Ільїна. Київ, 1964.

Карта. Диалектные названия петуха

1 — *петýх*; *2* — *петýн*; *3* — *пеýн*; *4* — *пéун*; *5* — *певýн*; *6* — *пéвун*; *7* — *пéюн*; *8* — *пеюн*; *9* — *пéвень*; *10* — *кóчет*; *11* — *кочетóк*; *12* — *коч*; *13* — другие единичные названия

территории [9]. По-видимому, территория распространения слов *пеу́н* и *певу́н* [10] первоначально была более широкой, а самое распространение более интенсивным, на что указывают, возможно, единичные говоры с их употреблением, расположенные неподалеку от основной территории распространения слов *пеу́н—певу́н*.

Можно предположить, что слово *петун* составляет одну из сравнительно ранних инноваций псковских и новгородских говоров, развившуюся в период, когда суффикс *-ун* являлся достаточно продуктивным в этих говорах [11].

Наиболее поздним образованием следует считать слово *кочеток* [12], которое в современных говорах, развившись из суффиксального образования, стало синонимом слову *кочет*.

Таким образом, изучение различных диалектных названий петуха показало, что одни из них относятся, по-видимому, к древнейшим лексическим различиям говоров восточнославянских языков, другие являются достаточно ранними инновациями говоров русского языка. В связи с этим и те, и другие имеют важное значение для изучения вопросов исторической лексикологии, а также вопросов, связанных с формированием и развитием говоров русского языка.

Ж. Ж. ВАРБОТ

ЗАМЕТКИ ПО ЭТИМОЛОГИИ РУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ

(на материале словаря д. Деулино)

Предлагаемые заметки являются опытом этимологического комментария к «Словарю современного русского народного

---

[9] См.: *А. Н. Насонов.* Русская земля. М., 1951, стр. 179—180 и др.

[10] Слово *пе́ву́н* отмечено в Словаре Академии 1793 г. Слова *пеу́н* и *певу́н* включены в «Опыт областного великорусского словаря» (1872) как новгородское и костромское — *пеу́н*, и владимирское — *певу́н*. Вошли они в позднейшие диалектные словари: в Словаре Даля — *пеу́н* костромское, *пе́ун* — новгородское, *певу́н* — ярославское, владимирское; *певу́н* отмечено у Г. Г. Мельниченко (указ. соч.), *пеу́н* — у Т. В. Кирилловой (указ. соч.).

[11] Слово *пету́н* отмечено в «Словаре Академии Российской» и «Опыте областного великорусского словаря» как псковское, великорусское, опочское, тверское, вышневолоцкое. Отмечено оно в Онежских былинах, записанных А. Г. Гильфердингом в 1871 г. (картотека ДРС). В Словаре В. И. Даля слово *петун* приводится как псковское, смоленское, тверское. Отмечено оно в Словаре калининских говоров, в Архангельском словаре А. Подвысоцкого, Словаре областного олонецкого наречия Г. Куликовского (СПб., 1898).

[12] «Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)». Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.

говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)» [1]. Рассмотрение лексики одного говора в этимологическом плане может, очевидно, преследовать различные цели: от объяснения «темных» слов данного говора до исчерпывающей характеристики соотношения в лексике говора различных генетических пластов, причем вариативность исследований в этих пределах объясняется возможностью выбора не только различного объема материала, но и различных аспектов этимологического анализа (лингвогеографического, словообразовательно-морфонологического, семантического) [2]. Представляется, однако, что при всех возможных различиях в ориентации этимологического исследования лексики одного говора подобные работы полезны как для изучения происхождения лексики этого говора, так и для пополнения сведений о сохранении и отражении по говорам отдельных славянских языков праславянских образований (корней, основ, лексем).

Некоторые лексемы из Деулинского словаря уже рассматривались мною в связи с этимологизацией славянской лексики и изучением славянского словообразования. При этом обнаружились случаи сохранения в говоре Деулина архаической семантики (*по умекам* 'ощупью' [3]), а также словообразовательных и семантических схождений с лексикой западнославянских языков (*скамéзливый*, *скабéжливый*, *скабéзливый* 'привередливый' [4], *линúть*, *полинúть* 'везти, повезти' [5]). В данных заметках анализируется серия из шести лексем, объединяемых тем, что (1) они не зафиксированы, судя по опубликованным диалектным словарям, в других русских говорах, (2) они представляют определенный интерес в плане реконструкции праславянской лексики (в ее морфонологическом, словообразовательном, семантическом аспектах и распределении по диалектам), (3) почти все они являются этимологически «темными» (т. е. не объясняются непосредственно актуальными словообразовательными моделями).

Тисляться в деулинском говоре имеет значение 'недомогать, чувствовать себя нездоровым': *В'ес' кр'ич'úт'*, *кр'ич'úт'* [маленький мальчик], *γалóфка фс'а мóкр'ин'к'ийа. Уш йа йавó пъ из'б'é нас'úла и нá мъст выхáд'ила, а он т'исл'áицца и т'исл'áицца* [6]. Происхождение его хорошо объясняется на фоне распространенной семантической модели — описания болезненного со-

---

[1] Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969 (далее — СД).

[2] Ср. опыт выделения полесско-карпатско-южнославянских параллелей на материале лексики с. Симоновичи: *Н. И. Толстой.* Об изучении полесской лексики. — В кн.: «Лексика Полесья». М., 1968, стр. 12—17.

[3] См.: «Заметки по славянской этимологии». — «Этимология. 1970». М., 1972, стр. 76.

[4] «К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. III.» — «Этимология. 1973». М., 1975, стр. 28.

[5] См.: «Некоторые случаи морфологического переразложения в славянских глаголах и отглагольных именах и этимологический анализ». — «Slawische Wortstudien». Domovina-Verlag, Bautzen, 1975, стр. 152.

[6] СД, стр. 557.

стояния глаголами с исходным значением ‘давить, жать, теснить’ (*давит*, *жмет*, *стеснение* в груди и т. д.). В курских говорах отмечено семантически близкое наречие *ти́ско* ‘грустно, есть кручина на сердце’ [7], восходящее к гнезду слав. *tiskati, *tisknǫti. Принадлежащее к тому же гнезду польск. диал. ściski значит ‘болезнь’. Как производное того же гнезда может быть истолковано и *тисля́ться*: оно образовано от прилагательного-причастия *tisklъjь, которое восходит к глаголу *tisknǫti.

Именные образования с суффиксом -l- входили в качестве причастий в парадигму славянского глагола. Некоторые из них обособились от глаголов и полностью адъективировались (тип *беглый*). Такое отглагольное прилагательное на -l- с корнем *tisk- представлено в польском языке: ścisły ‘тугой, тесный’. Такое же прилагательное послужило производящей основой для глагола *тисля́ться*. Другие русские диалекты и славянские языки не имеют, кажется, рефлексов прилагательного *tisklъjь, но некоторые славянские языки сохранили продолжения причастия *tisklъ в парадигме соответствующего глагола. При этом группа согласных skl в этом причастии отражается по языкам по-разному: например, в чеш. tiskl она сохранена, а в польск. cisł произошло упрощение skl > sl. Существенно поэтому отметить, что в продолжениях прилагательного *tisklъjь и в польском, и в русском языке представлены результаты упрощения skl > sl (ścisły, *тисля́ться*). Можно предположить, что упрощению группы согласных способствовало ослабление словообразовательных связей с глаголом, которое более возможно для прилагательного, чем для причастия. Образования типа *тисля́ться*, таким образом, представляют несомненный интерес для решения вопроса о судьбе группы skl в праславянском и славянских языках.

Плено́ — употребляется в Деулине для обозначения стороны прямоугольного стога: *Вот у́гал, вот у́гал (стога), а вот ётъ пръм'ажду́ йих пл'ано́ нъзыва́ицца* [8]. Представляется, что возникновение этого слова связано с практикой укрепления стогов путем огораживания шестами, а иногда и плетеными изгородями, прясламі [9]. В таком случае первоначальным значением *плено́* должно было быть ‘плетень (служащий боковой стороной стога)’, откуда затем ‘сторона прямоугольного стога’, а этимологическим источником *плено́* является славянское гнездо *plet-.

Ближайшим к *плено́* соответствием и по форме, и по значению является словен. plénа ‘деревянная кровля’ [10], ‘часть кровли’ [11],

---

[7] *В. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1955, стр. 406 (далее — Даль).

[8] СД, стр. 404.

[9] Ср. *стожары* ряз., кал. ‘остожье, прясла, плетень, огорожа вокруг стога’ (Даль IV, стр. 326).

[10] *Бодуэн де Куртенэ*. Резьяне. Словарный материал. — Архив АН СССР, ф. 102, оп. 1, № 9, к. 494.

[11] *K. Strekelj*. Iz besednega zaklada narodovega. «Letopis Slovenske Matice». Ljubljana, 1892, стр. 28.

'ряд досок на крыше' [12], которое еще Миклошич отнес (хотя, кажется, с сомнением) к гнезду *plet-[13]. Правомерность такого этимологического истолкования словен. plénа подтверждается данными полесских говоров, в строительной терминологии которых сохранились семантически близкие к plénа образования, восходящие к *plet-, например: *пэрэпл'бцина* 'жердь, прутья, служащие для крепления пучков соломы на крыше' [14], *поплéцина* 'жердь для закрепления пучков соломы на крыше' [15].

Значительно шире распространены в русских говорах и других славянских языках имена, структурно близкие к деул. *пленб*, словен. plénа и однокоренные с ними, но более отдаленные семантически, ср.: подмоск. *плéнье* 'плетень' [16], *пленúца* укр. 'маленький плот' [17], русск. 'косички', зап. 'цепочка' [18], *пленка* 'силок, петля из свитого вдвое конского волоса для ловли пташек' [19], русск.- ц.-слав. и ст.-слав. пленица 'корзина, коса, головное украшение, пряжка, сети, козни' [20].

Возводя русск. *пленица*, *пленка* к *плету*, Фасмер объяснил образование *пленица* из **плетьница* [21], т. е. счел основу *плен-* собственно русской, появившейся уже после падения редуцированных. Однако распространенность основы plen- в лексике славянских языков и наличие таких близких и по форме, и по значению соответствий между территориально удаленными друг от друга языками, как русск. *пленб* 'сторона прямоугольного стога' — словен. plénа 'часть кровли', побуждают отнести возникновение этой основы еще к праславянскому периоду. В таком случае праслав. *plen- < *pletn- [22], а русск. *пленб* и словен. plénа предполагают парадигматические варианты *pletno / *pletna (если последнее не восходит к форме мн. ч. ср. р.).

Сбры́сить — имеет значение 'похудеть, стать нездоровым на вид': *Х'илбй какбй-тъ пáр'ин'*, *н'амнбжыч'ка блык нъл'илс'и́*,

---

[12] *J. Sašel, F. Ramovš.* Narodno blago iz Roža. «Archiv za zgodovino in narodopisje», knj. II. Maribor, 1936—1937, стр. 111.

[13] *F. Miklosich.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886, стр. 250: plet-: . . . nsl. plesti, oplêtati, plot. Vergl. plêna art dach (далее — Miklosich).

[14] *Н. Д. Корень, М. С. Шушкевич.* Полесская строительная терминология. (Хата и хозяйственные постройки). — В кн.: «Лексика Полесья», стр. 146.

[15] Там же, стр. 149.

[16] *А. Ф. Иванова.* Словарь говоров Подмосковья. М., 1969, стр. 354.

[17] *П. С. Лисенко.* Словник діалектної лексики середнього і східного Полісся. Київ, 1961, стр. 52; *Л. И. Масленникова.* Из полесской терминологии транспорта. — В кн.: «Лексика Полесья», стр. 180.

[18] *Даль* III, стр. 123.

[19] Там же.

[20] *И. И. Срезневский.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. II. СПб., 1895, стб. 960—961; *F. Miklosich.* Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1865, стр. 571.

[21] *М. Фасмер.* Этимологический словарь русского языка, т. III. М., 1971, стр. 278.

[22] Кажется, именно такой процесс предполагал Миклошич для ст.-слав. *пленица* и родственных образований (Miklosich, стр. 249: plenica).

а то ап'ém' збры́с'ит' [23]. И формальные, и семантические характеристики позволяют объяснить это слово как образование, принадлежащее к гнезду слав. *brъsati 'обрывать, обдирать' (→'бросать'). В семантическом плане существенно наличие среди рефлексов этого гнезда таких лексем, как, например, русск. диал. *брос* 'болезнь (какая?)', *бросаться* 'переходить на что-либо, охватывать что-либо (о болезни)' [24]. Что же касается корневого вокализма глагола *сбры́сить*, то он тождествен огласовке корня в итеративном глаголе, производном от *brъsati, — слав. *brysati (ст.-слав. събрысати 'стирать', болг. *бри́ша* 'обрывать', с.-хорв. òbrisati 'стирать', словен. brísati то же[25]). При этом с.-хорв. *бри́сати се* помимо 'вытираться' имеет значение 'гибнуть' [26].

Возможно, что развитие значений 'болезнь' (русск. диал. *брос*) и 'гибнуть' (с.-хорв. *бри́сати се*) в гнезде *brъsati шло разными путями: значение 'болезнь' может восходить к описанию болезненного состояния типа *бросает* (то в жар, то в холод), тогда как появление значения 'гибнуть' шло, может быть, по модели 'упасть' →'погибнуть' или 'истереться' →'исчезнуть'. Во всяком случае, существенно, что в славянском этимологическом гнезде *brъs- / *brys- представлены образования, обозначающие болезнь, болезненное состояние и гибель, исчезновение. Ближе всего к *сбры́сить* 'похудеть, стать нездоровым на вид' по форме и по значению с.-хорв. *бри́сати се* 'гибнуть'. Поскольку семантика глагола *бросать* имеет связь с семантикой *падать* ('бросать' может быть понято как каузатив к 'падать'), полезно вспомнить о русск. просторечн. *спасть с лица* 'похудеть' (ср. и противоположное *налиться* 'поправиться' в приведенном выше тексте). Ср. особенно влад. *обри́нуться* 'сильно похудеть'.

Необходимо остановиться далее на структуре глагольной основы в *сбры́сить*. -i-основа в инфинитиве вряд ли является исконной, поскольку долгий вокализм *ū в славянских инфинитивах на -iti встречается крайне редко и обычно вторичен. Скорее основа инфинитива здесь преобразована. Базой для перестройки ее могла послужить основа настоящего времени на -i- (см. выше *збры́с'ит'*). Однако в других славянских языках подобной -i-основы настоящего времени в данном гнезде не зафиксировано. Инфинитиву *brysati, который тождествен *сбры́сить* по вокализму корня, исконно соответствовала основа настоящего времени на -je- (ср. болг. *бриша*, *-еш*, с.-хорв. *бри́шем*) [27]. Возможно,

---

[23] СД, стр. 502.

[24] «Словарь русских народных говоров», вып. 3. Гл. ред. Ф. П. Филин. М., 1968, стр. 195 196.

[25] *E. Berneker.* Slavisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Heidelberg, 1908, стр. 90.

[26] «Речник српскохрватског књижевног и народног језика», II. Београд, 1962, стр. 176.

[27] *A. Vaillant.* Grammaire comparée des langues slaves. T. III. Le verbe. Paris, 1966, стр. 488.

следовательно, что и основа настоящего времени на -i- для *сбры́сить* возникла в результате преобразования более старой -je- основы. Это сложное теоретическое построение имеет аналогию в истории другого глагола того же гнезда — *brъsati — в русском языке. Праславянскому инфинитиву *brъsati исконно соответствовала основа настоящего времени на -je- (ср. болг. *бръша*), что согласуется с распространенной в праславянском языке моделью — -je-основа настоящего времени при основе на -a- в инфинитиве (ср. *pьsati—*pišǫ). Однако в русском языке при инфинитиве *бросать* развилось настоящее время на -aje-, а преобразование -je-основы наст. вр. дало -i-основу наст. вр. и соответствующий инфинитив на -iti: *бросишь*, *броситъ* [28].

Возможно, следовательно, что как русск. *броситъ* восходит к праслав. *brъsati, так деулинское *сбры́ситъ* 'похудеть, стать нездоровым на вид' является рефлексом праслав. *brysati, *bryšǫ (причем, кажется, единственным рефлексом в русском языке).

Уро́вище — обозначает в Деулине воспаление грудных желез у животных: *Урбв'иш'ш'а — заурубáн'ийъ у карбв'и вы́м'ан'и* [29]. Термин литературного языка *нарыв*, укр. *нарва* 'нарыв', а также описание воспалительного процесса глаголами *нарвать*, *нарывать* и *дергать* (в безличной форме *дергает*) вполне однозначно указывают на связь слова *уровище* с глаголом *рвать*. В других русских говорах и родственных славянских языках есть очень близкие к *уровище* однокоренные образования (хотя и отличные по значению): вят. *урва* 'крутой берег' [30], польск. urwa 'обрыв; драка; мошенник' [31]. В польском есть и производное от urwa — urwisko 'обрыв' [32]. От этих образований деулинское *урбвище* отличается корневым вокализмом *о*. Корневое подударное *о* в современном произношении может восходить и к праслав. **о*, и к **ъ*. Возможно, что в *урбвище о* < ъ, т. е. исконная форма корня та же, что в вят. *урва* и польск. urwisko. Но не исключено и праслав. **о*. Тогда *урбвище* представляет особый интерес.

Корневой вокализм в ступени **о* представлен в некоторых суффиксальных именах гнезда *rъvati: праслав. *runo, с.-хорв. *rȗtav* 'косматый'. Бессуффиксальных имен с корневым вокализмом **о*, производных от *rъvati, не было отмечено. Праслав. *rovъ этимологически связано прежде всего с *ryti [33] (родственным с *rъvati). Если в *урбвище о* восходит к праслав. **о*, то это

---

[28] Аналогичное вторичное развитие -i-основы в настоящем времени и в инфинитиве произошло в деулинском *осмы́жить* 'очистить от кожуры, коры и т. п.' (СД, стр. 373) — при *смы́гать* в других диалектах.

[29] СД, стр. 577—578.

[30] *Даль* IV, стр. 510.

[31] *J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki.* Słownik języka polskiego, t. VII. Warszawa, 1953, стр. 353.

[32] Там же, стр. 353—354.

[33] Вместе с *rovъ к гнезду *ryti должно быть отнесено и болг. *ровък* 'рыхлый', которое Миклошич поместил в гнездо *rъvati (*Miklosich*, стр. 283: rŭ- 2).

слово является производным от весьма архаичного, возможно — диалектного праславянского имени *urovъ или *ǫrovъ. Морфонологическое тождество этого *urovъ (*ǫrovъ) и *rovъ подтверждает генетическое единство глаголов *rъvati и *ryti.

Полода — записано в Деулине как обозначение матки: *У м'ан'á карóва, н'аш'ш'áснай слýч'ай: пълада́ вы́шла. . . Йéта м'éста, срáзу выхóд'ит', а йéта пълада́* [34]. Совершенно очевидно, что *полода́* связано с *плод*. Существенно, однако, различие в семантике и форме этих слов. Значения слова *плод* в деулинском говоре ('урожай', 'приплод') соответствуют праславянской семантике этого образования и значениям его продолжений в других славянских языках. Значение 'матка' не зафиксировано ни в одном славянском языке. Является ли это значение новым или архаичным? Слав. *plodъ восходит (как и греч. πλῆθω 'быть полным', πλῆθος 'множество, народ', лат. plēbs 'народ') к и.-е. корню *pel- с расширением *-dh- [35]. Для и.-е. *pel- реконструируются значения 'производить, рождать' и 'наполнять' [36], для расширения -dh- — значение состояния и особенно достигнутого состояния [37]. Значение основы *ple-dh- 'те, кто произведен, рожден' рассматривается как производное от значения достигнутого состояния при исходном значении корня 'рождать' [38]. Если обратиться к другому аспекту семантики *pel- — 'наполнять', отраженному в греч. πλῆθω 'быть полным', лит. pìldyti, лтш. pìldît 'наполнять', и учесть возможность перехода от значения достигнутого состояния к значению места (ср. слав. *staja), то значение 'матка' можно вывести непосредственно из значения исходного глагола 'наполнять' (хотя возможно и 'рождать'). Следовательно, в *полода* сохранилось архаичное значение.

Обращаясь к формальной стороне слова *полода*, следует прежде всего отметить его -а-основу. Вместе со значением эта структурная характеристика обособляет *полода* от *плод* как самостоятельное, хотя и родственное образование, что существенно также для квалификации другой структурной особенности слова *полода*. Она заключается в огласовке корня. Какого происхождения гласный первого слога? Возможно, это вставной элемент фонетического происхождения, облегчающий произношение группы *пл* (разбивая ее) в начале предударного слога. Ср. аналогичное *пълашмá* (наряду с *плашмá* 'плашмя') [39]. В таком случае огласовка корня в *полода* исконно тождественна *плод* (то есть *полода́* восхо-

---

[34] СД, стр. 433.

[35] *J. Pokorny.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I. Bern, 1951—1955, стр. 799 (далее — Pokorny).

[36] *О. Н. Трубачев.* К этимологии некоторых древнейших славянских терминов родства. — ВЯ, 1957, № 2, стр. 94; *Pokorny*, стр. 798.

[37] *Э. Бенвенист.* Индоевропейское именное словообразование. М., 1955, стр. 220 (далее — Бенвенист).

[38] *О. Н. Трубачев.* Указ. соч., стр. 94.

[39] СД, стр. 403.

дит к **плода́*). Но вставные звуки в группах согласных в рассматриваемом словаре крайне редки. Более того, в словаре отражена противоположная тенденция к выпадению гласного во втором предударном слоге (так что образуются группы согласных): *прас'а́т* (род. п. мн. ч.) [40]. Поэтому следует указать на заманчивую альтернативу: если гласный первого слога не вставной, а исконный, то слово *полода* исконно отлично от *плод*, так как *полода* предполагает праслав. *polda или *pelda, архаическое имя, восходящее к тому же и.-е. корню *pel- 'наполнять', 'рождать', что и праслав. *plodъ, но с иным распределением огласовки корня и форманта. Праслав. *polda (или *pelda) соотносится с праслав. *plodъ как индоевропейская основа I с основой II (по терминологии Бенвениста). Та же, что в *полода*, структура основы представлена в лит. peldėti и лтш. pe̦ldêt 'плавать' (при лит. pìldyti, лтш. pi̦ldît 'наполнять' < и.-е. *pl̥d-). Для балтийских форм реконструируется индоевропейский формант d (как в греч. πλάδος 'влага') [41]. Славянское d (как, впрочем, и балтийское) двусмысленно. Поэтому в праслав. *polda (*pelda) возможно и d < и.-е. *dh, как в *plodъ, и d < и.-е. *d, как в балтийских и греческих формах. В последнем случае праслав. *polda (*pelda) является именем, непосредственно связанным с и.-е. глагольной основой, отраженной в лит. peldėti 'плавать' и pìldyti 'наполнять'.

Паска́ль ж. В деулинском говоре — болезнь, массовое эпидемическое заболевание: *Хварбо́ъ . . . вот жывбт бал'е́л — паска́л', и кр'ап'и́вънъйъ л'ихара́ткъ — паска́л'. Вот зъбал'е́иш ч'ем. . . е́тъ, гъвар'а́т', паска́л' така́йа-тъ хбд'ит'* [42]. Только в камчатских русских говорах отмечено близкое по звуковой форме слово — *паска́льник*, однако со значением 'тонкая жердочка' [43], на первый взгляд безнадежно далеким от рассматриваемого *паска́ль* 'болезнь, эпидемия'. Тем не менее *паскальник* заслуживает внимания. Даль отнес (и, кажется, справедливо) *паскальник* к гнезду *скала*, *колоть*, т. е. праслав. *kolti. Между тем, русск. *колоть* очень распространено в описаниях болезненного состояния: в боку *колет*, сердце *колет* [44], откуда *колотье*, *колики* [45], вост. *кблич* 'болезнь, чувство, будто колет иглами, особенно при воспалениях черев и легких', псков. *кблюха* 'кашель с колотьем в груди, воспаление легких' [46]. Вообще в славянских этимологических гнездах, образуемых глаголами со значением 'колоть, раскалывать, раздирать, расщеплять' и про-

---

[40] СД, стр. 341 (статья *нёткиголо́вки*).
[41] *Pokorny* I, стр. 800—801; *E. Fraenkel.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1962—1965, стр. 565, 592.
[42] СД, стр. 391.
[43] *Даль* III, стр. 22.
[44] *В. А. Меркулова.* Народные названия болезней. I. (На материале русского языка). «Этимология. 1967». М., 1969, стр. 158.
[45] Там же, стр. 160.
[46] *Даль* II, стр. 142.

изводными именами, часто развиваются значения ‘мучить’, ‘болеть’, ‘забота’, ‘боль, болезнь’, так что родственными могут оказаться слова со значениями ‘щепка, осколок дерева’ и ‘боль, болезнь’. Например, в гнездо слав. *trěščati входят русск. *трескá* ‘щепка, заноза’, др.-русск. *троска* ‘кол, жердь’, польск. troska ‘забота’ и русск. черепов. *трбщить* ‘ныть, дергать’; лит. drěkstì ‘драть’ родственно польск. drzazga ‘щепка, заноза’ и помор. dřežžəc ‘болеть (о ревматических болях)’. Следовательно, и *паскальник* ‘тонкая жердочка’, и *паскаль* ‘болезнь, эпидемия’ могут принадлежать к гнезду слав. *kolti, причем в данном случае, помимо родства, эти лексемы объединяет и материальное тождество префикса и корня (*паскал-*).

Слово *паскальник* образовано (непосредственно или через промежуточную ступень прилагательного с суф. *-ьн-*) от бессуффиксального имени с основой *паскал-*, той же, что в *паскаль*. Основа *паскал-*, в свою очередь, образована присоединением префикса *па-* (вероятно, со значением отрицательной оценки) к корню *скал-*. Поскольку славянским языкам известно имя *skala, вероятно образование именно от *skala префиксального *paskala или *paskalь. Продолжения *skala в славянских языках имеют значения типа ‘глыба камня’, ‘камень’, ‘щепка’, ‘осколок или обрубок камня, дерева’. Эта семантика сохранена и в *паскальник* ‘тонкая жердочка’. На каком этапе появилось значение ‘болезнь’? Дело в том, что в кельтских, германских и албанском языках продолжения и.-е. *(s)kel- (давшего слав. *kolti и т. д.) также обнаруживают значения семантического круга ‘вред, зло, болезнь, труп’, например: алб. helm ‘отрава’, кимр. celain ‘труп’, ср.-в.-нем., ср.-н.-нем. schelm(e) ‘злодей’, др.-в.-нем. scalmo ‘чума, эпидемия, труп’ [47]. Особенно интересно последнее — др.-в.-нем. scalmo (в средневерхненемецком schalme значит также ‘физическое недомогание, лихорадка’ [48]). Судя по этому образованию, значение ‘болезнь, эпидемическое заболевание’ представлено в производных гнезда и.-е. *(s)kel- не только в славянских, но и в германских языках. Возможно, следовательно, что, хотя речь идет о структурно различных именах, их семантика отражает древние сдвиги значений. Поэтому представляется возможным толковать деулинское *паскаль* ‘болезнь, эпидемическое заболевание’ как рефлекс праславянского имени с основой *paskal- и комплексом значений ‘осколок (дерева)’, ‘болезнь’ (может быть, распределенных по диалектам) — ср. праслав. *troska, рефлексами которого являются др.-русск. *троска* ‘кол, жердь’, чеш., слвц. troska ‘обломок’ и польск. troska ‘забота’.

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

[47] *Pokorny* I, стр. 924, 925.
[48] *O. Schade*. Altdeutsches Wörterbuch. Halle a. S., 1872—1882, стр. 776.

СОДЕРЖАНИЕ

ИРЯ
институт русского языка
имени В.В. Виноградова

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

Н. Н. Пшеничнова. Применение метода таксономического анализа к классификации говоров 3
С. В. Бромлей. Морфологические следствия взаимодействия говоров на фонетическом уровне 15

ФОНЕТИКА

С. С. Высотский. Звук речи в контексте 24
М. Н. Преображенская. О принципах параллелизма в структуре вокализма некоторых окающих говоров 38
К. Ф. Захарова. К вопросу о генетической основе типов ассимилятивно-диссимилятивного яканья 49
Е. Г. Бурова, Л. Л. Касаткин. Чухломское аканье 64
Т. Ю. Строганова. О вокализме 2-го предударного слога после твердых согласных в акающих говорах 86
А. М. Кузнецова. Типология палатального ряда в русских говорах 96
В. Н. Теплова. Диспалатализация ‹л'› в положении перед согласными [н] и [ш] в русских говорах 103
Р. Ф. Паюфошима. О реализации сочетаний смычных согласных в севернорусском говоре 116
А. К. Васильева. О закономерностях возникновения в русских говорах юго-западной зоны спирантной пары [в]—[ф] 120
О. Е. Кармакова. О звуке [х] в русских говорах 137

ГРАММАТИКА

А. И. Сологуб. О диалектных формах некоторых существительных женского рода, имеющих нулевую флексию в русском литературном языке 142
Л. Н. Булатова. Твердость и мягкость задненёбных согласных как индикатор фонемного состава безударных окончаний прилагательных в формах множественного числа 156
И. Б. Кувьмина, Е. В. Немченко. К характеристике класса односоставных предложений в современных русских говорах 167

www.ruslang.ru

ЛЕКСИКА

Т. С. Коготкова. Семантические заметки (К проблеме освоения литературной лексики в современных говорах) 194
О. Н. Мораховская. Существительные, однокорневые со словом *изба*, в русском языке 208
Ю. С. Аварх. Подзывные слова для коров и лошадей в русских говорах 226
Е. А. Некрасова. Содбм — содбма — содомá в говоре д. Деулино Рязанской области 247
Н. А. Липовская. Диалектные названия петуха 250
Ж. Ж. Варбот. Заметки по этимологии русской диалектной лексики (на материале словаря д. Деулино) 255